ОСТРОСЮЖЕТНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОЗА

СОВРЕМЕННАЯ МОНАСТЫРСКАЯ ИСТОРИЯ

Александр Горшков

САМАРЯНКА

Александр Касьянович Горшков

САМАРЯНКА
Современная монастырская история
роман в трёх частях

Содержание

Часть первая
1. ВОКЗАЛ ДЛЯ ОДНОЙ

Стакан опять нашел стоявшую на столе полупустую стеклянную бутылку из–под минералки и тонко, противно задребезжал.

– Как же ты мне надоел, – сквозь сон простонала Ольга и уже в который раз механически протянула руку, чтобы отодвинуть стакан и прекратить это мучение. Но рука нащупала не стакан, а часы, лежавшие рядом. Ольга почувствовала, что поезд замедлял ход.

«Наверное, станция какая-то», – мелькнуло в голове.

Чтобы увидеть в непроглядной темноте который час, она поднесла часы прямо к глазам, но в это мгновение луч станционного фонаря заглянул через мутное вагонное стекло и, описав дугу по нижним полкам, на какое-то мгновение коснулся тусклого циферблата.

Ольга встрепенулась: стрелки показывали половину четвертого. Сон мгновенно улетучился, и она вскочила с полки. Куда-то исчезли соседи – немолодая мама с девочкой, обещавшая ее разбудить заранее, потому что их станция была следующей. Выглянула в окно, пытаясь рассмотреть название станции на здании вокзала. Так и есть: «Озерная».

Ольга набросила на плечи спортивную куртку, стянула с верхней полки рюкзак и быстрым шагом, почти бегом устремилась по вагону к выходу, цепляясь за торчавшие с нижних полок ноги спящих пассажиров: поезд стоял здесь всего две минуты. Вчерашние попутчики – та самая мамаша с девочкой – спали, свернувшись калачиком, возле купе проводников. Рядом, на соседних полках, примостились еще пассажиры.

«Конечно, – мельком подумалось Ольге, – с нормальными людьми куда безопаснее, чем со вчерашней зечкой. Ладно, не поминайте лихом».

Перрон обдал ее сыростью и запахом гари: несмотря на то, что весна наступала все уверенней, проводники не ленились топить. Что–то накрапывало с неба – это было видно по лужицам, блестевшим по всему перрону под скудными фонарями станции. Несколько пассажиров, сошедших с поезда, быстро устремились к машинам, ожидавшим их на привокзальной площади. Пока Ольга шла по перрону, поезд, дернувшись всем своим вагонным телом, под грохот закрывающихся дверей и вагонных площадок, постукивая колесами на рельсовых стыках, стал набирать ход. Ольга смотрела на проплывающие мимо вагоны, и ей так пронзительно захотелось снова забраться на верхнюю полку и, свернувшись калачиком, ехать и ехать в бесконечную даль, с ощущением свободы и внутренней легкости. Мигнув красными фонарями последнего вагона, поезд исчез за поворотом.

– Вот я и приехала на свою конечную станцию, – вслух подумала Ольга и, накинув на голову капюшон куртки, стараясь не ступать в лужи, направилась к небольшому вокзальчику, что светился окнами в

конце перрона. Подойдя к двери, потянула на себя до неприличия засаленную деревянную ручку. В небольшом зале стояли десятка два пластмассовых кресел. Справа приютился пустой прилавок газетного киоска, а слева, в дальнем углу, моргал красным светом пустой игральный автомат.

«Не шикарно, но ладно», – подумала Ольга и, закрыв за собой дверь, вошла в вокзальное помещение.

До рассвета оставалось часа три. Она решила скоротать оставшееся время в этом неуютном зале ожиданий. Чтобы меньше ощущать холод, которым веяло от ледяных кресел, она аккуратно расправила свой дорожный рюкзак и села прямо на него. Потом, вытянув ноги, закрыла глаза, чтобы хоть немного наверстать ночной сон, потерянный в вагоне из-за того дребезжащего стакана.

Сон какое–то время не приходил: по спине еще пробегал колючий озноб, но потом Ольга почувствовала, как тепло постепенно начало приливать к ногам, и она словно поплыла в тумане тревожного сна. Ей послышались знакомые выкрики «дубачек»[1]: «Стоять! Лицом к стене! Руки за спину!», лязг и скрип дверей «шизо»[2], стрекотание швейных машинок. Перед глазами зарябили строчки стеганых фуфаек, которые шились на зоне для таких же зеков. Потом все смешалось в какой-то шум, смех. Откуда–то всплыло тщедушное лицо пастора, проповедавшего им за колючей проволокой, тихие слова Татьяны: «Храни тебя, Боже...». Потом снова вокзальная суматоха, убаюкивающий, мерный стук вагонных колес и такое же мерное, в ритм перестука колес, покачивание...

Наконец, сквозь сон Ольга почувствовала, что кто-то ее действительно раскачивает, настойчиво теребя за плечо. Она открыла глаза и увидела перед собой милицейский патруль – двух сержантов с потрескивающими портативными рациями в руках.

– Документики ваши разрешите для проверки, – учтиво обратился один из патрульных.

Ольга повела сонным взглядом по сторонам: кроме нее в зале ожидания никого не было. Она поднялась с уже нагретого вокзального кресла и, расстегнув молнию куртки, вытащила из внутреннего кармана сложенные вчетверо в целлофановом пакете документы.

– О, какие гости пожаловали к нам! – язвительно ухмыльнулся милиционер, развернув оттуда первую бумагу – справку об

освобождении.

– И что же так, без предупреждения? Мы бы встречу организовали: цветы, оркестр, прессу и так далее. Чего уж скромничать? – не без явного удовольствия язвил патрульный. – Нехорошо, госпожа Гаевская. Вот так бы приехали и уехали, а мы ни сном и ни духом. Нет, уважьте нас, серых провинциалов, позвольте с вами ближе познакомиться. Наше вокзальное капезе[3] хоть и не пятизвездочный «Хилтон», но в обиде на нас не будете.

В небольшой дежурке, куда Ольга зашла в сопровождении милиционеров, царил полумрак. Маленькая настольная лампа рассеивала из-под абажура ядовито-желтоватый свет, которого явно не хватало, чтобы осветить даже эту комнатенку. За столом в шапке и в накинутом на плечи стареньком милицейском пальто клевал носом милиционер с измученным от бессонной ночи лицом. Перед ним стояла пепельница с горой смердящих окурков и лежал раскрытый журнал регистрации вокзальных происшествий.

– Кого еще привели? – устало поднял он голову на звук стукнувшей двери, хлопая воспаленными глазами. Вглядываясь в полумрак, он с явной неохотой отгонял от себя остатки дремоты.

– Никак залетная «ночная бабочка»[4]?

Приглядевшись, добавил:

– Что–то я тебя, красавица, среди наших никогда прежде не видел. Не пойму, какого лешего ехать сюда, где одна ободранная гостиница, и та полна тараканов да клопов?

Помолчал, перевернул страницу в журнале, как бы готовясь делать новую запись.

– Или ты мастерица по трактористам? – снова обратился к Ольге. – Так у них при такой житухе тоже ничего не осталось – ни в штанах, ни в хатах. Годны только самогонку жрать да воровать. Больше ни на что.

Снова помолчал, затем кивнул головой в сторону стоявшего в темном углу табурета:

– Садись, девочка, гостьей будешь.

Ольга молча подвинула к себе стул и так же молча села, повернув лицо в сторону темного проема окна. На станцию прибывал новый поезд, о чем диспетчер гнусавым голосом оповещал пустынный вокзал.

– Ага, вот оно что, – прочитав справку об освобождении, прогнусавил милиционер. – Значит, как говорят, на свободу с чистой совестью? Позвольте полюбопытствовать, каким же ветром занесло к нам? Родня здесь имеется или, так сказать, подруги, точнее, подельницы?

Ольгу стал раздражать насмешливый тон милиционера, но она все же сдержанно ответила:

– Нет никакой у меня здесь родни.

– Ну вот, родни, говоришь тут нет,– дежурный опять сладко зевнул, – а родом издалека. С такой внешностью, как у тебя, в больших городах да столицах блистать, в кино, на телевидении сниматься, в разных там конкурсах участвовать, а ты, деваха, в нашу Тмутаракань притащилась.

Он еще раз внимательно почитал справку, выданную администрацией колонии, и, окончательно проснувшись, строго посмотрел на Ольгу:

– А теперь шутки в сторону. Быстро: зачем сюда приехала? И не врать! Не то утро встретишь в нашем «обезьяннике»[5].

При этих словах дежурный мотнул головой в сторону решетчатой двери с висячим замком.

– Читай дальше, раз такой грамотный, – не отводя от окна взгляда, с нарастающим раздражением ответила Ольга.

– Что читать? – переспросил дежурный, вытряхивая из пакета на стол еще одну бумажку. – Что читать-то, родимая, когда на твоей симпатичной мордашке и так все написано, что ты за птица и куда летишь. Только имей ввиду: крылышки мы тебе тут быстро подрежем. И хвоста накрутим заодно...

Он, однако, развернул бумагу с печатью и стал внимательно читать.

– Чего-чего?! – от удивления дежурный сначала аж задержал дыхание, а потом громко расхохотался. Обращаясь к удивленным патрульным, сквозь смех сказал:

– Нет, вы только послушайте, что тут написано: «Гражданка Гаевская Ольга Васильевна, статья такая-то, срок, учреждение исполнения наказаний такое-то, следует в Заозерский Покровский монастырь для решения вопроса о ее дальнейшем устройстве послушницей по разрешению настоятельницы монастыря».

Теперь вся дежурка разразилась жеребячьим смехом.

– Да, братцы, я уж всякое тут видывал, но такое – впервые, – немного успокоившись, сказал дежурный. – Это что, новая форма перевоспитания: из тюрьмы да в монастырь? И ты туда в самом деле добровольно? Да ты, девочка, наверное, сдурела совсем или крыша у тебя на зоне поехала! Истосковалась, поди, за хорошим мужиком? Тебе тогда не в монастырь к старухам, а к добрым казакам на волю надо!

И снова все дружно загоготали.

– Не твоя печаль, куда еду: к старухам или старикам, – огрызнулась Ольга. – Если сказать больше нечего, то давай назад мои бумаги и досыпай дальше. Приятных снов!

Смех поутих, и дежурный уже мирно спросил ее:

– Ты хоть знаешь, как туда ехать? Это ведь что даль, что глушь: ни дорог, ни света, ни телефона – ничегошеньки! Едешь ты, голубка, на добровольную каторгу – вот что я тебе скажу. А зачем? Ей-богу, не пойму.

Дежурный умолк, снова уткнувшись в бумаги, а потом уже вполне миролюбиво добавил:

– Ладно, посиди в зале, с рассветом тебе мы чем-нибудь поможем. А хочешь – посиди с нами, пообщайся. Монашки нас не каждый день навещают. Может быть, послушав тебя, мы тоже рванем в монахи, а?

И многозначительно подмигнул двум сержантам. Те снова поддержали шутку начальника веселым ржаньем. Ольга молча забрала документы со стола и так же аккуратно сложила их обратно в пакет.

Дежурный посмотрел в окно, сладко потянулся, хрустнув суставами:

– Светает помаленьку…

Ольга вышла из дежурки. За окном действительно забрезжил рассвет. Она прошла через весь зал ожидания и по указателю направилась к туалету. На перроне между тем стали появляться первые завсегдатаи вокзальной жизни – торговцы пивом, водой, пирожками, рыбой, дешевыми детективами и прочей всячиной, без которой большинство пассажиров не представляют своих поездок по железной дороге.

В туалете Ольга подошла к грязному забрызганному зеркалу, повесила на крючок сумку, достала мыльницу, старенькое полотенце.

Кран открывать не было нужды: вода текла из него непрерывно тонкой струйкой. Подставила ладони, набрала воды и ополоснула лицо.

«Вот так, подруга, – мысленно сказала она, вглядываясь в зеркало, – слыхала, куда едешь? В глушь. На каторгу. Из одной тюряги в другую. И девчонки тебя о том же самом предупреждали. Теперь «мусорня»[6] беспокоится, как бы не пропала даром твоя краса лебединая».

Набрала холодной воды и снова ополоснула лицо, смывая последние следы бессонной ночи. Синие, почти васильковые глаза стали сразу прозрачнее, светлее. Затем освободила волосы, стянутые сзади в один тугой узел, и они рассыпались по плечам – черные, почти смоляные. Распущенные волосы еще больше подчеркнули почти картинные черты ее лица: правильный овал, высокие скулы, гладкий выпуклый лоб и взметнувшиеся на нем, словно слегка удивленные, черные брови. Тонкий прямой нос, красивые чувственные губы, небольшой упрямый подбородок придавали лицу то обаяние и притягательную силу женской красоты, от которой так сразу взгляд не оторвешь.

Ольга обратила внимание на едва заметные, но уже наметившиеся морщинки внизу от уголков губ.

– Старуха, – недовольно отметила про себя и, расчесав волосы, снова стянула их в плотный узел.

На выходе ее остановили две невесть откуда появившиеся молоденькие, ярко накрашенные девчонки:

– Эй, закурить не найдется?

– Бросила, – ответила им на ходу Ольга.

– Чего так? – насмешливо услышала вдогонку. – Здоровье слабое или мама не велит?

Ольга на секунду остановилась и посмотрела на них: подмывало ответить чем-то достойным на их намеки, но не стала. Зашла в зал ожиданий – и остановилась: прямо на нее шел знакомый милицейский патруль.

– Ну что, накурилась? – нагловато спросил один из них, меряя Ольгу взглядом с головы до ног.

– Накололась, – в тон ему ответила Ольга. – И «дряни»[7] наглоталась. Проверять прямо тут будете или опять в свой гадючник потащите?

– Что-то ты, красавица, слишком осмелела, – подключился второй, – смотри, как бы мы тебе не испортили настроение с утра пораньше.

– Да уж вы если кому-нибудь не испортите его, то, наверное, потом целый день как оплеванные ходите, – буркнула Ольга.

– Поговори еще, – стараясь напустить на себя важности, снова оборвал ее первый. – Мы тебя всюду обыскались. Пошли в дежурку.

– Господи, как вы мне все надоели, – вздохнула Ольга, предчувствуя продолжение ночных расспросов.

Войдя в дежурное помещение, она увидела там, кроме уже знакомого милиционера, парня лет двадцати пяти. При появлении Ольги все сразу замолчали, а незнакомец, повернувшись всем корпусом к вошедшей Ольге, стал ее с любопытством бесцеремонно рассматривать. Было видно, что речь шла именно о ней.

– Наверное, уже настучали кому–то, – подумала Ольга.

Но дежурный развеял ее опасения. Кивнув на нее, он с ухмылочкой обратился к своему собеседнику:

– Вот тебе, Павлуша, попутчица. Смотри, не обижай и не вздумай шалить, а то греха потом не замолишь вовек. Боженька тебя за будущую монахиню Гаевскую крепко накажет.

– Это кто – она, что ль, монашка? – изумился незнакомец, по-прежнему не сводя с Ольги глаз. – Все, решено: тоже иду в монастырь. У вас там найдется местечко?

– Становитесь в очередь, товарищ, – рассмеялся дежурный, – за нами будешь. Сначала мы, а ты потом. Уважь старших по званию и возрасту. Как там в песне поется: «Старикам везде у нас почет!» Так-то, братец!

– Нет, мужики, конец света какой-то! – незнакомец встал со стула и вплотную подошел к Ольге. – Уж если такие девчонки в монастырь подались, то нам ничего другого не остается, как драпать следом за ними. В этом грешном мире больше нечего делать.

Ольга посмотрела на незнакомца, потом на дежурного:

– Чего звали?

– Да вот, Ольга Васильевна, – дежурный с трудом подавил смех и кивнул в сторону того, кого звали Павлом, – Павлик, старый мой товарищ, едет как раз в ту сторону, куда и вы путь держите, если, конечно, не врете. Это мы еще проверим. Так что если желание не

пропало туда попасть хотя бы засветло, то рекомендую вам садиться к Павлу. Ну, а когда доберетесь на место, то поставьте за его драгоценное здоровье толстую свечку – парень он хороший, сами убедитесь. А то по дороге, глядишь, передумаете к старухам ехать?

И опять закатился смехом.

– Ты не сердись на него, – сказал Паша, выйдя из дежурки вместе с Ольгой, – чего на них, убогих, обижаться?

И, подмигнув Ольге, запел:

Как надену портупею –

Все тупею и тупею…

– Красивая женщина – она и в Африке красавица, – продолжал он, как бы оправдывая дежурного.– Особенно в нашем захолустье. А у Петровича после того, как его по голове куском арматуры «угостили» при задержании, так «башня»[8] малость и повредилась. Жалко мужика, хороший опер был. С тех пор дальше дежурки никуда не пускают, чтобы дать хоть до пенсии дотянуть. Вот и держат тут: с бомжами вокзальными возится, проститутками да шпаной всякой.

Ольга молчала. Выйдя на привокзальную площадь, Павлик показал ей на старенький, замызганный грязью серый «опель»:

– Садись вперед, сзади там уже две попутчицы сидят. Они с нашего поселка, торгуют здесь, а я заберу еще одну для полного комплекта – и в путь.

Вернулся он действительно быстро в сопровождении полноватой женщины с корзиной и двумя ведрами. Уложив всю поклажу в багажник машины, Паша плюхнулся за руль и повернул ключ зажигания.

– Ну что, бабушки–старушки, ушки на макушке, – весело подмигнул он попутчицам, – вам какой рок включить – тяжелый или не очень?

– Ой, Паша, – отмахнулась от него сидящая посредине, – у нас и без твоего рока сумки такие тяжелые, что руки оборвались. Развлекай лучше свою соседку, а нам такая музыка не по ушам. Мы свое уже отпели и отплясали. Последнюю песню вот пропоют над нами – «со святыми упокой» – и будет нам вечный покой.

– Ей нельзя, – ответил Паша, выруливая со стоянки, – она хоть и молодая, но слишком серьезная. В монастырь едет.

– В наш Заозерный? – оживились бабульки. – Да кто ж туды едет в такое время? Летом надо ехать, когда тепло и сухо. Летом хорошо отдыхать, это правда, грибы косою косить можно.

– Так ведь она не отдыхать туда едет, – взялся объяснять им Паша, – а молиться. Монашкой, стало быть, хочет стать.

– Монашкой? – изумленно в один голос воскликнули старушки. – Это за что ж ты себя, милая, так решила наказать? Там доживают свой век такие как мы, уже никому ненужные, а ты-то, голубушка, зачем себя в гроб вздумала живьем закопать?

– Вот и я ей о том же самом талдычу, – начал снова развивать эту тему Паша, но тут Ольга решительно повернулась к нему:

– Останови машину, умник!

– Чего? Решила назло кондуктору пешком идти?

– Не твое дело, – резко оборвала его Ольга. – Как-нибудь доберусь, надоели вы мне все своей говорильней за утро. Достали вконец!

И повернула ручку двери, открывая ее прямо на ходу.

– Ладно, не сердись, – остановил ее Павел.

Наступило долгое молчание. Притихли даже бабульки, которые до этой минуты без умолку щебетали про свой нехитрый вокзальный бизнес. Чтобы как-то сгладить неловкость, Павел выбрал кассету и вставил ее в магнитофон. Полилась тихая музыка. В ней была и непонятная грусть, и ностальгия о чем-то безвозвратно утраченном. Ольга прислонилась к стеклу и закрыла глаза, ловя звуки лившейся из динамиков мелодии.

– А помнишь, как мы с тобой первый раз приехали в горы? – вдруг услышала она сердцем чей-то знакомый голос, который словно вырвался из-под нежно звучавших струн гитары.

– Помню, – так же сердцем ответила Ольга, – я все помню. Я еще хотела пойти нарвать цветов, а ты не пустил меня, сказал, что могут быть змеи. И мы остались, хотя все ушли. Мне тогда почему-то показалось, что ты специально решил напугать меня, чтобы остаться вдвоем. Я все помню…

– А помнишь, – снова обратился к ней тот же голос, – как мы стояли возле твоего подъезда? Мы оба понимали, что видимся в последний раз. Ты как-то заметно повзрослела за тот год, что мы не виделись, в тебе стало больше женского – это я сразу заметил…

– Помню, – ответила Ольга, – я все помню. И то письмо, которое ты мне прислал после нашего расставания, и твой телефонный звонок... А почему ты мне больше не писал? Почему ты потом перестал звонить мне? Я так ждала твоих писем и твоих звонков, мне их так не хватало. Я все помню…

Она и не заметила, как уснула, продолжая во сне этот странный разговор с голосом, который ей чудился в звуках гитары. В этом голосе было столько тепла и нежности, что Ольга погрузилась в него, совершенно забыв о неприятностях, сопровождавших ее всю поездку и не думая о тех неизведанных тревогах, что ждали ее впереди.

2. МИШКА-СПЕЦНАЗ

Наконец, она проснулась: то ли оттого, что Паша легко потряс ее за плечо, то ли сквозь сон услышала тоскливую песню, которую девчонки часто крутили на зоне. Попутчиц уже не было. Машина стояла посреди какого-то поселка, а вокруг гуляла шумная кампания: музыка, аттракционы, дымок от мангалов, буфеты.

– А по случаю чего такой банкет? – спросила Ольга, не совсем понимая сути происходящего.

– Эх ты, темнота, – рассмеялся Паша, – а еще в монашки собралась. Масленицу люди справляют, зиму провожают, а весну встречают. Все, как видишь, по–человечески, то есть с блинами, шашлычком, водочкой нашей родимой. Пойдем и мы причастимся немного.

– Нет, спасибо, я пойду дальше. Только ты мне подскажи: куда идти?

– Да ладно, успеешь еще в свою берлогу, – решительно возразил Паша, – пошли, я угощаю, а то с утра маковой росинки во рту не было. Быстренько перекусим, а там я тебя подкину до речки Золотоношки. А уже оттуда только ножками, пешочком. Но часа за два–три доберешься, если волки не сожрут в лесу. Они сейчас после голодной зимы злющие–презлющие!

И опять громко рассмеялся, наблюдая за тем, как отреагирует его попутчица. Потом обошел машину и сам открыл дверь со стороны Ольги, давая тем самым понять, что возражений не принимает. Он усадил ее за пустой столик, расположенный неподалеку, а сам исчез в гуляющей толпе. Было очень весело, кто-то пытался затянуть: «Как упоительны в России вечера…», но, никем не поддерживаемый,

умолкал, а затем затягивал песню снова. За соседним столиком сидели трое уже изрядно подвыпивших мужиков, а чуть поодаль – молодая мамаша с двумя девочками, похожими друг на дружку, как две капли воды. Они старательно уплетали блины со сметаной и были жутко вымазаны ею. Ольга улыбнулась девочкам, а те, таращa на нее глаза, молча продолжали свое дело.

Вскоре вернулся Павел. Сел рядом и поставил на столик две пластмассовые тарелочки, на которых дымились блины, приправленные настоящей деревенской сметаной. Это было уже выше всяких сил: Ольга без особых приглашений принялась за еду.

– Вы что, девушка, сюда есть, что ли, приехали? – Паша весело подмигнул, сам с удовольствием уминая горячие блины. – А пить что будем? Я хоть и за рулем, но тут меня каждый мент знает, не грех чего-нибудь пропустить для сугреву души и тела, а?

– Нет, Паша, – как-то удивительно мирно даже для себя ответила Ольга, – если ты ментов не боишься, то грейся сам, чем хочешь. А вот я бы не отказалась еще от одной порции таких блинов. Не разорю?

– Айн момент! Желание дамы для нас закон, мы за ценой не постоим! – парировал Паша и уже через минуту спешил еще с двумя тарелочками блинов и пластмассовыми стаканчиками горячего кофе.

– Какие люди в Голливуде! – вдруг услышали они за спиной хрипловатый голос, и в следующий миг кто–то стиснул их, словно стальными клешнями.

– Мишка, отпусти! – вскрикнул Паша. – Ребра поломаешь!

Когда объятия ослабли, Ольга, тут же высвободившись, увидела прямо перед собой широко улыбающегося здоровяка в пятнистом камуфляже и голубом берете десантника.

– Какие люди! – развязано повторил тот. – Откуда к нам такая стюардесса? С какого «борта»[9], с каких островов заморских и что здесь делает?

– Не слишком ли много вопросов для первого раза? – огрызнулась Ольга и пересела подальше. Никогда не терпела такого рода фамильярности, тем более от совершенно незнакомого деревенского хама.

– Мишок, ну ты даешь! – поднялся Паша, здороваясь за руку с парнем, – Так ведь и задушить можешь. Что делаем? Гуляем потихоньку.

– Не гуляете, а дурью маетесь, – скептически ухмыльнулся Мишка. – Вот увидел тебя, думал, что хоть с тобой немного разгоню свою тоску зеленую, а ты, оказывается, тоже трезвенник–язвенник, кофеек попиваешь. А мне чего–то покрепче хочется, но ты же ведь, Паша, мой принцип знаешь: в одиночку – ни–ни! Ни капелюшечки! Закон гор!

– Это все знают, но ты не обижайся. Мне еще попутчицу подбросить надо. Недалеко тут.

«Берет» – так мысленно окрестила Ольга незнакомца – снова нагло уставился на нее:

– Если недалеко, говоришь, давай я и подброшу. Выручу старого дружбана. А ты расслабься, оттянись пивком, пока я вернусь.

– Ну что ж, выручай, подбрось гостью, а то я и впрямь замотался, – Паша достал из кармана ключи и небрежно бросил их на стол.

Ольга быстро посмотрела на него и сразу вся напряглась, приготовившись к любому развитию этого странного разговора.

– А куда даме трэба? – ухмыльнулся Берет, то и дело с пьяным взглядом вертя головой от Паши к Ольге.

– Да вот подкинешь ее поближе к монастырю, хотя бы до переправы – и назад, я тебя тут ждать буду. Ну, а если ты в пути нечаянно задержишься, – глубокомысленно покрутил Паша в воздухе указательным пальцем, – то мы и дома посидим, хуже не будет.

«Берет», уже взяв ключи от машины, вдруг решительно бросил их назад на стол:

– Не, как говорят наши братья–украинцы, нэма дурнив. Извиняйте, господа.

Мишка снял берет, изогнувшись перед Ольгой в шутовской позе:

– Поручаю вашу неотразимую красу Пашульке. А ты смотри, шалун, – погрозил он кулаком, – Ленка узнает – башку открутит. Тебя с такими стюардессами отпускать – все равно, что доверить козлу стеречь капусту. Не слишком-то задерживайся.

Он отошел в сторону, тут же подсев к другой компании.

– Интересные у тебя друзья, – сказала Ольга, отодвигая от себя тарелку с недоеденными блинами.

– А я? – отпарировал Паша.

– Да и ты парень хоть куда, – безразлично ответила Ольга. Аппетит у нее пропал. Не хотелось даже ароматного горячего кофе.

Она думала сейчас лишь о том, как побыстрее покинуть это веселье.

– Ты что, в самом деле, подумала, что я тебя решил сбыть с рук на руки этому вояке? Обиделась, да? – рассмеявшись, спросил Паша.

– А чего тут думать? Ты же сам ему ключи протянул, только дверцу не открыл, – ответила Ольга, вытирая пальцы тоненькой салфеткой.

– Да я на все сто был уверен, что Мишка туда под страхом смерти не поедет, вот и подколол немного. А вообще он парень неплохой, только война его подпортила. Теперь этой беде даже свое название нашли: «чеченский синдром». Сначала был «вьетнамский» для американцев, когда те полезли в джунгли устанавливать свои порядки. Потом «афганский»: тогда уже наших понесла нелегкая в Афганистан учить коммунизм строить. А теперь вот «чеченский». Ходят такие орлы, как Мишка – здоровые, крепкие ребята, и без войны уже жить не могут. Несчастные люди…

Паша расстегнул куртку, достал из кармана новую пачку сигарет, раскрыл ее и предложил Ольге.

– Спасибо, не буду, – ответила она, пригубив почти остывший кофе.

– Ах да, я совсем забыл: монашки не курят, – опять хохотнул Паша, доставая сигарету. Затянувшись, продолжил:

– С Мишкой мы одноклассники. Он с детства мечтал о службе в десантуре. Уже тогда ему погоняйло[10] приклеилось: «Мишка Спецназ». Призвали нас в армию. «Покупатели» на него сразу глаз положили. Видят: парень вроде бы с соображением, сила в руках недюжинная. «Запомни, – говорят ему, – главное в десанте – не с парашютом прыгнуть, а в самолет запрыгнуть». Попал он поначалу не куда-нибудь, а в ДШБ – десантно-штурмовые батальоны. Там ребята крутые служат, сопляки и слюнтяи не выдерживают. Обучили его всем военным премудростям. И все бы, может, нормально было, если б в Чечне жареным не запахло. А Грачев – тогдашний министр обороны – не нашел ничего умнее, как пригрозил поставить чеченцев на колени двумя десантными полками. Ну и попал наш Михасик в один из тех самых полков, которые первыми двинулись на штурм Чечни.

Паша снова затянулся сигаретой и посмотрел в сторону бесшабашно хохочущего Мишки.

– В первом же бою наших пацанов полегло столько, что гробов не хватало отправлять по домам за казенный счет. Мишка очутился в самом пекле: засели в развалинах какой-то больницы в центре Грозного и отбивались, пока не прорвалась к ним отчаянная «бээмпэшка»[11] и не забрала всех, кто в том аду чудом живым остался. Самого Мишку тогда здорово взрывной волной садануло. Вернулся он домой с боевым орденом на груди и контузией в голове – комиссовали его подчистую. Вот тогда и стали мы подмечать, что «крыша» у парня как бы немного поехала. Начал он опять рваться на войну, да так озверел, что ему война мерещилась даже среди своих. Все пацаны, наши годки, к тому времени поженились, пристроились кто куда, а тот все в бой: то на дискотеке врукопашную с десятком лбов бьется, как гладиатор, то в другом месте средь бела дня на скандал нарывается. Подался было в милицию, но там его быстро раскусили, прямо сказали: это социально опасная личность, за ним тюрьма плачет. Так он маялся дурью, маялся, пока наши снова с чеченцами не загрызлись.

Паша снова посмотрел в сторону Мишки и помахал ему рукой.

– Как только он услышал о том, что в войска набирают по контракту, тут же напялил на себя берет, орден на грудь – и в военкомат. А там уже не стали особо вникать в его психику – и тут же вместе с такими же «солдатами удачи» отправили в горы. Смотрим однажды в новостях: идет наш Мишка – рукава закатаны, на контуженой голове бандана – такая косыночка, какие раньше пираты носили, по блатному завязана, зеркальные очки нацепил, на груди ручной пулемет, с головы до ног патронами обмотан, на ремне подсумок с гранатами. Ни дать – ни взять, Рэмбо во плоти! Скинут их с вертолета на высотку – и держат оборону до подхода основных сил. Или высадят в диком ауле, чтобы провести зачистку, найти тайники с оружием, лагеря подготовки боевиков. Идут и сами не знают, откуда те по ним саданут автоматной очередью или грохнут из гранатомета. Остались живы – молодцы, герои. Перебили всех – тоже молодцы, пали смертью храбрых. Долго мы еще будем расхлебывать эту кашу, которую сами же и заварили…

Паша потушил окурок, примяв тлеющий огонек о край тарелки, и тут же закурил новую сигарету. Ольга, все время задумчиво слушавшая его рассказ, вдруг с удивлением подняла глаза:

– Слушаю я тебя, Паша, и одного не могу понять. Если он такой герой, как ты о нем рассказываешь, и все ему нипочем, то чего он испугался ехать в монастырь? Или побоялся, что бедные монахини его поймают да защекочут до смерти?

– А ты, оказывается, юмор понимаешь, – улыбнулся в ответ Павел, – ценю это качество в людях. Но тут другая история. Даже не знаю, чего в ней больше: юмора, брехни, небылицы или еще чего.

Ольга поставила на столик пластмассовый стаканчик, допив уже совсем холодный кофе.

– Тогда волков он, что ли, испугался, которыми ты меня взялся стращать. Или ведьмы по лесу летают?

– Ведьмы не ведьмы, волки не волки, а может, то были вообще инопланетяне, но приключилась с ним одна странная история. Попробую рассказать.

Паша затянулся глубоко сигаретой, немного помолчал, вспоминая какие–то детали, пододвинулся ближе к Ольге и начал:

– В общем, примерно года два назад – только–только с реки лед сошел – собрался наш «Спецназ» с друзьями на рыбалку. Все мы уже знали, что Мишка стал большим любителем рыбной ловли на «саперную» удочку. Никогда не слыхала? Рыбу не удочкой или сетями ловят, а глушат взрывчаткой, а потом, когда она брюхом всплывет, ее в лодку просто руками собирают. Мишка даже тут без войны не мог обойтись. Он в одно время повадился в гости в гарнизон, который, кстати, недалеко от вашего монастыря находится. Стал Мишуня хаживать туда, свое мастерство демонстрировать. Сначала его хотели даже на службу взять, простить все старые грехи и оформить инструктором по рукопашному бою. И наверняка б взяли, если бы он и на этот раз не подмочил себе репутацию: избил в кафе двух молодых курсантов. Не миновать бы ему трибунала, но дело опять замяли, все свалили на больную голову и трудную военную молодость. В гарнизон после этого дорожка ему была навсегда заказана. А Михасик особо и не расстроился. Пока его там принимали, он успел натаскать к себе в сарай столько всякой всячины, что хватило б, наверное, на целую роту. Стал Мишка снова откалывать в деревне свои изящные шуточки: то на дискотеке взрывпакет рванет, то для общего смеха под ноги старухам что-нибудь кинет. Так он доигрался до того, что ему пригрозили, что не посмотрят на боевые заслуги, а упекут или в «дурку» или прямо в

тюрягу. Дошло, видать, до него, что с ним не шутят, и тогда он нашел новое применение своим фронтовым талантам – стал глушить рыбу. Дело это, как он вскоре убедился, было довольно прибыльное: глушанул рыбки килограмм на тридцать–сорок и повез на базар, там она всегда в цене. Появились у него даже оптовые покупатели, своя клиентура…

Но все это была лишь присказка. А теперь вот слушай сказку и сама думай, что в ней правда, а что брехня.

Паша поднял воротник своей куртки: в спину тянуло сквозняком.

– Дело, как я сказал, было весной, когда лед с реки уже сошел, но солнце уже пригревало. Поехал он с дружками рыбачить своей «удочкой». Быстро сделали дело и сидят скромно на берегу возле костра, ушицу варят под водочку, кайфуют, музон слушают. Вдруг видят: прямо в их сторону с крутого лесного пригорка спускается какая-то незнакомая женская фигура. Пригляделись – идет вся в черном, монашеском, голова платком покрыта и, как оказалось, совсем молоденькая еще, почти девчонка. Но вот что странно: идет босиком по холодной земле, словно не чувствует холода. Те сидят, смотрят, какое же дальше кино будет. А она спустилась ближе, молча посмотрела на них и как–то с укоризной головой покачала. Да и пошла себе вдоль речки. Хлопцам стало отчего-то не по себе. Враз расхотелось и водку жрать, и музыку слушать. Сидят, смотрят ей вслед: куда она идет? И главное: откуда? Только наш герой не растерялся, догнал ее, остановил и говорит: «Куда же это вы, мадам, так спешите? Прошу к нашему шалашу. Извольте рыбки откушать».

Та ничего не отвечает, только смотрит ему в глаза, будто мысли читает. А чего их читать, когда и дураку было понятно, чего он хотел от этой девчонки. Кругом лес глухой, ребятишки не выдадут его шалостей, да и сами не прочь поразвлечься. Монашка та в самом соку, как ты: молодая, красивая, глазастая.

«Класс! – говорит. – Многих перепробовал, а монашек – ни разу».

Прижал к себе монашечку своими клешнями – попробуй вырваться от такого бугая. Да тут с ним что-то случилось. Разжал он вдруг клешни и отпрыгнул от монашки, а потом коснулся пальцем того места, где у нее на груди, видно, крестик висел, и говорит: «А хочешь, я тебе сейчас точно такой же на лбу вырежу? Хочешь?» И достает из-за пояса настоящий чеченский кинжал, острый, как бритва!

Ольга вдруг ясно представила себе эту страшную картину, и ей тоже стало не по себе. Она робко посмотрела на сидевшего неподалеку Мишку. Паша между тем продолжал:

– Дружки сидят, пошевелиться не могут, только глазами хлопают. А монашечка стоит и смотрит на Мишку. Рассвирепел тот не на шутку и хотел сказать ей что-то особое. Он это умел. Никто в нашем поселке не мог так материться, как Мишка. В матюках он был настоящий поэт. Даже если матерился без злобы, а, как говорят, для связки слов, у него это выходило всегда по-особенному вдохновенно. Пока усмирял горцев, нормально разговаривать вообще разучился. Ну и решил, видать, блеснуть «эрудицией» перед монашкой. Подошел вплотную, открыл было рот, а монашечка вдруг и говорит ему: «Не надо. Я знаю, что ты хочешь сказать и сделать. Не надо. А если скажешь, то я тебе уже ничем не смогу помочь». И слегка прикрыла ему рот ладошкой своей. Потом еще говорит: «Ты если все же захочешь мне крестик подарить, то приходи сюда, когда время будет, и только позови меня. Я услышу и приду. А сейчас помолчи немного». Еще раз коснулась до него ладошкой и пошла себе дальше. Потом уже издали обернулась и снова говорит: «Захочешь повидаться – приди сюда и позови. А зовут меня Аннушка…».

Такая вот интересная история…

– Да, интересная, – задумчиво сказала Ольга, живо представляя себе картину той встречи.

– А ведь самое интересное было уже после, – стал завершать свой рассказ Павел, застегивая куртку и давая понять, что им пора ехать. – Постоял Мишуня так со своим кинжалом минуты две-три, пытаясь сообразить, что же произошло. Потом зашагал к своим браткам, хотел им все объяснить, а вместо слов – «бу-бу-бу, бу-бу-бу».Те перепугались не на шутку, куда и хмель делся. Мишка сам стоит бледный, как стенка, ничего сказать не может, лишь бубнит. Побросали все: какая теперь к лешему пьянка–рыбалка! После того куда только Мишку не возили – и к врачам, и к бабкам-шептухам – никто не мог ему помочь. Нашла на него какая-то порча. Вот тогда кто-то и подсказал, что, дескать, надобно его сводить к святым людям. Есть еще, говорят, такие… Повезли мы его тогда в ваш монастырь. Жил там один попик старенький, и ходил слушок в народе, что он чудеса мог

творить. Вот и решили испытать удачу. И то, что с ним произошло там – этому я уже сам живой свидетель.

Паша опять весело хохотнул и посмотрел в сторону Мишки. Тот, услышав смех, незлобно погрозил Паше своим огромным кулаком.

– Как только зашел «Спецназ» в монастырь, вдруг завыл страшным воем. Кинула его какая-то сила на землю, стало бить, колотить, пена изо рта пошла. Мы его за руки держать, да разве такого слона удержишь? А когда малость пришел в себя, то мы его под руки повели, куда монахини велели. Идет он, как дитя малое, мычит, скулит жалобно. От прежнего Мишки один берет остался. Посадили мы его в комнатке, где жил тот старичок, а сами рядом стоим на всякий случай, если парень наш опять буянить начнет. А он молча смотрит вокруг, головой вертит. Келья крохотная, все стены иконами увешаны, пустого места нет, на столе книга размером с чемодан, рядом еще, но поменьше и не такие толстые, ладаном пахнет. Старичок, видать, аккурат перед нашим визитом чайку попил, потому что в комнатке его прохладно было, а от стакана еще пар шел и запах полевых травок.

Посмотрел старичок на нашего героя, покачал головой и говорит: «Зачем же ты, Мишенька, такими словами душу свою чернишь? Она у тебя и без того черная, как вот эта головешка». И показал рукой на торчавшие из ведра два сгоревших поленца. «Может, тебе лучше вообще без языка жить, чем языком все вокруг себя поганить?», – спросил старичок и опять пристально посмотрел на него. И тут Мишка разрыдался, да еще как! Ревет настоящей белугой, схватил своими лапищами сухонькую руку старичка, обливает ее слезами. А старичок-то и говорит: «Ну, Мишенька, давай вместе Царицу Небесную просить, чтобы Она простила тебя. Уж больно ты Ее, Заступницу нашу, обидел». И подвел Мишку к старой черной иконе, что висела у него прямо над столиком. «Ты хоть какие-нибудь молитвы знаешь?», – спросил его старичок, а в ответ Мишка снова как завоет!

Тут старичок повернулся к нам и говорит: «Вы, голуби, тоже идите сюда и вставайте на коленочки. Хотите, чтобы ваш друг исцелился? Давайте тоже молиться». Встали мы, как бараны, на колени: ни слова, ни одной молитвы не знаем, только смотрим, что делает старичок. Он перекрестится – мы перекрестимся, он поклон – мы поклон. Больше часа так стояли и молились, у меня спина стала разламываться. А потом, когда все наши мучения закончились, дал

Мишуне и всем нам по очереди поцеловать деревянный крест со стола: там еще с одной стороны был распятый Христос, а с другой – Матерь Божия. Подошел к Мишке, попросил его нагнуться ближе, обнял, да как расплакался сам!

«Мишенька, – плачет, – не греши больше, не надо». Прямо отец родной! Отлил ему воды в бутылочку из большого кувшина и говорит ему: «Попей, когда домой приедешь. Это водичка из тех мест святых, где Сама Царица Небесная людям являлась».

Паша посмотрел на часы, видимо, готовясь закончить свой рассказ.

– Сказать по правде, вернулись мы домой без особой надежды. Уже столько наездились, столько денег оставили, и никто не помог, а тут какой-то старичок стал нас водичкой поить. Сказки! Но все же сделали, как он велел. Попил Мишка этой водицы, перекрестил свой контуженый лоб и завалился спать. Наутро приходим к нему – он еще спит. Приходим позже – опять спит. Проспал он так почти до следующего дня. А под утро ему, видать, снова боевики или барабашки лохматые во сне явились. Как заорет, что дома все подскочили, подбежали к нему. А у него язык развязался! Стал он на радостях орать, всех обнимать и целовать, песни петь.

С утра пораньше обошел всю братву, мать на стол накрыла чин-чинарем по случаю такого чуда. Выпили мы, поздравили Мишку с выздоровлением. Мать собрала еще целую корзину: домашнее молоко, сметану, маринованные грибочки, банку меда, сала копченного положила, курицу зарубила, испекла каравай. «Это, – говорит, – от нас отвезите в монастырь, нельзя быть неблагодарными».

Поехали мы туда снова, да напрасно: старичок тот Богу душу отдал. Лежит в гробу беленький, сухонький, никакого запаха, как это с мертвецами обычно бывает. А там, наверное, и гнить нечему: видать, на одном чайку да на сухариках жил. Отдали мы монашкам корзину с харчами на помин его души, те взяли, а сало и курицу вернули. «Нам, – объяснили, – мясо не положено». Так мы этот натурпродукт по дороге домой оприходовали под водочку, да заодно старичка помянули, Царство ему Небесное и земля пухом. Мишуня с тех пор немного поутих: никто от него матюков больше не слышал. Непросто это ему дается, подмывает брякнуть что-нибудь «спецназовское».

Паша опять рассмеялся, вставая из-за стола.

– Он опять на войну собрался. Теперь куда-то в иностранный легион. Уже договаривается со своими фронтовыми дружками, как будут через границу пробираться. Наемникам, говорят, хорошие бабки[12] платят.

Пора было ехать дальше.

3. АННУШКА

Они выезжали за поселок.

– Вот моя деревня, – начал декламировать Паша, – а вот и дом родной.

При этом он показал рукой на новенький аккуратный домик.

– Недавно новоселье справил. Хотелось всегда свой собственный угол иметь. А со стариками жить – одна маята. Пару раз смотался на заработки, повкалывал, где даже негры не хотят работать. Вот и построился. Одно плохо, что на краю «свистухи» – это у нас улица так называется. Когда надо кого позвать, то не идут, а свистят. Тут уже знают, кому и как надо свистнуть, чтобы тот отозвался. Но другого места не дают – кругом пашня. Сеют, жнут, снова сеют, снова жнут, а все пусто. Воруют много – оттого все наши беды.

– А долго еще ехать? – спросила Ольга.

– Не очень, – уставшим голосом ответил Паша, – не больше часа, а вот топать ножками тебе действительно долго: сначала лесом, потом через Золотоношку – речку нашу, а там снова лесом, лесом, пока не упрешься в монастырскую стену.

– А чего это у вашей речки такое странное название – Золотоношка? – спросила Ольга.

– Это я тебя должен спросить, почему у нее такое название, – повернулся Павел к Ольге, снова весело рассмеявшись. – Всех вас, монашек, в народе почему-то окрестили «золотоношами», словно вы прииск магаданский. Тут спокон веков монастыри по лесам стояли. Раньше в этих местах вообще дебри непролазные были, вот и понастроили монахи своих берлог. После революции начали все разрушать, а что не успели – то после войны доломали и растащили. Только ваш монастырь уцелел чудом. Что только ни делали, чтобы закрыть и отдать на пользу людям – ничего не получилось. С революцией его, правда, прикрыли, но позже разрешили опять Богу молиться. Так и живут эти «золотоноши» по сей день.

Помолчав, Ольга снова решила спросить Пашу:

– А кто ж такая Аннушка, которая твоего дружка чуть не до смерти напугала? Тоже, что ли, из тех «золотонош», как ты их называешь?

– Что ли, – после долгой паузы ответил Паша. – Что ли, а, может, и не что ли. Этого путем вообще никто не знает. Болтают, правда, всякое, особенно бабью эти брехни слаще меда. Одна расскажет, другая приврет, третья еще нафантазирует с целый короб – и пошла гулять брехня по свету.

– Какая же это брехня, когда сам полчаса назад рассказывал, что твой дружок эту самую Аннушку своими глазами видел? – возразила Ольга.

– Видел – не видел, – опять в раздумье ответил Паша, стараясь объезжать глубокие рытвины на дороге. – Мишку все психиатры области расспрашивали, что он на самом деле видел, а что могло ему померещиться с контуженой или пьяной башки. Его дружки тоже толком ничего не могли добавить, потому что сами как чокнутые или сонные в тот момент были, ничего не помнят, кроме девки в черном.

Ольга чувствовала, что Павел не был расположен продолжать эту тему дальше. Но вдруг он повернулся к ней:

– Кто его разберет, где тут правда, а где брехня. Когда-то в здешних краях жила действительно одна Аннушка. Откуда она пришла – теперь этого никто точно не знает. Жила она в том самом монастыре, куда тебя нелегкая несет, то есть монашкой была. А, может, и не была вовсе, а лишь собиралась ею стать, да не успела. Их там двое осталось – та самая Аннушка да старушка, которая не могла двигаться. И вот однажды к ним в гости пришли такие же «спецназовцы», как наш Мишка. Это в самом конце двадцатых годов было. Церкви ломали, монастыри закрывали, попов на Соловки, монахов по домам – кого куда, в общем. А те двое на месте сидели, не хотели никуда ехать. Наверное, думали и надеялись, что товарищ Сталин попросит у народа прощения за все плохое, и жить станет лучше, жить станет веселее. Ну и дождались. Пришли комиссары монастырь закрывать.

Дело зимой было, в самое Рождество. Поехали красные комиссары на санях, на тот берег легко по льду переправились. Приезжают – и глазам своим не верят: сидят в холодной комнатушке красавица снегурочка и бабушка – такой себе одуванчик: дунь раз – и душа вон. Стали выяснять, кто такие. А когда все выяснили, то

захотелось им покуражиться над ними. Пьяные все были, а лес глухой, вокруг ни души, кричи–не кричи – никто не услышит, а если и услышит, ни за что не пойдет на помощь.

«Кончилась, – объявляют им, – ваша религия на веки вечные. Теперь вы люди свободные от всяких предрассудков. Люби, мойся – греха не бойся! А чтобы не думали, что мы обманываем, то сейчас же, прямо тут, сыграем красную свадьбу!».

Старая от такой новости чуть Богу душу не отдала. А те успокаивают:

«Вы, бабушка, можете не волноваться. В невесты уже по годам не пройдете, только в почетные свидетели, а вот младшенькая – в самый раз. И женихи у нас все достойные, пусть сама выбирает. А если хочет, то пусть всех сразу, мы не будем против. Теперь все поповские законы отменены».

Ну и сыграли ту «свадебку». Прямо на глазах у старухи. Старушка сразу померла – сердце слабое, а молодая еще жива была какое–то время. Зубы стиснула и ни звука не проронила, пока те уроды по очереди ею пользовались. А потом повели ее босой по снегу и морозу, хотели сдать в местное ЧК. Когда она упала, то положили в сани. Едут, смеются: «Мы тебя, милая, там обогреем, отмоем, ты нам еще послужишь верой и правдой». А позже смотрят: она уже холодная. Не от мороза, а оттого, что тоже, видать, сердце не выдержало... Те ироды ее прямо в сугроб и скинули. Думали, что голодному зверью лесному и птицам пожива будет, никто ее не найдет. И со спокойной душой двинули дальше. Доехали до реки – и по январскому льду, по своему же следу, на тот берег. Лед в ту пору на реке всегда крепкий. А тут он возьми да и проломись под ними. Все враз и пошли на дно, вместе с санями и лошадьми.

Аннушку ранней весной прохожие люди все-таки нашли и где-то там же, недалеко от монастыря, в тайне от всех по-человечески похоронили. Голодное зверье и птицы ее даже не тронули. А вот где эта могила – тайной до сих пор осталось, – закончил свой рассказ Паша.

– Откуда ж такие подробности? – спросила Ольга, внимательно слушая рассказ.

– Один из тех душегубов чудом выбрался из проруби и все рассказал. Но его земля тоже недолго носила. Умом тронулся, все

твердил, как молитву: «Уйду я к своим товарищам. Зовут они меня. Ждут очень». И ушел. Как раз по весне, едва начал лед с реки сходить. Вернулся на то самое место, откуда из воды вылез, и туда же плюхнулся.

– Действительно, странно все, – задумчиво сказала Ольга. – Выходит, эта Аннушка воскресла из мертвых? Так получается?

– Не знаю, как получается, – ответил Павел. – Я в этих вопросах мало чего смыслю: воскресла она, или то призрак ее блуждает по лесу. Не знаю. Но то, что ходит эта Аннушка с тех пор людям встречается – это правда.

– Как? – удивилась Ольга. – Разве ее не только твой дружок видел?

– В том-то и дело, что не только он. Разные люди по-разному видели, но чаще всего в лесу. Моя мать рассказывала, когда война началась, она девчонкой вместе с другими помогала взрослым рыть окопы. И кое-что помнит. Да и другие говорили, что тут, недалеко, у моста через речку, наш батальон стоял. Переходить реку можно было только вброд, в километре вниз по течению: боялись немецких диверсантов – их тогда по здешним лесам много шастало.

Однажды ночью стоит часовой у переправы и видит, как прямо к нему идет женщина в черном. Ну, как и положено часовому, он кричит: «Стой! Сюда нельзя!» и предлагает уйти вправо, в сторону брода. А та продолжает идти в его сторону. Часовой опешил: «Стой! – кричит ей снова. – Стрелять буду!». И передергивает затвор. А та ему в ответ: «Не стреляй, это я, Аннушка…». И продолжает идти. Часовой снова ей: «Стой! Стреляю!». Нажимает на спусковой крючок, а выстрела нет – осечка. Он снова передернул затвор – и снова осечка. А женщина в черном вот уже рядом, подходит и спрашивает у перепуганного часового: «Ты чего тут делаешь?». «Охраняю мост от немцев», – отвечает тот, ничего от страха не соображая. И, в свою очередь, спрашивает ее: «А ты чего тут делаешь? И кто ты такая?». Она ему и говорит в ответ: «Ты мост охраняешь, а я охраняю всех вас. А зовут меня Аннушка». И пошла дальше. Часовой постоял–постоял, пришел в себя и думает: наверное, померещилось. Не стал никому рассказывать, побоялся, что его за сумасшедшего посчитают или скажут, что нализался на посту.

Опять ночь – и опять он стоит у той же переправы. Вдруг его кто-то легонько за плечо тронул. Он обернулся и обомлел – стоит перед ним вчерашняя незнакомка. Только теперь он разглядел: она совсем еще молоденькая. Улыбается ему и говорит: «А почему ты думаешь, что тебе не поверят?»

«Это ты лучше у нашего комбата спроси, – отвечает тот. – А еще лучше сходи к нему сама и все расскажи. Тогда, может, и поверят».

«Нет, – говорит она, – туда я не пойду, а вот командиру своему передай, чтобы уводил вас в здешний монастырь, потому что завтра немцы переправу разбомбят и вас всех побьют, хоть вы и попрятались в лесу. Оттуда, – она показала взглядом в небо, – им все хорошо видно, а монастыря нашего не видно».

Часовой аж поперхнулся от смеха: «Да ваш монастырь, – говорит ей, – даже слепому видно, колокольня со всех сторон пристреляна, там наблюдатели сидят».

«Слепому, может, и видно, да не каждый зрячий его видит», – с улыбкой возразила она.

Сказала – и словно растаяла мо мгле. Вернулся тот с поста – и прямым ходом доложить обо всем. И что-то, видать, шепнуло командиру поверить словам часового. Еще бы! Когда смерть в затылок дышит, во что угодно поверишь, лишь бы живым остаться.

Приказал он батальону немедленно укрыться в монастыре, а по эту сторону реки оставил для прикрытия только одну роту. Зарылись бойцы в окопы, замаскировались. Утром смотрят: летят самолеты с немецкими крестами, неба не видно. И прямо на монастырь.

«Все, – решил комбат, – теперь нам точно крышка».

Но самолеты прошли в сторону переправы – и только земля под ногами задрожала. Когда батальон возвратился туда, то кишки их товарищей по всем деревьям висели. Все, кто там был, погибли. А эти чудом живыми остались. Вот и думай теперь сама, кто такая эта Аннушка, – завершил свой рассказ Паша.

Ольга молчала, слушая рассказ Паши и тихие звуки гитары из магнитофона. Ей тоже все это казалось сказкой, хотя и очень похожей на быль.

– Монастырь здешний не всегда женским был, – опять заговорил Паша, взглянув на Ольгу, чтобы убедиться, что ей интересно слушать его. – Когда-то тут и монахи жили. Нарыли нор, как кроты. Только вот

никаких чертежей не оставили после себя. Куда ведут эти ходы, где заканчиваются – никто не знает. Многие пробовали лазить там, да не все возвращались. А кто возвратился, то рассказывают, что есть такие места в этих подземельях, что на коне можно свободно проехать, даже не пригнув головы. Когда-то эти пещеры взаправду военным целям служили. Окружит монастырь нечисть вражья, монахи с ополченцами скроются в тех пещерах, а потом, откуда ни возьмись, в спину неприятелю ударят. В войну об этих лабиринтах вспомнили, ведь в здешних лесах партизанская война шла. Рассказывают, что однажды во время погони группа партизан юркнула в одну такую нору, а за ними эсэсовцы. Так ни тех, ни других никто больше и не видел. Наверное, до сих пор под землей друг за другом гоняются, как кошка за мышкой.

Паша, судя по всему, опять повеселел.

– Еще поговаривают, что Аннушка к бабам особенно благоволит. Кому сама встретится, а кому во сне. А бывало, что вроде как на ушко пошепчет – и на душе легче станет. По-разному является…

И вдруг весь повернулся к Ольге:

– А хочешь, расскажу самое смешное?

– Расскажи, – ответила Ольга. – Может, быстрее доедем. А то тебе, наверное, надоело со мной возиться, да и мне б засветло к месту добраться.

– Доберешься, я же сказал, – ответил Паша и опять хохотнул, – если только голодные волки по дороге не слопают.

– Да ну тебя! – Ольга махнула на него рукой.

Паша вдруг перестал смеяться и серьезно сказал:

– Я эту самую Аннушку тоже видел.

Ольга изумленно посмотрела на Пашу.

– Видел, видел, – твердо сказал он. – Хочешь верь, а хочешь не верь.

– Вот когда расскажешь, тогда и решу, – уклончиво ответила Ольга, давая, однако, понять, что готова внимательно слушать.

– Ехал я давеча по этой самой дороге, по снегу колею успели накатать. Клиент уговорил отвезти его в соседнюю деревню, километров тридцать – это уже край здешней географии. Дальше дороги вообще нет, сплошной лес партизанский. Не хотелось везти. Дома был сплошной лазарет: пацан мой, Лешка, температурил третий

день, жена тоже болела без конца. Но жалко мне стало того человека, как и тебя, на полпути бросать. Отвез его и еду назад. Кругом ни души.

Вдруг вижу: на обочине дороги стоит кто-то. Подъезжаю, останавливаюсь. Вообще-то народ у нас тут горьким опытом наученный: никому не останавливаться на пустынной дороге – пусть то баба будет или сам леший с балалайкой. Один простак наш однажды остановился – жалко ему стало молодуху с ребеночком на дороге оставлять. Только притормозил, а из-за кустов двое ее дружков выбежали, по башке саданули чем-то тяжелым, да так, что когда он очухался, тех уже и след на его машине простыл. А рядом тот самый «ребеночек» лежал: тряпки, лохмотья разные, в одеяльце детское завернутые.

Посмотрел я по сторонам – вроде, никого больше не видно. Все деревья и кусты голые, сплошной снег. Гляжу: стоит не то монашка, не то странница какая, как их раньше в книжках рисовали. Молча открываю дверцу – она молча садится на то самое место, где ты сидишь. Еду, кручу баранку, ни о чем ее не спрашиваю. Да и не до разговоров мне тогда было, в голову только одно лезет: как там, дома?

Проехали мы лес, она вдруг просит меня остановиться:

«Дальше, – говорит, – сам езжай, а у меня дела есть».

Какие, думаю себе, могут быть дела среди снега и голого леса? Стала она выбираться из машины, и только тут я заметил, что она ступает в снег босыми ногами! Я повернулся, достал из сумки на заднем сиденье теплые сапожки, Ленке своей в городе купил, и молча протягиваю ей. А она внимательно так посмотрела мне в глаза, отчего стало мне вовсе не по себе, а потом и говорит ласково: «Спаси Господи за доброту твою, но мне они без нужды. Ты же везешь их женушке своей, вот они ей понадобятся».

Повернулась, ступила шаг от машины в снег, потом поворачивается и говорит мне: «И не печалься, болезнь уйдет из твоего дома». И словно растворилась в сумерках. Я после этих слов в оцепенении долго просидел. Потом меня как громом ударило: «Аннушка!».

Еду назад и думаю: рассказать кому или нет? Поверят, что с Аннушкой повстречался или будут пальцем у виска крутить? Вспомнил, чем закончились тогда Мишкины шуточки, и решил – никому!

Немного помолчав, Паша добавил как бы про себя:

– Ведь совершенно босая, по такому снегу и морозу. Куда пошла и к кому – ничего не сказала. Вот так я с ней и познакомился.

Потом, вдруг снова взбодрившись, продолжил:

– Но ведь это еще не все! Приезжаю я домой, захожу, а Ленка моя из кухни выходит с малым на руках. Кормила, видать: мордашка его вся в каше была. Обрадовано говорит мне: «Гляди, а сыночек наш уже хорошо поел и температуры нет у него».

– А что ж ты о том случае жене не рассказал? – спросила Ольга.

– Ленке? Да она у меня…, – Паша хотел что-то добавить, но замолчал. – Чудаковатая малость. Не в том смысле что «того», – сняв правую руку с рычага передач, он выразительно покрутил указательным пальцем у виска. – Девчонка она у меня хорошая, ласковая, заботливая, но верит во всякие там чудеса, видения, разные небылицы. Иногда вижу: стоит перед бабкиной иконой, крестится, что-то шепчет, книги старые с чердака повытаскивала, читает. В общем, тихо сама с собою. Но я не стараюсь особо лезть к ней в душу с расспросами на эту тему. Пусть себе верит…

Паша снова замолчал, но Ольга чувствовала, что он, видимо, хотел сказать еще что-то.

– Чего в душу лезть людям? – после небольшой паузы, теперь словно разговаривая уже с самим собой, сказал Паша. – В доме она порядок держит? Держит. За пацаном ухаживает? Ухаживает. Со мной ласковая. Так чего ей в душу лезть? Хочется ей в монастырь ходить – пусть ходит. Ее можно понять: куда еще в нашей глуши пойти? Раньше хоть в киношку сбегать можно было. Новую комедию или боевичок посмотреть, с людьми пообщаться. А сейчас что? До города далеко, да и ребенок на руках. Клуб в нашем поселке давно заколоченный стоит. Вот и остается только одно утешение – телек. Так и там взяли моду: пять минут кино, а двадцать пять – реклама. Вконец достали своими памперсами, перхотью, стиральными порошками, жвачкой!

Слегка притормозив, он объехал глубокую выбоину.

– А в монастыре и впрямь хорошо, – продолжил он. – Я был там раз несколько. Красотища, признаюсь тебе, была неописуемая! Особенно мне пение их понравилось.

Паша как–то по–особенному вздохнул, переключил передачу и машина побежала быстрее, выехав на более ровную дорогу.

Теперь замолчали оба. Наконец, Ольга в задумчивости спросила:

– Паш, а ты сам-то крещеный?

– Вроде не нехристь, – безразлично ответил он и добавил:

– По крайней мере, мамка моя так мне сказала, когда мы крестить ребенка несли в монастырь. Там ведь со всем этим делом строго.

– О своей встрече с Аннушкой ты действительно никому не рассказывал? – повернувшись к Павлу лицом, переспросила еще раз Ольга.

– Не-а, никому, – ответил Павел. – Тебе – первой. И, наверное, последней.

– Почему? – искренно удивилась Ольга.

– Да так, – задумчиво ответил Паша. – Незнакомым людям всегда легче открывать свою душу. Не замечала?

– Может, ты и прав. Да только не всегда первому встречному душу открывать хочется, чтобы туда мимоходом не наплевали, – все еще находясь под впечатлением от рассказа, в задумчивости сказала Ольга. – У меня репутация подмочена сильно. Небось, на вокзале предупредили тебя, чтобы не слишком со мною откровенничал? Не боишься?

– Я вообще давно уже ничего не боюсь, – решил закончить этот разговор Паша и увеличил громкость магнитофона.

4. ПЕРЕПРАВА

Так они ехали примерно еще полчаса. Наконец, Паша остановился и развернул машину в обратную сторону.

– Дамы и господа, наше путешествие завершается, – нарочито торжественно объявил он и уже вполне серьезно добавил:

– Я бы и дальше тебя повез, но дальше, – он показал рукой в сторону пологого лесного спуска, – только вездеходом.

Ольга потянулась за своей спортивной сумкой, которая лежала на заднем сиденье, расстегнула боковой карман и достала небольшой пакет. Паша мельком успел заметить, что в нем лежали доллары – целая пачка. Ольга протянула ему сотню – одной купюрой:

– Надеюсь, этого хватит за все доставленные неудобства и непредвиденные расходы?

– Ого! – воскликнул от удивления Павел. – Это что, в тюрьмах теперь баксами рассчитываются? Кучеряво живем! Хоть самому на нары, а потом – на Канары!

Он взял протянутые деньги, повертел перед собою на уровне глаз, посмотрел на просвет.

– Не бойся, не «кукла», не фальшивые, – опередила его сомнения Ольга, закрывая сумку, – а на зону не торопись. Знаешь, как мудрые люди говорят: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся». Только потом никаким баксам рад не будешь.

– Я не о том подумал, – сказал Павел, повернувшись к Ольге.

– А о чем же? – Ольга пристально посмотрела ему в глаза.

– По правде сказать, с красавиц, спортсменок и комсомолок мы денег не берем, – он вдруг положил Ольге руку на плечо и легонько потянул к себе. – Обычно такие красавицы с нами не так рассчитываются. А деньги – это мусор: сегодня есть – завтра нет.

Ольга быстрым движением освободилась от объятий:

– Давай-ка, парень, по-хорошему расстанемся. Честное слово, я благодарна тебе, что ты не побоялся с зечкой ехать, даже угостил меня. На этом и остановимся, чтобы с тобой действительно беда не приключилась.

В ответ Паша громко рассмеялся:

– Беда? Со мной? Ну, мать, ты даешь стране угля! – он с хохотом откинулся на спинку. – Да я тебя в этой глуши могу заставить делать все, что захочу и сколько захочу. Тебе все равно никто не поверит, если где вздумаешь языком ляпнуть.

– Один твой дружок, помнится, тоже хотел не так давно кое с кем-то же самое сделать, – ответила Ольга, не сводя с Паши глаз. И открыла дверцу, чтобы выйти. Павел придержал ее:

– Ладно, не сердись, – примирительно сказал он. – Я думал, что немного согрею тебя лаской. Небось, забыла, что это такое?

– Паша, – вдруг улыбнувшись, ответила Ольга, – в моей жизни было столько ласки и всего остального, что я и рада бы забыть, да не забывается. А ты лучше поезжай домой, а то и впрямь пойдет гулять сплетня, что ты с незнакомыми бабами в лес шастаешь. Скандалу не оберешься. Сам ведь говоришь, что ласковая она у тебя, заботливая. Чего еще надо?

– Все, забыли, – окончательно умиротворенным тоном сказал Павел и открыл свою дверцу.

Ольга вышла из машины и тут же вся ее правая ступня погрузилась в глубокую холодную лужу. От неожиданности она

вскрикнула.

– Что же с тобой будет, когда ты в своих кроссовочках до речки дойдешь? – незлобно рассмеялся Паша. – В лесу ведь местами утонуть можно.

Он открыл задний багажник и вытащил оттуда пару резиновых сапог:

– Держите, мадам, – и протянул их Ольге. – Это лесная обувь моей любимой и ненаглядной Ленуси.

– А как же я их верну? – спросила Ольга, понимая, что в кроссовках она действительно далеко не сможет уйти. Запустив руку в сапоги, нащупала там и теплые шерстяные носки домашней вязки.

– Как-нибудь, – махнул рукой Паша. – Даст Бог, еще увидимся, если ты из своей берлоги монастырской до лета не смоешься. Ленка туда ездит. Если б не семья, тебе наверняка б кампанию составила.

Паша встал лицом к тропинке, которая убегала в самую чащобу весеннего леса.

– Значит, так: по этой тропочке до реки добрый час ходьбы. Сворачивать некуда. По ней выйдешь прямо к переправе, если, конечно, ее успели поставить.

– А если не успели? Тогда вплавь? – не теряя чувства юмора, решила уточнить Ольга.

– Можно и вплавь, – поддержал ее в таком же духе Павел. – А можно, как Христос: по морю, аки по суху. Ленка мне эти сказки читала.

– А если серьезно?

– А если серьезно, то дела ваши плохи, мадам. Тогда один выход: по этой же самой дороженьке пешочком назад, в нашу деревню. Дорога тут одна, не заблудишься, к ночи доберешься. Без стеснения стучи к нам в калитку: пустим, обогреем, колыбельную споем. И Ленусе моей будет с кем поговорить на божественные темы, я ей в этом деле плохой собеседник. А там решим, что дальше делать.

– Неужели другого выхода нет? – настроение Ольги сразу упало.

– Как тебе сказать? Если тебе все же крупно повезет, то иногда монашки с того берега спускают лодку. Так что проси Всевышнего, чтобы послал тебе чудо. Ну а не пошлет, то ноги в руки – и назад, иначе пропадешь.

– В каком смысле?

Паша опять не удержался от смеха:

– Я ж тебе говорил: в смысле волков!

Ольга совсем растерялась и, не зная, что ответить, грустно смотрела на лесную тропу.

– Если все же переправишься – по мостику или еще как, то с того берега до монастыря еще часок ходьбы по такому же лесу. Только здесь дорожка под горку, а на том берегу – в гору. Так и иди, пока в их ворота не упрешься, а там сторож сидит всегда. Бывай здорова, монашка!

Паша открыл дверцу машины и хотел сесть за руль. Неожиданно Ольга окликнула его, подошла поближе и почти шепотом спросила:

– Как думаешь: для чего мы живем в этом мире? Что нас тут держит?

Он не выдержал вопрошающего взгляда, потер подбородком об воротник своей штормовки, перевел глаза куда -то поверх Ольгиной головы и, вздохнув, задумчиво ответил:

– Я над такими вопросами стараюсь не думать. С ума сойти можно. Может, и есть сила какая-то, которая и наказывает людей за их злодеяния, и прощает их согрешения. А я…

Павел выдержал небольшую паузу и скороговоркой добавил:

– Что я? Мне бы баранка крутилась, да ни гвоздя, ни жезла на дороге. Что за день накручу, то и мое. И в этом вся моя вера. К другому просто не приучен. Да и некому было учить меня вашей грамоте церковной.

Он сел за руль и посигналил на прощанье. Эхо разнеслось по всему лесу, заглушая пение птиц. Через минуту машина вовсе исчезла из виду.

Ольга осталась совершенно одна. Облокотившись спиной о старую раскидистую сосну, она первым делом переобулась: поочередно стащила с себя насквозь промокшие кроссовки, надела теплые носки, а на них резиновые сапожки. Пришлись они в самый раз, нигде не жали и не болтались. Перекинув рюкзак через плечо, легко пошла в том направлении, которое ей указал Павел. Идти в новой обуви было одно удовольствие. Стараясь обходить топкие места и лужи, Ольга ускорила шаг, надеясь быстрее попасть к речной переправе. За годы заключения она отвыкла от настоящей природы, и поэтому внутренне радовалась всему, что ее сейчас окружало: слегка

позеленевшему лесу, весеннему щебетанию птиц, шуму ветра, который кружился где–то в верхушках вековых сосен.

– Господи, как хорошо тут! – подумала она, на ходу оглядываясь по сторонам.

Смолистый воздух слегка пьянил ее.

– Как хорошо! – ей уже больше ни о чем не думалось. – Теперь я понимаю, почему в таких лесах прятались отшельники, строились монастыри. Потому что тут просто хорошо!

Неожиданно прямо перед ней мелькнуло яркое фиолетовое пятно. Ольга остановилась и присмотрелась. Это было настоящее царство лесных цветов! Забыв о времени, она упала на колени и стала рвать их, с наслаждением вдыхая слегка пьянящий аромат. Ольга даже не хотела вспоминать о том, о чем предупреждал ее Паша. Все эти опасности ей сейчас казались абсолютно нереальными среди весеннего прозрачного леса, цветов, весело шумящего ветра и яркого солнца. От переполнивших ее светлых чувств она даже замурлыкала в такт собственным шагам песенку из далекого детства:

Нам не страшен серый волк,
серый волк, серый волк;
где ты бродишь, серый волк,
старый страшный волк?..

И тут же пожалела, что этой безобидной песенкой накликала беды. Она вдруг услышала за своей спиной нарастающий топот какого-то лесного зверя. С испугу показалось, что за ней гонится целая стая диких, обезумевших от голода серых хищников, напавших на след ее резиновых сапожек. Отскочив к корявой сосне и присев, Ольга осторожно выглянула из-за дерева. И тут же рассмеялась. Параллельно с тропкой, по которой она только что шла, метрах в десяти, бежала старая лосиха, а за ней молодой детеныш. Маленький едва поспевал, смешно раскидывая в стороны тонкие ножки, а лосиха широкими шагами впечатывала мощные копыта в мокрую лесную землю. Оба даже не обратили внимания на притаившуюся за деревом Ольгу.

– Так и заикой остаться можно, – подумала она, стряхивая с себя остатки нервной дрожи от испуга.

Часов у нее не было, поэтому о времени можно было лишь догадываться. Ольга посмотрела на солнце: оно висело еще достаточно высоко. Ей казалось, что впереди у нее еще неблизкий

путь, однако вскоре с небольшого лесного пригорка открылась широкая лента реки, блестевшая ослепительной синевой под солнцем. Тропинка стала еще круче, сбегая к самому берегу, где уже виднелось начало переправы. Ольга убавила шаг, медленно сошла с крутизны склона к воде – и тут же со стоном опустилась на пригретую солнцем землю. Переправы не было. У берега лежали лишь сложенные штабелем брусья и балки, а через всю ширину реки – от берега до берега – торчали черные дубовые сваи, служившие опорой для деревянного настила.

Ольга представила грустную перспективу возвращения назад, в село, где ее обещал приютить на ночлег Паша. Приподнятое настроение мгновенно улетучилось. Ольга почувствовала, как на нее нахлынула огромная волна усталости – от дорог, вокзалов, двусмысленных шуток ее попутчиков, допросов и расспросов. Но другого выхода просто не было. Не прыгать же с одной сваи на другую, раскинув руки в стороны, словно птица!

Ольга мрачно усмехнулась, представив себя в такой позе. Эта живописная картина немного вернула ей настроение. Около двух часов езды в машине, весенний воздух, прогулка пешком по лесу нагнали аппетит. Ольга расстегнула рюкзак и достала оттуда остатки еды, взятой в дорогу. Расстелив прямо на молоденькой травке бумажную салфетку, выложила содержимое пакета. В нем было два бутерброда с сыром, два вареных яйца, одна жареная рыба и булка.

«Прямо-таки царский стол», – опять про себя усмехнулась Ольга, подошла к самой кромке реки, присела на корточки и ополоснула руки. Вода была еще ледяной, но очень мягкой – настолько, что ей показалось, что она намылила руки и никак не может смыть с них пену. Стряхнув капли, возвратилась к своему «столу». Взяв рыбу, сразу почувствовала исходивший от нее нехороший запах.

– Испортилась? Ну, тогда плыви, рыбка золотая, к далекому синему морю, откуда тебя вытащили, – кинула ее в реку и принялась жевать бутерброды. Они уже были жестковатые. Только сейчас пожалела, что не догадалась купить воды: сухой кусок плохо шел в горло.

Дожевав всухомятку, она уже хотела смахнуть крошки хлеба и яичную скорлупу в речку, как тут неожиданно прямо перед ней сели два голубя и начали ворковать, словно выпрашивая себе угощения.

– Вы-то откуда взялись? – удивилась вслух Ольга таким гостям. Размяв пальцами скорлупу и, смешав ее в ладони с крошками хлеба, Ольга стала подбрасывать все это голубям. И тут, прошумев в воздухе крыльями, к ним приземлилась еще одна пара. Голуби, воркуя, принялись старательно клевать брошенные прямо у ее ног крохи, подныривая друг под дружку. Ольга присела на край лежащего рядом бревна и молча стала наблюдать за суетящимися голубями. От еды и теплого солнца, гревшего спину, навевало сонливость.

Мысли в голове начинали мешаться и толкаться, как воркующие перед ней голуби. То она пыталась сообразить, что могут делать в диком лесу совершенно домашние, почти ручные птицы; то в ее полусонном сознании билась тревогой другая мысль – о переправе. Ольге хотелось поскорее в монастырь. Ей казалось, что там, за крепкими монастырскими воротами, наконец-то закончатся все ее злоключения, несчастья и беды, которые преследовали ее последние годы, и жизнь будет протекать тихо, спокойно, ясно, как огонь в монастырской лампадке. Сквозь нарастающую сладкую дрему Ольге даже почудился аромат ладана и настоящего пчелиного воска.

– Они наши, монастырские, – вдруг как во сне услышала она рядом чей-то голос. От неожиданности Ольга даже вздрогнула. Подняв глаза, она увидела прямо перед собой совсем еще молодую девушку, одетую во все черное, монашеское. Незнакомка подошла еще ближе, присела на корточки и тоже подбросила голубям щепотку накрошенного хлеба.

– Умная птица и добрая – голубь, – тихо сказала незнакомка. – Голубь только добро людям несет, его нельзя обижать. Потому он так к людям льнет и верит им. Не зря Господь сказал: «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби». Голубь всегда возле людей, под их крышей. Так и мы должны жить под крышей Отца нашего Небесного, Который нас питает, хранит, не обижает, заботится о нас.

Какой-то благоговейный страх и трепет наполнил душу Ольги. Она боялась спросить незнакомку, о чем в это мгновение подумала, а лишь слушала, наблюдая, как голуби склевывали последние брошенные им хлебные крошки.

– И Ною праведному голубка добрую весть принесла. И Дух Святый в образе голубином людям явился, – продолжала молодая черница, тоже наблюдая за голубями. – У нас в монастыре их много

теперь живет. Некоторые сестры ропщут, что голуби купола пачкают, а матушка игуменья этих святых птиц жалеет. Возле ее окна голуби всегда сидят, ждут, когда им гостинчика из форточки бросят. А как бросят – крошек хлебных со стола или зернышек, то их целая стая слетится. Рады, как дети малые…

Монашечка тихо засмеялась радостным детским смехом. Потом поднялась, оправила длинное черное платье и так же тихо обратилась к Ольге:

– А я тебя, сестричка, уже жду. Думала, что ты спустишься к реке вон там, повыше, – она показала рукой, – а ты, оказывается, здесь сидишь, деток наших монастырских угощаешь. Спаси тебя Господь за доброту.

Ольгу не покидало странное состояние. Все происходящее с ней сейчас казалось ей сном, чем-то совершенно нереальным, даже мистическим.

– Пойдем, сестрица, пойдем, – ласково сказала ей незнакомка, – там лодка стоит, я тебя на тот берег переправлю. А уж оттуда до обители опять лесом пойдешь, но это недолго. Как раз к вечерней трапезе поспеешь. Сестры-то как рады будут гостье!

Ольга механически застегнула рюкзак, подняла с земли собранный в лесу букет и, ни о чем не спрашивая, пошла следом. Пройдя немного, она увидела небольшую лодку, нос которой был вытащен на илистый берег. Ольга вошла в нее и села. Монашка оттолкнула лодку от берега и ловко запрыгнула в нее, удержав равновесие. После этого села напротив, поставила весла в гнезда и стала неспешно грести к противоположному берегу. Только теперь Ольга увидела, что ноги у незнакомки были совершенно босыми. На дне лодки плескалась еще ледяная вода, которая при каждом взмахе весел касалась ее голых ступень.

«Неужели ей не холодно? – словно сквозь дремоту подумала Ольга, уставившись в босые ноги черницы. – Куда мы плывем? Откуда?..».

Неожиданно черница тихо запела:

Стоїть гора високая,
Попід горою гай,
Зелений гай, густесенький,
Неначе справді рай.

Під гаєм в’ється річечка:
Як скло вона блищить,
Долиною широкою
Кудись вона біжить…

«Неужели ей не холодно? – лишь одна неотвязчивая мысль мучила Ольгу. – Куда мы плывем? Что это за песня? О чем?».

– Я сиротой росла, – сказала монашечка, словно прочитав мысли Ольги. – Мама моя рано ушла из жизни, а папа еще раньше. Я их не помню. Я вообще своего детства почти не помню. А вот песни, которые мне мама пела, помню. Мы в Украине жили, а там люди красивые песни слагают и петь их умеют красиво. Так красиво больше нигде не умеют петь. И песен таких ни у кого больше нет… Они думать учат…

И тихонько продолжила:

Край берега у затишку,
Прив’язані човни;
А три верби схилилися,
Мов журяться вони,
Що пройде любе літечко,
Повіють холода,
Осиплеться їх листячко –
І понесе вода.
Журюся я над річкою –
Біжить вона, шумить,
А в мене бідне серденько
І мліє, і болить…

Ольга окончательно потеряла чувство реальности. Она не видела перед собой ни лодки, ни реки, ни лица незнакомки, сидевшей прямо перед ней. Воображение рисовало ей какую–то фантастическую картину: старинное украинское село, аккуратно мазаные хаты под соломенными крышами, речушка, три вербы, склонившие ветви до самой воды… Молодая украинка тихо поет песню над головкой спящей девочки…

– И волков в лесу не бойся, – доносилось Ольге издалека, словно из тумана. – Теперь весна, у зверей другие заботы. Они тебя не тронут…

«Почему же ей не холодно босыми ногами в ледяной воде стоять? – наконец нашла нить связанной мысли Ольга. – Кто она? Куда я иду?..».

– И змей ты напрасно испугалась, – опять разбивая Ольгины мысли, доносился голос таинственной незнакомки. – Весной они не опасные. Вылезут из своих норок и греются на весеннем солнышке. Им ведь тоже тепла хочется. А то клубочком свернутся и играются, как дети. Напрасно ты их испугалась и не пошла за цветами…

– Вот и приплыли, – снова издалека донесся голос монашки. – Выходи сестричка, дальше пойдешь сама. К вечеру успеешь. Иди с Богом вот по той тропинке к самому монастырю.

Ольга вышла из лодки и стала смотреть в ту сторону, куда рукой указала ей монашка. Прямо из-под ног Ольги в сторону густого леса убегала узенькая тропочка. Оглянувшись назад, чтобы поблагодарить свою спасительницу, Ольга, к своему изумлению, не обнаружила ни лодки, ни молодой монашки. Словно очнувшись от сна, она увидела, что стоит на другом берегу. Только теперь она стала окончательно приходить в себя.

На какой-то миг сомнения вновь вернулись к ней.

«Может, ничего и не было вовсе? – подумала Ольга. – Может, мне это все померещилось? Тогда почему я стою тут, а не там?».

Она увидела берег, с которого только что переправилась, и торчавшие из воды черные сваи. Последние сомнения исчезли. Ольга перекинула рюкзак на спину и снова вошла в лес. Сверкающая лента реки осталась у нее за спиной.

5. МОНАСТЫРЬ

Весеннее солнце быстро клонилось к закату. Истосковавшаяся за теплом земля не хотела расставаться с ним даже до следующего утра и словно пыталась удержать дневное светило над линией горизонта. Ветер по-прежнему шумел в кронах высоких сосен, при каждом дуновении обдавая Ольгу пьянящим ароматом весны. В лесу с каждой минутой становилось все сумрачнее и прохладнее. Ускорив шаг, Ольга вдруг вспомнила слова заблудившегося муравья из старого мультика и, взглянув на косые солнечные лучи, которые теперь едва пробивались сквозь могучие стволы и ветви деревьев, стала декламировать вполголоса:

Солнышко скроется –

Муравейник закроется,
Через два часа упадет роса,
А к утру и вовсе помру…

Увидеть обитель издали было невозможно. Это когда-то монастырь стоял, словно могучий богатырь, на широком просторе, очищенном заботливыми руками его обитателей от лесной чащобы. Теперь же он укрылся, спрятался за обступившим его со всех сторон лесом, словно стыдясь того, что от него осталось. Остались же нетронутыми лишь каменные стены, за которыми выглядывала старая колокольня и маковка собора. Самих же монастырских поселений не было видно. Монахи жили в скромных кельях, связанных между собою галереями и переходами, которые окольцовывали монастырь внутри двора. Попасть вовнутрь можно было через единственные арочные ворота с калиткой, наглухо запиравшиеся от всех посторонних.

Жизнь монастыря протекала размеренно и без суеты. Лишь в большие праздники сюда съезжались люди из окрестных сел, чтобы помолиться в единственном на всю Заозерскую глухомань храме. Здесь же время от времени просили приюта одинокие странники, скитавшиеся из городов в села, из сел снова в города, где сохранились святые храмы, обители, святые люди и святые предания. Сам здешний воздух, казалось, был напитан молитвами и воздыханиями многих поколений его обитателей, упокоенных на старом монастырском погосте, растворившемся в зелени и тишине леса.

Подойдя к обители, Ольга услышала за калиткой негромкие женские голоса. Она робко постучала. И тут же под самым крестом, нарисованным черной краской на калитке, открылось маленькое окошечко. Оттуда выглянуло лицо немолодой женщины, голова которой была покрытая легким шерстяным платком. Без всякого удивления она посмотрела на посетительницу, ожидая от нее слова.

– Здравствуйте, – робко выдавила из себя Ольга.

– И вы здравствуйте, голубушка, – на лице женщины по-прежнему не отразилось ни одной эмоции.

– Мне, наверное, сюда…

Ольга растерялась и не могла найти подходящих слов.

– Не знаю, – женщине явно не хотелось вступать в разговор с незнакомкой. – Кому сюда, а кому отсюда. Вы к кому-то конкретно или

так, из любопытства?

Ольга перехватила пристальный взгляд, которым женщина в платке смерила ее с головы до ног, пытаясь угадать, кто она и зачем сюда пришла. Сняв с плеча рюкзак, Ольга достала почтовый конверт и вытащила лежавшее в нем письмо.

– Мне к матушке Марии, настоятельнице вашей, – сказала она, разворачивая письмо и протягивая его в окошко. – Она меня приглашала.

Женщина молча взяла письмо, раскрыла его, мельком взглянула и, видимо, узнав почерк настоятельницы, тут же вернула его Ольге, даже не став читать. За дверью послышался лязг тяжелого засова. Калитка открылась, и женщина пригласила Ольгу пройти вовнутрь. Та зашла и снова ощутила на себе пристальный взгляд – теперь уже монахини возрастом помоложе.

– Вообще-то в наш монастырь женщины и девушки в штанах не ходят, – недовольно заметила она, презрительно посмотрев на джинсы.

Слегка усмехнувшись, Ольга не сдержалась:

– А без штанов я как-то постеснялась появиться тут.

Старшая строго одернула:

– Женщина в штанах – что мужик в платье! Грешно ходить в таком виде, тем более в монастырь. Грешно. Вот отправлю назад, чтобы привела себя в надлежащий вид, и будешь в следующий раз знать о наших порядках.

– Да я и теперь буду об этом знать, – мирным тоном сказала Ольга, пожалев о своей дерзости, – а идти назад переодеваться мне немного далековато. Боюсь, что придется в лесу ночевать.

Такой кроткий тон немного расположил к себе старшую. Она указала Ольге на лавочку, а сама пошла в сторону галереи:

– Доложу матушке. В самом деле, не ночевать же в лесу.

Ольга осталась одна. Присев, она спокойно осмотрелась. Монастырский двор был абсолютно пуст. Большая массивная дверь единственного храма тоже была закрыта. Закат быстро сменялся вечерними сумерками, и кое-где в маленьких окошках уже мерцали огоньки лампадок и свечей, заменявших собой электрические лампочки. Не увидев ничего необычного, Ольга попыталась представить себе то, о чем рассказывал ей Паша: беззащитную, хрупкую Аннушку, которую волокли за собой озверевшие большевики;

солдат, поспешно входивших сюда под покровом ночи в надежде укрыться от немецких бомб. Еще Ольга представила себе здоровяка Мишку, которого друзья вели под руки в келью старца.

– Матушка ждет, – услышала она голос, прервавший ее воображения. Ольга вновь увидела перед собой ту самую немолодую женщину в легком шерстяном платке, которая отворила ей двери обители. Так же молча, показав взглядом следовать за ней, она пошла вперед по вымощенной серым булыжником дорожке к галерее. С нарастающим волнением Ольга следовала за ней.

– Ох, достанется вам за штаны, ох, и достанется, – покачав головой, вновь недовольно проворчала женщина. Они прошли вдоль галереи, никого не встретив на своем пути. Наконец, остановившись возле двери с нарисованным на ней маленьким крестиком и таким же маленьким, только нанесенным свечной копотью над дверным косяком, женщина тихонько постучалась, произнеся немного нараспев:

– Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас...

И тут же в ответ изнутри послышалось тихое, но отчетливое:

– Аминь. Входите с Богом, не стойте на улице, холодно ведь.

Женщина отворила дверь и вошла первой. Сильно волнуясь, Ольга прошла следом, пригнув голову, чтобы не удариться об низкий косяк.

Вечерние сумерки почти не отличались от полумрака, который царил в келье настоятельницы. Сама ж келья была просторной, но с одним маленьким оконцем, к тому же выходило оно не на солнечную, а на темную, северную сторону монастырского двора.

С противоположной стороны окна в стене находилась такая же невысокая дверь. Единственным источником света не только вечером и ночью, но и днем, были лампады и свечи, горевшие возле образов и перед большим массивным аналоем, на котором лежали аккуратно сложенные книги. Однако, несмотря по царивший тут полумрак, в келье было очень уютно и тепло. Печка, сохранившаяся тут с незапамятных времен, исправно несла свою службу, не скупясь на тепло. Почти все стены кельи были в образах: от старинных, в массивных окладах и киотах, до простеньких цветных и даже черно-белых литографий в рамочках под стеклом.

Сама настоятельница обители – старенькая игуменья Мария – сидела возле аналоя в глубоком кресле. Колени ее были прикрыты темно–синим шерстяным покрывалом. Было видно, что приход Ольги оторвал ее от углубленного келейного чтения – поверх покрывала она держала в руках раскрытую книгу в темном переплете с застежками. Благородное лицо игуменьи, которого уже коснулся бег времени, сохранило черты интеллигентности и скорее напоминало лицо старой доброй учительницы. Черный шерстяной платок на голове до бровей прикрывал ее лоб и четко контрастировал с бледностью лица. От игуменьи исходило ощущение спокойствия и доброты, а светлые глаза с лучиками морщин у висков смотрели на Ольгу тепло и по-матерински ласково. У Ольги отлегло от души и она успокоилась.

– Здравствуйте, матушка Мария, – сказала Ольга, робко поклонившись на образа. Стоявшая рядом провожатая тут же одернула ее:

– Нет у нас слова «здравствуйте». Надо просить благословения.

Но игуменья остановила ее:

– Матушка Антония, все приходит со временем. Вспомни, какой ты пришла к нам. А в слове «здравствуйте» нет ничего плохого. Здравствуйте – значит, будьте во здравии, телесном и душевном. Этого нам всем не хватает.

И потом обратилась уже к Ольге:

– Подойди ко мне поближе.

Ольга подошла и смущенно опустила голову. Она не знала, как себя надо вести, что говорить и что делать.

– Какая ты стройная, словно березка, – улыбнулась настоятельница, не вставая из своего кресла. – А ну-ка опустись ко мне еще ближе, встань на коленочки, не бойся, а то ведь я до тебя не дотянусь. В моем возрасте уже вниз растут, к земле поближе.

Смутившись еще больше, Ольга опустилась на колени прямо перед игуменьей. Та ласково посмотрела на нее, сухой теплой ладошкой провела по щеке, погладила по волосам, обняв ее за плечи, притянула к себе и нежно поцеловала в голову. Ольга не успела сообразить, что с ней произошло: непонятно откуда нахлынувшая теплая волна наполнила душу. Все чувства, что были далеко спрятаны в тайниках истерзанного сердца, сейчас рвались наружу, словно ждали этого момента. Предательский ком подкатил к горлу, перехватил

дыхание. Глаза Ольги наполнились слезами, и она заплакала, уткнувшись в старческую грудь игуменьи. Невыразимо теплое чувство вытеснило всю горечь последних лет жизни, все обиды, неправды, злобу и отчаянье. Она не могла вымолвить ни слова, а лишь рыдала и рыдала, давая волю неизвестно откуда нахлынувшим слезам.

– А вот поплакать мы еще успеем, – так же ласково сказала игуменья, приподняв ей голову и краем платка вытирая Ольге слезы. – Ты, голубка, слезки-то свои побереги. Наша жизнь монастырская вся на слезах покаяния построена, ими мы душу свою омываем от скверны греховной.

– Ох, матушка, – тяжело вздохнула Ольга, – не хватит мне слез выплакать мои грехи. Не хватит мне никаких слез, чтобы отмыться от всей грязи, в какой я жила все эти годы…

– Ничего, – успокоила ее настоятельница, погладив по голове, – ничего, детка… У всех нас не хватит слез, чтобы оплакать наши грехи. Только мы судим так, а у Бога, милая, каждая слезинка наша, даже часть слезинки вес имеет. Господь милостив, Он Сам сказал, что пришел на землю призвать к покаянию не праведников, а грешников. Вот и тебя не оставил, к вере святой привел.

Ольга молчала, слушая слова старой игуменьи.

– Мать Антония, – обратилась настоятельница к женщине, открывшей Ольге монастырские ворота и проводившей ее в келью, – как же ты не узнала нашу гостью? Столько раз мне сама письма от нее с почты приносила, столько раз посылки ей отправляла – и не смогла узнать, кого к нам Господь привел?

Женщина виновато опустила голову и как бы в оправдание ответила:

– Да кто ж мог знать? Кабы телеграмму дала, у реки б встретили.

– В самом деле, – игуменья усадила Ольгу на крохотную табуретку рядом с собой, – как ты добралась к нам? Ведь переправы еще нет, недельки через две обещают наладить. Ты, случаем, не вплавь через реку-то?

Ольга первый раз в присутствии игуменьи улыбнулась, вытерев последние слезы:

– Нет, матушка, пловчиха из меня плохая. И до середины реки не дотянула б, тем более в такой воде холодной, – и удивленно посмотрела на матушку Марию. – Меня на лодке ваша монашечка

переправила. Она ждала на берегу, когда я туда через лес добиралась. А как ее зовут – не сказала, да и я растерялась спросить. Мне тоже показалось странным, откуда она узнала, что я иду к вам. Ведь все так неожиданно вышло, что я не успела дать телеграммы.

Игуменья многозначительно посмотрела на монахиню, а та набожно перекрестилась на образа и тихо произнесла единственное слово:

– Аннушка…

В келье воцарилась пауза, которую прервала сама игуменья:

– Вот что, мать Антония. Гостья наша с дороги: поди, устала и проголодалась. Послужи ей: проводи в трапезную и покорми, а я распоряжусь обо всем остальном.

Потом снова обняла Ольгу:

– Попробуй наших блинов монастырских. Небось, там вас такими не кормили. Сегодня началась святая масленица, последняя неделя перед Великим постом. Иди с Богом, а потом мы с тобой маленько потолкуем перед сном.

Монастырская трапезная представляла большую просторную комнату со многими окнами вовнутрь двора. Все стены и потолок этого помещения были покрыты росписью, частично уже обновленной реставраторами, а большей частью потемневшей от времени, облупившейся во многих местах и осыпавшейся вместе со штукатуркой. В трапезной никого не было. Длинный ряд сдвинутых один к одному столов блестел идеальной чистотой. В углу висел большой образ Богоматери. Пройдя мимо него, матушка Антония перекрестилась и скрылась за стеной. Через несколько минут она уже спешила назад, держа в одной руке сразу две тарелки, а в другой большую глиняную кружку.

– Ну вот, – сказала она, уже улыбаясь и ставя все перед Ольгой, – молись и ешь с Богом. Молитву-то знаешь, какую надо читать перед едой?

Ольга смущенно опустила глаза, стыдясь всего: своих джинсов, своей неграмотности во всем, что касалось духовной жизни. Монахиня поняла ее без слов и, перекрестившись на образ, начала читать сама:

– Отче наш, Иже еси на небесах, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое…

Затем, перекрестившись еще раз, она осенила тарелки с «ястием и питием» широким крестным знамением.

– Ну вот, – снова повторила она, – теперь все во славу Божию будет и тебе на пользу. Ангела за трапезой!

А сама села напротив Ольги, с улыбкой наблюдая за тем, как та принялась за еду. Ольга действительно проголодалась и потому с удовольствием взялась за блины в сметане, заедая их куском грибного пирога.

Допив остаток березового сока, посмотрела на матушку.

– Благодарить Господа будем? – та снова улыбнулась в ответ. Так же вдвоем они возвратились назад в келью настоятельницы.

Игуменья Мария – в миру Нина Андреевна Соболева – приняла постриг почти полвека назад с именем преподобной Марии Египетской. Нина Соболева родилась в Подмосковье, в семье потомственного священника. С детства Ниночка – единственная дочь протоиерея Андрея Соболева – мечтала стать врачом. Отец Андрей был мудрым человеком и не препятствовал дочери в выборе ее жизненного пути. Он был убежден в том, что к Богу каждый человек идет своим путем. Но он знал и другое: для его дочери этот путь будет нелегким. Начало 1930-х годов было временем нещадных политических репрессий и гонений на православное духовенство.

Несмотря на угрозы и намеки о социальном происхождении, Нина с отличием окончила хирургический факультет Московского медицинского института. Но первое свое направление получила на должность врача в один из захолустных поселков Мордовии, где на вольном поселении жили бывшие заключенные. Чем было вызвано такое назначение, Нина, конечно, догадывалась.

Что же касается ее отца, то он сначала был сослан в числе других священнослужителей в Украину. Видя, что маховик репрессий против духовенства раскручивается все сильнее, отец Андрей сознательно отрекся от дочери и решительно порвал с ней всякую связь, надеясь хотя бы этим облегчить ее будущую судьбу. Она, конечно, понимала отца. Получив от него одно-единственное письмо, Нина ничего не знала о его дальнейшей судьбе. Не знала она и о том, что отец Андрей впоследствии был обвинен в разжигании антисоветской пропаганды и арестован в марте 1937 года. А вскоре, после долгих допросов с

участием «тройки» чекистов и принуждений отречься от сана, его расстреляли в подвале одного из региональных управлений НКВД.

Кто знает, как сложилась бы дальнейшая судьба самой Нины, если б не грянула война. Все ее коллеги и бывшие сокурсники были мобилизованы на фронт. Но Нину не трогали. Она продолжала лечить и эвакуированных, и местных жителей. Несколько раз обращалась в военкомат с просьбой отправить в действующую армию, но ей без всяких объяснений вновь и вновь отказывали.

Между тем дела на фронтах обстояли все хуже и хуже. Немцы отчаянно рвались к Москве. И вот однажды в один из зимних вечеров 1941 года в домик, где жила врач Соболева, вошли трое. В одном из прибывших она узнала главврача районной больницы, двое других ей были незнакомы. У Нины остановилось сердце.

– Это конец..., – подумала она.

Но главврач, помолчав, добавил по-военному коротко:

– Вы мобилизованы на фронт. Полчаса на сборы.

Победу Нина Андреевна Соболева встретила в Германии в звании майора медицинской службы и в должности начальника медсанчасти полевого госпиталя, который следовал за гвардейской танковой армией, взламывающей оборону немцев южнее Берлина в направлении Потсдама. Кроме орденов Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны II-й степени, майор Соболева имела медаль «За отвагу» и благодарность от самого Сталина. Все это на какое-то время приглушило разговоры о ее социальном происхождении.

Лишь в самом конце войны органы, следившие за каждым шагом Нины Соболевой, убедившись в ее полной лояльности и преданности советской власти, неофициально уведомили о смерти ее отца. Не о расстреле и предшествовавших ему многочасовых допросах, пытках и издевательствах, а именно о смерти, как природном явлении для любого человеческого организма. О месте ж захоронения тоже ничего не было сказано.

Семьи Нина Андреевна не имела: не решившись на этот шаг еще до войны, она и вовсе оставила это намерение, возвратившись к мирной жизни. Перед ней открывалась неплохая карьера. Ей предложили на выбор два места: работу в качестве научного сотрудника в крупном медицинском центре и заведующей кафедрой полевой хирургии в Ленинградской военной медицинской академии –

опыт полевого военврача здесь был нужен. Но тут произошло событие, круто изменившее все планы. Нина узнала правду о гибели отца. Страшную правду. Это стало для нее настоящим потрясением и шоком. Сердечный приступ надолго уложил ее на больничную койку. Нервное потрясение было настолько глубоким, что отнялась речь.

Немало потребовалось времени для поправки. Но и достаточно его было для переосмысления многих жизненных ценностей. Выйдя из клиники, Нина Андреевна Соболева, чье имя было известно даже в кремлевских клиниках, совершенно неожиданно для всех сделала свой выбор: подала прошение в один из заброшенных монастырей, открывшихся еще во время войны. Когда же Заозерская обитель лишилась своей настоятельницы, то сестры монастыря, знавшие о благочестивой сестре Марии, сильно возжелали иметь ее у себя своей матерью-игуменьей. И с благословения архиерея бывший военврач Нина Андреевна Соболева, дочь репрессированного священника, в сане игуменьи прибыла в лесную Заозерскую глушь, чтобы взять на себя попечение о жизни монастыря…

– А мы почему-то ждали тебя, Олечка, не раньше, чем к зиме, – матушка Мария пересела теперь из своего кресла за небольшой круглый стол, заставленный разными папками с бумагами. Сев рядом с игуменьей на старый скрипучий стул из лозы, Ольга достала документы и протянула их настоятельнице. Матушка стала внимательно читать, придвинув к себе поближе подсвечник с толстой восковой свечой.

– Досрочно освобождается за примерное поведение, – вслух прочитала она и, грустно улыбнувшись, посмотрела на Ольгу. – Сколько ж ты ждала этой радости?

Ольга опустила голову, перебирая под столом бахрому старой плюшевой скатерти.

– Почти пять лет, матушка…

Комок подступил к горлу, и Ольге снова захотелось разрыдаться. Игуменья, поняв ее состояние, отвела взгляд и принялась дальше просматривать документы.

– А наша жизнь не покажется тебе тюрьмой? – прервала молчание игуменья. – Может, есть куда податься, где повеселее, сытнее, чем тут? Годы твои еще молодые, все можно по-другому устроить.

– Некуда мне податься, матушка, – справившись с комком в горле, тихо ответила Ольга, – и не к кому. И родных у меня никого нет, кроме вас. Отец мой был военным летчиком, но погиб вместе с мамой в автомобильной катастрофе, когда я совсем маленькой была. Машина их упала в пропасть… Я жила потом у тети, двоюродной папиной сестры, – Ольга замолчала, переводя дыхание.

– Царствие Небесное родителям твоим – вздохнув, перекрестилась игуменья, – а что же тетя твоя, жива?

– Жива, – ответила Ольга, – но мне нельзя к ней, матушка. Я не хочу возврата к прошлому. Нет мне туда дороги…

На ее глазах снова заблестели слезинки.

– Ну, поживи, поживи, – ласково улыбнулась мать Мария, – мы ведь тебя приглашали давно и сейчас никуда не гоним. И не неволим. Господь никого за Собой не вел силой, люди сами за Ним, Спасителем нашим, шли и спасали свои души. Поживи с нами, присмотрись к нам, а сестры к тебе привыкнут. А там как Господь управит… На все Его святая воля.

Игуменья сложила все документы назад в пакет:

– Документы твои пусть у нас будут. Порядок таков.

Ольга нагнулась к сумке и достала оттуда еще одни пакет:

– Матушка, не только документы, но и это пусть у вас будет. Оно мне теперь вообще не нужно, а вам пригодится.

– Что это? – настоятельница с интересом взяла протянутый ей пакет и открыла его, вытаскивая содержимое – пачку американских долларов.

– Господи помилуй! – в испуге воскликнула она. – Да такой суммы тут никто отродясь не видел. Сколько ж тут?

– Было пять тысяч, – ответила Ольга, – да в дороге пришлось немного потратить.

– Нет, Олечка, – собрав деньги обратно в пакет, задумчиво сказала игуменья, – эти деньги не добром заработаны, поэтому добра не принесут. Забери.

– Матушка, – взмолилась Ольга, – но ведь если они возвратятся туда, откуда были взяты, то принесут еще больше зла. А здесь лишними не будут.

– На что же они годны? Нам как-то больше рубли понятны.

Ольга улыбнулась:

– Давайте вам и всем сестрам вашим по мобильнику купим?

– По мобильнику? – подняла от удивления брови матушка Мария. – Впервые слышу это слово.

– Ну, такая штука, – Ольга постаралась все изобразить руками, – телефон, которому не нужны никакие провода, розетки. Всегда под рукой, где бы вы ни находились – в келье, храме, в лесу. Только набрали номер, в любую точку земного шара – и все. Никаких проводов!

– Батюшки святы, – всплеснула руками старица, – до чего ж техника дошла! А во время войны связисты эти самые провода и телефоны на спине да в руках под огнем тащили. Только установили – а провод перебило пулей, осколком или умышленно враг перерезал. И опять связистам работа… Да мне-то, старой, и звонить некому. Кому я буду звонить из нашего леса дремучего? У меня, Олечка, все родные и близкие всегда рядом, всегда со мной, в монастыре. Я с ними и без твоего – как ты сказала: мобильника? – каждый день вижусь и разговариваю.

Ольга ухватилась за новую идею:

– А машина в монастыре есть?

– Да есть грузовик, стоит без толку, – с досадой махнула рукой игуменья. – В прошлом году военные подарили. На нем раньше снаряды возили, а мы теперь не знаем, что с ним делать – ни бензина, ни запчастей не напасешься, горе одно…

– Так давайте купим на эти деньги такую, что вы с ней горя знать не будете. У меня ведь и права шоферские есть, я умею машину водить.

– Ишь ты! – игуменья теперь подвинула горящую свечу ближе к Ольге. – А что еще полезного умеешь делать?

– Готовить неплохо умею, и даже люблю это дело. Я ведь в разных странах бывала. А еще шить умею, вязать – этому научилась уже на зоне. Там все работали.

– Хорошему делу научилась, в нашей жизни монастырской уметь шить и вязать всегда похвально. Кстати, – матушка показала Ольге на одежду, лежавшую в ее кресле, – вот твои знания тебе уже сегодня и пригодятся. Переоденешься, а то утром своими штанами всех сестер распугаешь. Головка чтобы всегда покрытой была, все пуговки застегнуты, рукава опущены. У нас на выходные и в праздники народ

разный бывает, есть такие, что озорничать приходят, чтобы смутить сестер. Поэтому соблазна быть не должно.

Игуменья стала убирать со стола бумаги.

– Татьяна! – чуть повысив голос, позвала она кого-то в приоткрытую дверь.

В келью тут же вошла молоденькая послушница и смиренно поклонилась настоятельнице.

– Это келейница моя, – пояснила матушка, – помощница моя неотлучная, спаси ее, Господи.

Ольга встала из-за стола и тоже слегка поклонилась келейнице.

– Таня, – обратилась к ней матушка, – отведи нашу гостью к матери Антонии. Пусть пока у себя разместит, а там видно будет.

– Живи, Олечка, у нас, ко всему присматривайся, всему учись, – матушка тоже встала из-за стола, опершись на палку. – Только ведь монастырь – это не дом отдыха и не санаторий. Тут все при деле, никто не сидит сложа руки. Мы стараемся жить, как учил Паисий Великий: трудиться и молиться. Без этого нет настоящего монашества. Оттого наша жизнь лесная отшельническая не всем по плечу. Так что поживи, обвыкнись. А чтобы тебе скучно не было, то потрудись для сестер наших. Подойди поближе, я тебя благословлю.

Ольга подошла, и игуменья сначала осенила ее крестным знамением, а потом дала приложиться к старинному деревянному кресту. Прикладываясь, она успела заметить, что с одной стороны на нем было вырезано Распятие Христово, а с обратной – Богоматерь в полный рост. От креста шел тонкий, неведомый Ольге аромат, причем оба изображения, вырезанные на одном куске дерева, имели разный аромат.

– Почувствовала? – заметив удивление Ольги, спросила игуменья, и тут же сама пояснила. – Этот крест вырезан из дерева Гефсиманского сада, где наш Господь молился перед Своими страданиями.

Вслед за молодой келейницей Ольга осторожно зашла вовнутрь отведенной ей комнатки. Келейница молча указала ей на одну из двух стоявших там кроватей и так же молча оставила ее одну. Осмотревшись при свете одиноко горевшей на маленьком столике свечки, Ольга сразу обратила внимание на крайнюю скудость обстановки. Кроме двух старомодных железных кроватей, покрытых деревянными щитами, здесь стоял такой же старомодный фанерный

шкаф, а к столу были подвинуты два табурета. По привычке она стала шарить по стене, ища включатель, но, вспомнив, что монастырь вообще обходился без электричества, запалила еще одну свечку, стоявшую на подоконнике.

Ольга начала перебирать и рассматривать новую одежду – длинное шерстяное платье, темную шерстяную кофту и платок. Поискала взглядом зеркало, перед которым можно было бы примерить все это. Но, к удивлению, зеркала нигде не было, даже на внутренних створках платяного шкафа. Не зная, как быть, она присела на табуретку перед небольшим оконцем и неожиданно увидела в нем свое отражение.

Отойдя вглубь кельи и всматриваясь в себя через оконное отражение, она сняла с себя куртку, потом свитер, майку, которая была под ним. Она раздевалась, уже мысленно примеривая платье, лежащее на кровати. Потом Ольга ступила на лунный свет, разлитый через окно на полу кельи, и снова посмотрела на свое отражение. Огонек свечи колыхался на груди, словно некое фантастическое украшение, а лунный свет освещал длинные стройные ноги, едва касаясь бедер.

– Ты ли это? – мысленно спросила себя Ольга, откинув назад распущенные смоляные волосы. Она подошла к окну и написала на запотевшем стекле большой вопросительный знак. Потом, отойдя вглубь, взяла темное платье и медленно надела на себя.

– Ты ли это? – снова мысленно спросила она и, не снимая своего нового наряда, прилегла на жесткую кровать. Она попыталась что-то вспомнить, о чем-то подумать, но мысли путались и путались, обгоняя одна другую. Ольга сначала сложила на себе крестообразно руки, а потом раскинула их в стороны.

– Ты ли это?.. – уже прошептала она, мучительно пытаясь найти ответ на этот застрявший в ее сознании вопрос. Но, так и не найдя его, быстро погрузилась в глубокий сон.

6. ЗОНА

Ольга не спешила. Плотно прикрыв за собою дверь в ванную, она без спешки и суеты присела на мягкий пуфик возле огромного квадратного зеркала и поправила волосы. Подмешанный в стакан с виски снотворный препарат действовал быстро.

Когда она снова приоткрыла дверь и заглянула в комнату, то «клиент», как она обобщенно называла всех своих обожателей, уже крепко спал на диване в обнимку с подушкой.

Надев маленькие резиновые перчатки, Ольга села за компьютер. Нужная папка документов открылась на удивление быстро, ее электронная защита была слабой.

– Интересно как! – беззвучно засмеялась Ольга. – Вот они, денежки! На Кипре, оказывается, загорают.

И, вставив дискету, начала копировать файлы с номерами валютных счетов, последними адресами электронной почты и конфиденциальные сообщения. Пока информация скачивалась, Ольга прислушалась: внизу все так же приглушенно играла музыка, доносились веселые мужские голоса и заливистый женский смех. Бояться было нечего. Она повернулась и посмотрела на безмятежно спящего хозяина этой огромной шикарной виллы. Когда он придет в себя, то вряд ли догадается о том, что в его финансовом хозяйстве кто-то покопался. По крайней мере, догадается он об этом не сразу. Но тогда уже будет поздно.

На мониторе высветилось окошко: свободного места на дискете не осталось. Ольга достала еще одну и вставила ее на место первой.

Неожиданно внизу раздались выстрелы. Сначала одиночные, сухие, а потом длинные автоматные очереди: одна, другая, третья, еще и еще…

– Что там произошло? – мелькнуло в голове Ольги. Она выскочила в коридор и осторожно посмотрела вниз через перила винтовой лестницы. И тут же в ужасе отпрянула назад. Там, на полу, в луже крови лежал Артур, возле него с пистолетом в руке Теймураз. Рядом стояли неизвестные люди в масках с автоматами. Один из них кивнул наверх, где притаилась Ольга, и отрывисто бросил:

– Не задерживайтесь!

Сразу трое побежали по лестнице. Ольга поняла, что прятаться или куда–то бежать было бесполезно.

Незнакомцы ворвались в комнату. Один из них подошел к компьютеру, вытащил дискету и тут же поломал ее. Рядом лежала первая. Он уничтожил и эту. Посмотрев на Ольгу, коротко приказал напарникам:

– Не здесь!

Ее затащили в ванную, где она только что уютно сидела на мягком пуфике, подвели к умывальной раковине и уткнули туда лицом. Снизу все так же доносились автоматные выстрелы: несколько одиночных хлопков, а затем очередь – длинная, на половину магазина…

– Что там происходит? – Ольга больше ни о чем не думала и ничего не соображала. – Что происходит?!

Кто–то из трех откинул ее волосы с затылка вперед, и она почувствовала прикосновение острого лезвия к горлу.

– Оказывается, как все просто, – последняя шальная мысль пронеслась в голове. – Но почему ножом? Почему?!

Автоматы теперь били, заглушая друг друга.

– Не-е-е-т!! – закричала она, делая отчаянную попытку вырваться.

…Ольга в испуге открыла глаза. Кто–то в темноте тряс ее за плечи.

– Олечка, что с тобой? Ты весь монастырь перепугаешь. Что с тобой?

Ольга быстро пришла в себя. Это был сон. Страшный, ужасный сон. А над ней склонилась испуганная матушка Антония. Но где–то недалеко все равно слышались автоматные очереди.

– Не бойся, – успокоила Ольгу пожилая монахиня, ласково погладив ее, – это солдаты опять на ночные стрельбы вышли. А лес наш такой, что в одном конце чхни – на другом слышно будет. Отдыхай. Утро еще не скоро. Все спят. И ты спи с Богом.

Монахиня поправила фитилек лампады, горевшей в углу перед образами, и снова легла на свою кровать. А Ольга закуталась в большой шерстяной платок, который ей накануне вечером подарила игуменья, и вышла на террасу вдохнуть свежего воздуха и немного успокоиться после ночного кошмара.

Ярко светила луна. От ее тихого сияния все вокруг казалось темно–синим. В лунном сиянии блекли даже звезды. Ольга глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Потом повторила еще раз и еще. Это ее всегда успокаивало. Если бы не автоматная стрельба где-то за лесом, то тишину ночи не нарушало ничего, кроме шепота листьев да дивного пения невидимых пернатых обитателей. Ольга вдохнула еще раз, выдохнула на свет сияющей луны густой пар и зашла назад в келью. Сняв платок, прилегла. Она уже знала, что, внезапно

проснувшись среди ночи от неприятного сна, до утра уже не сможет сомкнуть глаз.

В келье было немного прохладно и сыро. Натянув шерстяное одеяло до самого подбородка, Ольга посмотрела на горящую лампадку. Ей вспомнилось далекое детство, когда она, гостив в деревне, всегда пряталась под одеяло от лампады, которую ее бабушка зажигала на ночь перед образом Божьей Матери. Давно уже нет ни бабушки, ни деревни, где она когда–то жила, ни лампады. Да и тот образ тоже куда-то исчез бесследно.

«Странно, – подумала она, – почему же я раньше боялась этого света? Ведь в нем так много добра, покоя, тепла…».

Закутавшись еще теплее, Ольга смотрела и смотрела на мерцающий во тьме огонек.

«Исполнилось твое желание, монашка, – подумала она про себя. – Куда хотела – туда попала. А теперь на себя пеняй, что б ни случилось».

Опять какая-то волна страхов и сомнений накатилась на нее. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, Ольга прикрыла глаза и попыталась представить себе, чем в эту минуту занимаются ее бывшие сокамерницы. Она мысленно пошла по зоне: через главный вход в высоком бетонном заборе, минуя три ряда заграждений из колючей проволоки и вышки с автоматчиками.

Ольге вспомнилось, как ее привезли сюда вместе с другими заключенными на «кукушке» – в специальных зарешеченных вагонах, которые, пыхтя паром во все стороны, тянул маленький паровозик, развозя зеков по огромной территории, бывшей когда-то частью великой сталинской империи исправительных лагерей. Она вспомнила, как сквозь зарешеченные окна камеры на колесах она вдруг услышала немного театральный мужской голос, торжественно оповещавший через громкоговорители всем обитателям этого печального края о прибытии новых поселенцев:

– Эти люди не захотели жить на воле и есть хлеб с маслом! Они приехали на черный хлеб с баландой!

Позже Ольга привыкла к тому, что так встречали всех, кого раз в неделю привозила «кукушка»: как «первоходок», впервые попадавших по приговору суда на зону, так и «краток» – рецидивистов. Это стало даже некой традицией, ритуалом, когда Шурик – молодой офицер в

очках, удивительно похожий на главного героя-растяпу из «Кавказской пленницы» – всякий раз громогласно смеялся над теми, кто с полными страха глазами выходил из вагонов под автоматами охранников и злое рычанье огромных псов.

Так же мысленно петляя по зоне вдоль серых одно– и двухэтажных бараков, нашла свой отряд. Кепка, Кайфуша, Марго, Малина, Тишка… Все ее близкие подруги по лагерной «семье» крепко спали на скрипучих двухъярусных кроватях, давно возвратившись с работ на промзоне, напившись горячего «чифу»[13], поделившись друг с другом последними новостями и сплетнями с воли. Тишка сладко зевнула и, что–то промурлыкав себе под нос, повернулась на другой бок.

Ольга шла вдоль знакомых ей лагерных «шконок»[14], вглядываясь в спящие лица своих бывших сокамерниц. Среди них были те, для кого зона с ее укладом жизни, моралью и неписанными законами – «понятиями» – давно стала родным домом. Были тут и совсем молодые девчонки, попавшие за «колючку» по собственной глупости, неопытности, а кто – по неискушенности жизнью. Наркотики, валюта, участие в организованных преступных бандах, воровство, мошенничество, проституция – чего тут только не было!

Неожиданно Ольга вгляделась в еще одно знакомое лицо, и воспоминание об этом человеке пронзило душу одновременно отвращением и страхом. Она увидела Макара – так звали эту еще моложавую на вид женщину с короткой стрижкой под мальчика. Светлана – таким было ее настоящее имя – имела за плечами несколько ходок за участие в бандах и отличалась в обращении с сокамерницами особой жестокостью. Высокого роста, в прошлом профессиональная спортсменка, она обладала физической выносливостью и силой, что позволяло ей держать верх над отрядом и вершить свой суд над всеми, кто попадал в немилость, унижать слабых и беззащитных. На воле ее ничто не держало: у нее никогда не было ни собственной семьи, ни детей.

Кроме того, на зоне ее страшились еще и потому, что Светлана была одним из лагерных «коблов», принуждавших к сожительству и самому отвратительному разврату молоденьких девчонок из числа «первоходок»[15]. Ольга впервые увидела Макара, когда их отряд

согласно установленному на зоне распорядку строем привели мыться в баню.

– Это ты, что ли, Бакса? – стоя под едва теплым душем лицом к покрытой серым кафелем стене, Ольга услышала презрительно–насмешливый грубоватый женский голос и тут же ощутила на себе прикосновение чьих–то шершавых рук.

Она резко повернулась и увидела перед собой женщину, тело которой было сплошь покрыто татуировкой: от самых бедер к животу поднимались два извивающихся дракона, сплетшихся вокруг пупка причудливым чешуйчатым узором. Такие же драконы обвивали оголенные груди, вонзаясь в них страшными когтями. Почти во всю спину был изображен парящий в небе орел, а под ним – аббревиатура из готических букв СЭР, что означало: «Свобода Это Рай». Устрашающий вид стоящей перед ней незнакомки привел Ольгу в полное замешательство. Она опустила глаза, не в силах совладать с собой от охватившего всю ее душу смущения и страха.

– Чего молчишь? – тем же тоном Макар снова переспросила Ольгу, цинично рассматривая ее с головы до ног. – Смотри, не обделайся! А то заставлю сожрать. Ты, что ли, Бакса?

Обойдя Ольгу со всех сторон, Макар подмигнула двум еще совсем молоденьким смазливым девчонкам, неотступно следовавшим за ней.

– И чего это тебе такое погоняйло прилепили? Какая ты к хрену собачьему Бакса? Скорее Бикса. Или Тутси. Хочешь быть Милашкой Тутси? Вот это клевое погоняйло! Смотрела такое кино-домино? Нет? Там мужик в бабском прикиде[16] все к одной телке кадрился. Не, не смотрела?

Она еще раз смерила Ольгу с головы до ног, подошла совсем близко, вплотную, потом забрала из ее рук намыленную губку и провела ею сначала по Ольгиным грудям, а затем стала водить по животу, опуская все ниже и ниже. Наконец, Ольга пришла в себя и оттолкнула руку Макара.

– Нет, не смотрела, – она уже твердо посмотрела ей в глаза, давая понять, что не боится ее агрессивного вида и поведения. – Мне такое кино неинтересно. Не люблю женоподобных мужиков и мужиковатых баб. Так что прибереги свои намеки для лагерных подружек.

В ответ на эти слова Макар громко рассмеялась:

– Глупенькая! Ты все же приходи ко мне, я не кусачая. А если и укушу невзначай, то не больно…

Макар посмотрела на Ольгу уже откровенно сладострастно и так же сладострастно провела кончиком языка по своим влажным губам.

– Твои папики[17] волнуются, – не встретив никакой ответной реакции, полушепотом сказала Макар, – маляву[18] прислали, просят присмотреть.

Уже отойдя от Ольги, Макар снова надменно посмотрела на нее и громко рассмеялась:

– Держи, Бакса! – и кинула ей назад намыленную губку.

...Ольге стало противно, она потерла ладонями виски и повернулась на другой бок, стряхивая с себя мерзостные ощущения, но, словно наваждение, увидела еще одно знакомое лицо, вызвавшее новую волну неприятных воспоминаний из лагерной жизни. Ольге теперь вспомнилась «дубачка», встретившая ее в первые дни на зоне.

– Марш в «автобус»! Шевелись! – услышала она прокуренный, вечно простуженный голос этой надзирательницы, когда та преградила дорогу спешившей в барак Ольге. Удивленно посмотрев по сторонам, она не увидела никакого автобуса, куда ей велели идти.

Надзирательница злорадно рассмеялась и тут же закашлялась:

– Марш в «автобус», стерва! Где твоя бирка? – и она грубо ткнула короткой резиновой дубинкой прямо в грудь вконец растерявшейся Ольги. И только теперь та все поняла: она второпях забыла пришить нагрудную матерчатую бирку с собственной фамилией и именем, что было обязательным атрибутом одежды заключенных. Ее ж отсутствие влекло за собой немедленное дисциплинарное наказание.

– Шевелись, шевелись! – надзирательница снова ткнула той же резиновой дубинкой, но уже не в грудь, а в правое плечо Ольги, разворачивая ее в сторону небольшого административного дежурного здания. – Там тебе покажут наш «автобус». Для таких, как ты, местечко в нем всегда найдется.

Не смея что-либо возразить, Ольга побежала к двери, на которую показала «дубачка». Отворив ее, она очутилась в насквозь прокуренной дежурке, где за одним большим квадратным столом сидели офицеры – мужчины и женщины. Стол, за которым они отмечали какое-то событие, был заставлен бутылками из-под водки и пива, открытыми банками из офицерского пайка. В комнате было

настолько шумно, что на приход Ольги почти никто не обратил внимания.

– Тебе чего? – наконец, подошел к ней офицер в очках с повязкой дежурного на рукаве.

– Мне куда, – робко ответила ему Ольга. – Приказано идти в какой-то автобус.

Эти слова не вызвали у офицера ни удивления, ни смеха – ровным счетом никаких эмоций. Наверное, сажать нарушителей дисциплины в некий «автобус» давно вошло у него не только в обязанность, а даже привычку.

– Прошу следовать за мной, мадам-с, – несколько развязано сказал он, посмотрев подвыпившими глазами на Ольгу. – Не захотела есть хлеб с маслом на воле, так теперь, красавица, жри баланду с черным хлебом да катайся в нашем «автобусе».

И тут Ольга узнала в этом развязанном офицере голос того самого Шурика, который встречал ее, когда она впервые ступила на территорию зоны. Он отпер большим, похожим от амбарного замка, ключом обитую железом дверь и подтолкнул туда Ольгу.

– Милости просим, – безразличным голосом сказал он. – За малейший шум буду добавлять по полчаса. Приятного путешествия!

Ольга пригнула голову и в таком полусогнутом положении даже не вошла, а втиснулась в невероятно маленькую комнатушку без окна, где кроме нее уже стояли три женщины. Одна из них, не говоря ни слова, указала взглядом на то место, которое было предназначено для Ольги. Та хотела что–то уточнить, но женщина одной рукой слегка зажала ей рот, а другой приложила указательный палец к своим губам, давая понять, что от нее требуется полное молчание. Она согнулась еще ниже и в таком положении встала на указанное ей место.

В комнатке, служившей в прежние времена складским или иным подсобным помещением, было не только тесно, темно, но и невероятно душно и сыро. Тут не было ни нар, ни табуреток – вообще ничего, на что можно было бы сесть или хотя бы опереться.

«Вот оно что, – подумала про себя Ольга, – вот что это за автобус. Тесно, как в сельди в банке».

Она почувствовала, как вдруг прямо по ее ногам пробежала мышь. Ольга от испуга и охватившего омерзения захотела вскрикнуть, но тут же получила удар в бок острым локтем своей соседки.

Запах сырости смешался с запахом тяжелого женского пота. Одна из стоявших сняла с себя платье и утирала им лицо. Совсем еще молоденькая девчонка то и дело закрывала рот рукой, пытаясь подавить рвотные позывы, возникавшие у нее от этих тошнотворных запахов. А за плотно закрытой дверью слышалось продолжавшееся веселье, музыка и хохот.

…Ольга снова перевернулась на бок лицом к иконе Богоматери, освещенной огоньком лампады. Она смотрела и смотрела на этот крошечный огонек, отчего ей показалось, что он стал мерцать еще больше.

Неприятные воспоминания постепенно отошли от нее, и теперь Ольге вспомнилась Таня, ее худощавое, с нездоровым серым оттенком лицо – явным признаком туберкулеза. От постоянного недоедания, холода и нарушений элементарной гигиены этой заразой на зоне болели многие. Но у этой девчонки болезнь прогрессировала. Первый раз Ольга увидела Таню рядом, когда сама лежала в больничном изоляторе с подозрением на тот же туберкулез.

– Кто ты? – еле слышно спросила Ольга, увидев прямо перед собой лицо худощавой незнакомки. Но та лишь улыбнулась и поднесла к ее губам стакан. Потом помогла приподнять голову и дала попить. Это было что-то вроде самодельного лимонада, только теплого и совершенно без газа. Ольга сделала маленький глоток. Приятная кислинка сразу осадила тошноту, мучившую ее все эти дни и ночи, пока температура не спадала ниже 40.

– Кто ты? – снова прошептала Ольга, пытаясь прийти в себя.

– Попей, попей еще, – вместо ответа незнакомка опять поднесла ей стакан с теплым лимонадным напитком. – Правда, вкусно? А главное – полезно для здоровья. По себе знаю. Тут лимон, а в нем много витамина С. От него силы прибавляются .

Ольга глотнула еще:

– Откуда ты взялась, такая грамотная и заботливая? Прямо мать Тереза… Кто ты такая?

– Я из соседнего отряда, – незнакомка поправила Ольге подушку, чтобы голове было удобнее, – ты меня не знаешь. Я недавно тут. Да вот не успела прибыть, как сразу в больничный изолятор. Слава Богу, что не в «шизо»[19]. С моей болезнью там долго не высижу – сразу в гроб.

– За что же тебя туда? Вроде, тихоня, святая вся из себя…

– Я не святая, – незнакомка серьезно посмотрела Ольге в глаза. – Я великая грешница, за то и сижу тут. И в «шизо» бывала не раз.

Она поставила стакан рядом с Ольгиной тумбочкой и встала:

– Пойду, мне самой лечиться надо. А ты пей, я тебе вечером еще принесу. Лимон быстро на ноги поставит.

Но она не пришла ни вечером, ни на следующий день. Краем уха Ольга услышала от санитарок, что накануне у какой-то больной горлом пошла кровь и ее едва удалось спасти.

– Меньше будет втирать зэкам свои поповские сказки. Тоже мне, мать Тереза, – хохотнула санитарка, поделившись с подругой этой новостью.

– Странно как, – подумала тогда Ольга, сразу догадавшись, о ком шла речь, – ведь я ее тоже окрестила «матерью Терезой».

Ольга пыталась уснуть. Она даже принялась медленно считать в уме, но, дойдя до второй сотни, поняла, что это бесполезное занятие. И ей опять представился образ той лагерной благодетельницы, которая поила ее теплым лимонадом без газа.

«Танька, Танечка… Знала б ты, где я сейчас. Как мне тебя не хватает, подруженька моя, сестренка!..».

Они встретились уже через год, и снова их встреча была неожиданной. Стала ли Ольга к тому времени верующей – она и сама не знала. Наверное, то, что происходило тогда в ее душе, было не поиском Бога, а скорее отдушиной среди беспросветной грязи, мата, разборок, наркотиков и разврата. Вместе с другими заключенными Ольга каждую неделю приходила в маленькую комнатку, приспособленную для встреч с пастором – маленьким тщедушным человечком, взявшимся за перевоспитание заблудших овец. Время от времени приходили сюда и другие проповедники, принося с собой цветные брошюрки, устраивая для заключенных религиозные концерты.

Ольга ходила на эти собрания и концерты, слушала проповеди, читала раздаваемые брошюрки и пыталась понять, что вызывало такой восторг у ее соседок, переходящий у некоторых в настоящий экстаз и истерию. Она видела, как во время молитвы по команде пастора они поднимали руки, вскакивали с мест и начинали неистово молиться, кричать, смеяться и плакать одновременно. Ольга воздевала руки

вместе со всеми, но в душе не чувствовала ничего, кроме пустоты и страха за все, что происходило вокруг.

И лишь однажды из ее сердца вырвались слова, обращенные к Богу и которые впервые дали ей почувствовать себя иным человеком.

А случилось все, когда Ольга уже не в первый раз попала в местный штрафной изолятор, нагрубив надзирательнице. Она сидела в крохотной одиночной камере, отличавшейся от автобуса лишь тем, что тут были железные нары да маленькое, размером со стандартный листок бумаги, окошко, укрепленное с внешней стороны изолятора удлиненной решеткой, что закрепило за ним меткое лагерное словцо – «намордник». Каждый день пребывания в изоляторе превращался в нестерпимую муку. Все стены камеры–одиночки были исцарапаны именами ее посетителей, похабными словами и картинками. Ольга уже в который раз читала нацарапанные письмена, томясь от невыносимой тоски, душевной депрессии и отчаянья. Единственной отрадой в этой беспросветной тоске были «малявы» – записки, которые удавалось получать от подруг по лагерной семье в обмен на сигареты.

Срок пребывания в «шизо» подходил к концу. Ольга считала уже не дни, а часы и даже минуты. За окном стояло жаркое лето, отчего в камере было душно. Ольга лениво ковыряла ложкой в давно остывшей похлебке, сваренной из безвкусной мороженой рыбы. Не хотелось ни есть, ни пить. Хотелось лишь одного: поскорее вырваться из этой одиночки и одиночества на солнце и свежий воздух.

Когда открылось маленькое окошко, через которую в камеру подавали еду, Ольга протянула туда тарелку с недоеденным супом. В это мгновение она не успела сообразить, что же произошло, как тарелка опрокинулась – и холодная похлебка вылилась прямо на форменную рубашку надзирательницы, принимавшей еду из камеры.

– Мерзавка! – злобно прошипела она, стряхивая с себя остатки похлебки и недоеденной рыбы. – Получай дэпэ!

«Дэпэ»! Это означало, что Ольга получила дополнительно к оставшемуся сроку дисциплинарного наказания еще пятнадцать суток пребывания в одиночке.

Когда окошко закрылось и за дверью стихли шаги надзирательницы, Ольга со всей силы ударила плотно сжатыми кулаками в исцарапанные всякой похабщиной стены и закричала:

– Сама ты мерзавка! Сама ты падаль! Подстилка!

И горько, навзрыд заплакала от охватившей ее злобы и полного отчаяния от предстоящих мучительных дней в душной одиночной камере штрафного изолятора. Когда все слезы были выплаканы, Ольга присела на краешек нар и тупо уставилась в одну точку, хорошо понимая, что ей все равно никто не сможет помочь. Сидя так и уже ни о чем не думая, Ольга вдруг увидела на внутренней стороне оконного проема маленькое, размером почти в ладонь, изображение Богоматери. Кто-то аккуратно выцарапал это изображение, вложив в святой лик много печали и даже скорби. Ольга встала с нар и подошла ближе, пытаясь сообразить, почему же она никогда раньше не видела этого скорбного лика, хотя, казалось, ей была знакома каждая царапинка, оставленная на стенах одиночки здешними обитателями за много лет.

Не веря своим глазам, Ольга нежно провела ладонью по образу Богоматери и, обращаясь к нему, чуть слышно прошептала:

– Матерь Божия, помоги мне… Помоги, родимая… Ведь кроме Тебя мне никто не поможет…

Ольга продолжала шептаться с нацарапанным на стене образом, почему–то твердо веря, что он ее слышит и обязательно поможет.

Когда дверь в камеру вскоре открылась, Ольга не сразу отвела взгляд от Богоматери, тоже, как ей казалось, пристально смотревшей в ее душу. В дверном проеме стояла та самая надзирательница. Держа в правой руке короткую резиновую палку и слегка похлопывая ею о левую ладонь, она насмешливо смотрела на Ольгу. Та медленно прошла на середину камеры, заслонив собою свет, падающий из окошка. В глазах надзирательницы она не видела ничего, кроме по-прежнему кипящей злобы.

– Простите меня, грешную, – чуть слышно прошептала Ольга, опустив голову.

– Что-что? – Ольга мельком взглянула на надзирательницу и теперь заметила в ее взгляде нескрываемое удивление. – Как ты себя назвала? Грешницей? Что это за нежности телячьи?

– Простите меня, грешную, – уже более уверенным голосом повторила Ольга, стоя перед «дубачкой» в мокром от пота и слез тоненьком ситцевом платье – совершенно беспомощная и беззащитная.

Надзирательница неожиданно рассмеялась. Посмотрев на нее, Ольга вдруг увидела перед собой не разъяренные, кипящее злобой глаза, а взгляд, полный сострадания к ней. Та вплотную подошла и

кончиком дубинки подняла подбородок Ольги, сказав примирительным тоном:

– Ладно тебе… Грешница…

На следующее утро Ольга возвратилась из «шизо» в свой отряд.

Это событие сблизило Ольгу с Татьяной, тоже возвратившейся к тому времени из тюремной больницы для туберкулезных в свой отряд. Их общение стало частым и очень искренним. Ольга интуитивно тянулась к своей новой подруге, видя в ее душе что-то чистое и незамутненное окружавшей их лагерной грязью. Она с удовольствием стала читать книги, которые давала ей Таня. Эти книги заставляли ее думать о жизни: как той, которую она уже прожила, так и той, которой жила на зоне, постепенно готовясь к освобождению. Они открывали ей новый мир.

Однажды в одной из книг Ольга увидела тот самый образ Богоматери, перед которым она впервые слезно и горячо молилась в одиночной камере. Вглядевшись в мелкие буквы возле святого нимба, прочитала название: «Утоли моя печали». Ольга опять нежно провела по нему ладонью, а потом так же нежно поцеловала и неожиданно для самой себя заплакала, прижавшись мокрой от слез щекой к дорогому лику.

Там же лежало и письмо, адресованное ее подруге. Неровный, немного корявый почерк свидетельствовал о том, что писал человек пожилой.

– Может, отец или еще кто из родных, – подумала тогда Ольга, вложив конверт с письмом назад в книгу. Но вскоре Таня рассказала все сама.

– Это священник, который молится за меня, окаянную грешницу. Духовник наш, отец Петр. Не знаю, с какими глазами вернусь к нему. Если вернусь, конечно. Точнее, если доживу…

Она говорила и говорила об этом незнакомом священнике, служившем настоятелем маленького храма в том же селе, откуда была родом сама Таня. Она рассказывала о нем с нескрываемой любовью и с таким же нескрываемым стыдом перед ним. Ольга, никогда не видевшая этого сельского батюшку, вдруг стала явственно представлять его себе: в простеньком подряснике, с глазами, светившимися добротой и любовью из-под густых седых волос. Ей казалось, что они давно и близко знакомы, а то, о чем ей рассказывала

подруга, она уже знает. Таня не стеснялась давать Ольге читать его письма, слова утешения и добрые наставления.

Их дружба становилась все теснее, несмотря на насмешки и колкости со стороны старых подруг по зоне. И тут произошло событие, окончательно перевернувшее Ольгину душу и определившее ее дальнейшую судьбу.

На зону приехала группа миссионеров. Ольга лишь издали видела их: три важных американца с переводчиком и тщедушный пастор, время от времени приезжавший к ним для бесед и проповеди. Заключенных уведомили, что миссионеры будут крестить всех желающих. Для этого освободили специальное помещение, поставив в центре большую емкость, привезенную с промзоны. Но неожиданно для всех миссионеры решили начать со штрафного изолятора, где в одной из одиночных камер сидела Татьяна.

Всех, кто сидел в тесных одиночках, приказали вывести и построить в длинном коридоре.

– Девочки, – нарочито любезно обратилась к ним старшая надзирательница, стараясь угодить и понравиться стоявшим рядом американцам. – Сегодня у нас очень важные и дорогие гости. Они хотят пообщаться с вами, после чего все, кто пожелает, могут принять крещение.

Надзирательница подобострастно посмотрела на американцев и слегка поклонилась им, после чего продолжила, вновь обращаясь к штрафникам:

– А те из вас, кто примут крещение, не только досрочно возвратятся в свои отряды, но и получат от наших добрых гостей хорошие подарки. Надеюсь, вы понимаете меня?

И оскалилась в улыбке, снова угодливо посмотрев на американцев. Те же после слов переводчика, полушепотом общавшегося с ними, в знак согласия подняли туго набитые пакеты с яркими упаковками.

– Тут белье, хоть и ношенное, но чистое, мыло, – пояснила надзирательница, продолжая улыбаться. – Люди заботятся о вас, девочки! Умейте ценить эту доброту!

Один из американцев на ломанном русском тут же добавил, доставая из пакета маленькую коробочку:

– Йес, и очен, очен кароший, настоящий американский гумка!

– Жвачка, – тут же пояснил переводчик.

– Натянул бы себе на голову. Вместо зонтика, – хмыкнула одна из заключенных, нагло посмотрев на американца.

– Не надо, – надзирательница остановила переводчика, – гости и так понимают, что в семье не без урода. Тем более в такой, как наша.

Американцы вопросительно посмотрели на переводчика. Чтобы как–то замять возникшую неловкость, вперед вышел тщедушный пастор:

– Дорогие сестры, вы меня давно и хорошо знаете. Мы будем крестить вас именем Господа и молиться, чтобы Отец Небесный вразумил каждую и отвратил от того греха, который привел вас в это страшное место…

Пастор, видимо, настроился на пламенную проповедь, но в это время из дальнего угла коридора раздался тихий, но очень внятный голос:

– А если мы уже крещены?

Пастор, открыв было рот для продолжения своей речи, от неожиданности закашлялся, но тут же парировал:

– У нас вы будете не «если», а действительно крещенной! Знаем мы про всякие другие крещения, знаем… Водичкой побрызгали, кадилом навоняли – и все!

При этих словах он закатил глаза, снова испытывая прилив эмоционального возбуждения.

– О, дорогие сестры! Когда Господь коснется вас и просветит Своим Духом, вы испытаете поистине неземное блаженство и радость! Эта радость не сравнится ни с чем земным. Ни с чем! Аллилуйя! Слава Господу нашему!

– Бог всех любит! – пастор стал еще больше входить в возбужденное состояние, граничащее с каким-то экстазом, трансом. – И когда вы почувствуете эту божественную любовь, когда вы примете Бога в свое сердце и душу, то поймете, что все земные радости и наслаждения – ничто в сравнении с тем, что дарит наш Бог. Аллилуйя! Слава Господу! Многие из вас пробовали наркотики. Но что такое наркотик в сравнении с Богом? Ничто! Это скажет вам каждый, кто еще вчера был наркоманом, а сегодня уверовал в Господа. Аллилуйя! Аллилуйя!

Уверуйте и вы, возлюбленные сестры! Гоните дьявола, который заграждает вам путь к Богу, забудьте, что вы в тюрьме, а каждая станьте ребенком, которого Господь ласково гладит по головке и ведет с Собою за ручку в царство вечной радости и света…

Пастор подкатил глаза, воздел руки кверху и начал молиться. Он верил, что его жаркое слово уже коснулось сердец тех заблудших овец, что стояли перед ним, и ему осталось лишь вывести из этого мрачного коридора. Уловив приподнятое настроение пастора, надзирательница обратилась тоном, уже не терпящим никаких возражений:

– Значит, так. Сейчас организованно идем в пятый отряд, там все приготовлено. Потом каждая получает от гостей подарок – и марш по своим блокам. Не каждый день коту масленица!

И в этот самый момент, когда все послушно повернулись к выходу из «шизо», из строя – из того самого угла, откуда прозвучал неуместный к торжеству вопрос – отделилась хрупкая фигурка и направилась в свою камеру. То была Таня.

– Не поняла юмора, – растерянно сказала надзирательница, наблюдая вместе с обескураженными американцами за этим демаршем. – Я что-то непонятно объяснила? Все идем в пятый, а оттуда – каждая в свой отряд. Праздник вам! Что непонятного?

Все штрафники остановились и вместе с надзирательницей и гостями уставились на Татьяну. Борясь с кашлем и прикрывая рот мокрым платочком, та снова тихо, но внятно ответила:

– Я свою веру православную на жвачку не меняю…

И, уже не в силах сдержать судорожный кашель, молча возвратилась в свою камеру. Следом за ней по камерам разошлись и остальные. В коридоре воцарилась гробовая тишина. Ничего не понимающие миссионеры вопросительно уставились на переводчика, а тот, в свою очередь, на опешившую надзирательницу.

– А знаете ли вы, уважаемые сестры, что я с вами могу сделать за такие штучки? – не сказал, а по-змеиному прошипел пастор. – Это бунт? Я вот прямо сейчас пойду к вашему тюремному начальству и расскажу о том, что вы тут нам устраиваете, нарушаете порядок! А с нарушителями порядка нигде не любят цацкаться!

– Иди, иди, родимый, сообщи начальству, – презрительно посмотрела на него одна из видавших лагерную жизнь заключенных. –

Похоже, оно тебя тут за «фуганка»[20] держит. А веру свою продавать – и впрямь западло[21].

Обескураженные гости вместе с пастором выходили из коридора, тогда как в дверях одиночек лязгали запоры и замки. Старшая надзирательница повернулась к своей помощнице и металлическим голосом отчеканила:

– Всем – по «дэпэ». А с той святошей у меня особый разговор будет!

…Скоро Ольга осталась без своей новой подруги: прямо из штрафного изолятора Таню забрали в инфекционный стационар для заключенных, откуда она уже больше не возвратилась. Из лазарета ее отвезли на тюремное кладбище, установив на могиле стандартную фанерную табличку с порядковым номером.

Ольга тяжело пережила смерть Тани. Вспоминая о всем чистом, светлом, неподкупном, что их связывало, Ольга с каждым днем все больше и больше тяготилась атмосферой, царившей вокруг нее. Наркотики, драки, воровство, наушничество, тюремная проституция, пошлые анекдоты, пьянки, старые воспоминания – все в конце-концов смешалось в ее голове в один нескончаемый кошмар, спасение от которого она находила лишь в чтении книг, оставшихся у нее после смерти Татьяны. В одной из них по-прежнему лежала фотография сельского батюшки и подписанный им конверт. После долгих раздумий Ольга решилась написать письмо этому совершенно незнакомому человеку. Она написала о себе, своем знакомстве и дружбе с Таней, ее болезни и смерти. Сама не зная почему, открыла душу священнику, который, казалось, смотрел ей прямо в душу своим проникновенным и необычайно добрым взглядом с пожелтевшего фото.

«Дорогая во Христе Ольга, – пришел ей вскоре ответ, написанный тем же немного корявым и неровным почерком, что был на конверте, – Вы спрашиваете, как Вам жить дальше. А так и жить: стараться больше не грешить, в Бога верить и Его любить, добро приумножать. Слушайте во всем голос своего сердца и совести – они не обманут. А идти на сделку с совестью – значит, снова служить греху, от которого Вы и так настрадались. Вы пишете, что готовы уйти из этого мира в монастырь, чтобы больше не видеть грязи и замолить прежние грехи. Да, нужно очистить душу – искренним покаянием и смирением, тогда

все, что Вас окружает, тоже станет чище. А вот что касается монастыря, то и впрямь поезжайте. Насовсем или только на какое-то время – это Вам самой должно стать ясно, готовы ли Вы оставить мир и всецело служить Господу в монастыре, или же остаться в миру и там спасать свою душу. Поезжайте с Богом, поживите. Кстати, мне есть что посоветовать: монастырь именно такой, как Вам хочется – «глухой», в стороне от шума и суеты. Я походатайствую за Вас, а Вы поезжайте, как выйдете на свободу. Вас там примут…».

Через год после этого письма и переписки с игуменьей Покровской обители Ольга по амнистии вышла на свободу. Теперь ей хотелось одного: перечеркнуть прожитые годы и начать новую жизнь. Она уехала в монастырь, где ее ждали.

…За окном еще стояла непроглядная темень, когда послышался колокольчик и тихое:

– Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас. Вставайте, сестры, час молитвы пришел!

Но Ольга ничего не слышала. Она спала, повернувшись лицом к лампадке, мерцавшей синим огоньком возле Лика Богоматери с Младенцем.

7. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Молодые послушницы монастыря – совсем девчонки – стайкой сидели вокруг Ольги и смотрели на нее восторженными глазами.

– Даже в Америке была? – всплеснула руками одна из них.

– Была, – сдержанно, но с чувством превосходства ответила Ольга, держа на коленях модный заграничный журнал со своей фотографией на первой странице обложки. – В Сан-Франциско, Нью-Йорке, потом в Филадельфии. Оттуда мы в Канаду на съемки летели.

– А в Японии?

– И там была. По приглашению одной крупной компьютерной фирмы рекламировали их продукцию.

– А еще где? Расскажи, Олечка, – самая молоденькая послушница с веснушчатым лицом смотрела умоляющим взглядом.

– Проще сказать, где я не была. А про все рассказывать – десяти вечеров не хватит. Я ведь в рекламе работала, снималась на телевидении.

– Какая интересная жизнь! – в восторге произнесла все та же веснушчатая послушница, умиленно вздохнув. – Есть что вспомнить, о чем рассказать…

– Да ладно, девчонки, – махнула рукой Ольга, закрывая журнал. – Все это интересно лишь поначалу, и то недолго. А потом надоедает. Когда красная икра, да большой ложкой, да каждый день – тошнить начинает, поверьте.

– А мне бы никогда не надоело, – уже мечтательно сказала другая.

В это время в комнатку вошла монахиня Амвросия.

– Чем заняты? – строго спросила она, посмотрев на послушниц.

– К исповеди готовимся, – быстро выкрутилась одна из них. – Скоро ведь прощеное воскресенье.

Матушка подошла к столу и посмотрела на лежавшие там книги: сочинения Игнатия Брянчанинова, патерики, дневниковые записи Иоанна Кронштадтского. Она еще раз обвела взглядом послушниц и молча вышла.

– Правда, девчонки, давайте читать, – сказала веснушчатая, – а то матушка гневаться будет, если узнает, что мы болтаем.

– Ладно тебе, – послушница, которая была чуть постарше остальных, поднялась из-за стола и подошла к окну, чтобы открыть форточку. – «К исповеди готовимся…» А чего к ней особо готовиться? «Делом, словом, помышлением…» Больно кому это нужно: одним ковыряться в собственной жизни, а другим все выслушивать…

Она косо посмотрела на Ольгу и добавила:

– Когда рыльце в пушку, никакие книжки не помогут. «Кайся – не кайся, в рай не совайся» – так моя бабуля покойная говаривала.

После кончины отца Тихона духовником обители стал архимандрит Поликарп. Жил он при монастыре уже много лет, совершая тут все богослужения. Высокий, не по годам стройный, всегда подтянутый, с густой окладистой бородой и курчавыми седыми волосами, заплетенными сзади в косичку – он внушал сестрам обители благоговейный страх и доверие. Рассказывали, что монахом отец Поликарп стал промыслительно. В молодости, едва закончив духовную семинарию, он испытал тяжелый удар судьбы: невеста, с которой он думал соединить свою жизнь, перед самым венчанием внезапно скончалась. Юноша увидел в этом особый знак и не стал

больше испытывать судьбу. Он принял монашеский постриг и всецело посвятил себя служению Богу.

Сестры, послушницы монастыря и миряне, приходившие сюда для молитвы, любили отца Поликарпа за его доброе сердце. Никто не мог припомнить случая, чтобы старец на кого–нибудь накричал или даже повысил голос. Для каждого, кто приходил к нему, он находил слово утешения, ласки и отеческой любви.

В канун прощеного воскресенья монахини и послушницы обители шли к отцу Поликарпу на исповедь. Таковым было заведенное тут правило. Старец по немощи сидел на стульчике возле большого образа Распятого Спасителя. Перед ним на столике лежал медный крест и старинное Евангелие.

– Как зовут тебя, раба Божия? – ласково спросил он Ольгу, когда та подошла к нему.

Ольга робко выдавила из себя имя и наклонила голову – так, как это делали другие сестры. Отец Поликарп, знавший всех здешних монахинь и послушниц, видел, что перед ним стояла новенькая. Он тоже наклонил к ней голову и тихо спросил:

– Ты пришла исповедаться?

– Да, – снова еле прошептала Ольга.

Спазм, похожий на отвратительный горький комок, сдавил ей горло. Она посмотрела на отца Поликарпа, и ее глаза встретились с умоляющим взглядом старца. Он ждал ее раскаяния.

Ольга начала говорить, но то, что она говорила, было не исповедью, а чем-то похожим на пересказ собственной биографии. Она рассказывала о себе сбивчиво, запутанно, перескакивая с одного на другое, не чувствуя в своих словах глубокого раскаяния за содеянное зло и неправду. Комок, сдавивший ей горло, теперь, казалось, опустился в самое сердце и придушил его, не давая выплеснуть наружу то, чего так ждал старец, по-прежнему смотревший на Ольгу умоляющим взглядом.

Окончательно запутавшись в словах и мыслях, Ольга замолчала. Молчал и отец Поликарп. Наконец, он еще ближе нагнулся к Ольге и тихо спросил:

– Тебе, наверное, очень тяжело?

Ольга продолжала молчать, не в силах справиться с камнем, давившем ее изнутри. Старец чувствовал ее состояние и больше ни о

чем не спрашивал. В душе он сосредоточенно молился за Ольгу, пытаясь найти то средство, которое растопило б ее сердце, помогло извергнуть оттуда неподъемный спуд нераскаянного греха.

– Завтра прощеное воскресенье, – так же тихо сказал он. – Это особый день. Как мы будем просить прощения друг у друга, такою же мерою и Господь простит нам прегрешения наши. Постарайся понять эту великую тайну. В ней ключ к нашему спасению…

Ольга возвратилась в свою комнатку духовно разбитой и растерянной. Старец отпустил ее, не прочитав разрешительной молитвы, отпустил так, словно Ольгин рассказ был лишь подготовкой к настоящей исповеди.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – грустно усмехнулась Ольга, открыв первую попавшуюся под руки книгу. – Правду сказала Нинкина бабка: «Кайся – не кайся, в рай не совайся». Не таким, как я, райские двери открываются. Приехала сюда только людей смешить. Возомнила из себя кающуюся Марию Магдалину».

Ольга облокотилась на спинку старой кровати и попыталась собраться с мыслями.

«Ну и о чем ты будешь говорить, в чем будешь просить прощения перед этими совершенно незнакомыми и чужими тебе людьми? Расскажи им, скольких мужиков за свою жизнь поимела, со сколькими переспала. Да расскажи, скольких соблазнила, оставила с носом. Да не забудь рассказать о своей лагерной жизни, ведь многие про зэков лишь в книжках читали да по телевизору в сериалах видели. А тут живая, тепленькая, прямо с лагерных «шконок»! Ой, как им это будет интересно! Представляешь, какими глазами уставятся на тебя девчонки, которым ты втирала байки про красивую жизнь: круизы, рестораны, валюту, иномарки… Как им захочется плюнуть тебе в рожу после всего, что они про тебя узнают!»

Ольга отвернулась к стене и зажмурила глаза, готовая сгореть от стыда, представляя себе такое покаяние.

– Вот и пусть плюнут! – со злостью прошептала она самой себе. – Пусть тебя с позором вышвырнут из монастыря и посмеются вслед! Пусть!..

Ольга уже ни о чем другом не могла думать. Она встала, поправила волосы под платком и открыла молитвослов, готовясь

читать покаянный канон. Запинаясь на еще незнакомых и непривычных для ее слуха древнеславянских глаголах, она начала:

– Ныне приступих аз, грешный и обремененный, к Тебе, Владыце и Богу моему; не смею же взирати на небо, токмо молюся, глаголя: даждь ми, Господи, ум, да плачуся дел моих горько…

Ольга на мгновение остановилась. Ей показалось, что прочитанные слова были обращены именно к ней, великой и нераскаянной грешнице.

– О, горе мне, грешному! – стала читать она дальше. – Паче всех человек окаянен есмь, покаяния несть во мне; даждь ми, Господи, слезы, да плачуся дел моих горько… Мати Божия Пречистая, воззри на мя, грешнаго, и от сети диаволи избави мя, и на путь покаяния настави мя, да плачуся дел моих горько…

Чтобы не мешать послушницам, которые тоже возвратились из храма и готовились отойти ко сну, она зажгла восковую свечу и удалилась в угол комнаты, где стоял скромный иконостас.

…Воскресное богослужение с уставным чином прощения настоятельница монастыря благословила начать немного раньше обычного. Ей хотелось, чтобы все гости успели засветло возвратиться домой. Отец Поликарп облачился в темную великопостную ризу и неспешно совершал службу. После он встал напротив Царских врат и начал читать молитву святого Ефрема Сирина:

– Господи и Владыка живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми!

И в глубоком земном поклоне смиренно опустился на колени. Следом за ним опустились все, кто был в храме.

– Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему!

И снова все сделали земной поклон.

– Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Приближался самый главный и трогательный момент вечернего богослужения. Отец Поликарп снова вышел на церковный амвон и, слегка наклонив голову, обратился к людям:

– Братья и сестры! Сейчас вы будете по очереди подходить ко святому Кресту, а потом просить друг у друга прощения. Господь же,

Который незримо находится посреди нас, станет Свидетелем искренности сказанных вами слов.

Старец посмотрел на стоявших перед ним людей – монахинь, молодых послушниц, мирян – и продолжил, сделав небольшую паузу:

– Наверное, кто-то сейчас подумал: «А с какой стати я должен просить у него прощения? Мы разве знакомы? Или я сделал этому совершенно незнакомому мне человеку что-то плохое? Зачем лицемерить друг перед другом, прося прощения за то, сами не знаем, за что?» Действительно, нет ли в сегодняшнем событии, которое называется прощеным воскресеньем, привкуса лицемерия, искусственности, когда мы должны просить прощения только потому, что «так надо», что этого требует церковный устав?..

Ольга стояла вместе с послушницами и внимательно слушала отца Поликарпа. Ей снова показалось, что слова, которые он сейчас говорил негромким, слегка простуженным старческим голосом, были обращены в первую очередь к ней.

«А разве не так? – вызывающе спросил Ольгу уже неведомый внутренний голос. – Кому нужно твое «прости»? Кого ты хочешь им разжалобить? Кому ты вообще нужна здесь?».

Ольга перекрестилась, пытаясь отогнать от себя это наваждение.

– Не будем обманывать Бога и самих себя, – продолжал говорить отец Поликарп. – Если мы признаем себя грешниками, то несем ответственность за свои грехи перед каждым человеком в отдельности и всем человечеством, ибо все мы – дети Божии, Его творение. Нет значения, большой или малый грех мы совершили. Он всегда останется грехом, и мы не знаем: быть может, именно мой, казалось бы, пустячный грех в конце-концов переполнит чашу терпения Божьего, после чего начнется Страшный Суд не только надо мною, а над всем человечеством. Если эта тайна коснулась нашего сердца, мы не можем, не имеем права сказать, что я не такой великий грешник, как тот, кто стоит рядом. Мы будем тогда просить прощения у всех и каждого – искренно, покаянно, в надежде, что и Господь простит нам беззакония наши.

Ольга слушала отца Поликарпа, не сводя с него глаз. Слова старца заглушили все ее страхи и сомнения, которые продолжал настойчиво внушать все тот же внутренний голос – надменный, беспощадный,

жестокий. В какой–то миг отец Поликарп снова посмотрел на людей и встретился взглядом с Ольгой.

– Вот почему для каждого православного христианина так важен этот день, за которым начинается Великий пост, – старец смотрел Ольге в глаза. – Он открывает нам тайну нашей души. Мы должны найти мужество заглянуть туда и сказать себе: «Я больше не буду жить прежней жизнью. С Божьей помощью я постараюсь сделать все, чтобы бесповоротно исправить ее». Мы должны сказать эти слова твердо и решительно, без тени лукавства, надеясь, что после раскаяния можно продолжать тайно жить с грехом в сердце, услаждаясь его ядом. Если мы в корне изменим свою жизнь, то принесем покаяние, которое от нас ждет Господь.

Закончив проповедь, отец Поликарп смиренно опустился на колени перед людьми, прося у них прощения.

– Бог простит вас, батюшка, – на одном выдохе ответили люди, тоже кланяясь старцу. – Простите и нас, грешных.

Первыми стали подходить к кресту монахини, в поклоне прося прощения у матери–игуменьи и настоятеля храма. Приложившись до большого Распятия, они становились цепочкой, теперь уже кланяясь и испрашивая прощения одна у одной и всех, кто шел следом. За монахинями и послушницами к кресту подходили миряне. Ольга ж продолжала стоять на месте. Прежний внутренний голос еще пытался внушить ей страх и ложный стыд, но она уже не обращала на это внимания, а лишь думала о том, какими словами будет просить прощения у людей, к которым сейчас подойдет.

Ольга посмотрела по сторонам и больше никого не увидела рядом и сзади. Она оставалась последней в цепочке людей, шедших приложиться ко кресту. На мгновение Ольга снова встретилась с взглядом отца Поликарпа. Старец словно просил, умолял ее совершить сейчас именно то, что она была обязана сделать.

Ольга опустила глаза и повернулась лицом к людям.

– Я – окаянная блудница, грешница и воровка, – прошептала она, но все, кто стоял в храме, услышали ее голос. – Не знаю, сможете ли вы мне простить то, в чем я согрешила перед вами и другими людьми. Нет такого греха, который бы я не делала с большим желанием и охотой. Я приехала к вам из тюрьмы с одним–единственным

желанием: смыть с себя эту грязь и начать новую жизнь… Я хочу стать другим человеком. Я хочу начать жить по-христиански…

Ольга ждала, что сейчас люди взорвутся негодованием, подойдут к ней, схватят и с позором вытолкают за монастырские ворота. Она была уверена, что после такого признания гнев монахинь, послушниц и простых мирян просто выплеснет ее из этого места, наполненного благолепием, чистотой и святостью. Но все молчали, слушая Ольгу и глядя на нее с глубоким состраданием и любовью. Всем им было жалко эту истерзанную грехом душу, искавшую света. Ольга говорила и говорила, открывая свою совесть перед совершенно незнакомыми и, казалось, чужими ей людьми. Слезы текли по ее щекам, а она все рассказывала о том, как жила до сих пор, и горячо каялась, прося за все прощения и милости.

Наконец, Ольга замолчала и опустилась перед людьми в глубоком земном поклоне. В абсолютной тишине она услышала сдержанный плач. Плакали несколько женщин – монахинь и прихожан. Прятали слезы и молоденькие послушницы…

Ольга почувствовала, как кто-то подошел, наклонился над ней и тронул за плечи. Это был отец Поликарп. Он помог ей встать с колен и благословил большим напрестольным крестом.

Придя из храма, Ольга достала спрятанный под подушкой модный журнал. Подошла к печке, открыла дверцу и раздула тлевшие там угольки. Потом выдернула из журнала глянцевую обложку со своим миловидным лицом на первой странице, порвала ее на мелкие кусочки и кинула в огонь. Туда же кинула и весь журнал.

– Вот и все, – тихо сказала Ольга, закрывая дверцу. – Нет больше прежней красавицы. Умерла навеки…

8. ПОСЛУШНИЦА МАРИНА

В монастырях существует непреложное правило: там никто не живет без дела. Но то, что увидела Ольга в Заозерской обители, поначалу просто ошеломило ее. Здешние насельницы, казалось, вообще не знали покоя и отдыха. Даже глубокой ночью, когда монастырь ненадолго погружался в сон, жизнь в нем не замирала. Пожилые старицы вели строгий аскетический образ жизни, большую часть времени проводили в тихой уединенной молитве, перебирая

узелки четок. К половине пятому утра весь монастырь собирался на общую молитву.

Некоторое послабление делалось только послушницам, приезжавшим сюда присмотреться к монастырской жизни, испытать себя и определиться в выборе. Почти все они жили в кельях левого крыла корпуса и небольшом флигельке, сохранившемся внутри монастырского двора.

Послушание, порученное Ольге, было традиционным для многих, кто впервые приезжал сюда с мыслями посвятить себя монашеской жизни и имел достаточную физическую силу в руках. Почти каждый день старая монастырская лошаденка, впряженная в такую же старую повозку, поверх которой стояла раскрашенная под армейский камуфляж алюминиевая бочка с плотно завинчивающейся крышкой – подарок монахиням из соседнего гарнизона – отправлялась по воду к лесному источнику. Находился он на берегу Золотоношки с противоположной стороны от мыса, где стоял сам монастырь и вокруг которого река делала живописный изгиб, словно надевая на обитель изумрудное ожерелье.

Ольга быстро привыкла к обязанностям водовоза. Ей нравилось ездить по совершенно безлюдной лесной дороге, слушая щебетание птиц и шум ветра. Она любила эту красу, эти звуки, краски, которые, казалось, как нельзя лучше отвечали настроению ее души, успокаивали, помогали забыть все то, что возвращало память к последним годам прожитой жизни. Под тихий скрип колес она успевала даже подремать, наверстывая ставшую уже почти хронической ночную бессонницу. Чаще всего Ольга ездила в лес не одна, а с такой же молодой послушницей, потому что наполнять бочку самой было и тяжело, и неудобно.

Была, правда, еще одна причина, по которой игуменья не рисковала отпускать своих воспитанниц в лес в одиночку. Родник вплотную примыкал к войсковому стрельбищу. Зная тоже про источник, военные постоянно наведывались сюда, чтобы наполнить фляги чистой родниковой водой. Знали они и о том, что водою пользовался здешний женский монастырь. Игуменья старалась держать послушниц подальше от ненужного соблазна. Хотя уследить за всеми, конечно же, не могла…

– Эх, Олька, – услышала Ольга за спиной голос своей напарницы, когда они в очередной раз ехали по воду, – не знаю, как тебе, а мне так хочется влюбиться, жениться или полететь на воздушном шаре.

Ольга вполоборота с удивлением посмотрела на свою спутницу Марину – почти ровесницу по годам, с глазами удивительно редкого золотистого цвета и такими же золотистыми курчавыми волосами, упрямо выбивающимися из-под платка.

– Так писал великий русский классик Антон Павлович Чехов, – рассмеялась она. – А мне эти слова очень даже по душе, потому что действительно хочется чего-нибудь такого эдакого, чтобы мороз по шкуре: влюбиться по уши, наделать великих глупостей, а там хоть в монастырь, хоть под пулю.

– А что, до сих пор мало их наделала? – спросила Ольга, сидя на месте кучера и легонько подхлестывая прутиком старую кобылу. – Не надоело еще шалить?

– Не-а, сладко потянувшись, ответила Марина. – Такое не может надоесть. Разве что когда старухой буду, но даже на старуху, как тебе известно, иногда тоже бывает проруха.

– Тогда зачем в монастырь шла?

– А затем и шла! – вдруг резко оборвала она Ольгу. – Некуда было идти, вот и приперлась сюда, наслушавшись сказок про их райскую жизнь.

Марина спрыгнула с подводы и пошла рядом.

– Мы на Урале жили, в таежной деревне, – немного помолчав, она снова перешла на мирный тон. – Хотя жили – это слишком громко сказано. Хлеб да каша – пища наша. Батяня – земля ему пухом! – все до копейки пропивал. А однажды так набрался, что и не заметил, как сгорел вместе с хатой, где спали мать и мой младший братишка. Даже не успели проснуться. Все сгорели. У нас там хаты деревянные, из смолистой сосны. Если полыхнет – успевай только ноги уносить. Одна печная труба остается. А от нашего дома и трубы не осталось. Вот и подалась я к родной тетушке, потому что родни больше нет. Богомольная до крику. Стала меня сватать в монашки: иди да иди, там так здорово, все святые ходят. Я и пошла. Только теперь понимаю, что она просто хотела от меня избавиться, как лишней обузы, потому что у самой в хате хоть шаром покати. Наслушалась ее песен на свою голову. Только из меня монашка, как…

Марина на мгновение замолчала, подыскивая подходящее сравнение, и неожиданно громко рассмеялась:

– Как из слона пташка!

Ольга тоже спрыгнула с подводы и кинула вожжи на сиденье. Лошадь хорошо знала дорогу и послушно сама шла к роднику.

– Я вот давно присматриваюсь к тебе, – Марина слегка обняла Ольгу, – вроде, не глупая ты, не уродина. Ну, скажи честно: какого лешего сюда притащилась, а? У меня дом сгорел, все пошло пропадом, деваться некуда было, а у тебя что?

– А я на зоне была, – спокойно ответила Ольга. – Может, отсиживаюсь тут, днем воду вожу, а по ночам банки граблю?

– Ой, ой, только не пугай пуганых! – отмахнулась Марина. – У меня дружок детства есть, тот везде успел побывать: сначала в детской колонии, оттуда прямым ходом во «взросляк»[22] на курсы повышения бандитской квалификации. И не побоялись с такой характеристикой его еще в армию призвать. Не знаю, сколько он там служил, как опять на тюремные нары: попал в дисбат[23] за то, что какому-то важному офицерскому чину скулу набок своротил. Не успел оттуда возвратиться, волей полной грудью подышать, как обчистил с дружками сельповский магазин – и прямым ходом по этапу в дом родной, тюрягу.

– Да никто тебя не пугает.

– Так-то оно лучше, – Марина снова обняла Ольгу. – Вот я и говорю, что и не глупая ты, а тоже в монашки подалась. Не понимаю. Или какая тайна есть?

– Есть, – Ольга тоже обняла Марину, улыбнувшись ей. – Есть одна страшная, очень страшная тайна для одной маленькой–маленькой компании.

– Олечка, родная, расскажи. Я ведь тебе душу свою открыла и еще кое-что расскажу, если и ты со мной откровенной будешь. Ну, давай, как там на зоне говорят: «колись» быстрее!

Ольга рассмеялась:

– Да я пошутила. Нет особо никакой тайны.

– Особой нет. А какая-то есть?

– Никакой нет. Просто когда сидишь в камере несколько лет и смотришь на небо в крупную клеточку, то о многом начинаешь по–

новому думать. Жизнь по-другому воспринимаешь. Ощущаешь не так, как на воле.

– Ну и что из этого следует? – вопросительно посмотрела Марина.

– То и следует, что мы не живем, а проживаем свою жизнь: день за днем, год за годом, пока нас не упакуют в деревянный ящик.

– Мудрено изъясняешься, прямо как философ. Я не врублюсь.

– А ты врубайся, подруга, – Ольга задумалась, собираясь с мыслями. – Вот как мы, к примеру, живем, чего ищем для своего счастья: достатка, удовольствий, развлечений. Так?

– Предположим, так, – уклончиво согласилась Марина. – Еще здоровья ищем, много чего ищем. Мужика хорошего ищем!

И загорланила на весь лес:

А я люблю военных,
красивых здоровенных,
еще люблю крутых
и всяких молодых!..

И рассмеялась так же громко и заливисто.

– А жизнь, – Ольга даже не улыбнулась в ответ, оставаясь со своими мыслями, – это, подруга, куда больше и сложнее, чем богатство, здоровье, удовольствия разные. Жаль, что все это начинаешь понимать лишь после того, как наделаешь много глупостей или в один миг лишишься всего: богатства, здоровья, кавалеров – всего и сразу! Тогда начинаешь на белый свет иначе смотреть и видишь там много чего такого, о чем раньше и не задумывалась.

В ответ Марина снова заливисто рассмеялась:

– Нет, Олька, ты, видать, все же малость – самую малость – шлепнутая в голову. Монастырь-то тут причем? Какого лешего ты сюда пришла?

– Знаешь, Маринка, если бы все в нашей жизни было просто и ясно, то и не было б нужды в расспросах: отчего да почему. Разве не так? Мне хорошо и спокойно тут. Я нашла свой смысл жизни, а другого мне не надо.

– Вот и…! – Марина отошла от Ольги. – Тоже, видать, наслушалась бабушкиных сказок. А с меня хватит! Я еще тут малость поживу, до холодов, а там…

Марина выбежала вперед лошади и закружилась перед нею в вальсе:

Там, где Амур свои волны несет…

И, продолжая вальсировать с воображаемым кавалером, добавила:

– Поеду я, Олечка, в родную сторону, только еще дальше за Урал, аж на Дальний Восток, с моим суженым–ряженым.

– С кем-кем? – изумилась Ольга. – Ты что, замуж собралась? Когда ж ты успела?

– Дело, Олечка, не в том: замуж – не замуж. Главное – чтобы любовь была. Настоящая любовь. А это такая сила! Такая силища!..

– Какая любовь? Какая еще любовь? Ты что, с ума сошла? – Ольга не переставала изумляться, глядя на Марину.

Та вдруг быстро подбежала к ней и пристально посмотрела в глаза:

– Никому не проболтаешься?

– Чем тебе поклясться?

– Не надо мне твоих клятв. И так вижу: девчонка ты верная, языком молоть не станешь.

И Марина перешла почти на шепот, то и дело оглядываясь по сторонам, словно за ними мог кто–то следить и подслушивать в этой глуши:

– Есть у меня одна зазноба: офицерик–морячок. Я его когда впервые возле нашего родника увидела, то чуть языка не лишилась. Моряк в лесу! Потом взяла себя в руки и перешла в наступление. Спрашиваю его: «Скажите, служивый, каким это ветром ваш крейсер в нашу речушку занесло? Или вы тут на подводной лодке раков ловите?» А ему, видать, тоже палец в рот не клади, отвечает: «Мадам, крейсера и подводные лодки плавают, где воды немного побольше и поглубже, чем в здешних лужах. Там же бороздит океанские просторы один скромный пограничный корабль. Моя же задача, как офицера морского спецназа, состоит в том, чтобы с помощью этой посудины вылавливать всякий непрошеный сброд: контрабандистов, нелегалов-перебежчиков, наркодельцов и прочих нарушителей, которые ищут приключений вблизи наших государственных границ». Короче, классно мы с ним так побросали словечками друг в дружку, а на прощанье он предложил мне новую встречу: как поется, на том же месте, в тот же час. Я ему тогда тоже открыла одну страшную-престрашную тайну…

И Марина снова звонко запела:

Удивительный вопрос:

Почему я водовоз?
Потому что без воды –
И ни туды, и ни сюды!

– А что потом? – ошарашенная таким рассказом, Ольга остановилась, пока подвода с бочкой продолжала тихо скрипеть в сторону родника.

– А потом? – Марина сделала глубокомысленную паузу, набирая грудью воздух. – А потом – суп с котом! Потом он, как истинный джентльмен, предложил бедной девушке руку и сердце.

– А он что – холостой?

Марина опять рассмеялась:

– Холостыми только патроны бывают. А он галантный мужчина, способный на высокие чувства. А кто он по паспорту – с клеймом загса или без клейма – мне, признаться честно, по барабану. Я его не спрашивала об этом, а он мне не рассказывал. А если б и рассказал, то все равно наврал с три короба. Да разве в этом ключ нашего бабского счастья? Женат – не женат, обручен – разведен… В командировках они все неженатые. Приедем на место – там и разберемся во всем.

– На какое место? – Ольга все еще не верила Марине.

– В тихоокеанскую гавань, где стоит на якорях тот самый корабль, на котором мой Вадимчик ловит разных там шпионов, диверсантов, лазутчиков и вытряхивает из них наркоту, валюту, золото, камушки. Кумекаешь? А Вадик парень хоть куда, кое-что к его ручонкам шаловливым прилипает. Такой орел может целый гарем содержать: и прокормит, и оденет, и на любовь не поскупится.

– А кем же ты в этом гареме будешь? Какой по счету? Ты об этом подумала?

– Плевать на все! Хоть будет что вспомнить. Я не такая наивная, какой, может быть, тебе кажусь. Своего тоже не упущу, будь спок. А с хорошим приданным всегда себе кобеля породистого смогу найти.

– Ну и ну! – еще больше изумилась Ольга. – Если ты кобелей ищешь, то сама кто будешь?

– Говорю, плевать на все! Молодость улетит, как птицы на юг. Мне уже под тридцать, а что имею в этой скотской жизни? Кровать прабабушкина, и та не моя. Вот эту бочку и телегу скрипучую, да коняку вонючую. Что еще? Ни пожрать вволю, ни поспать всласть. «Паки, паки…». А что дальше? Что еще кроме этого «паки»? Ни кола,

ни двора, ни семьи, ни любви. Я в своей жизни ничего не видела, кроме вечно пьяного папаши, драк да матюков. Я от такой житухи поначалу в город убежала, в училище, а там свой «культпросвет». Так что с меня хватит. Может, сама судьба дает мне шанс хоть немного пожить по-человечески, так с какой стати его упускать?

– Тебе, Маринка, видать, и впрямь несладко в жизни пришлось, – в задумчивости ответила Ольга.

– А тебе сладко! – Марина схватила ее за руку. – А тебе здесь так сладко, что аж в одном месте слиплось!

– И мне несладко, – Ольга спокойно разжала и высвободила руку. – Только тут спокойно. Может, сама еще до конца не пойму всего, но мне тут хорошо и спокойно. А сладкой жизни я в свое время так наелась, что до сих пор тошнит, как вспомню.

– Врешь ты все! Врешь! – Марина снова схватила ее за руку. – У тебя просто дебет с кредитом в жизни не сошелся, вот ты и двинула в монашки, строишь из себя кающуюся Магдалину. Думаешь, не вижу, не понимаю? Рыльце-то в пушку! Куда ты еще сунешься со своим прошлым, кроме как не сюда, в эту глухомань? Где тебя ждут? Скажи! Чего молчишь?!

Ольга вдруг почувствовала в себе прилив ярости, ей захотелось наотмашь, что есть силы, ударить Марину. Но она вдруг неожиданно рассмеялась, глядя Марине прямо в глаза.

– Оказывается, это не я, а ты, Маринка, глупенькая, – сказала она уже без всякой злобы. – Было мне куда идти, и сейчас есть. Только я сама не хочу отсюда ни к кому и никуда идти, поверь. Долго тебе рассказывать, да ты все равно ничего не поймешь, потому что не жила моей жизнью.

Марина снова обняла Ольгу:

– Олечка, подруженька, прости, что я тебе наговорила. Ну не понимаю я тебя, хоть убей! А знаешь, – Марина перегородила Ольге дорогу и остановила ее, – давай рванем отсюда вместе, а? Давай? У моего Вадика друг есть, он тут с ним на офицерских курсах, Стасом зовут. Давай я тебя с ним познакомлю? Парень что надо! Он сегодня с Вадиком будет.

– Где это он будет? – настороженно переспросила Ольга.

– «Где, где», – передразнила ее Марина. – В Караганде! Не строй из себя глупую овечку. Я не только о себе думаю, вот и договорилась с

Вадиком, чтобы он сегодня и Стаса с собой прихватил. Посидим на бережку, «поокаем». Бочка не уплывет, а монастырь подождет.

– Когда же ты так успела развернуться?

– А тогда и успела! Пока вы там со старухами тоску навевали, мы с Вадиком, как он говорит, в нейтральных водах встречались. Короче, тебя это не касается. А вот что действительно касается тебя, так это Стасик. И если не будешь строить из себя орлеанскую деву или идейную комсомолку, то считай, что тебе тоже обеспечено светлое будущее. Такого сокола отхватишь, что все ахнут! Любая позавидует. И заметь: он действительно не женат. Была, правда, в его жизни ошибка молодости, но то давно. А теперь он как тот буревестник, который гордо реет над волнами и – как там дальше? – «просит бури, как будто в буре есть покой». Я ему о тебе много рассказывала, и он очень даже не против познакомиться поближе. Материально он, между прочим, тоже обеспечен – не в пример нынешней городской рвани.

– А ты меня спросила, хочу я видеть этого героя? – Ольга опять почувствовала в себе нарастающий прилив ярости и гнева. – Ты меня спросила? Или тоже ведешь меня, как к породистому кобелю?

– Олечка, – застонала примирительно Марина, – ну будь умницей! Никто тебя никуда не ведет. Просто мне почему–то кажется, что ты не будешь иметь ничего против, чтобы провести немного времени в приятной компании двух настоящих гусаров. Никто тебя насиловать не будет.

– Еще этого не хватало, – буркнула Ольга, давая понять, что затея Марины ей совершенно не по душе. – Катись ты со своими гусарами куда знаешь, а я пойду назад. Пусть они тебе помогут набрать воды в бочку, а меня уволь.

– Нет, ты просто невыносима, – опять застонала Марина, – не злись ты на меня, мне и без того тошно. Не собираюсь я тебя сватать за Стаса. У тебя своя жизнь, а у меня своя. Ты упряма, как бык!

И Марина, в который раз перегородив Ольге дорогу, стала трясти ее за плечи:

– Золушки только в сказках бывают. И только в сказках к ним приходят добрые волшебницы и красивые принцы. А в настоящей жизни за все надо бороться, самим добывать свое счастье. Все есть только тут, пока живем: и рай, и ад. А там ничего нет! Ничего! Кинут в холодную сырую яму – и все! Поэтому говорю тебе: послушай меня.

Скоро в таком раю жить будем, что о другом и думать забудешь. Нам бы только вырваться из этой дыры, да скинуть с себя это тряпье, отмыться хорошими шампунями, а потом крутой «прикид», шмоточки фирменные, да чтобы от нас пахло настоящими французскими духами, а не этой гадостью!

Марина закрыла глаза, уже представляя себя в новом виде.

– Я тебе больше скажу, – она снова перешла на шепот. – Только смотри, не проболтайся. Это мне Вадик под большим секретом рассказал. Их тут собрали небольшую группу офицеров для выполнения какой-то важной задачи за экватором.

Ольга рассмеялась:

– А там что, свои перевелись? Или у нас все проблемы решены? Чего их туда несет?

– Таблицу умножения индейцам преподавать! – Марина оглянулась по сторонам. – Короче, кто-то из того правительства обратился к нашим вождям за помощью, потому что своих силенок, видать, маловато или кишка тонка. Вот и посылают туда наших спецов под видом советников. Для этого их тут и собрали. А почему тут? Я и сама не могла понять. Потом мне Вадик намекнул, что, дескать, наши лесные дебри на их джунгли похожи, только там, естественно, пожарче и вместо раков по рекам крокодилы водятся. Скоро Вадик со Стасиком туда должны отправиться. Знаешь, какие им бабки платят? Будь я мужиком, тоже поехала б, не раздумывая.

Ольга шла, не говоря ни слова. Марина начала скулить:

– Олечка, родная, ну не упрямься! Никто тебя не собирается неволить. Они, между прочим, шампанским обещали угостить. Пока вернемся, все выветрится.

– Лучше б мозги твои немного выветрились.

Ольга понимала, что этой неожиданной встречи ей не миновать. А возвратись она в монастырь сама, без Маринки – не избежать объяснений и подозрений со стороны сестер. Из двух зол надо было выбирать меньшее.

Когда они пришли к роднику, лошаденка уже мирно стояла там и пила воду прямо из желоба, выдолбленного в огромной дубовой колоде.

– Ну и где твои орлы? – недовольно буркнула Ольга, забираясь на подводу и отвинчивая крышку на бочке.

Марина взяла от нее два больших ведра и пошла к роднику. Зачерпнув воды, она вернулась назад, поставила ведра на землю и стала подавать их наверх, не переставая успокаивать Ольгу:

– Сама увидишь, какие это славные и простые ребята. Кстати, оба уже успели побывать в горячих точках и имеют по боевому ордену.

– Да пусть хоть по два! – выпалила Ольга, принимая ведро и выливая его в бочку. – Вот наберем воды – и айда по домам! Если хочешь, то оставайся сама и жди своих героев.

Ольга больше не вступала в разговор с Мариной. Единственное, чего ей сильно хотелось, так это искупаться в реке и быстрее возвратиться в монастырь.

9. ЗНАКОМСТВО

Бочка была уже почти наполовину залита водой, когда со стороны леса послышался нарастающий гул.

– А вот и наша лягушонка в коробчонке приехала! – Марина бросила ведра и от радости захлопала в ладоши.

Действительно, через секунду из лесу прямо к берегу реки выехал армейский бронетранспортер – такой же пятнистый, как и монастырская бочка. Взревев двигателем, он круто развернулся и остановился, не выключая мотора. Люк на башне, из которой торчал расчехленный ствол крупнокалиберного пулемета, открылся, и оттуда показалось такое же закамуфлированное лицо.

– Ну, разве это дело? – лицо улыбнулось белыми, как снег, зубами. – Где это видано, чтобы дамы занимались такой черной работой? Гвардейцы, к машине строиться!

И тут же из десантных люков появилось несколько перемазанных пылью и грязью солдат. Оттуда же выбрался молодой стройный офицер в форме морского десантника с черным беретом.

– Даю пять минут, чтобы вода плескалась через край, а дамы были довольны работой, – отдал он приказ солдатам. – Время пошло!

– Я ж говорила тебе, что это не ребята, а просто чудо! – восторженно зашептала Марина.

– Поехали домой, – буркнула в ответ Ольга, – пока доберемся, а там к службе надо готовиться.

– Что-что? – оба офицера подошли к Ольге. – Какая еще такая служба? Это мы можем сказать, что у нас служба, а таким очаровательным девушкам говорить про какую-то службу даже не к лицу. И потом: где ваше «спасибо» за оказанную помощь?

– А с чего вы взяли, что мы вообще нуждались в вашей помощи? – Ольге вдруг захотелось надерзить этим офицерам.

– А вы, мадемуазель, позвольте спросить, с чего взяли, что мы что-то взяли? – десантник с темными курчавыми волосами вплотную подошел к Ольге и пристально посмотрел ей в глаза. – Мы еще ничего не взяли, потому что ничего не просили.

Марина поспешила разрядить обстановку.

– Хватит вам миловаться друг дружкой, – сказала она, обнимая обоих. – Знакомьтесь лучше: Олечка, Стасик.

Потом подошла к светло–русому, чье лицо от нанесенной маскировки имело какой–то устрашающий вид, и прильнула к его плечу:

– А этот Илья Муромец – вовсе не Илья, а Вадик. Просто Вадик.

Стас повернулся к солдатам и скомандовал:

– Продолжайте самостоятельно выполнять поставленную задачу. Связь на прежней частоте. А со своей задачей, – он улыбнулся, посмотрев на Ольгу и Марину, – мы справимся сами. Подкрепления не просим.

БТР взревел и, выбрасывая из-под мощных колес береговой песок, сходу рванул вглубь лесной чащобы.

– Ну а теперь, дамы и господа, – начал Стас, – когда мы остались наедине с этой волшебной природой, давайте будем петь и резвиться, как дети. Мы ведь тоже часть этой природы, правда?

И он многозначительно подмигнул Ольге, после чего положил свой автомат рядом с оружием Вадима, снял остальное снаряжение и расстегнул рюкзак, доставая оттуда бутылки, консервы и разнообразные деликатесы, начиная от копченой колбасы и заканчивая маленькими баночками с красной икрой. Марина не выдержала:

– Разве сравнится все это, – она широким жестом показала на содержимое вещмешка, – с тем, чем нам приходится давиться в монастыре?

– Небось, не все давятся, – хохотнул Стас, нарезая хлеб десантным ножом-стропорезом. – Небось, монастырское начальство

икорочкой балуются, а вас, красавиц, в темницах голодом морят?

– Не балуются, – тихо возразила Ольга. – Настоятельница наша вместе с сестрами за одним столом сидит, ей отдельно не накрывают.

– Так то настоятельница, – не отступал Стас. – Она, я слыхивал, уже дряхлая старушка, ей здоровье беречь надо, не переедать. А вот про батюшек иное говорят.

Он взял в одну руку бутылку шампанского, в другую водку и звонко рассмеялся:

– Святой отец, и пиво тоже?

– Наши отцы не пьют, – снова оборвала веселый смех Ольга. – Я знаю. Того, кто пьет, сразу видно.

– Скучная у вас там жизнь, хочу заметить, – Вадим почувствовал, что разговор надо было перевести на другую тему. – Скучная и неинтересная. Наша жизнь куда веселее и здоровее. И чтобы вы, милая Олечка, сами убедились в этом, я приглашаю вас и всю компанию наполнить эти хрустальные бокалы, – он показал рукой на пластмассовые стаканчики, – и выпить за мир и согласие между нами. И, конечно, за любовь.

Он разлил шампанское. За вторым тостом бутылка была уже порожней. Ольга лишь пригубила искристый пенящийся напиток, почувствовав его тонкий аромат. Марина же, напротив, охотно поддерживала тосты и нескончаемый поток острот.

Вскоре Стас предложил:

– А не испить ли нам чего покрепче?

И, не дожидаясь ответа, отвинтил крышечку на бутылке водки с красочной этикеткой «Холодный Яр»:

– Достал по великому блату. Самая настоящая горилка! Высший класс! С Украины привезли. Там в этом деле толк знают. А в такую жару «Холодный Яр» – вообще то, что надо!

– Пробуем, пробуем! – радостно завизжала Марина, уже почувствовав в себе тягу к хмельному куражу. – Раз горлика, то все пробуем. Мне первой, потому что во мне течет кровь хохлушки. Моя бабушка была из Полтавы. Только вот не знаю точно, как они оказались на Урале: то ли их туда выслали, как куркулей, то ли бежали от голода…

Марина была уже пьяна. Быстро посмотрев на нее, Ольга отодвинула от себя тарелочку и поднялась:

– Пробуйте, кто что хочет, а я пойду купаться. Вода в самый раз.

– А ты, Вадик, твердишь все время: послушай женщину, но сделай все наоборот, – Стас тоже поднялся следом за Ольгой. – Какую классную идею Олечка подала! Кто как, а я тоже в воду.

Ольга даже не успела возразить, что идет одна и никого с собою не приглашает, как Стас сбросил просоленную от пота камуфляжную куртку и обнажил грудь. И тут Ольга увидела на ней еще свежий шрам от пули. Стас перехватил ее взгляд и повернулся спиной: с противоположной стороны след был точно такой же.

– Навылет через легкое, в сантиметре от сердца, – пояснил он без расспросов. – Поэтому я отделался, можно сказать, легким испугом, если, конечно, не считать клинической смерти и трех операций. Все могло быть гораздо хуже, потому что пуля была со смещенным сердечником: входит, к примеру, в грудь, а вылетает из мозгов. Тогда госпиталь уже бессилен. Одна дорога – «грузом 200»[24] в цинковом ящике к могилам предков.

– Кто же это вас так? – с состраданием в голосе спросила Ольга.

– Снайпер, – так же спокойно ответил Стас, закурив сигарету. – Вернее, снайперша. Приласкала меня в одном райском уголке. Есть такой на нашей голубой планете. Чечней называется. Мы там зачищали от бандитов одну деревеньку в горах. Вот и подцепила меня та снайперша на свой прицел. Аж из Прибалтики приехала, помогала абрекам независимость защищать. Говорят, красивая баба была, молодая, блондинистая. Их там целый отряд по нашим ребятам работал. «Белыми колготками» назывались. «Крестили» пулями беспощадно: правое плечо – левая нога, левое плечо – правая нога… А самую главную – последнюю – пульку знаете куда?

Взгляд Стаса встретился с Ольгиным. Он ждал, что она задаст ему вопрос, который не требовал ответа.

– Да-да, Олечка, – ухмыльнулся Стас, – именно туда, в то самое интересное место, лишившись которого ни один нормальный пацан не захочет и минуты жить на свете. А они – «колготки» эти – целились именно туда. Так что мне крупно повезло, говорю это без всякого преувеличения.

Он докурил сигарету и тут же начал новую.

– Когда ребята пришли в госпиталь проведать меня, рассказывали, что ту блондинку выловили на чердаке одного чеченского сарая.

Вместе со снайперской винтовкой.

– Месть, конечно же, была страшной! – Марина полупьяным голосом пыталась изобразить некий трагический образ.

– Месть была, скажем так, обычной в подобной ситуации.

Марина теперь уже трагикомически прикрыла глаза:

– Ее изнасиловали… Ах, бедная, бедная блондинка!

– Это для начала, – Стас даже не взглянул на Марину. Он не спускал глаз с Ольги. – Это, повторяю, было только началом мести. А концом стало то, что ей засунули запал от ручной гранаты именно туда, куда она целилась в наших пацанов.

– И…, – Марина уже не смеялась. – Что же было потом?

– Потом, Мариночка, – Стас по-прежнему смотрел на Ольгу, – ровно через четыре секунды все, кто стоял рядом, в ее утробе услышали маленький хлопок. А чтобы не слышать истошных воплей, ее затем просто пристрелили. Как собаку. Наши бойцы не злопамятные.

Ольга стояла ошеломленная этим рассказом.

– И вам действительно не было жалко ее? Ни капли?

– Было, – сразу ответил Стас, – было жалко, не скрою. Но не этой снайперши, а того, что не я стоял рядом с ней. Я бы ей тогда не запал от гранаты, а всю гранату затолкал, а чеку в глотку засунул. Вот чего мне до сих пор жалко!

Ольга почувствовала, как к горлу подступил тошнотворно-омерзительный комок. Она бросилась в сторону и, если бы не сделала этого, то вырвала б прямо на грудь Стаса, на свежий шрам от снайперской пули. Рвотные спазмы давили и давили ее.

Немного отдышавшись, Ольга поднялась и спустилась к реке. Войдя в воду, она зачерпнула ее, умыла лицо. Несмотря на жаркое солнце, вода в реке была прохладной, и от этой прохлады стало немного легче. Ольга вернулась на берег, присела на песок в тени раскидистой ивы и закрыла глаза. Тошнота и омерзение от всего, что она только что слышала, не до конца покинули ее.

Кто-то коснулся плеча. Ольга открыла глаза и увидела перед собой Марину. Та протянула ей пластмассовый стаканчик.

– Выпей, подруга, легче станет.

От одной мысли, что там может быть водка или шампанское, Ольга снова почувствовала приступ тошноты.

– Не бойся, – угадала ее мысли Марина, – это минералка.

Ольга маленькими глоточками выпила всю воду и снова прислонилась к иве, прикрыв глаза.

– И ты дура, и они дураки, – шмыгнула носом Марина. – Дернуло тебя расспрашивать про эту дырку в груди. Меня б спросила, что и почему. А у него ума больше ни на что не хватило, как про все эти гадости рассказывать. Их брата только зацепи. Они все там калеченные не только в грудь, руки и ноги, но и в голову. Они поголовно психи, потому что войну не по телевизору, а живьем видели. Вадик – между нами, девочками, – после Чечни даже на игле сидел[25], не мог все кошмары забыть. А вообще они неплохие ребята, поверь мне. Их лаской, любовью к нормальной жизни возвращать надо.

Марина посидела еще немного, надеясь, что Ольга поддержит разговор. Но та сидела молча с закрытыми глазами.

– Олечка, я пойду к ним, а то неудобно как-то, – тронула ее за плечо Марина, – а ты как придешь в норму, тоже давай к нам. Лады?

Ольга продолжала одна наслаждаться тишиной и близкой речной прохладой. Теперь ей страшно хотелось спать. Но она пересилила нарастающую дремоту, встала и медленно пошла по берегу в противоположную сторону от того места, где слышался веселый хохот Стаса и Вадима и визг Марины. Наконец, она удалилась настолько, что ей уже ничего этого не было слышно. Ольга осмотрелась по сторонам, разделась, сложила аккуратно платье и нижнее белье на старой коряге и осторожно вошла в воду. Там она распустила волосы, стянутые сзади в тугой узел, и, набрав воздуха, пошла на глубину, где вода была еще прохладнее, чем у берега. Но эта прохлада добавила ей сил и бодрости. Вынырнув, она увидела прямо перед собой маленький островок, образовавшийся на мелководье. Он был покрыт сплошным кустарником и низкорослыми деревцами. Зелень была настолько густой, что через нее не видно было другого берега.

Ольга решила плыть к тому островку. Но не проплыв и десятка метров, она ощутила под ногами илистое дно реки. Встав на ноги, осторожно пошла вперед, озираясь по сторонам. Затем быстро вышла из воды и с разбегу растянулась на густой изумрудной траве под карликовой березкой. Ни с того, ни с другого берега ее не было видно. От удовольствия и полной тишины Ольга прикрыла глаза…

Сколько прошло времени – она так и не смогла сообразить, а часы остались на берегу вместе с одеждой. Ее разбудил громкий смех. Ольга осторожно приподнялась на локтях и увидела всех троих: Стаса, Вадима и Марину. Вадим держал бинокль и осматривал через него противоположный берег.

– Олечка, выходи к нам, – кричал Стас, неуверенно держась на ногах, – выходи, не бойся. Я больше не буду ужастики рассказывать. Честное пионерское!

– Олька! – раздался голос Марины. – Выходи, а то голяком домой поедешь!

– Или пешком пойдешь, – добавил Вадим, не отрываясь от бинокля.

Ольга по-пластунски перебралась еще дальше вглубь островка и снова вошла в воду. Лишь когда она обогнула островок и вышла на чистое течение, ее заметили и радостно закричали:

– Плыви к нам, рыбка золотая!

Ольга подплыла ближе, пока снова не почувствовала под собой твердое дно, и, оставаясь в реке по грудь, крикнула в ответ:

– Уходите на свое место! Дайте мне спокойно одеться!

– А спокойно уже не получится, – развел руками Стас.

Ольга теперь отчетливо видела, что он был сильно пьян.

– Уж никак не получится спокойно, – повторил он. – Такие вот мы неспокойные ребята: сами мало спим и другим не даем. Так что не стесняйся, выходи на бережок, русалочка ты наша.

Марина делала отчаянные жесты, показывая Ольге, что бы та выходила из воды:

– Дура! Воспаление схватишь! Кто с тобой возиться будет?

Ольга упрямо молчала, глядя на пьяную компанию и выжимая мокрые волосы.

– Тогда, – включился в разговор Вадим, – как говорят мудрецы Востока, если гора не идет к Магомету, пусть Магомет сам придет к горе.

С этими словами он поднял Ольгины вещи, оставленные на коряге, затолкал их в полиэтиленовый пакет и высоко поднял над головой:

– Олечка, по твоей просьбе мы убираемся на свое место, а ты все же уважь просьбу боевых офицеров: выходи на бережок. Мы со

Стасом в своей жизни столько голых баб повидали, что ты нас ничем не испугаешь.

Ольга поняла, что теперь они не шутят.

– Мрази, – тихо прошептала она и отплыла назад. Перевернувшись на спину, она подставила себя течению и медленно поплыла в сторону лесного родника, куда берегом двинула остальная компания. Когда Ольга подплыла на место, все уже ждали ее появления.

– Вот и умница, вот и молодец, – осклабился Стас. – А теперь ать-два, ать-два, и на берег ножками, ножками. А мы посмотрим, действительно ли они у тебя такие стройные, как Маринка расписывает. Ведь вы в одной баньке паритесь, а?

И расхохотался вместе с остальными.

Ольга чувствовала, что продрогнет в прохладной воде окончательно, и тогда болезни не миновать. Она не хотела больше рисковать здоровьем.

«Какие же вы все подонки!», – подумала она, собираясь с духом, чтобы выйти на берег.

Нагретый палящим солнцем ветерок накатил ей прямо в спину легкую волну.

– Не бойся, я с тобой, – вдруг отчетливо услышала она в плеске этой речной волны тихий девичий голос. Ольга осмотрелась по сторонам, пытаясь сообразить, откуда исходил он. Но никого возле себя не увидела.

– Красавица моя ненаглядная, – снова раздался пьяный хохот Стаса, – я жду тебя с сюрпризом!

Он поднял с мокрого песка бутылку шампанского и тем же десантным ножом отбил горлышко с пробкой. Шампанское брызнуло фонтаном.

– Ну же, моя Афродита! – горланил Стас. – Выходи из морской пены! Я жду тебя, чтобы искупать в шампанском!!

Новая волна опять тихонько подтолкнула Ольгу вперед, и она снова отчетливо услышала тихий девичий голос:

– Я с тобой, ничего не бойся…

Тряхнув мокрыми волосами и откинув их назад, Ольга медленно пошла вперед, выходя обнаженной из воды. Она сразу почувствовала жаркое прикосновение к плечам палящих солнечных лучей. Приятное

тепло разлилось по всему телу. Ольга стояла еще по грудь в воде, но чувствовала невыразимо приятное тепло в каждой своей клеточке. На мгновение ей показалось, что кто-то невидимый, стоявший рядом, укутал ее, прижал к себе, чтобы согреть и защитить от холода. Вместе с этим неизъяснимым теплом Ольга почувствовала в себе бесстрашие, граничащее с полным безразличием к тому, что кричали ей с берега пьяные голоса.

Неожиданно Стас бросил в сторону пенящуюся бутылку. Хмельной взгляд и улыбочка мгновенно сошли с лица. Он схватил лежавший рядом автомат, передернул затвор и остервенело закричал:

– Стоять!!! Стоять на месте!!

И дал короткую очередь. Пули вошли в воду в полуметре от Ольги, подняв фонтанчики брызг.

– Я сказал: стоять!!!

Ольга увидела, как Стас поднял автоматный ствол на уровень ее груди. Но странно: ей было абсолютно безразлично, нажмет ли он сейчас на спусковой крючок – и автоматная очередь прошьет ее насквозь точно так же, как самого Стаса прошила снайперская пуля. Она совершенно спокойно и хладнокровно смотрела на ствол, из которого еще выходил сизоватый пороховой дымок. Ольгу наполняло такое невыразимо благодатное тепло, что ей было абсолютно все равно: погибнет она сейчас или все же выйдет живой на берег, оденется и поедет на своей скрипучей телеге обратно в монастырь с полной бочкой воды. Марина ж стояла на коленях, закрыв лицо ладонями, чтобы не видеть самого страшного. Вадим же в полном остолбенении смотрел на реку, откуда выходила Ольга. Происходило нечто такое, что не способен был выдержать нормальный человеческий взгляд.

Вдруг Стас истошно закричал и выронил автомат, словно это был кусок раскаленного железа. Оружие упало у самой кромки воды и зашипело, покрывшись паром. Вадим очнулся и, подбежав к Стасу, с разбегу опрокинул его, навалившись сверху и держа за руки:

– Ты что, под трибунал захотел?!

Стас лишь хрипел, не спуская глаз с Ольги. В уголках рта появилась липкая пена, а губы стали мертвецки бледными.

– Всех пристрелю! – злобно прошептал он. – Всех!! И никто меня судить не будет!

Ольга между тем вышла на берег, подняла с земли разбросанные вещи и, зайдя за старую иву, без спешки оделась. Только сейчас она стала чувствовать в себе состояние нарастающего нервного возбуждения, но остаток необъяснимого тепла успокаивал ее. Вадим по рации тем временем срочно вызывал бронетранспортер. Стас – уже одетый, но без оружия – сидел прямо на мокром песке, сдавив голову обеими руками. Было видно, что она разламывалась от нестерпимой боли. Оба автомата держал Вадим. Марина ж стояла в сторонке и беззвучно плакала. Вадим подошел к ней, обнял за плечи, легонько поцеловал в щеку и тихо сказал:

– Жду, как договорились.

Они быстро уехали, больше не сказав ни слова. Марина тоже молчала.

Ольга подошла к берегу, где они сидели. Все, что осталось от праздника знакомства – нарезанный хлеб, кусочки колбасы, обугленный шашлык, рыбные консервы – она аккуратно сложила в один кулек, оставив его на берегу открытым. Недопитую бутылку водки и шампанское с отбитым горлышком вылила в реку.

Что-то хрустнуло у нее под ногой. Она нагнулась: это была стреляная автоматная гильза. Рядом валялась еще одна, а чуть поодаль еще. Ольга собрала их все и пересчитала. Гильз было семь.

– Счастливое число, – улыбнулась она, катая гильзы на ладони. – Так что повезло не только тебе, Стасик, но и мне…

Ольга подержала гильзы еще немного, глядя на них уже без всякой мысли, а потом с силой швырнула в реку:

– Вот так-то, Добрыня ты наш Никитич!..

Всю обратную дорогу Ольга и Марина ехали молча. Лишь у самых монастырских ворот Марина все же спросила:

– Как ее зовут?

– Кого? – не сразу ответила Ольга, отрываясь от своих мыслей.

– Опять из меня дурочку строишь? – обиженно прошептала Марина и снова замолчала.

Слив воду из бочки, Ольга переоделась и пошла в храм на вечернюю службу. Марина осталась в келье. Не раздеваясь, она легла и отвернулась к стенке.

Ольге тоже хотелось одиночества. Она прошла в самый дальний и темный угол храма, где в своей инвалидной колясочке сидела

старенькая, изможденная от долгих прожитых лет, постов и подвигов старушка-схимница Анастасия. Молодые послушницы ласково величали ее между собой «матушкой без пяти девяносто» и любили ее. Ольге показалось, что она дремала. Старое клетчатое одеяло, которым были накрыты ее немощные ноги, сползло почти на пол, а по храму гулял сквозняк. Ольга тихо подошла и подтянула одеяло. Только тут она заметила, что старица не дремлет, а, углубившись в себя, перебирает узелки четок. Открыв глаза, схимница улыбнулась Ольге и, поманив к себе, обняла ее и нежно поцеловала в голову. Ольга прижалась щекой к сухонькой ладошке «матушки без пяти девяносто» и тоже ласково поцеловала ее. Потом снова возвратилась в свой уголок. Молитва не шла ей на ум. Непонятная, неосознанная горечь и боль волнами подступали к горлу, душили и душили ее, заслоняя молитву.

Ольга опустилась на колени, прильнула к прохладному полу и закрыла глаза. И тут она увидела Стаса: только теперь уже с наспех перебинтованной грудью, без сознания, беспомощно лежащего на санитарных носилках. Чтобы снять болевой шок, кто-то из солдат пытался ввести ему обезболивающее прямо через рукав окровавленной куртки. В метрах ста, поднимая клубы пыли, тарахтела «вертушка»[26], принимая на борт тела убитых и раненых спецназовцев. Все вокруг было охвачено пожаром: горели дома, старая мечеть, школа. Посреди этого кошмара и стрельбы бежала молодая чеченка, почти еще девочка, с обезумевшими глазами прижав к груди кровавый комочек, завернутый в детскую простынку…

Ольга вдруг увидела и ту снайпершу, которую удалось поймать, когда она, бросив винтовку с оптическим прицелом, пыталась раствориться в «зеленке» – густой зелени гор, плотно обступивших аул со всех сторон. Ольга не только увидела – она услышала, как она на ломанном русском просила уже повидавших смерть контрактников пощадить ее – пощадить ради двух маленьких детей, которых она оставила дома и отправилась зарабатывать деньги на этой грязной войне. А те, злобно матерясь и распаляясь похотью, еще с большей яростью срывали с нее пятнистую маскировку, чтобы начать вершить свой страшный суд…

Потом Ольга снова увидела Стаса: с автоматом на берегу реки и перекошенным от злобы лицом. Она увидела его глаза, полные такой

же злобы, а вместе с тем – невыразимого ужаса от того, что в это мгновение открылось, наверное, только ему – и никому больше. Ольга увидела автоматный ствол, направленный ей прямо в обнаженную грудь, и зловещий сизоватый дымок из черного отверстия…

Ольге стало невыразимо жалко всех: Стаса, искалеченного ранением не только в грудь, но и прямым попаданием в его, в сущности, добрую и незлобную душу; снайпершу, которая, казалось, кричала сейчас самой Ольге, чтобы та заступилась за нее перед контрактниками, уже бросившими жребий, кому начинать первым; самих контрактников – крепких русских парней с туго завязанными назад косынками, приехавшими в этот извечно неспокойный край, чтобы уже в который раз попытаться поставить на колени непокорных горцев.

Ольге стало жалко и чеченцев – людей, совершенно далеких ей по духу и вере, но все-таки людей, а не зверей, в которых они превращались, теряя на войне своих жен, детей, стариков.

Ей стало до боли жалко всех, и эту боль она выплакивала, давая волю слезам, сбрасывая с себя невыносимо тяжелый груз впечатлений и переживаний прожитого дня…

Она встала с колен, когда служба уже закончилась. Читать келейное правило у Ольги не было сил. Тормошить Марину и донимать ее расспросами тоже не хотелось. Спала она или только притворялась – Ольге сейчас было абсолютно все равно. Ей самой хотелось раздеться и лечь спать, чтобы забыться от всего увиденного и пережитого. Прочитав вполголоса несколько вечерних молитв, она перекрестилась, поцеловала нательный крестик и легла на жесткий деревянный топчан.

Сна не было. Ольга лежала на спине с широко раскрытыми глазами и смотрела в темный потолок кельи. Потом повернулась на бок и уставилась на огонек лампады возле иконы Божьей Матери.

«Как все сложно и непросто в жизни, – подумала она, глядя на вечно юную Матерь со скорбящим взглядом. – У каждого свое счастье, и каждый меряет его своей меркой: Стас – своей, Маринка, – своей, «матушка без пяти девяносто» – своей… Может, я и впрямь дура набитая? Мое счастье рядом, только руку протяни, а я проживу тут и стану похожа на бабу Ягу. Нет, неправда… Разве «матушка без пяти девяносто» похожа на нее? Она больше на добрую волшебницу из

сказки похожа. Вот умрет она, когда-нибудь отроют ее могилку, а там будут настоящие мощи святые. Матушка уже сейчас вся светится. А все потому, что счастлива своей жизнью. И другого счастья ей не надо. Да и мне незачем искать…».

Дверь чуть-чуть скрипнула, и в келью потянул прохладный вечерний воздух. Ольга хотела встать и прикрыть дверь, но чувствовала, что совершенно бессильна сделать даже это.

«Маринка обиделась… Кто его знает? Вот выскочит за Вадима и тоже по-своему счастлива будет. Прикатит сюда одним прекрасным днем на крутой иномарке и будет смотреть на меня, как на инопланетянку какую.

Ольга почувствовала, что начинает зябнуть, и снова захотела встать, чтобы прикрыть дверь. Но в это мгновение она опять ощутила то невыразимо приятное тепло, разлившееся по всему телу, как это случилось сегодня днем на реке, когда она, продрогшая до костей, выходила на берег. Ей снова показалось, что кто-то стоит рядом и с любовью укрывает ее от холода и подступивших сомнений.

Ей снова вспомнилась река, когда она впервые вышла к ней по лесной дороге в монастырь, та странная спутница, ее босые ноги в ледяной воде, хлюпающей на дне лодки, и дивная украинская песня, которую тихо распевала загадочная незнакомка среди безмолвия реки и весеннего леса:

Стоїть гора високая,
Попід горою гай,
Зелений гай, густесенький,
Неначе справді рай...

Страшная догадка вдруг озарила изнутри Ольгу, но она, окончательно погружаясь в глубокий сон, успела лишь прошептать:

– Это ты, Аннушка?..

…Когда по заведенному уставу монастырь стал пробуждаться, постель Марины была уже пуста. Ольга увидела на ее подушке свернутый вчетверо тетрадочный листок. Она развернула его и сразу узнала знакомый почерк своей подруги:

«Я догадалась, кто вчера спас тебя и Стаса. Прости за все и будь счастлива. Не суди строго. Бог даст – увидимся. Твоя М.»

10. ЖЕНИХ

Неожиданное исчезновение Марины мало кого удивило. Такие события тут не были редкостью. Не все выдерживали строгий монастырский устав и уходили искать более легкой жизни. Но некоторые делали это, ставя в известность настоятельницу обители, помня ее доброту к ним, а другие – из-за страха или стыда – убегали из монастыря тайком.

Привязанность Марины к Ольге ни для кого не была тайной. Никто сомневался в том, что именно Ольга может пролить свет на причину внезапного исчезновения своей подруги. Ольга не стала лукавить и рассказала настоятельнице все, как было. Она даже показала ей записку, оставленную Мариной. В конце-концов, рассуждала Ольга, Марина не была связана монастырскими обетами, а потому имела полное право поступать как человек свободный.

– Вот только не пойму я этой фразы, – задумчиво сказала игуменья, несколько раз перечитав записку и выслушав подробный рассказ Ольги о происшествии у родника, – что это за такие странные слова: «Я догадалась, кто спас тебя и Стаса». О чем это таком она догадалась, чего я никак не могу понять?

– Не знаю, матушка, – тихо сказала Ольга, – сама ничего понимаю. Может, ей что-то померещилось?

– Померещилось, говоришь? Если б только ей одной, тогда можно предположить, что померещилось. А когда сразу трем, да так, что один за оружие хватается и палить начинает, то это уже не померещилось.

Игуменья снова задумалась, свернув записку вчетверо, как она была сложена самой Мариной, и положила перед собой.

– Надо военным сообщить, – после долгого молчания она перевела взгляд на Ольгу, – пусть своих шалунов прищучат. Наверное, напились так, что их лукавый попутал. Господи, спаси и сохрани!

И она широко перекрестилась, посмотрев на образа.

– Матушка, – робко попыталась возразить Ольга, представив себе, сколько это принесет неприятностей Вадиму и Стасу, – может, не надо никому сообщать? Марину уже не вернуть, а те скоро тоже уедут.

– Зато другие приедут, – резко ответила игуменья. – И тоже начнут наших девиц в соблазн вводить. А там до греха один шаг.

Игуменья тяжело вздохнула и уже без всякой строгости поманила Ольгу подойти ближе.

– Дети вы, дети… Хоть и выросли, а все равно неразумные, непослушные дети. Пока поймете, что все вокруг суета сует, одна суета и томление духа… Так пророк говорил. Всю жизнь свою испытал: и богатством, и любовью, и славой, и науками разными, книгами, а потом понял все, да так и написал нам в назидание о том, что все земное – сплошная суета сует и томление духа. А вы чего-то все ищете, ищете, ищете, разбиваете свои лбы, и опять ищете.

И всего вам, глупым и наивным, мало: счастья мало, денег мало, любви мало, здоровья мало. А ведь все это мимолетное, временное. Вечна только душа, которой, бедолаге, некуда в этой суетной жизни свою головушку приклонить. Вот и мечется она, плачет, пока мы живем на этом свете. А как помрем, то поздно будет о душе думать. Пойдет она – голодная, нищая, пустая, неумытая – к своему Творцу Небесному. Чем оправдается пред Ним, что скажет?..

Вот решила твоя Маринка с тем женихом счастья искать. А почему Господа не послушала? Ведь Он учит не женихов, а прежде всего Царствия Божьего искать и вечной правды его. Все остальное, по Его слову, нам само собой тогда приложится: кому жених, кому невеста, кому богатство, а таким вот, как мы, недостойные Его милостей, – келья монастырская.

– Матушка, – Ольге хотелось еще побыть рядом с игуменьей, – можно вас кое о чем спросить?

– А известно ли тебе, голубка, что не всякий вопрос к добру ведет? – игуменья ласково улыбнулась ей. – Выкладывай свое «кое-что», а то пора делом заниматься.

– Матушка, – Ольга подняла глаза, – а вы влюблялись в молодости? Ведь вы тоже были такою, как мы. Говорят, красивой были.

– Кто такую чушь говорит? – нарочито строго переспросила игуменья.

– Разные люди говорят, которые помнят, как вы сюда после войны приехали.

– Врут. Неправда все это. Ничего красивого во мне никогда не было. А вот то, что я когда-то молодой была – чистейшая правда, отрицать не стану.

– И никто в вас не влюблялся? Или вы в кого?

– Ну, влюблялся кто в меня или нет – этого я тебе точно не могу сказать, потому что сама не знаю, – спокойно ответила она. – А вот я, грешная, как отдала свое сердце одному жениху, так и остаюсь ему верна до сих пор. И другого жениха мне не нужно.

– Матушка!.. – Ольга в совершенном изумлении посмотрела на игуменью, не веря своим ушам и пытаясь понять, шутит ли она или говорит правду. – Матушка!.. У вас есть жених? Я не ослышалась?

– А что тут странного и страшного? Вон Маринка нашла себе жениха, да и тебя чуть не засватала. Значит, вам можно? А меня мой папа покойный познакомил с будущим женихом, когда я еще совсем девчушкой была, так с той поры я на других женихов не заглядываюсь. Лучше моего нет на всем белом свете.

– Матушка, милая, – Ольга все еще не верила тому, что ей рассказала игуменья, – скажите хоть, как его зовут? Откуда он?

– Откуда? – игуменья улыбнулась. – Да ты и сама, наверное, знаешь. Каждый день слышишь, откуда Он: «Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бога Истинна от Бога Истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша…». Поняла теперь, наконец, Кто мой Жених и откуда Он? Иисус Христос! И мы, инокини, обручаемся с Ним всей своей жизнью. Так что если не убежишь отсюда следом за Маринкой, а будешь стремиться к святой жизни, то мы тебя тоже обручим с этим Женихом Прекрасным.

Ольга уткнулась носом в теплый шерстяной платок, который укрывал плечи игуменьи. Она поняла, что надерзила настоятельнице, задавая ей такие глупые вопросы, и ей стало стыдно. Молчала и игуменья.

– Матушка, – снова обратилась Ольга, – а разве Христос – Жених?

– Конечно, – ответила игуменья. – Ты разве забыла, как мы пели перед Пасхою: «Се, Жених грядет в полунощи…»? Жених, и ждет Он верных Ему. А перед всеми неверными дверь к Нему захлопнется, как перед теми неразумными девами, которые побежали искать масла для светильников, да так и остались вне брачного пира. Для того людям дана молодость, зрелось, ум, здоровье и все остальное, чтобы подготовиться к встрече с нашим Женихом, успеть наполнить светильники добродетелями, а не всякой суетой пустой вроде того, о чем вам те вояки у речки наговорили с три короба, а вы уши свои развесили.

Ольга еще глубже зарылась носом в теплый платок игумении, стараясь понять ее слова.

– Матушка, – помолчав, снова спросила она, – почему в жизни так все сложно и трудно? Вам вот все понятно и просто, а другим – мне, например, или той же Маринке – наоборот, все непросто?

– А почему ты думаешь, что мне все так просто и легко? – игуменья пристально посмотрела Ольге в глаза. – Думаешь, крест игумении или даже простой инокини легок? Многие считают, что в монастыри идут калеки, неудачники, которые не нашли своего места в миру. А все гораздо сложнее… Не всем дано понять, что такое монашеские обеты, оттого и колеблются, как былина на ветру. Когда большевики монастыри закрыли, куда монахи делись? Одни на страдания и смерть пошли, на Голгофу, а другие – в мир: семьями обзавелись, женились, замуж вышли, детей нарожали и забыли, в чем пред Богом обеты давали. Вот как все сложно и непросто! Так что, деточка, не верь, что в монастырях собрались одни неудачники, которым не повезло в миру. Неправда это. В монастырь идут сильные духом, а слабые, наоборот, не выдерживают этой жизни, убегают. Наша жизнь и впрямь трудная, а вместе с тем счастливая. Кому трудная? Гордым, непокорным, тем, кто ищет во всем своей воли, а не Божьей. А тому, кто смирен и кроток, Господь дает благодать, и тогда крест стает не мукой, а счастьем.

Ольга молчала, думая над тем, о чем говорила ее наставница.

– Деточки..., – игуменья ласково погладила Ольгу по голове. – Мне действительно в какой-то мере легче, чем вам. Я росла и воспитывалась в глубоко верующей, православной семье. Моя покойная бабушка сама игуменьей была, а папа священником. Его в тридцать седьмом арестовали и лишь много лет спустя открыли правду, что он был расстрелян за веру. Папе ведь тоже предлагали сытую спокойную жизнь, но с одним условием: отречься от своей веры и сана. Папа на эту сделку не пошел, а выбрал смерть. Такое воспитание было. Поэтому нам легче, чем вам. А вас кто теперь воспитывает? Телевизор воспитывает! Танцульки воспитывают, клубы, кино, тюрьмы… Теперь вот сектанты тоже взялись за ваше воспитание, рассказывают, что они Бога проповедуют. Распинают они Бога, а не проповедуют! Вот что творят в своем безумии! И вас, неразумных, тому же учат.

– Матушка, простите меня, – чуть слышно прошептала Ольга.

– Тебя Господь привел в Свою Церковь, – ответила игуменья. – Помни это, дорожи и не ищи ничего другого. Нам дано покаяние. А тот, кто бежит от креста, на покаяние не способен. Кто сходит с креста, бежит от него и ищет легкой беззаботной жизни, каяться по-настоящему не умеет. Запомни это, голубка!

Ольга в пояс поклонилась, прося благословения.

– К роднику тебе хватит ездить. Другое дело найдем, – немного помолчав, сказала игуменья. – А с военными я непременно поговорю. Жаль, что ты патроны в речку выбросила, жаль. Ишь, герои выискались! А если б и впрямь выстрелил? Что б тогда было, а?

– Не выстрелил, – уверенно ответила Ольга, вспомнив свое состояние, когда она выходила из реки. – Ни за что б не выстрелил.

– Все-то вы знаете, – охая от боли в суставах, игуменья поднялась с кресла, – все знаете, кроме главного: грешить нельзя! А с военными я обязательно встречусь и поговорю. Если их сейчас не урезонить, то скоро они в монастырь на танках приезжать будут.

Ольга еще раз поклонилась в пояс и, пряча улыбку, поспешно вышла.

11. МАТЬ НЕОНИЛА

Уже на следующий день Ольга получила новое послушание. Отныне она находилась в полном распоряжении монахини Неонилы. Мать Неонила была монастырским завхозом. Молодые послушницы ее панически боялись. Возможно, причиной всему был непростой характер главной монастырской хозяйки, не терпящей никаких возражений и оговорок, умевшей всегда поставить всех на место. Кроме всего прочего, мать Неонила чувствовала свое особое положение в обители, в которую она – сама в прошлом фронтовичка – пришла вместе с игуменьей и прожила тут более сорока лет.

Суровое отношение матери Неонилы к молодым послушницам не все могли понять. Те, кто не мог найти в себе сил для смирения, просто уходили из монастыря, скопив в сердце кучу обид и неприятных воспоминаний. Тем самым они свидетельствовали о том, о чем, может быть, не подозревали сами: монастырская жизнь, основанная на

беспрекословном послушании и совершенном смирении, была не для них. Жизнь мирская больше отвечала их духовному настроению.

В глубине души Ольге было жалко расстаться со своим прежним послушанием водовоза. Отныне она лишилась возможности хоть немного быть наедине с природой, которую сильно любила и которая помогала ей забыться от тяжелых воспоминаний. За водой же с благословения игуменьи стали ездить другие сестры: старенькая монахиня с парализованным на одну сторону лицом и послушница немолодых лет – всегда угрюмая, нелюдимая, замкнутая в себе, понимавшая, что в ее годы строить планы о замужестве было по крайней мере смешно и нелепо.

Приближался Покров – главный престольный праздник монастыря. Именно в эту горячую пору, когда монахини готовились к наплыву гостей и паломников, мать Неонила неожиданно для всех тяжело заболела и слегла. Незадолго до праздника ее соборовали. Из района приехал старенький батюшка, взяв с собою еще двух священников, в том числе еще совсем молодого – безусого и безбородого иеромонаха. Вместе с духовником монастыря архимандритом Поликарпом они совершили над болящей святое таинство, приготовив ее к любому исходу болезни. Матушка ничего не могла есть, ощущая внутри нестерпимое жжение и боли. От больницы она решительно отказалась, дозволив лишь бегло осмотреть себя пожилому врачу-женщине, которая давно знала матушку и глубоко почитала ее.

Мать Неонила, конечно же, чувствовала, что молодые послушницы и даже сестры, начинавшие монашеский путь, ее недолюбливают. Она это хорошо понимала, но не делала никому поблажек, не выбирала себе любимиц, никого не выгораживала, а лишь требовала неукоснительного выполнения послушания, не оставляя ни себе, ни другим времени для пустых разговоров, хождений и пересудов.

Она видела, что многие шли в монастырь не из побуждений веры, а из–за того, что не могли найти себе места в миру. Одни уходили от пьяных родителей и беспросветной бедноты в надежде найти в монастыре крышу над головой и еду. Другие шли от внутреннего опустошения и отчаяния, разочарований в личной жизни и полосы неудач. Вчерашние комсомолки, выросшие в сплошной бездуховности,

царившей в обществе, не получившие от родителей нужного религиозного воспитания, просились в монастырь, имея о самой монастырской жизни самое искаженное представление. От этого первое же знакомство с нею порождало в их душах смятение, разочарование и новые драмы. Мать Неонила видела, что вера – настоящая, искренняя, глубокая, осознанная вера – жила в очень немногих душах. Ростки такой веры она разглядела в душе Ольги.

Ольга была в числе тех немногих посетительниц, кто постоянно пребывал рядом с болящей. Это были люди не монастырские, а миряне, хорошо знавшие тайную доброту души почтенной старицы. Выполнив ставшие уже привычными работы в течение дня, Ольга спешила в келью матушки, чтобы сменить дежуривших возле нее людей. Игуменья стала настаивать на том, чтобы по совету врача варить куриный бульон, но мать Неонила наотрез отказалась, решительно заявив, что скорее живьем ляжет в могилу, чем нарушит монашеский пост.

– Подай сюда Псалтырь, – обратилась матушка Неонила к Ольге, когда все гости покинули келью и они остались вдвоем.

Ольга взяла тяжелую книгу в кожаном переплете с двумя замками.

– Ох, и бестолочь, – вздохнула матушка, – ну какая ты бестолочь! Ты что, меня придушить ею хочешь? Вон ту подай, маленького формата.

Ольга безропотно положила старинную книгу на место, а с полки взяла другую Псалтырь, тоже довольно потертую от постоянного чтения. Раскрыв книгу на закладке из атласной ленточки, углубилась в чтение. Ольга присела напротив и тоже открыла для чтения книгу, которую прихватила с собой.

Неожиданно матушка медленно прочитала вслух:

– Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь Защититель живота моего, от кого устрашуся? Внегда приближатися на мя злобующим, еже снести плоти моя, оскорбляющии мя, и врази мои, тии изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще восстанет на мя брань, на Него аз уповаю…

Она прикрыла Псалтырь, о чем–то задумалась, прикрыв глаза, а потом вздохнула:

– Ты хоть понимаешь, какие это великие слова, дите неразумное?

Первый раз Ольга услышала от своей строгой наставницы такой ласковый тон. Она подвинулась ближе, взяла ее за руку:

– Я вообще мало чего понимаю…

– Молодость–молодость..., – мать Неонила опять вздохнула, погрузившись в свои мысли. – Тебя бы в тот бой, когда нас под Днепром колонна немецких танков в упор расстреляла, ты б тогда все поняла, что хотел сказать святой Давид. И еще больше этого уразумела бы…

– Вы тоже на войне были?

– Нет, в куклы играла, пока там кровь лилась рекой.

– Матушка, простите меня за дерзость. Мы же о вас ничего не знаем.

– Как это ничего? Наоборот, вы меня слишком хорошо знаете, да еще игуменье жалуетесь.

Ольга смущенно молчала, признавая правду этих слов. Потом обратилась снова:

– Матушка, а что же с вами было в том бою?

– Да почти то же самое, что и во всех остальных: одних убило, других ранило, третьи в плен попали…Пока мы драпали от немцев через всю Украину, а потом за Дон до самой Волги, до Сталинграда, везде было почти одно и то же.

– А почему вы про тот бой сейчас вспомнили?

Мать Неонила помолчала, отложила книгу, которую держала в руках, и, глядя куда–то вверх, задумчиво ответила:

– Потому что тогда я в Бога поверила…

– А до этого? – вопрос соскользнул сам по себе с языка Ольги. – Я думала…

– Мы все друг о друге поначалу не то думаем, – остановила ее матушка. – Дай-ка лучше попить.

Ольга встала и принесла свежей воды с мятным отваром. Матушка отпила глоток и поставила стакан на столик рядом с Псалтырью.

– Кто я была? Что знала? – начала она свой рассказ. – Нас в те годы уже не Церковь, а комсомол и партия воспитывали, с утра до ночи вбивали нам в головы, что нет никакого Бога. Родители мои были образованными людьми, учителями, так что разговоров о Боге в нашей семье вообще никогда не велось. Когда война началась, нас

эвакуировали на юг, в Среднюю Азию, а я побежала в военкомат и попросилась медсестрой на фронт. Родину мы любили крепко – это правда. Мне казалось позорным сидеть в тылу, когда я, медсестра, могу принести пользу нашим бойцам. Родители уговаривали ехать с ними, но я с первых дней войны ушла в действующую армию, которая уже воевала с немцами на западных границах. Вот там и дали жару, да такого, что только успевали ноги уносить…

Мать Неонила отпила еще немного воды и попросила поднять повыше подушку. Долгий рассказ быстро утомлял ее.

– Катились мы так с боями на восток, пока не попали в окружение. Взяли нас в плотное кольцо. Осталось от нашего батальона душ сто, не больше, да и то половина из них раненые и контуженые. Когда мы на немецкие танки напоролись, они гнали нас по полю, как диких зверей каких. Не спешили давить сразу, а потешались над нами. Кто не выдерживал – сам живьем под гусеницы бросался. Оружия в начале войны у нас почти не было. Трехлинейка на пятерых – вот с чем воевали. Были мы, деточка, самым настоящим пушечным мясом. На войне тогда никто не считал, сколько погибло: батальон, полк, дивизия, десять дивизий… Сталину нужна была победа. А народу в стране хватало.

Матушка немного передохнула, вспоминая то далекое время.

– Под вечер мы очутились в каком-то украинском селе – не помню уже его название. Что делать, куда идти? Наверняка знаем лишь одно: кругом немцы, а наших всех побили и оттеснили еще дальше, за Днепр.

Мать Неонила опять сделала небольшой отдых больному сердцу и продолжила:

– Смотрим: стоит перед нами церковь – большая, каменная, но купол наполовину разрушен, и вся она в страшном запустении. Комбат приказал там всем спрятаться. Думали: переночуем, силенок наберемся. Зашли, где кто мог – там и примостился. Церковь не только снаружи, а изнутри тоже была разорена, все стены испоганены разными надписями, картинками. Иконостас поломан и порубан, хоругви порванные на земле валяются, кто–то об них ноги вытирал… Сплошная мерзость запустения.

Пошла я осматривать раненых. А что смотреть? Почти все нуждались в моей помощи: у того контузия, тот с осколком, тот с

переломом… Стала их перевязывать, раны промывать. Под рукой ничего нет, кроме бинтов да йода. Вижу: некоторые бойцы до утра не дотянут. Лежат на самодельных носилках и лишь стонут: «Сестрица, помоги… Сестрица, спаси…». А чем я им могла помочь? Кому водички дам попить, кого на бок переверну. И так всю ночь от одного к другому.

Наконец, прилегла немного отдохнуть. Лежу, а сна ни в одном глазу. Сколько времени – сама не знаю. Только луна прямо в разрушенный купол светит, да такая полная, такая яркая, что и не понять, то ли полночь еще, то ли уже рассвет близко. Лежу так на спине с открытыми глазами, не сплю и вижу прямо перед собой картину на стене: Господь протягивает руку утопающему Петру. Буря, ветер, волны, а на них стоит Христос – спокойный, уверенный. Петр, наоборот, весь в страхе – тонет ведь! – и кричит: «Спаси меня, Господи, погибаю!» И тянется к руке, которую ему Спаситель подает.

Смотрю я на эту картину и думаю про себя: ведь и мы погибаем. Там своя буря, а тут своя. Там Петр кричит о помощи, а тут крики и стоны раненых со всех сторон. Только Петра Христос спас, а нас кто спасет? Кому мы вообще нужны, кто о нас помнит, кто поспешит на выручку? А лик Христа весь в таком голубом сиянии от лунного света, словно живой! Нет, думаю, не может быть все это сказкой, как нас тогда учили: Иисус Христос, Матерь Божия, святые апостолы… Сказка рано или поздно кончается – или с возрастом человека, или еще с чем, а тут не сказка. Вон какой храм люди построили, сколько в него вложили своей любви, тепла!

И опять думаю: кто же спасет нас, кто протянет нам руку помощи, вытащит нас отсюда? И вдруг – то ли уже в полусне, то ли впрямь наяву – вижу, как Господь поворачивается ко мне и протягивает Свою руку: дескать, вот она, хватайся! Стало мне не то что страшно, а словно напало оцепенение. Головой все хорошо соображаю, а вижу все происходящее, как во сне. И тогда говорю: «Господи, если Ты спасешь меня, я буду Тебе служить весь остаток своей жизни». И тянусь к руке, которую мне Христос подал. Только коснулась ее, как мгновенно уснула.

И вот вижу я страшный сон… Видится мне, будто уже наступило утро, и к церкви, где мы заночевали, подошли немцы. Окружили и кричат: «Рус, сдавайся! Иван капут!». Врываются в середину и

открывают пальбу по всем, кто голову поднял. А потом стали ходить по храму и добивать тех, кто еще стонал. Остальных вывели наружу и погнали к колонне пленных.

Смотрю: подходит немец ко мне. Я хочу от страха закричать, а не могу, лежу, как мертвая. Он пхнул меня сапогом раз, еще раз. Не стал даже пули тратить. Что-то сказал другому немчуре по-своему, оба засмеялись и вышли из церкви. И сразу тихо стало: ни стонов, ни выстрелов. Вижу себя, как лежу мертвая среди таких же мертвецов, и ничего не могу ни сказать, ни сделать… Страшный сон, вовек не забуду.

Открыла глаза – и первым делом подумала: чего это так тихо вокруг? Осмотрелась по сторонам, а вокруг меня полно убитых, лужи крови! Ничего не пойму. Если всех немцы расстреляли, то почему меня в живых оставили? А если решили не убивать, то почему не взяли в плен вместе с другими? Мысли одна за другой вихрем в голове крутятся. На дворе утро, солнышко светит, играет по стенам. Посмотрела я на Христа, что был на стене нарисованный, и меня сразу догадка осенила. То Сам Господь услышал меня и спас от верной смерти. Как? Не знаю. Наверное, Он душу мою взял, когда немцы в храм ворвались, а потом возвратил ее назад. Поэтому я так все отчетливо видела: и себя, и других, и все, что там происходило. Прошмыгнула незаметно из той церкви к хатам, где меня добрые люди в погребе спрятали. Потом к нашим партизанам пробралась. Вот так и осталась в живых, чтобы служить Господу до самой смерти, как обещала…

Ольга слушала монахиню и не могла поверить, что жизнь матушки Неонилы – той самой ворчуньи, которую так недолюбливали и боялись многие сестры – была наполнена такими событиями.

– И вы сразу после войны в монастырь пошли? – спросила старицу.

Матушка слегка улыбнулась:

– Меня в монастырь хотели отправить еще на войне. Когда я уже от партизан возвратилась в часть, уже ни от кого не скрывала, что уверовала в Бога. Ну и дошли мои разговоры до комиссаров. Вызывает меня начальник особого отдела и прямо спрашивает: «А хочешь, мы тебя за твою агитацию и разговорчики прямо сейчас в монастырь отправим?». Я стою, глазами хлопаю, не могу понять, к чему он

клонит. А тогда он мне объясняет: «Мы тебя враз на Соловки откомандируем. В том монастыре много таких, как ты». Господь и тут меня спас, не допустил беды. А когда война закончилась, то я с матушкой игуменьей сюда подалась. Мы на войне были вместе, и теперь тут с вами воюем…

Ольга взяла сухую жилистую руку матушки Неонилы в свои ладони, поднесла их к своим губам и поцеловала:

– Простите за все, матушка…

– Теперь пойди своим подружкам растрезвонь, о чем я тебе рассказала. Тут одному расскажи – все вмиг знать будут. Так что язык попридержи! Не то сама прикручу!

Ольга встала и поклонилась матери Неониле в пояс, давая понять, что не нарушит ее слова. Потом помогла ей удобнее устроиться и подала лежавшую на столике Псалтырь.

– Иди с Богом, – сказала матушка. – Набирайся мудрости у пророка, учись молиться. К молитве надо понуждать себя. Святые отцы так наставляют: кто молится через «не хочу», тот получит награду больше того, кто молится в слезах. Поэтому, детка, нам время надо проводить не в пустых разговорах, не в праздности, а молитве и труде. Тогда Господь, быть может, по Своей милости простит нам прегрешения наша, якоже и мы оставляем должником нашим…

– Завтра пойдешь к строителям, они дыру замазывать будут, – монахиня остановила Ольгу, когда та была уже в дверях. – Проверишь, чтобы все сделали, как надо, а не тяп-ляп, как в прошлый раз.

– Какую дыру? – Ольга не сразу поняла, о чем речь.

– Ту самую, куда вы все лазили, да еще других тащили с собой. Вход в пещеру. На Покров гостей много приедет. Боюсь, чтобы беды не случилось. В прошлом году решили вход заложить, да не зря говорят: заставь дурня Богу молиться – так он лоб разобьет. Цемент, видать, строители пропили, поэтому раствор замесили на одном песке. Поэтому все контролируй. Приедут военные со стальной плитой и установят ее на входе в пещеру, а кругом все раствором замажут, чтобы не только человек – мышь не проскользнула.

Тень смущения, скользнувшая по лицу Ольги, не укрылась от старой монахини.

– А чего ты испугалась? Случаем, не военных? Ты ж с ними недавно вроде как подружилась? Те, говорят, от радости аж салютовать

стали из автомата. Бога благодари, что живыми вас отпустили.

Ольга опустила глаза.

– Не бойся, – сменила тон матушка Неонила, – в обиду не дадим, не таких героев на место ставили. Я еще двух сестер туда посылаю, может, какая помощь понадобится.

– Да не боюсь я их, матушка, – смутилась Ольга, придя в себя от мимолетного замешательства.

– Вот и молодец, – едва заметно улыбнулась матушка, – нечего их бояться. И вообще не надо никого бояться, кроме Бога, чтобы не оскорбить Его нашими грехами.

12. ПЕЩЕРА

Утро выдалось по-настоящему осеннее. Мелкий дождик, зарядивший еще с ночи, не прекращался.

– Может, и не приедет никто, – подумала Ольга, выглядывая из окошка на серое дождливое небо. – Хороший хозяин в такую пору собаку на двор не выгонит.

Тем не менее, она стала собираться. До пещер было минут тридцать ходу: сначала через глубокий лесной овраг, потом круто в гору до соснового леса, куда особенно любили съезжаться грибники. Здесь-то и начинались подземные лабиринты, таивших в себе много тайн, загадок, легенд и судеб.

Ольга быстро накинула куртку, положила в сумку электрический фонарик и свечи, которые приготовила еще с вечера. Дождь то усиливался, то почти переставал, но по всему чувствовалось, что непогода надолго. Ничто не нарушало царственного покоя и умиротворения природы, готовящей себя к увяданию и долгому зимнему сну.

Вход, замурованный хлипкой кирпичной кладкой, был наполовину разрушен, поэтому попасть в саму пещеру не составляло никакого труда. Перебывало тут народу много: от любителей острых ощущений до археологов и спелеологов. Ходили слухи о том, что где-то в тайниках подземелья спрятаны несметные сокровища, награбленные местными шайками, и даже чуть ли не сокровища русских князей, снесенные сюда под присмотр монахов–отшельников, когда эти края опустошали татарские орды.

Глубокие подземные трещины, образовавшиеся в здешних местах вследствие разлома земной коры – из-за землетрясения или иного природного катаклизма – протянулись на многие километры. В какие века тут поселились первые отшельники – точно никто не мог сказать. Однако именно они усовершенствовали подземный лабиринт, превратив его в неприступную крепость, а вместе с тем – в недоступное место для своего пустынножительства. В народе это место называли «Черным монахом»: то ли из-за мистического страха и суеверий, то ли из-за предания. Одно из них рассказывало о воинстве чернецов, охранявших это место от всякого, кто дерзал ступать здесь с недобрыми намерениями. Поговаривали, что простолюдин с нечистыми помыслами, зайдя сюда и ступив даже несколько шагов, навсегда оставался узником мрачного подземелья.

Последними, кто стал осваивать лабиринты, были партизаны. Они вдруг обнаружили, что подземные ходы в разных местах пробиваются на поверхность едва заметными щелями в оврагах. Это открывало хорошие возможности для нанесения немцам внезапных ударов и диверсий в тылу. Но и немцы, довольно быстро разгадав эти маневры, заминировали и взорвали все ходы и выходы, заставив партизан поспешно перебраться из подземелья в непроходимые лесные дебри.

Ольга еще раз вслушалась в лесную тишину, а затем, подтянувшись за мокрый каменный выступ, протиснулась в узкую щель подземного входа. Там она включила фонарик и стала осторожно спускаться по влажным и скользким каменистым ступенькам. Все вокруг было загажено и замусорено. Неторопливо пошла вдоль сырой, стены, по которой стекали тоненькие ручейки влаги. Она уже освещала дорожку под ногами, потому что дневной свет, проникавший сюда через наружный вход, совершенно растворился во тьме. Несколько перепуганных летучих мышей порхнули из гнезд и бесшумно скрылись в глубине пещеры. Ольга спустилась еще ниже. В абсолютной тишине было слышно, как со стен и сводов капает вода. Однако воздух тут был на удивление свежим и чистым: чувствовалось, что подземными лабиринтами гуляет легкий сквозняк.

Метров через пятьдесят ступеньки кончились, и под ногами пошла обычная каменистая тропка, отшлифованная за века подземными обитателями настолько, что на ней можно было легко поскользнуться и упасть. Упираясь одной рукой в стену, а в другой

держа включенный фонарик, Ольга прошла еще, пока не очутилась в месте, где уже начинался сам лабиринт. Здесь каменистая дорожка превращалась сразу в три самостоятельных тропки, каждая из которых вела вглубь подземелья в разные стороны: одна налево, другая направо, а третья прямо.

«Только витязя на коне не хватает, а так все, как в сказке», – про себя подумала Ольга, остановившись, чтобы немного передохнуть после крутого скользкого спуска. Перед ней зияли черной пустотой три проема, два из которых скорее напоминали звериные норы: они были тесными настолько, что пробраться туда можно было лишь в невероятно согнутом положении, прижав голову к самим коленам. Но дальше проход становился просторнее, выше, и там снова можно было свободно идти в полный рост. Ольга посмотрела на черный зев проемов и почему–то вспомнила про партизан, которые во время войны скрылись тут, уходя от преследования немцев.

«Интересно, куда они пошли: налево, направо, прямо? – подумала она. – Ведь с ними наверняка раненые были. Тогда направо: тут не нужно особо нагибаться. А может, разбились на три группы, так легче уйти от погони. А немцы, небось, с овчарками. Те быстро след возьмут, далеко не убежишь».

Ольга не спешила идти дальше, продолжая думать о том, что могло потом статься с партизанами.

«Да, от таких псов далеко не убежишь, к тому же в темноте. Однако, говорят, убежали–таки. И немцев с собой утащили. Славненько получилось: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, и от тебя, немчура, тоже…» Уйти–то ушли, а почему назад не вернулись? Заблудились? Вряд ли. Тут что–то другое. Не зря говорят, что в таких местах живет свой дух, который не всех пускает. Рассказывают же всякое про невидимых монахов. Господи, спаси и помилуй… Понесла меня нелегкая…».

Ольга перекрестила на четыре стороны обступившую ее зловещую черноту. Она решила идти назад.

«Чего доброго, замуруют еще, – подумала она, освещая фонариком подземные своды, – останусь тогда здесь навеки вместе с партизанами да немцами».

Но интерес узнать, что же там дальше, был настолько велик, что Ольга переборола страх и решила пройти еще немного.

Она подошла к каменной арке и осветила фонариком свод. Камни держались ни на чем: они были подогнаны настолько искусно, что поддерживали сами себя без всякого раствора и креплений.

– Не глупые люди были, – Ольга провела рукой по кладке. – Попробуй сейчас повторить такое чудо – ни за что не получится.

За аркой, начинался новый спуск, еще круче первого, разбегаясь в разные стороны двумя узкими лабиринтами. Ольга присела на каменный выступ, понимая, что идти вперед было уже небезопасно. Она почувствовала нарастающий приступ головной боли. Такое с ней в последнее время случалось часто. Выключив фонарик, чтобы не смотреть на яркий луч, она прислонилась к сырой стене. Жуткий мрак обступил ее со всех сторон.

– Как в могиле…, – прошептала Ольга и сама испугалась своему голосу, прошелестевшему вглубь лабиринта.

Она щелкнула фонариком, направив лучик по холодным стенам, и тут же выключила. Снова включила – и выключила.

«Вот так и жизнь наша – сплошной лабиринт. Бродишь, бродишь, бродишь… Хорошо Маринке, она из своего лабиринта, небось, выкарабкалась. А меня что ждет? Игуменья уже старая. Придет новая – и попросят тебя из монастыря. Многие сестры до сих пор сторонятся, брезгуют общаться. На матушку ропщут: мол, тюремщиц привечает, обласкивает, а потом, глядишь, то одно, то другое пропадает. Вот и подумай, подруга, куда ты сунешься по лабиринту: налево или направо? Двинешь к братве? Так они тебя, наверное, рыщут повсюду. Артур бы все понял, а эти отморозки не поймут. Им «общак»[27] нужен, а не твои сопли».

«А чего к ним вообще соваться? – вдруг заговорил в душе Ольги уже знакомый таинственный голос, споря с первым. – И чего ты стонешь? Да с таким капиталом, что передал тебе Арт, да с твоим умом, внешними данными – не скулить, а песни распевать, радоваться! Ну, попросят тебя отсюда. Ну, не поверят тебе, что ты уже не та, кем была раньше. Сделаешь заграничную «ксиву»[28] – и всем гудбай! Приземлишься где-нибудь далеко-далеко на лазурном побережье, где тебя ни одна собака не узнает, сделаешь небольшую пластику, поменяешь фамилию. Чего еще? Маринка правду говорила: не надо строить иллюзий. Тебе, глупой, жизнь, быть может, дает последний

шанс выбраться из той сказки, которую ты сама придумала, и пожить так, как живут лишь избранные».

«Ты только представь, какая жизнь ждет тебя! – продолжал нашептывать ей неведомый голос. – Молодая, красивая, богатая! Какого счастья ты еще ищешь, глупая? Будет своя семья, любящий муж, дети. Вспомни Артура: разве не о такой жизни вы мечтали? Теперь его нет, но мечта ваша не должна умереть. Подумай, каким капиталом ты владеешь! А кому оставишь его? Монастырю? Игуменье? Им уже ничего не нужно, они нашли свое счастье, потому что ничего другого в своей жизни не видели и не пробовали. Но ты должна быть умнее! Или жизнь тебя ничему и не научила?..».

– Господи, вразуми меня! – простонала Ольга, прислонившись разламывавшимся от боли затылком к холодному камню. – Не знаю, что делать. Вразуми, научи, подскажи!

Из глубины пещеры потянуло легким сквозняком. Он коснулся Ольгиного лица, обдал свежим воздухом, от чего она сразу почувствовала некоторое облегчение приступа. Голоса, раздиравшие ее сомнениями, куда–то отступили, и вместо них Ольга вдруг услышала новый внутренний голос – чистый, спокойный, уверенный:

« Это все ложь. Ложь. Ни счастья, ни радости, ни утешения – ничего не будет, потому что тут сплошная ложь и обман. Ты терзаешься, не зная, что делать, как поступить. Тебя искушает враг, а ты забыла то, что хорошо знала: «Уйди от зла и сотвори благо, взыщи мира и пожени его…». А еще ты забыла вот про что: «И если око твое соблазняет тебя, вырви его, ибо лучше с одним оком войти в Царство Небесное, нежели с двумя быть ввергнутым в геенну огненную». Не слушай того, о чем тебе шепчет враг. Поступай по Слову и совести. Уйди от зла и сотвори благо!».

Успокоившись, Ольга встала с камня и быстро пошла назад к выходу. Но в том месте, где начинался лабиринт, разбегаясь тремя холодными дырами в разные стороны, опять остановилась. Ей снова представились партизаны, спешно уходящие в самую глубь мрачного подземелья от погони. Потом она представила себе бывших обитателей пещер – монахов–отшельников, как те с зажженными свечами, накрывшись по самые глаза черными куколями[29], спускались под тихое молитвенное пение в свои затворы. Ольга посветила по сторонам фонариком и увидела каменный выступ, весь

закапанный свечным воском. Наверное, не одно поколение подземных жителей освещали здесь путь, долго молились, прежде чем окончательно уединиться от суетного мира. Ольга достала из сумки толстую свечу и зажгла фитилек.

Теперь Ольге не хотелось уходить отсюда. Пещера, только что пугавшая ее своей чернотой, могильным холодом и мистической загадочностью, теперь, наоборот, казалась ей теплой, светлой и приветливой. Ольга посмотрела на сияющий огонек свечи, улыбнулась и вполголоса запела «Отче наш». Ей очень нравился этот старинный монастырский распев, который был записан кем-то из обитателей пещеры древней крючковой нотописью, а потом найден и расшифрован уже поздними насельниками обители.

– Отче наш, Иже еси на небесех…

Ольга вслушалась в эхо собственного голоса. Преобразившись до полной неузнаваемости, он стал похож на целый хор и поплыл в темных проемах подземелья. Она набрала в грудь воздуха, чтобы продолжить этот красивый распев, как вдруг из глубин лабиринта до ее слуха донеслось стройное монашеское пение:

– Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое…

Ольга вздрогнула, пытаясь понять, слышит ли она эти голоса на самом деле или же все это было плодом ее воображения, искаженным эхом собственного пения. Подождав немного, она продолжила:

– Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли…

– Хлеб наш насущный даждь нам днесь, – ответило ей эхо необычайно красивым пением.

– И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим…

– И не введи нас во искушение…

– Но избави нас от лукавого, – уже вместе с хором невидимых чернецов закончила молитву Ольга. Ей было легко и радостно. Она трижды поклонилась до земли и почти бегом поднялась к выходу, откуда брезжил дневной свет. Зажженная свеча осталась догорать на каменном выступе в подземельном мраке…

Первыми, кого она увидела наружи, были две пожилые монахини, стоявшие внизу: Илария и Евпраксия. Чтобы не испугать их своим неожиданным появлением, Ольга тихо кашлянула, высовываясь из

каменной горловины. Но и этого было достаточно, чтобы обе монахини вздрогнули.

– Как ты там очутилась? – матушка Евпраксия первая пришла в себя. – Мы ждем-ждем, думали, что тебя милиция приехала забирать, а ты от них прячешься.

– Какая милиция? – недоуменно переспросила Ольга, продолжая торчать головой в узком проеме пещеры.

– А такая, – полушепотом ответила монахиня, – какая нынче везде. Приехали двое на милицейской машине и прямым ходом к игуменье.

Ольга сразу почувствовала от такой новости неприятный осадок.

– Да ладно тебе, мать, стращать девчонку, – вступила в разговор и матушка Илария, – мало ли чего они приехали. Праздник скоро, вот и беспокоятся. Служба у них такая. А ты: раз приехали, то, значит, обязательно кого-то забирать. А вдруг нас с тобой, а?

И тихо засмеялась, глядя на Ольгину реакцию. Но той было не до смеха. Ольгу покоробило от одной мысли, что этот приезд, возможно, был связан с ее недавним прошлым.

Она подтянулась на локтях, высунулась по пояс, скинула сумку и приготовилась прыгнуть вниз.

– Милости просим! Давайте я вам помогу, – услышала она мужской голос.

Ольга нагнулась и увидела рядом молодого офицера, а чуть поодаль от него – трех солдат.

– Уж как-нибудь сама, – отстранив руки офицера, Ольга ловко спрыгнула на землю.

– А мы смотрим, ждем, волнуемся, – запричитала матушка Евпраксия, – куда это она запропастилась. И не побоялась одна в пещеру пойти!

– Вот и хорошо, что вход замуруют, и плохо, – задумчиво сказала мать Илария. – Пещеры-то наши святые! Сколько монахов там молились! Эх, нету теперь таких подвижников… Так уж впрямь пусть лучше закроют, чем будут лазать и озорничать. Так-то лучше будет и нам, и всем.

Офицер дал команду приступать к работе. Только сейчас Ольга увидела на дне оврага бронетранспортер – точь-в-точь какой был в тот злополучный день на берегу реки.

– А как же! – заметив удивление, пояснил офицер. – Не на мерседесе ж к вам ехать по мокроте и грязоте?

– Хоть на телеге, – буркнула в ответ Ольга, чувствуя на себе пристальный взгляд. В ответ офицер добродушно рассмеялся:

– Нет, на телеге у вас хорошо получается ездить по воду, а мы своей технике не изменяем.

Ольга взметнула брови и удивленно посмотрела на незнакомца.

– Я сразу догадался, что это именно вы, – тихо сказал он, подойдя ближе. – Среди господ офицеров после одной пикантной истории только и разговоров, что живет в соседнем монастыре одна красавица монашечка, и томит она за высокими стенами свою красу, словно Елена Прекрасная из сказки. Только ту Елену змей проклятый похитил, а с монашечкой вообще загадочная история приключилась. Никто толком не знает: то ли ее кто другой похитил, то ли она сама от кого спряталась…

– Вот что, любезный, – так же тихо оборвала его лирику Ольга, – или вы немедленно начинаете заниматься тем, ради чего сюда приехали, или я обо всем доложу настоятельнице.

– А вот этого делать не надо, – примирительно сказал офицер. – Скажу вам по секрету: когда ваша игуменья приезжает к нам, то ее ждут как генерала – с почетом, уважением и страхом. Причем страха всегда больше. Наш народ хоть и военный, но малость разболтанный, шутников много. Нам бы замполита такого, как ваша настоятельница.

БТР зарычал и медленно стал двигаться к пещере, слегка буксуя на мокром лесном склоне. Солдаты вытащили изнутри тяжелую бронированную плиту и приложили ко входу. Ольга и притихшие монахини не смогли сдержать удивления: она была подогнана идеально.

– Рады стараться, – удовлетворенно сказал офицер. – Наш «кэп», то есть командир полка, лично обо всем распорядился.

Вся работа делалась без перекуров и разговоров. Всем хотелось быстрее управиться и возвратиться к теплу. Наконец, офицер поднялся к намертво приваренной плите, оглядел швы и победно произнес:

– Граждане монахини, можете спать спокойно. Никто сюда больше никогда не влезет. Это я вам гарантирую.

Стукнул в плиту кулаком и добавил:

– Разве что гранатометом прошить можно. А больше ничем: ни кувалдой, ни молотком, ни топором, ни лбом. Ничем!

Все стали собираться в обратную дорогу. Улучив момент, офицер подошел близко к Ольге:

– Может, кому что передать?

– Что именно? – взглянула на него Ольга. – Гостинцев защитникам Отечества?

– Можно гостинчика, а можно и привет с письмецом, записочкой, или даже на словах. Я передам точно по адресу.

– А можно мне вообще уйти отсюда? – Ольга чувствовала нарастающий прилив раздражения.

Офицер посмотрел ей вслед, сплюнул на мокрую землю. Разговора по душам не получилось.

Возвратившись в монастырь, Ольга первым делом пошла доложить о сделанной работе матушке Неониле. Та по-прежнему лежала в постели. По ее изможденному лицу Ольга догадалась, что она борется с очередным приступом и долго разговаривать не сможет.

– Вот и слава Богу, одним соблазном будет меньше, – тихо прошептала она и прикрыла глаза.

Ольга поклонилась и неслышно пошла к двери. Уже взявшись за ручку, она вдруг снова услышала слабый голос матушки:

– Зайди к игуменье, она тебя ждет. Днем искали, но я сказала, что у тебя дела. Кто-то хотел видеть. Иди с Богом.

Матушка Неонила дрожащей рукой перекрестила Ольгу и снова взялась за четки.

13. ГОСТИ

Настоятельница давно привыкла к нежданным визитам разных гостей. Предупредить заранее ни у кого не было возможности, потому что телефонная связь в монастыре отсутствовала, а другой не придумали. Игуменья принимала всех, кто приезжал к ней, стараясь уделить каждому внимание. Но гости, наведавшиеся сегодня утром, были особые. Вернее, особым был один из приехавших, потому что второго настоятельница давно и хорошо знала лично.

– Ой, матушка, – запыхавшись, доложила ей келейница, – к вам Василь Данилыч, а с ним кто-то в штатском. Благословите пригласить?

Василь Данилыч – полковник Куренной, возглавлявший местный отдел милиции – частенько бывал в этих краях. Он слыл заядлым грибником, а лучших грибных мест, чем в окрестностях монастыря, по его глубокому убеждению, не сыскать было во всем белом свете. Особенно он полюбил эти лесные прогулки после того, как его, могучего богатыря, свалил обширный инфаркт. Общаясь с природой, он чувствовал, как лес возвращает ему здоровье, силы, дает бодрость. Всякий раз, приезжая на грибную охоту, полковник навещал старенькую игуменью, которую знал едва ли не с первого дня ее приезда сюда, глубоко и искренно уважал за ревностное служение Богу, хотя и не разделял религиозных взглядов. Воспитанный в семье кадрового офицера, потом в школе милиции и академии МВД, он чувствовал, что уже просто не способен стать верующим, как это произошло с некоторыми его сослуживцами.

Настоятельница обычно угощала гостя чаем и монастырским медом, который он очень любил и даже приезжал специально, чтобы поучиться у монахинь, ведавших монастырской пасекой.

Пока игуменья терялась в догадках, что же привело начальника милиции в такую пору, келейница терпеливо стояла в дверях и ждала ответа. Наконец игуменья посмотрела на нее, словно той до сих пор тут не было:

– Чего стоишь? Бегом приглашай гостей. Да самовар не забудь поставить и меду принести!

Через несколько минут в келью вошел рослый полковник Куренной, а за ним, ростом почти на голову ниже, незнакомый мужчина в сером плаще и с кожаным дипломатом.

– Здравствуйте, любезная Нина Андреевна, – протянул ей свою широкую ладонь Куренной. – Простите, что так и не научился, как надо обращаться по-монастырски. У нас все проще: товарищ полковник, гражданин Петров, арестованный Иванов. Вот и сейчас хочу познакомить вас с гостем: полковник Махно.

Незнакомец сразу пошутил:

– Так точно. Махно Виталий Сергеевич. Но с батьком Махно ничего общего не имею, хотя, признаюсь, из тех же украинских степей.

– Мы всем гостям рады, – приветливо улыбнулась настоятельница. – Гость всегда от Бога.

– Хочу заметить, – вступил в разговор Куренной, – что гость к вам приехал знатный. Он возглавляет одно из подразделений контрразведки.

– Вот как! – искренно удивилась игуменья. – Это что же, шпионов к нам приехали ловить?

Оба офицера рассмеялись.

– Ну что вы, Нина Андреевна, – поспешил ее успокоить контрразведчик, – мы занимаемся не только тем, что ловим шпионов, но и решаем целый ряд вопросов, имеющих отношение к безопасности граждан и всего государства. Поэтому наши структуры еще называют спецслужбами.

Игуменья на мгновение задумалась:

– Я знаю, что такое службы. А вот про спецслужбы мне ничего не ведомо. Помнится, во время войны у нас были такие особые отделы – «смерш» назывались, то есть «смерть шпионам». Простите, что ничего не знаю. Живем отшельниками, газет не читаем, телевизор не смотрим, радио не слушаем, все новости узнаем от людей.

Полковник Куренной тронул контрразведчика за локоть:

– Нина Андреевна в прошлом фронтовичка, военврач, всю войну прошла, имеет много боевых наград.

– А мы матушку не хуже вашего знаем и любим ее не меньше вашего, – добродушно улыбнулся контрразведчик. – Только в отличие от вас, Василий Данилович, у нас нет времени сюда по грибы ездить и матушку проведывать.

– А что же привело такого высокого гостя в нашу глухомань, если не секрет? – решила перейти к делу игуменья, приглашая присесть поближе к столу. – Неужто, в самом деле, у нас есть нечто такое, что представляет интерес для безопасности страны?

– Я бы сказал так: не что-то, а кто-то с чем-то, – полковник Махно достал из своего дипломата небольшую папку и положил перед собой. – Надеюсь, наш разговор будет носить конфиденциальный характер?

– Как вам будет угодно, – ответила игуменья, придвигая кресло. – Секретов у нас ни от кого нет. Может, вы нам какие секреты откроете?

– Для того, собственно, и приехали, – уже серьезным тоном ответил контрразведчик. Он посмотрел на приоткрытую дверь, полковника Куренного, потом на игуменью и начал разговор по существу:

– Нам стало известно, что в вашем монастыре проживает Ольга Васильевна Гаевская.

– Верно, проживает у нас послушница с таким именем и фамилией. Об этом знает милиция, а ее документы хранятся у меня, пока она не определится, как быть дальше: оставаться с нами или возвращаться в мир и там устраивать свою дальнейшую судьбу. Мы никого не неволим.

– А мы как раз ничего не имеем против ваших порядков, Нина Андреевна. Сейчас другие времена, многое изменилось бесповоротно, причем в лучшую сторону, поэтому я и приехал к вам, чтобы вместе обсудить один важный вопрос. Поверьте, вопрос этот настолько серьезен, что находится под контролем аж…

При этих словах полковник Махно многозначительно поднял вверх указательный палец.

– Простите меня, Виталий Сергеевич, – прервала его игуменья, – но вы если вы хотите повидаться с Ольгой, то я просто приглашу ее сюда.

– Нет, приглашать как раз не надо, – возразил контрразведчик. – В свое время мы обязательно встретимся с ней и тоже побеседуем. Пусть живет у вас, как живет. И вообще, чем меньше людей будут знать, кто мы такие и зачем приехали, тем лучше для всех, а для Ольги Гаевской в первую очередь. Я хотел бы вам рассказать о ней нечто такое, о чем вы, полагаю, не знаете. А потом мы вместе решим, как поступать дальше.

– Слушаю вас очень внимательно, – игуменья слегка наклонила голову и взяла в руки четки.

– Так вот, – продолжил полковник Махно, – живет в вашем монастыре Ольга Гаевская, необычайно интересная личность не только внешне, но и внутренне. Она ведь сама метиска, родом с Кавказа. Ее отец там служил военным летчиком, а мама была чистокровной грузинкой. К сожалению, Ольга рано лишилась сразу обоих родителей: они погибли в автокатастрофе. Когда их не стало, она круглой сиротой попала на воспитание к своей родной грузинской тетушке, тоже известной в Тбилиси дамы – профессору медицины. Но той не удалось привить племяннице любовь к своей профессии. Ольга легко сдала экзамены в престижный тбилисский институт на инженера вычислительных систем, потом быстро остыла к этой науке и

увлеклась другим делом: решила стать художницей. А тут настали такие времена, про которые, наверное, в ваших святых книгах пишут: царство пошло на царство, язык на язык, сын на отца, а отец на сына. Кавказ стал настоящей пороховой бочкой. Ольга быстренько махнула к другой тетушке, только уже по отцовской линии – прямо в Москву. И вот тут она окунулась, можно сказать, в свою стихию, где смогла полностью реализовать незаурядные внешние данные и умственные способности. Поначалу работала фотомоделью в рекламе, снималась для дорогих журналов, потом плавала по морям и океанам, даже пробовала сниматься в кино. В принципе, тут нет ничего удивительного: девушка с такими данными может многого добиться в жизни.

– Конечно же, у нее была масса поклонников, но она знала себе цену, – продолжал полковник. – Скоро она вышла замуж за сына одного высокопоставленного чиновника из министерства иностранных дел. Но жизнь у молодых не сложилось, и они быстро расстались. И вот тут в жизни Ольги происходит самое интересное. С ней случилось то, что, по всей видимости, рано или поздно должно было случиться. Она встретила в столице своего бывшего школьного друга – тоже метиса, только наоборот: отец его был чистокровным грузином, а мама коренной москвичкой. Ольга с ним ходила в одну школу, только тремя классами ниже, жили они в Тбилиси тоже по соседству. Наверное, питали друг к другу первые юношеские чувства. Это была удивительно красивая молодая пара. Рядом с Ольгой теперь неотлучно находился жгучий кавказец, кумир многих девиц и состоятельных дам, профессиональный спортсмен и тренер. Он, как и Ольга, пробовал себя в разных сферах, но больше всего хотел быть артистом. В криминальном мире его так и звали: «Артист», или еще короче: «Арт». А полное его имя – Артур Кабаладзе. Вот полюбуйтесь на этого красавца.

Полковник Махно раскрыл папку, достал оттуда цветную фотографию и подал ее игуменье. Та взяла фото, надела очки и стала внимательно рассматривать. Ольгу она узнала сразу: еще совсем молодая, жизнерадостная, склонила голову на плечо парню с длинными курчавыми волосами. Чем-то они были даже похожи друг на друга.

– Правда, красивая пара, – согласилась игуменья, возвращая фотографию. – Жаль, что молодость и краса быстро увядают.

– Но Ольга, как видите, неплохо сохранилась, даже отбыв заключение. Многие возвращаются оттуда настоящими развалинами. Когда Ольга и Артур встретились вновь, школьные чувства вспыхнули у них с новой силой. Артур к тому времени жил совершенно самостоятельно, на очень широкую ногу. Уже юношей он имел все, о чем взрослый мужчина может лишь мечтать: шикарную квартиру в престижном районе, собственный бизнес, иностранные машины менял чуть не каждый месяц. А красивая жизнь, как вы понимаете, стоит больших денег. И чем больше Артур взрослел, тем больше росли его потребности. Он отличался изобретательным и тонким умом. Мне трудно судить, насколько он был талантливым актером в кино, но в жизни был мошенником непревзойденным. Он умел так ловко обставить любое дело, любого конкурента и даже партнера, что пока те успевали сообразить, что к чему, он всех оставлял с носом. Со временем он перешел из легального бизнеса на полулегальный или, как принято теперь говорить, теневой, а там и вовсе преступный. Он стал настоящим аферистом, а люди этой профессии, хочу вам заметить, Нина Андреевна, всегда были уважаемы в преступном мире. Там вообще уважают людей, которые умеют добывать деньги не грубым разбоем по темным улицам, а изворотливостью, хитростью ума. Артур был именно таким человеком. А когда он встретил Ольгу, то быстро смекнул, что с ее помощью он сможет добывать еще больше. Вот с этого момента оба они и попали в поле зрения наших спецслужб.

– Выходит, она уже тогда стала такой же аферисткой, как и ее школьный дружок? – уточнила игуменья.

– Нет, аферисткой Ольга стала не сразу. Надо полагать, что некоторое время она сама не знала или не представляла до конца, откуда у школьного дружка такие деньги. Да и зачем ей было об этом думать? Она сама имела неплохой доход: реклама, загранпоездки, гонорары. Материально она была совершенно ни от кого независима. Артур же кое-чему подучился, кое-куда съездил и в итоге одним из первых использовал в своем хитром бизнесе опыт профессиональных хакеров.

– Кого? – настоятельница удивленно посмотрела на полковника из контрразведки. – Кого вы сказали? Я никогда не слышала такого странного слова.

Оба полковника, переглянувшись, тихо рассмеялись. Но Куренной поспешил извиниться:

– Простите, Нина Андреевна, мы не с вас. Просто вы счастливый, честное слово, счастливый человек, что не знаете того, от чего у нас с Виталием Сергеевичем голова пухнет. Мне самому иногда так хочется тоже не знать и не слышать про хакеров, рэкетиров, киллеров, наркокурьеров.

– Нина Андреевна, – снова обратился к игуменье Махно, – я вам постараюсь, как смогу, популярно объяснить, что это за люди и какую опасность для общества они представляют.

Контрразведчик посмотрел вокруг, пытаясь найти для сравнения подходящий предмет, и остановился взглядом на старом металлическом сейфе возле шкафа.

– Давайте представим себе, что вы не игуменья бедного монастыря, а материально состоятельный человек, и живете не в этом дремучем лесу, а в столице, держите в своем сейфе огромную сумму. Там же лежат разные деловые бумаги, документы и еще много чего важного для вас. Если бы вор захотел все это выкрасть, то раньше его задача состояла в том, чтобы найти безопасный путь к сейфу, взломать его, унести содержимое и по возможности замести за собой все следы.

А теперь представьте другую картину. Денег у вас еще больше прежнего, но прячете вы их уже не в этом железном ящике, а в особом электронном банке, и не в нашей горемычной стране, а, скажем, в Швейцарии, где хранят свои несметные капиталы миллионеры и миллиардеры со всего мира. Туда с отмычкой или фомкой вор не полезет. Все управление капиталом сегодня совершается с помощью современных компьютерных систем, которые содержат в своих электронных мозгах всю необходимую информацию, в том числе сугубо конфиденциального, секретного характера. Сколько там хранится денег, кто их настоящий владелец – все это является тайной, которую обязуется хранить банк.

И вот в нашем государстве, которое всегда славилось талантливыми, изобретательными людьми, появляются самородки, каким по плечу взломать любой такой электронный сейф, добраться до

любого секрета. Сидят себе такие ребятки где-нибудь на загородной даче и преспокойно перекачивают чужие деньги в свой карман. Ни следов, ни отпечатков пальцев, ни отмычек, ни боязни, что включится сигнализация, и тебя поймают на месте преступления. Нужны лишь две вещи: хороший компьютер и хорошие мозги. Компьютерами теперь всю страну завалили – от захудалого колхоза до Кремля, а ума нашим людям не занимать. И что получается? В один прекрасный день вы обнаруживаете, что денег не хватает. И не в мелочах, а по самому большому счету.

Или же иная картина. Нажил кто-то солидный капитал – где честным, а большей частью нечестным путем – и не хочет, чтобы о его доходах знали посторонние. Кажется, все концы в воду спрятал, комар носу не подточит, но вдруг совершенно незнакомые люди называют его банковские счета, суммы, липовые договора. При этом они деликатно намекают, что если их молчание будет хорошо оплачено, то обо всей этой липе никто не узнает. Если же нет, то ему предлагают начинать сушить сухари, потому что все его жульнические махинации попадут туда, откуда тот уже не выпутается.

Вот на это и способны воры–интеллектуалы. Они полностью ломают привычное представление о грабителе как преступнике, который натянул на глаза маску и со связкой отмычек крадется в помещение, где хранятся деньги.

Полковник вопросительно посмотрел на игуменью, пытаясь убедиться в том, что его рассуждения были ей понятны.

– Да, но я не пойму, какое отношение ко всему этому имеет Ольга? – ответила вопросом на этот проницательный взгляд настоятельница.

– Поначалу она действительно не имела совершенно никакого отношения к аферам Артура, – продолжил контрразведчик. – Но потом во всем разобралась, да и Артур уже готовил ее к тому, чтобы посвятить в свои темные делишки. Они все делали очень тонко и в высшей степени профессионально. В столицу потоком ехали бизнесмены – как наши, отечественные, так и зарубежные, с желанием выгодно вложить свой капитал. Ольга с Артуром появлялись в дорогих ресторанах, барах, казино, где любили проводить свой досуг эти деловые люди, и втирались к ним в доверие. Ольгу представляли либо как коммерческого директора фирмы, либо как восходящую

кинозвезду, либо еще как. Многие клевали на эту приманку и считали за честь пригласить красавицу к себе в гости. Ну а дальше все делалось очень просто. Обычно подмешивали в бокал немного наркотика, чтобы незадачливый бизнесмен ненадолго погрузился в легкий, почти незаметный для него самого сон. Но этого времени Ольге вполне хватало, чтобы проникнуть в его документы, электронные тайники и выкачать оттуда всю необходимую для будущей аферы информацию.

Трудно сказать, сколько б все это продолжалось, если бы не случай. Один солидный человек, который пригласил Ольгу к себе в гости, был не в меру мнительным и боязливым. Он понаставил у себя дома во всех комнатах и углах тайные камеры, которые круглосуточно отслеживали и фиксировали абсолютно все, что там происходило. И вот когда он понял, что его, мягко говоря, обманули, то стал проверять все свои контакты, в том числе просматривать запись, сделанную камерами. И тогда все вылезло наружу. Так Ольга попала за решетку вместе со своим другом Артуром. Но в тюрьме Артуру крупно не повезло. Он сильно простыл. Вроде, пустяк для такого крепыша. Однако простуда быстро перешла в крупозное воспаление легких. Пока нашли все необходимое, чтобы спасти его жизнь, было уже слишком поздно.

– Простите, что снова перебиваю вас, Виталий Сергеевич, – игуменья откинулась на спинку своего старенького кресла, чтобы немного расслабиться. – Я вас внимательно слушаю и все думаю про себя: почему этом делом заинтересовалось ваше ведомство? Милиции, понятно, тут есть чем заняться. А вам? Ведь, как я понимаю, вы гоняетесь не за жуликами и аферистами, а ловите птиц покрупнее, чем наша Олька с ее школьным дружком?

– Дело в том, что нынешний преступный мир работает с таким масштабом, что милиция просто вынуждена обращаться за помощью к нам. Через руки Ольги и Артура проходили финансовые потоки, сравнимые с бюджетом среднего города. А это уже не просто криминал, а угроза интересам экономической безопасности государства. Десяток–другой таких Артуров, выйди они на простор, способны за несколько лет разорить экономику всей страны. Причем, за границу вывозились не только деньги, но и произведения искусства, предметы старины, драгоценности. Артур был вхож в ряд посольств,

имел тесный контакт с иностранными дипломатами, журналистами, политиками. А среди них есть люди, которые выполняют на территории нашей страны специальные задания иностранных разведок. Они содействовали тому, чтобы ценности вывозились из нашей страны.

– Виталий Сергеевич, прошу опять простить скудоумную старуху, – прищурив глаза, игуменья посмотрела на полковника службы безопасности, – но ведь Ольга уже понесла наказание, а ее друга судит Сам Господь. Ольга теперь живет у нас, трудится, молится, никуда не рвется. Что же вас так беспокоит? Чем она теперь может быть опасна для общества? Или клеймо преступницы ей суждено носить до самой смерти?

– Ходить ей с клеймом или без клейма – это зависит, в первую очередь, от самой Ольги. Сделает правильные выводы, исправится – никто ее не попрекнет прошлым. А вздумает взяться за старое, то путь ей только туда, откуда вышла, – за тюремную решетку. Да, Ольга, Артур и вся их компания понесли наказание. Однако осталось тайной, где спрятаны суммы, полученные ими путем афер. Вот что мы пытаемся выяснить. Речь идет о миллионных суммах! Валюта, драгоценности, антикварные изделия. Все это награблено, добыто нечестным путем. Тех денег, которые они наворовали, хватило б, чтобы погасить задолженность многим учителям, врачам, построить новые школы и больницы, открыть десятки храмов для верующих. Мы и пытаемся разобраться, нащупать кончик той ниточки, которая приведет нас к этим воровским богатствам. Тогда мы сможем вернуть их назад и пустить для добрых дел.

– И где же вы думаете искать эту самую ниточку? – спросила игуменья, снова пристально посмотрев на Махно.

– Вы, Нина Андреевна, сейчас сильно удивитесь, но я уверен, что конец этой ниточки спрятан в вашем монастыре. Собственно, ради этого мы к вам и приехали.

Игуменья некоторая время молчала, действительно пораженная услышанным.

– Даже не пойму, шутите вы, Виталий Сергеевич, или нет?

– Нет, не шучу. Вы даже не можете себе представить, насколько все серьезно и небезопасно не только для Ольги, но и для всех вас. Эту

ниточку ведь ищем не только мы, но и настоящие головорезы, которые не остановятся ни перед чем, чтобы размотать весь клубок.

Полковник замолчал, пытаясь увидеть во взгляде своей собеседницы доверие его словам. Игуменья молчала, ожидая продолжения рассказа.

– У нас есть абсолютно достоверные сведения о том, что тайной награбленных богатств владели только Артур и Ольга. У них были далеко идущие планы, ведь оба имели открытую визу в одну из стран Латинской Америки. Возможно, так и произошло б, если б не внезапная смерть Артура Кабаладзе. Он заболел и умер перед самым освобождением, поэтому логично предположить, что единственным распорядителем всех средств теперь стала Ольга. Но в преступном мире есть такое понятие, как «общак», то есть общая касса, на которую будет претендовать вся их компания, по крайней мере, ее нынешние лидеры. Ольга для них теперь представляет единственный интерес: после Артура только она знает пароли и секретные шифры иностранных банков. Эти люди готовы пойти на все ради спрятанных миллионов. Надо будет выкрасть Ольгу отсюда – выкрадут. Надо будет сжечь монастырь – приедут и сожгут, или взорвут. Поймите, Нина Андреевна, мы хоть и влиятельная организация, но все же не всемогущая. Меры мы, конечно, предпринимаем, но кое в чем полагаемся на ваше содействие и помощь.

– Вы меня совсем озадачили, Виталий Сергеевич, – сказала игуменья. – Это что же: украдут, взорвут, сожгут, постреляют… Вообще порядка в государстве нет, что ли? После войны такого безобразия не было, как теперь. Что же вы предлагаете: ружья монахиням раздать?

Оба полковника улыбнулись.

– Зачем же? – вступил в разговор начальник милиции. – Ружья и прочее – это уже нашего ума дело. Мы с Виталием Сергеевичем предполагаем и даже уверены: Ольга тоже боится, что ее будут искать ее бывшие подельщики. За ней сейчас охотятся не люди, а настоящие матерые волки. Им нужны деньги, а мораль у них одна – преступная. Их ничто не остановит.

– Вы не преувеличиваете? – неожиданно спросила игуменья. – Почему вы не допускаете, что Оля действительно решила начать другую жизнь? Приехала к нам, общается с сестрами, многому учится.

Почему она должна жить все время в страхе, в ожидании того, что за ней кто-кто придет? Может, все не так уж и страшно, как вам кажется?

Махно улыбнулся, посмотрев на матушку.

– Если бы все были такими простыми и наивными, как вы, в наших службах и милиции отпала всякая необходимость. Нам тоже хочется, чтобы ваша послушница изменила свою прежнюю жизнь и навсегда порвала не только с прошлым, но и со своими дружками из того прошлого. Однако мы обязаны проверить и перепроверить все факты.

– Нина Андреевна, – вновь подключился к разговору начальник милиции, – а вы не допускаете такого варианта: поживет у вас Ольга Гаевская годик–другой, пока все не утихомирится, а потом покинет вас? Простите, я рассуждаю как старый оперативник. Монастырь вдали от городов, столиц, в глухом непроходимом лесу. Мало кто сообразит, что Ольга может находиться именно тут. Такая красавица в таком, простите меня, захолустье? Вот я и рассуждаю: может, это просто Ольгин расчет, ее очередная хитрость? Посидит она у вас, отдохнет, нервишки успокоит на свежем воздухе, а потом однажды придет и заявит: «Матушка, я все обдумала и поняла, что эта жизнь не для меня. Верните документы и благословите на все четыре стороны». Спокойно выйдет, сделает себе заграничный паспорт и так же спокойно улетит очень–очень далеко, где ее действительно уже никто не найдет и не достанет. Вы не допускаете, что такое может случиться?

Игуменья кротко посмотрела на своих собеседников. Те молчали.

– У вас ведь скоро большой праздник? – прервал паузу Куренной.

– Да, Василь Данилыч, уже Покров на дворе. Ждем много народа, архиерей обещал приехать. И вы приезжайте к нам, милости просим.

– За приглашение спасибо, – ответил начальник милиции, – вы ж знаете, что я к вам с большой радостью. А вот в отношении гостей, которые к вам приедут со всех волостей… Знаете, чего мы опасаемся? Как бы среди них не оказались те самые люди, которые ищут Ольгу. У нас с полковником прямо-таки обоюдное предчувствие, что сюда кто-то из этих волков обязательно сунется. А в чьей шкуре? Они ведь тоже артисты своего рода, могут любой образ принять: богомольцев, странников, нищих. Лишь бы выманить Ольгу отсюда.

– Вы меня так запугали, что я распоряжусь поставить своих людей возле каждой двери, – игуменья явно начинала беспокоиться.

– Нина Андреевна, – поспешил успокоить ее полковник из службы безопасности, – никого выставлять не надо, предоставьте все заботы по охране монастыря и праздника нашим ребятам. Уверяю вас, они все сделают грамотно и профессионально. Но у меня есть одна идея, если, конечно, вы правильно меня поймете и поддержите.

– До сих пор, вроде, понимала, постараюсь и сейчас понять.

– Идея, в сущности, проста и легко осуществима. Что если мы подселим к Ольге под видом новой послушницы одну молодую девушку примерно Ольгиных лет? Я уверен, они быстро найдут общий язык и тогда, возможно, нам удастся узнать больше, чем мы знаем сейчас. Как вы к этому отнесетесь?

Игуменья пристально посмотрела полковнику Махно прямо в глаза.

– Вы что же, Виталий Сергеевич, предлагаете мне подселить в монастырь своего сексота? Или эта профессия теперь тоже имеет другое, более культурное, название?

– Зачем вы так? – немного обиженно ответил тот. – Мой покойный отец – кадровый чекист – пострадал в тридцатые годы именно от этих негодяев и был расстрелян. Однако все наиболее крупные и опасные преступления обеспечиваются непосредственным участием в них сотрудников спецслужб, которые всегда рискуют своей жизнью. Поймать в преступной среде мелкую рыбешку особого труда не составляет, а вот выловить и обезвредить настоящую акулу – это уже целое оперативное искусство. Напрасно вы так о наших работниках… Простите.

– Вы меня тоже простите, Виталий Сергеевич. Когда вы произнесли это ужасное слово, во мне шевельнулась старая боль. Понимаете, о чем я?

– Конечно, Нина Андреевна. Вместе с вашим покойным батюшкой были репрессированы тысячи, миллионы ни в чем невиновных людей. Мы не имеем права забывать наше прошлое, иначе оно снова может возвратиться. Но у нас нет права все время жить этим прошлым теперь, когда общество старается избавиться от всего, что оно осудило раз и навсегда. Среди наших офицеров немало честных, добропорядочных людей, которые почти каждый день рискуют жизнью. А ведь почти у всех есть семьи, дети.

– Я все прекрасно понимаю, – тихо ответила игуменья. – Но поймите и вы: монастырь – это особое место. Если надо, то Господь Сам защитит нас от всякого зла и бандитов. Я еще раз покорно прошу меня извинить, но подселять нам никого не надо. А то глядишь, – матушка мягко улыбнулась, – вашим сотрудницам у нас понравится, и они тоже захотят стать монашками. Что тогда скажете?

Оба полковника добродушно рассмеялись.

Проводив гостей, игуменья попросила келейницу разыскать и позвать к себе Ольгу. Та быстро прибежала назад и доложила, что Ольга выполняет поручение матери Неонилы.

– Может, оно и к лучшему, – задумчиво сказала матушка, плотно затворила дверь, села в любимое кресло и надолго погрузилась в свои мысли.

14. САМАРЯНКА

По тому, как келейница процедила сквозь зубы, что игуменья ждет Ольгу, та сразу почувствовала, что ее ждет неприятный разговор. Она робко постучала в дверь и приоткрыла ее:

Приняв благословение, она присела на маленькую низкую табуретку, стоявшую напротив кресла. Игуменья, надев очки, серьезно посмотрела на Ольгу и спросила:

– Почему это я узнаю от других людей то, о чем ты должна была рассказать мне сама?

Ольга ощутила, как в горле мгновенно пересохло, и острая боль снова ударила ей в затылок. Чувство еще неосознанного стыда смешалось с досадой, общей растерянностью и беспомощностью.

– Матушка, я не понимаю, о чем вы, – еле выдавила она из себя.

– А я вот сейчас тебе объясню. Встречаю сегодня нашу регентшу мать Ларису. Стала она мне жаловаться, что мало у нее хороших голосов, одни старухи скрипят, словно двери несмазанные. И ни с того ни с сего просит отпустить к ней в певчие знаешь кого?

Ольга слушала игуменью, не соображая, о чем та говорила. Мысли, опережая одна другую, вихрем неслись в ее голове.

– Ты что, не слушаешь меня?

– Простите, матушка, – так же чуть слышно прошептала Ольга.

– Так вот, за кого бы, ты думала, она стала просить?

– Понятия не имею, – механически ответила Ольга, тупо глядя в глаза настоятельнице.

– Вот и я тоже сильно удивилась, когда она назвала твое имя.

– А при чем тут это? – Ольга схватилась за первую же мысль.

– Ты, случаем, не тяпнула в лесу со строителями? – теперь уже рассерженно обратилась игуменья, видя в глазах Ольги полное смятение. – Прямо как пьяная. Совершенно не слушаешь, о чем тебя спрашивают.

– Матушка, простите ради Бога. Наверное, я недомогаю. Целый день на холоде под дождем. Хоть бы не разболеться к празднику.

– Очень, говорю, была я удивлена, когда мать Лариса стала просить тебя к себе петь. Утверждает, что у тебя довольно приятное сопрано.

– Матушка, я даже не знаю толком, что такое сопрано. Да и откуда быть хорошему голосу, когда я никогда пению не училась. С чего это она взяла, что я умею петь?

– С того и взяла, что сама слышала. У матушки Ларисы знаешь какой слух? Она когда-то оперной певицей была, ее даже заграницу приглашали, большое будущее пророчили. А она досмотрела стареньких родителей и к нам пришла в лес дремучий. Оставила все – славу, деньги, столичную квартиру, приглашение петь в итальянской опере, друзей и знакомых – и пришла к нам. Я ее хорошо помню. Такой же была, как и ты: ничего не знаю, ничего не умею. Вот возьму и благословлю тебя на клирос. Поди, надоело уже на побегушках у матери Неонилы быть?

– Мне тут ничего не надоело. Что благословите, то и буду делать. А вот петь поюсь. Какая из меня певица?

– Ладно, посмотрим, что с тобой дальше делать, – игуменья охнула, пытаясь встать из кресла. –Больно много у тебя талантов разных. И как только они в тебе одной вмещаются? Вот уж точно: и швец, и жнец, и на дуде игрец… Я сама сегодня, как разбитая телега: все тело болит, ноет. Наверное, на перемену погоды. Или помирать пора.

– Господь с вами, матушка! – Ольга постепенно приходила в себя. – А нас, грешных, на кого оставите?

– На милость Божию, Покров Пречистой Матери и молитвы всех святых угодников. Лучше о вас никто не побеспокоится. А я кто? Такая

же грешница, только самая окаянная. Близится час помирать, а боюсь. Что скажу, чем оправдаюсь?..

Игуменья благоговейно перекрестилась на образа, а потом ласково посмотрела на Ольгу. Она вспомнила фотографию, которую сегодня утром держала в руках: на ней Ольга была совсем не такая, какой стала за несколько месяцев жизни в монастыре.

– Почитай немного, – игуменья подала Ольге Евангелие, – я вечером почти ничего не вижу.

– А что благословите читать?

– Что откроешь – то и читай. В этой книге каждая строчка свята.

Ольга механически раскрыла книгу и придвинула свечу поближе к себе. Это была четвертая глава Евангелия от Иоанна:

– Когда же узнал Иисус о дошедшем до фарисеев слухе, что Он более приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн, – хотя Сам Иисус не крестил, а ученики Его, – то оставил Иудею и пошел опять в Галилею. Надлежало же Ему проходить через Самарию Итак приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи. Женщина Самарянская говорит Ему: как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? Ибо иудеи с Самарянами не сообщаются. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую. Женщина говорит Ему: Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его? Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную. Женщина говорит Ему: Господин! Дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать. Иисус говорит ей: пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это

справедливо ты сказала. Женщина говорит Ему: вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме. Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине. Женщина говорит Ему: знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все. Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою…

Ольга перестала читать и украдкой посмотрела на игуменью. Ей показалось, что та уснула: матушка сидела в кресле с закрытыми глазами, склонив голову на плечо. Чтобы не беспокоить ее, Ольга подождала несколько минут, потом положила книгу на место и собралась тихо выйти из кельи. Но тут игуменья глубоко вздохнула, словно очнувшись от сна, и посмотрела на Ольгу.

– Да, так все и было… Фарисеи хотели бросить тень на Иисуса, положить вражду между Ним и Иоанном. Иисус не стал ни перед кем оправдываться, а просто покинул Иудею. И вот целый день они были в пути: Господь и Его близкие ученики. Представляешь? Солнце палит нещадно, под ногами мертвая от зноя земля и острые камни, суховей поднимает тучи пыли… А они идут, каждый погрузившись в свои мысли, укутав головы накидками, чтобы не дышать раскаленным ветром и песком. Хоть бы чуток присесть в тени, хоть бы глоток свежей воды! Но нет ничего вокруг, кроме пустыни, палящего солнца над головой и этого суховея.

Сколько они так шли? Два часа, три, пять?.. Наверное, целый день, без остановки, пока не увидели вдали чужой город. В тех местах смеркается быстро, поэтому ученики, сжалившись над утомленным Учителем, сами поспешили к городским воротам за продуктами, а Его оставили одного возле старого колодца. И вот видит Он идущую к тому же колодцу самарянку. Было такое племя – самаряне, которые жили рядом с иудеями и от них слышали древние пророчества о Мессии. Но иудеи смотрели на самарян с презрением, считая их проклятым языческим народом. И тут эта самарянка с кувшином.

Иисус видит, как она подошла к колодцу и зачерпнула свежей воды. Косо посмотрела на чужестранца, сразу узнав в Нем иудея. Наверное, подумала: «Чего Ему надо в наших краях?» А может, не успела ничего подумать, как вдруг услышала от Него: «Дай Мне пить». Для нее эти слова прозвучали как гром средь ясного неба: иудей просит воды у презренной всеми самарянки! «Если бы ты знала, Кто просит у тебя пить, – Господь словно прочитал ее мысли, – ты сама просила бы у Него живой воды…» Самарянка начинает понимать, что перед нею не просто иудей, а пророк, и даже больше, чем пророк… Господь открывает Себя, Бога, презренной всеми самарянке. Понимаешь, какая тут великая тайна?

Игуменья снова замолчала, углубившись в себя. Молчала и Ольга. Она тоже словно наяву увидела то, о чем только что читала настоятельнице. Она увидела тот самый колодец, который когда–то выкопал праведник Иаков для своего возлюбленного сына Иосифа. Возле колодца в образе утомленного долгой дорогой странника сидел Господь и тихо беседовал с самарянкой. В Его словах нет ни осуждения, ни презрения, а только любовь.

Ольга вдруг ощутила, что на месте той удивленной и испуганной пророческими словами самарянки стоит она сама – Ольга, и Господь смотрит ей в самое сердце, согревая его Своей всепрощающей любовью.

– Дай Мне пить, – просит ее Иисус.

Ольга смотрит на Него, недоумевая, как Он – Святой и Безгрешный – не гнушается просить воды из ее нечистых рук, которые касались всего: грязной преступной жизни и блуда, хрустального бокала с искристым шампанским и куска черного непропеченного хлеба с миской пресной лагерной баланды, ворованных денег и дорогих украшений? Как Он может вообще терпеть возле Себя ее присутствие – познавшую содомские грехи блудницу, воровку и изворотливую аферистку? Как?!

Господь видит ее смятение, видит ее мысли, чувства, но не осуждает ни словом, ни взглядом, ни намеком, а лишь смотрит в самое сердце с невыразимым теплом и состраданием.

– Если бы ты знала, – тихо говорит Он, – если бы только знала, КТО просит тебя, ты сама просила бы у Него живой воды…

Кувшин падает из рук Ольги, и вода, только что налитая туда из колодезя, выливается на сухую, изможденную полуденным зноем землю и тут же поглощается ею – вся до капли.

– Я знаю, Кто Ты! – Ольга опускается перед Ним на колени и с мольбой простирает руки. – Дай, прошу Тебя, дай мне Твоей воды, чтобы я не имела жажды!

И снова этот кроткий взгляд – без всякого укора или осуждения, в самое сердце, отчего оно, кажется, готово разорваться, разлететься на мелкие кусочки, будучи не в силах вместить в себя этот обильный поток любви и всепрощения, переполняющий ее изможденную от жажды и истерзанную грехом душу. Слезы застилают глаза Ольги, поэтому она не видит, а лишь чувствует легкое прикосновение руки этого странника к своей голове. От этого прикосновения она ощущает, как в сердце, душу, каждую клеточку тела вливается неизъяснимо благодатное тепло, чистота, мир и радость.

– Господи, – с умилением шепчет Ольга, не в силах поднять глаза, ибо понимает, что еще миг – и она не выдержит, умрет от непорочной чистоты и святости взгляда Христа. – Господи… Теперь я знаю, Кто Ты… Помилуй меня, грешницу…

…Ольга вышла из кельи игуменьи, когда монастырский двор совершенно окутала густая осенняя мгла. Она рассказала настоятельнице все, о чем молчала с того дня, как переступила порог обители: о валютных счетах в иностранных банках, о своей связи с Артуром, о главной тайне его короткой жизни, которую он доверил лишь ей, своей возлюбленной и подруге. Ольга рассказала обо всем совершенно непринужденно, чувствуя, что матушка уже обо всем знает сама и лишь ждет ее чистосердечного рассказа.

– Почему ты молчала обо всем этом? – без всякого укора или обиды спросила игуменья. – Чего ты боялась? Что смущало твое сердце?

– Я хотела одного: избавиться от этой тайны, забыть про нее, словно ничего и не было, – Ольга на какое–то мгновение отвела свой взгляд, чтобы вытереть слезы. – Наверное, я действительно обманывала себя. Я сама не знаю. Ведь мне поручили хранить тайну, а не уничтожить ее. Артур прислал мне последнюю «маляву» именно с такой просьбой.

– Что-что? – переспросила игуменья. – Что он тебе прислал?

– «Маляву», – быстро повторила Ольга, тут же сообразив, что настоятельница понятия не имеет о лексиконе преступного мира, – так среди зэков называется тайная переписка.

– Ну и ну, с вами хоть специальный словарь заводи, – пробурчала игуменья.

– Простите, матушка, это я по старой привычке. Нет больше никакой тайны. Она во мне навек умерла. Горе тому человеку, кто хранит такие секреты.

– Оля, – игуменья снова без всякого укора посмотрела ей в глаза, – может, ты просто решила какое–то время пересидеть у нас, пока все твои бывшие друзья забудут о твоем существовании?

– Матушка, вы мне тоже не верите? – прошептала Ольга, не замечая, как слезы опять покатились у нее по щекам. – Вы мне не верите? Да? Как же мне доказать, что сюда меня привел не страх, не хитрость, а вера? Будь у меня страх или расчет, то с такими деньгами я могла бы найти убежище куда надежней, чем здешний лес и монастырские стены. Теперь, матушка, деньги делают все – новый паспорт, новую внешность, новую жизнь, новую родину. Но мне действительно надоело, до тошноты надоело жить прежней жизнью с того дня, как Господь открыл мне в ней иной смысл…

– Дело не в том: веришь – не веришь, – остановила ее игуменья. – Свою верность ты будешь доказывать Богу до гробовой доски, до последнего вздоха. Сколько будешь жить – в монастыре ли, в миру – столько и будешь доказывать, что верна Ему. Ты можешь слукавить передо мной, что-то утаить, недосказать, но перед Богом, Которому мы служим и Которому посвящаем себя, не слукавишь. Поэтому я и спросила: может, тебе некуда было деться, вот и пришла ты к нам, как приходят странники?

– Матушка, – с полными слез глазами прошептала Ольга, – вы меня хотите прогнать? Да?.. Я должна уехать отсюда?..

Игуменья встала с кресла, подошла к Ольге и по–матерински обняла ее за плечи.

– Разве мы кого-нибудь до тебя или при тебе выгнали, выставили за ворота? А кто только к нам не идет и не едет! Послушницы, паломницы, странницы, срамницы… Мы стараемся всем угодить. Господь учит и повелевает любить даже врагов наших. Все Царство Божие построено на законе любви. Как же мы тебя выгоним, когда я

вижу, что ты хочешь стать одной из нас? Поживешь тут, забудешь все свои прежние словечки и дела, выдернешь их с корнем, как сорняк из души, тогда и будем готовить тебя к облачению в монашество. А пока живи с Богом.

Игуменья подошла к иконостасу и поправила фитилек у горящей лампады. Потом, не поворачиваясь к Ольге, задумчиво произнесла:

– После всех сегодняшних разговоров не покидает меня одна нехорошая мысль…

– Какая мысль, матушка? – осторожно спросила Ольга.

– А вот какая, голубушка. Ты не думала о том, что твои старые дружки и подружки будут повсюду искать тебя? А вдруг и впрямь найдут? Что тогда будем делать? Заставу в ружье? Так у нас ни заставы, ни ружья – одни веники, ведра, тряпки, швабры. Пока милиция приедет, много чего может произойти.

– Я думаю, что они про меня уже давно забыли, – неуверенно ответила Ольга.

– Это все пустой и глупый разговор: «думаю – не думаю». Ты думаешь одно, а они могут думать совершенно другое. Тебе хочется, чтобы они забыли о твоем существовании. Может, они б и забыли, кабы не те сумасшедшие деньги, про которые ты знаешь. Вот и будут рыскать повсюду, пока тебя не найдут.

– Да не найдут они меня, матушка, – более уверенно сказала Ольга. – О том, куда я поехала, знала только администрация колонии, когда меня выпускали на волю. Так воды с тех пор много утекло.

– Глупая ты, глупая. И наивная, как ребенок. Им важно напасть на твой след. Потом будут идти по нему, пока не отыщут. Вот чего я опасаюсь. Это меня легко обмануть, тебя, еще кого-то, а их не обманешь. Ох, и задала ты нам хлопот!

Ольга молчала, думая о чем–то. Неожиданно она спросила:

– Матушка, у вас найдется чистый листок бумаги?

– Чего-чего, а этого добра у нас хватает, – настоятельница прошла к старому письменному столу и достала из ящика бумагу.

Ольга придвинула ближе подсвечник и начала быстро заполнять листок мелким убористым почерком. Игуменья молчала, с интересом наблюдая за ней. Когда та закончила писать, то протянула почти исписанный листок.

– Что это ты там написала? – теперь игуменья придвинула к себе горящий подсвечник и надела очки. – Цифры, цифры, слова какие-то иностранные… Что за белиберда?

– Это не белиберда, матушка, – полушепотом ответила Ольга. – Это те самые миллионы, о которых я вам рассказала. Здесь шифры, коды, чтобы взять их. Кто владеет этими шифрами, тот владеет и миллионами.

– Ты что же, голубушка, хочешь, чтобы вместо тебя меня, старую, на сук лесной повесили и грешную душу вытряхнули?

– Я одного хочу, матушка: чтобы эта тайна попала в надежные руки. Пусть они распорядятся богатством не во зло, а во благо. Будут меня искать или не будут, найдут или не найдут – я больше не хочу быть хозяйкой награбленного добра.

Игуменья положила перед собой исписанный листок и тяжело вздохнула. Потом, сложив его вчетверо, спрятала в сейф и замкнула на ключ.

– Как говорят, утро вечера мудренее, – в тяжелом раздумье сказала она, стоя к Ольге спиной. – Без моего благословения из монастыря ни шагу. Иди с Богом…

Ольга вышла из кельи и направилась к себе. Служба давно закончилась, во дворе было абсолютно пусто и темно. После теплой кельи игуменьи Ольгу встретил промозглый осенний ветер с моросью, волнами накатывавшейся на монастырь.

Проходя мимо собора, она остановилась, посмотрела на образ Богоматери, висевший над главным входом, и неспешно перекрестилась. Мысленно она хотела о чем-то просить Небесную Царицу, но Ольге показалось, что Матерь Божия лучше знает, о чем она хотела просить Ее. Еще раз перекрестившись и поклонившись в пояс перед святым образом, она перешла безлюдный монастырский двор.

15. ФИРМЕННЫЙ ШАШЛЫК

Мишка–спецназ сидел возле вяло тлеющего мангала и тупо смотрел на стоявшую перед ним пустую банку из–под пива. Предчувствие чего–то необычайного и даже великого, с которым он сегодня проснулся, теперь вытеснила гнетущая тоска и меланхолия.

Деревня казалось совершенно вымершей. Почти все поехали в монастырь на праздник Покрова.

– Миш, а ты чего не поехал? – угадав причину тоски, спросила его Светлана – хозяйка местного деревенского бара с претенциозным названием «Ностальгия». – Сидишь тут, как бобыль, скучаешь, а наши все там. Говорят, монашечки для гостей хороший стол накроют. Мне бы такие праздники каждый день. А ты сидишь тут сиднем, носом клюешь. Давай я тебя пивком свеженьким угощу, а? Мне вчера под реализацию целых три бочки привезли. Сама не пробовала, но говорят, не хуже чешского.

И, не дожидаясь Мишкиной реакции, поставила перед ним литровый бокал искристого пенистого напитка.

– И рыбку в придачу, – хохотнула хозяйка бара, легонько стукнув Мишку по коротко стриженому затылку жирной икряной воблой. – Всем праздник как праздник, а мы с тобой прокаженные, что ли? Отдыхай, а я музычку включу.

То ли от пива, то ли от шлягера, но настроение немного улучшилось.

– Ты спрашиваешь, чего я туда не поехал, – обратился он к Светлане, пытаясь перекричать ревущее радио. – А я лично не понимаю, зачем ехать, когда толком не знаешь, как надо правильно креститься: слева направо или справа налево. Вот ты, к примеру, знаешь?

Светлана на мгновение задумалась.

– Нет, не знаю. Точнее, не помню. Я в церкви была, когда мы Кольку крестили. Да и то за дверями простояла, потому что, говорят, родная мать не должна быть рядом.

– Вот и молодец! – откликнулся Мишка, снова стараясь перекричать радио. – В том смысле молодец, что не суешься не в свое дело. Да приглуши ты немного этот балаган! Не суешься, говорю, туда, где ни фига не смыслишь. А вот спроси теперь, к примеру, того же Лукича, чего он туда подался? Ведь все знают, что на Пасху за всеми следил, даже у детей руки проверял, не осталась ли там краска от яиц, первым атеистом был. Такие вот «лукичи» и церковь нашу на дрова раскидали да в печках сожгли. А теперь наше вам с кисточкой: тоже в церковь поклоны бить. Не понимаю этого! Хоть убей меня, не понимаю!

– А ты постарайся понять, – улыбнулась Светлана, – может, человек раскаялся во всем, в Бога поверил. Разве такого не бывает?

– Ага, – рассмеялся Мишка, – в Бога поверил, покаялся… А завтра его братки-коммуняки придут снова к власти, то Лукича партия вмиг востребует. Тогда он всех, кто сейчас с ним лоб свой бьет, по этапу на Соловки отправит. Помяни мое слово, Светка! Может, он для того туда и повадился, чтобы знать поименно всех, кто против коммуняк выступал, в церковь ходил. Эта партийная публика просто так не сдается! Их агенты везде есть, только и ждут сигнала к атаке, когда люди нажрутся демократии и помянут добрым словом дедушку Сталина. Я когда срочную служил, то наш замполит частенько один стишок читал. Не знаю, сам он его сочинил или услышал от кого:

Товарищ, верь, пройдет она,
Эпоха гласности –
И комитет госбезопасности
Припомнит ваши имена.

Мишка громко рассмеялся. Рассмеялась и Светлана, но в это время оба заметили, как возле бара остановился новенький джип.

– Ого, какие гуси–лебеди прилетели, – подмигнул Мишка Светлане. – Накрывай, мать, на стол, это тебе не селюки, а, видать, сама столица.

В бар вошли четверо: высокий худощавый парень с несоразмерно большой головой, за что Мишка сразу окрестил его «головастиком»; за ним вразвалку шел низкорослый крепыш, третьим был широкоплечий, бритоголовый, похожий на профессионального боксера, незнакомец. Замыкала эту мужскую компанию девушка в модной куртке из «мокрой» кожи и длинных, выше колен, лайковых сапожках. Все четверо подошли к стойке бара и осмотрели содержимое буфета. Головастик недовольно поморщился:

– Говорил, надо было в ресторане остановиться. Теперь жрите сами эти скиккерсы–памперсы, а меня от них воротит.

– В самом деле, у вас есть что-нибудь еще? – обратился к Светлане бритоголовый, обведя взглядом целую выставку разнообразных импортных шоколадок, жвачек, соленых орешков и соков.

– Для хороших гостей можем предложить шашлычок, рыбку жареную, домашние грибочки, – улыбнулась Светлана.

– …с радиацией, – язвительно сострил головастик, которому очень хотелось есть. – Давай нам, хозяйка, и шашлычок, и рыбку, и грибочки. Давай все, да побыстрее! Водочку тоже неси. Она, кстати, не местного разлива? Небось, на ферме спирт ослиной мочой разбавляете, а потом травите этим пойлом трудовое крестьянство? Смотрите мне! Все что б только натуральное и свежее!

Светлана тут же стала накрывать на стол, расставляя тарелочки, рюмки, бокалы, закуски.

– Помоги мне, мангал почти остыл, – мимоходом попросила она Мишку–спецназа.

Тот встал из-за стола и, держа бокал с пивом, свободной рукой разгреб угольки, подбросив в мангал сухих щепок. Огонь тут же разгорелся с новой силой, и Мишка поднес ближе к жару несколько шампуров.

«Хорошее пиво, – подумал он, отхлебнув из бокала. – А гости – дрянь. Невоспитанные гости. Некультурные. Я бы таких в шею вытолкал, а Светка для них шашлык жарит».

Убедившись, что мясо почти дошло, он крикнул:

– Светуля, готово!

После этого с пивом вышел наружу и подошел ближе к стоявшему там джипу. Это была последняя модель «лэндкрузера». Мощный никелированный бампер, казалось, готов был сокрушить любое препятствие, а такие же мощные широкие колеса легко справятся с любым бездорожьем. Прильнув к затемненным окнам, он увидел в середине изящную панель с встроенным бортовым компьютером, мягкие кресла.

– Эй, ты что там забыл? – вдруг он услышал визгливого головастика.

На всякий случай Мишка осмотрелся по сторонам. Может, это «эй» относилось вовсе не к нему, а к кому-то другому?

– Тебе, козлу, говорю: что там забыл? Ты еще помочись на колесо!

Обращались действительно к нему. Вместо обиды Мишка сразу ощутил прилив настроения, потому что понял: эта компания просто так от него не уйдет.

– А что, можно? – притворившись дурачком, он поставил кружку с пивом прямо на полированный капот джипа и начал демонстративно расстегивать штаны.

– Э, э!! – головастик выбежал из бара навстречу Мишке. – Ты что, урод, собрался делать? Это тебе не колхозный трактор! За такие шуточки башку отвинчу!

Мишка посмотрел на хилого головастика, едва сдерживая раздиравший смех. Дать сразу по физиономии, подумал Мишка, было бы слишком скучно и неинтересно. Он сделал вид, что испугался:

– Ладно, ладно, мужики… Мир. Мир во всем мире! Я ведь действительно ничего, кроме своего трактора, не видел, а тут такая красавица.

И он нежно погладил по капоту в том самом месте, где только что стояла кружка пива.

– То-то же, недоумок деревенский, – довольно рассмеялся головастик. – А то смотри, я тебе быстро мозги на место вправлю.

«Наверное, все-таки врежу ему, – Мишка чувствовал, что начинает закипать. – Сначала вылью ему пиво на голову, потом об нее же разобью кружку, а там видно будет».

Он уже вытер губы, но в последнее мгновение нашел силы сдержаться, решив немного растянуть удовольствие. Молча возвратившись в бар, сел за свой столик. Компания сидела недалеко и оживленно разговаривала. Мишка не прислушивался, о чем они говорили. Допив пиво, он подошел к стойке и попросил налить еще:

– Ты права. Пиво – высший класс! Давно такого не пил.

– Пиво – пивом, – опять взвизгнул головастик, – а скажите-ка мне лучше, из чего вы свой шашлык делаете? У него какой–то странный привкус.

Мишка понял, что настал его час.

– Из чего, из чего..., – пробурчал он, придвигаясь ближе к гостям. – Сразу видно, что впервые у нас. А кто не впервой, тот знает, из чего мы жарим наш фирменный шашлык. И еще никто – заметьте это, господа хорошие – никто ни разу не пожаловался. Наоборот, даже за опытом едут.

– Ну и из чего же? – прищурившись, головастик посмотрел на свой почти съеденный шашлык. – Небось, коняку колхозную завалили? Не дай бог, узнаю, что это так, из вас самих шашлык сделаю!

Мишка сделал паузу, чтобы добиться наибольшего эффекта:

– Не, хлопцы, это не конина. Мы вас потчуем фирменным шашлыком из крысятины!

Компания дружно прекратила застолье и уставилась на Мишку, пытаясь понять, шутит он или нет. Но тот невозмутимо продолжал:

– А что тут такого? Крыса – вполне съедобный продукт, особенно если ее хорошенько замариновать да лучка побольше добавить. Многие ж народы едят – и никто не помер. Деревня у нас глухая, забитая, бедная. Коней и в помине нет, коровы сплошь лейкозные, их пускать на шашлык – только грех на душу брать. Живую барашку мы только по телевизору видели. А вот крысы у нас по ферме такие бегают – одно загляденье! Вот и ловим их, подкармливаем немного зерном, а потом на шашлычок. Не верите?

Обомлевшие гости сидели за столом, уставившись на Мишку. А тот, желая еще больше усилить эффект от своего вранья, крикнул Светлане:

– Свет, скажи им, из чего ты свой шашлык жаришь, а то они не верят. А лучше принеси парочку крысят, что я тебе давеча принес!

И в это мгновение, словно по команде, из-под стойки бара действительно выскочили и наперегонки вприпрыжку к выходу бросились две здоровенные крысы. Расхохотавшись от неожиданности, Мишка радостно воскликнул:

– Ну вот, убедились? А вы не верили!

Головастик сначала мертвенно побледнел, потом побагровел, затем снова стал похож на мертвеца, выскочил из-за стола и опрометью бросился к дверям, зажав рот руками. Через секунду все услышали его судорожный кашель.

– Ну, что ты за человек! – накинулась на Мишку Светлана. – Сидел бы уж лучше дома, чем гостям настроение портить.

Затем, повернувшись к гостям, она стала горячо оправдываться:

– Не верьте ему! У него с башкой не все в порядке, это все знают. А шашлык мы жарим из самой что ни на есть настоящей баранины. У нас в колхозе целая овцеферма, можете любого спросить. А от крыс и мышей никому нет спасения. Мы ведь не городские, в деревне живем.

Мишка сидел за столом и, схватившись за живот, громко хохотал.

– То, что у него с головой не все в порядке, мы сразу поняли, – с выраженным кавказским акцентом крепыш. – Слышишь, шут гороховый? Пожизненным инвалидом станешь! И никакой санаторий тебе не поможет.

И что-то злобно добавил к сказанному на своем гортанном языке.

«Грузин, – быстро определил Мишка, наслышавшийся за время своих боевых похождений в горах разных кавказских наречий. – И скорее всего, сван».

Вытирая рот платком, в бар возвратился головастик. Он взял со стола уже почти распитую бутылку водки и с грозным выражением лица двинулся на Мишку:

– Сейчас, козел, ты сожрешь все, что я оставил там, – и он показал костлявыми пальцами в сторону входной двери. – Будешь вылизывать до последней капли! Я заставлю тебя это сделать…

– Хватит, Додик, не заводись! – резко оборвал его грузин. – Надо будет, мы этого кретина сами научим уму-разуму. Не посмотрим, что калека на голову.

Головастик налил полный стакан минеральной воды и залпом осушил его. Потом налил снова и, сверкнув глазами в сторону довольного Мишки, выпил еще.

– Ты мне за это дорого заплатишь, – прошипел он.

Бывший боец спецназа был вполне удовлетворен удавшейся шуткой. Он даже перестал думать о другом возмездии за все оскорбления, которые успел услышать в свой адрес от этих пижонов. Вспоминая их испуганные и растерянные лица, особенно плюгавого Додика, Мишка давился смехом, хватаясь за живот. Наконец, он не выдержал и почти бегом устремился наружу: смех до слез и два литра выпитого пива настойчиво давали о себе знать позывами в туалет.

Заезжая компания, потеряв после рвотного фейерверка головастика всякий интерес к дальнейшему застолью, тоже двинулась к выходу.

– Надеюсь, этого хватит? – крепыш с кавказским акцентом положил перед Светланой двадцатидолларовую купюру.

– Мамочки, – воскликнула та от удивления, – да у меня сдачи в такой валюте не найдется!

– И не надо, – без всяких эмоций ответил кавказец, – приберегите ее на всякий случай для вашего комедианта. Если он не поумнеет, то ему очень скоро может понадобиться лекарство.

– А вы не скажете, – теперь подошел к Светлане бритоголовый, – как проехать к здешнему монастырю?

– Так вы тоже на праздник? – радостно всплеснула руками Светлана. – Наверное, с центрального телевидения? Или просто гости?

– Да, – без всяких эмоций вместо бритоголового ответил кавказец, – просто гости с центрального телевидения. Нам бы в монастырь, и без лишнего шума. Понимаете?

– Понимаю, понимаю, – закивала головой барменша. – Какая у вас интересная работа! Не то что тут сидишь целыми днями: одному сто грамм, другому по шее…

– Ну, дорогая сестра, это уж кто чему учился, – остановил эмоции Светланы кавказец, давая понять, что он и его напарники хотят поскорее уехать.

– Вообще-то туда и слепой не заблудится, – начала объяснять Светлана. – Выезжаете за село, а дальше дорога сама выведет куда надо. А чтобы подъехать незаметно, то без проводника не обойтись. Лесных троп там много, да не по каждой проедешь. Даже не знаю, чем вам помочь…

Светлана задумалась, не спуская с щедрых гостей восторженных глаз.

– А знаете что? Есть выход! Если, конечно, вы не будете против.

– Против чего? – уточнил бритоголовый.

– Не против чего, а против кого! – улыбнулась гостям Светлана. – Против нашего Мишки. Возьмите его с собой, он ведь в тех местах все тропы с детства излазил. А то, что он немного того, то не принимайте всерьез.

Мишка как раз возвратился из туалета назад и подошел к стойке, чтобы расплатиться за выпитое пиво.

– Сколько с меня за удовольствие?

– Нисколько, – к удивлению Мишки сказал кавказец. – Я уже заплатил за все удовольствия, которые ты нам сегодня доставил. И, надеюсь, еще доставишь, пока мы доедем.

– Не понял вашего юмора, господа хорошие, – с еще большим удивлением посмотрел на него Мишка.

– Юмор, брат, дело тонкое, дано не каждому. Но тебе поясню: поедешь с нами в монастырь по самой короткой и незаметной дороге, потому что мы здешних дебрей не знаем, а ты, говорят, в них вырос. Так что ноги в руки – и вперед.

– Прям щас? – Мишка внимательно посмотрел в лица всех четырех, пытаясь найти какой–то подвох.

– Да, прям щас, – скопировал его интонацию кавказец. – Не бойся, мы не такие шутники, как ты. Заплатим за все, в обиде не останешься.

– Миш, – дернула его за рукав куртки Светлана, – это же гости с центрального телевидения, кино про наш монастырь снимать будут. Может, и мы с тобой попадем в кадр.

«Спецназ» еще раз окинул взглядом всю компанию и, чувствуя нутром, что настоящее приключение только начинается, буркнул:

– За ваши гроши, господа хороши, любой каприз исполним.

Компания пропустила Мишку вперед и направилась к джипу.

– Сядешь рядом, Сусанин, – скомандовал кавказец, усаживаясь за руль.

Мишка осмотрелся по сторонам шикарного салона и поцокал языком от нескрываемого восторга:

– Да-а, вот это вещь!..

– Небось, получше твоего трактора? – тут же зацепил его головастик. – И как вы только живете в таком дерьме?

– Да так и живем: зима–лето – года нету. Зато воздух у нас хороший. Такого воздуха нигде больше нет, потому что лес вокруг и речка наша Золотоношка…

– Это мы уже слышали, – оборвал его кавказец, когда они уже выехали за село. – И воздух ваш лучше, чем у других. И крысы ваши вкуснее барашка. А теперь слушай внимательно, что тебе буду говорить я. Мы сейчас едем в монастырь. Ты должен помочь нам сделать одно небольшое, но важное дело. Сделаешь – дадим тебе пятьдесят баксов[30]. За такие деньги твоя Манька тебя от радости целовать будет. А вздумаешь с нами снова шутить, то я тебя крепко накажу. Знаешь как?

Кавказец запустил руку под сиденье и вытащил оттуда пистолет.

«ТТ, – мгновенно определил Мишка, – любимое оружие профессиональных киллеров. Вот так работнички с центрального телевидения! А Светка, Светка… Развесила уши».

– Знаешь, что я с тобой сделаю, если ты еще раз плохо пошутишь? – повторил кавказец, приставив ствол к самому виску. – Башку твою прострелю! А потом мы тебя зароем где-нибудь далеко–далеко от этих красивых мест или привяжем к ногам камень и выбросим в реку. И пусть тебя ментовские собаки ищут. Так что, братан, напряги свою

больную голову и решай сам, что лучше: полсотни баксов в кармане или пуля в башке.

– Не пугай его так сильно, Реваз, – рассмеялся сзади боксер, – а то он со страху весь салон завоняет, никаким дезодорантом не выветришь.

– Ну, господа киношники, тут и ежику все понятно, – решил играть до конца отведенную ему роль деревенского дурачка Мишка. – А ствол-то вам для чего? За жизнь свою опасаетесь или монашек пугнуть решили?

– Хорошо, что ты все понял, – мрачно сказал кавказец, не ответив на Мишкин вопрос. – Сделаешь дело, получишь свои баксы – и можешь греметь копытами, куда рога смотрят.

– Как это? – Мишка сознательно задавал им наивные вопросы, стараясь выудить как можно больше информации. – Вы хоть знаете, куда мы едем? Это добрых тридцать верст отсюда. А чем назад буду добираться? Нет, ребята, такие подвиги стоят дороже, чем полсотни баксов.

– А ты, оказывается, не такой простак, каким кажешься, – кавказец теперь рассмеялся. – Бабки, видать, любишь? А зачем они тебе? Кружку пива та деревенская телка и так нальет, самогонку сам наваришь из какого-нибудь дерьма. Зачем тебе деньги?

Мишка сделал обиженный вид.

– Ладно, брат, – кавказец похлопал его по плечу, – так и быть, накинем тебе за все неудобства еще двадцатник. Такие бабки ты на своем тракторе за год не заработаешь. А если постараешься хорошо сделать то, о чем мы тебя попросим, то эта девушка, которая едет с нами, исполнит любое твое желание. Ты даже представить себе не можешь, что она умеет!

В ответ молчавшая до сих пор девица ткнула Реваза ладонью и что–то резко сказала на его же языке.

«Точно грузины», – снова подумал Мишка.

– А что за дельце? – повернувшись вполоборота к кавказцу, спросил он. – Деньги просто так не платят. Даже папка мамку сегодня за так не целует.

– Ты пока дорогу показывай, Сусанин, – повернул его от себя кавказец. – Приедем на место – узнаешь. Только найди местечко поукромнее. Мы не хотим светиться. Лишнее это.

– Ну, теперь понимаю, – Мишка опять прикинулся дурачком. – Это чтобы всех снимать скрытой камерой, да?

Длинноногая девица скороговоркой что-то сказала своему соплеменнику, и оба громко рассмеялись.

– Знаешь, что она говорит? – кавказец повернулся к Мишке. – За такого умного и сообразительного джигита, говорит, я хоть сейчас готова замуж! Хотел бы такую невесту? Подумай, мы большой калым брать не будем, учтем твои заслуги.

Оба опять рассмеялись. В их гортанном, характерном для кавказцев разговоре, Мишка уловил одно знакомое ему грузинское слово: «чкара», то есть «быстро».

«Видать, торопятся, – он продолжал анализировать ситуацию. – Везде эти черные, даже сюда добрались. Из вас такие артисты, как из меня тракторист. Погодите, я ваши физиономии так отгримирую, что мать родная не узнает. Чего они надумали? Грабить монастырь? Не зря ж поговаривают, что там сохранились ценные иконы. Может, эти ребятки про все разнюхали? Интересно».

– Куда дальше, Сусанин? – спросил Реваз, когда они переехали по мостику через реку.

Выехав с берега, они взяли круто вправо и поехали по узенькой лесной тропинке, на которой виднелся лишь след подводы.

– А лучше дороги не мог найти? – забурчал кавказец. – Всю полировку обдеру об эти сучья и коряги по твоей милости.

– Ехали б в таком случае по своей милости, раз моя не нравится, – в тон Ревазу недовольно ответил Мишка. – Я к вам не напрашивался, сами просили показать дорогу покороче.

– Не скули ты за свою машину, – бритоголовый сладко потянулся на заднем сиденье, – купишь себе новую, покруче этого сарая на колесах.

– Сарай на колесах, говоришь? – повернулся к нему Реваз. – А знаешь, сколько мне за этот «сарай» Мага дает? Это же последняя модель!

Показывая дорогу среди едва заметных тропинок, разбегавшихся в разные стороны, они медленно, почти бесшумно подъехали к монастырю.

– Вот и приехали, господа артисты–киношники. Выходите, разомните ножки, подышите свежим воздухом. Мальчики налево, а

девочки направо. А мне давайте то, что обещали. Глядишь, до вечера назад успею.

– Успеешь, – остановил Мишку Реваз. – И назад успеешь, и вперед успеешь. Везде успеешь, дорогой, не спеши.

Они вышли из джипа. Бритоголовый снова сладко потянулся, хрустнув суставами, а головастик, не стесняясь стоявшей рядом спутницы, стал тут же мочиться под дерево. Реваз открыл дверцу багажника и стал там быстро рыться.

– Слушай внимательно и ничего не перепутай, – захлопнув ее, он обратился к Мишке. – Сейчас ты один пойдешь в монастырь и найдешь там одну красивую девушку.

И тут он показал то, что вытащил из багажника: цветную фотографию Ольги с обложки иностранного журнала.

«Стюардесса! – чуть не вскрикнул от изумления Мишка. – Да это ж та краля, которую Пашка по весне в монастырь вез!».

– Эй, брателло, ты о чем думаешь? – Реваз заметил в Мишкиных глазах замешательство. – Сюда лучше смотри и запоминай, что говорю.

– Да так, просто баба красивая, – выкрутился из положения Мишка.

– В жизни она еще красивее, – подтвердил Реваз. – Так вот, сейчас иди в монастырь и найди ее. Запоминай хорошенько лицо, фотографию я тебе не дам.

– А чего запоминать? Краля! – Мишка делал вид, что внимательно рассматривает фото, на самом же деле лихорадочно пытался сообразить, для чего она им понадобилась.

– Нет, ты мне нравишься все больше и больше, – похлопал его по плечу Реваз. – Сразу видно настоящего мужчину. Но я тебя буду просить вот о чем: когда ты ее найдешь – она должна обязательно быть там! – постарайся выманить ее сюда. Скажи, что к ней приехали гости, родственники.

– А разве она тоже грузинка? – уже не сумев скрыть своего удивления, Мишка взглянул на Реваза и тут же понял, что выдал себя.

– Что значит «тоже грузинка»? – кавказец пристально посмотрел Мишке в глаза. – С чего ты взял, что тут есть грузины? Акцент услышал, да? А вдруг мы не грузины, а осетины? Или чеченцы? Ты не

боишься, что мы чеченцы и сейчас зарежем тебя, как паршивую собаку за твое любопытство?

Мишка сделал полшага назад, но почувствовал, как сзади ему набросили на шею тонкую стальную удавку.

– Что ты еще хочешь узнать, прежде чем отправишься на тот свет? – Мишка услышал голос стоявшего за спиной бритоголового.

– Да я просто так, – Мишка решил еще оттянуть немного времени, – когда-то вместе с грузинами в армии служил, их ни с кем не спутаешь.

– Знаешь, брат, я очень не люблю любопытных, – Реваз подошел вплотную к Мишке и снял с его шеи удавку. – С ними всегда скучно. И потом есть такая народная мудрость: меньше знаешь – крепче спишь. Прошу тебя, дорогой, не задавай больше глупых вопросов. А раз тебе так интересно, кто она, то знай, что это моя родственница. Она сбежала из дому, а мы ее повсюду ищем. Понимаешь? Папа, мама волнуются, плачут, всех расспрашивают, куда делась их любимая дочь. А дочь в монастырь сбежала. Монашкой захотела стать. Глупых книжек начиталась. Вот мы и хотим повидаться с ней, поговорить по-родственному, душевно.

– Так сами б шли туда. Я в ваши дела не хочу вникать, – Мишка чувствовал, что Реваз не все договаривает.

– Дорогой, ты не знаешь наших обычаев, а объяснять нет времени. Я как брата прошу: найди и приведи ее сюда. Сотню баксов дам. Сотню!

– Да что она, коза, что ли, силой та веревке тащить?

– Веревкой не надо. Ты, брат, все с умом сделай. Ты ведь не такой глупый, по глазам вижу. Обойди монастырь, присмотрись. А когда найдешь ее, то подойди, ласково поговори. Она ласку любит. Скажи, что близкие люди приехали, гостинцы привезли. Попроси ее выйти сюда на минутку. Мы с ней вместе возвратимся, а ты домой пойдешь. Я тебе за это не только баксы, а еще кое-что дам.

И Реваз многозначительно подмигнул Мишке.

«И я вам кое-что дам, – подумал Мишка, застегивая куртку, – вот найду стюардессу, все у нее разузнаю, и если вы мне лапшу на уши вешаете, то я вам всем кое-что дам, особенно этому гиббону с удавкой».

– Так мы ждем тебя здесь, – решив тоже немного пройтись в сторону монастыря, сказал Реваз. – Главное – постарайся привести ее сюда. Остальное тебя не касается. Мы родственники, во всем разберемся сами, без лишнего шума. А тебя, брат, не забудем и отблагодарим.

«Вот оно что, – размышлял Мишка, шагая к монастырским воротам, – стюардесса им нужна. Любой ценой. А сами боятся нос сунуть. Почему? Не хотят светиться? Ну что ж, господа киношники, давайте еще малость поиграем в кошки–мышки».

Он подошел к монастырю, пошарил в карманах, нашел там горсть мелких монет и раздал их сидевшим на мокрых камнях нищим и странникам. Из-за дверей собора доносилось торжественное церковное пение, а сам храм был залит сияющим светом. Неуклюже перекрестившись, Мишка вошел вовнутрь.

16. ПОКРОВ

Ольга проснулась в разбитом состоянии, совершенно не чувствуя, что наступил престольный праздник, к которому готовилась обитель. Всю ночь ей плелся один навязчивый сон: она поднималась в лифте на верхний этаж большого дома. Уже погасли указатели высоты, а лифт все скользил и скользил вверх. Наконец, кабина остановилась на берегу совершенно пустынного берега, где у самой воды обрывались стенки лифтовой шахты. Ольга вышла из кабины, и тут же увидела громадную океанскую волну. Она бросилась бежать в сторону берега, но ее ноги стали сразу непослушными, ватными, чужими. Она уже слышала за спиной нарастающий гул страшного вала, а ноги не пускали, все глубже увязая в липком морском песке. Потом появились солдаты в камуфляже. И снова эта громадная, величиной с целый дом, океанская волна.

Чувство разбитости и усталости, с которым она проснулась, постепенно сменилось другим – странным ожиданием какой-то встречи. Это чувство не покинуло ее даже тогда, когда Ольга перед самым началом великого повечерия столкнулась во дворе монастыря с Пашей, который привез ее с вокзала в этот пустынный лесной край.

Рядом с ним стояла его жена Лена, хрупкая, как тростинка, больше похожая на подростка, чем на замужнюю женщину, мать.

– Я думал, что ты давно рванула из этой дыры, – рассмеялся Паша, знакомя Ольгу со своей женой.

– А кому б остались ваши сапожки? – Ольга улыбнулась, посмотрев на Лену с большой плетеной корзиной в руках.

Все спешили в храм, где уже начиналось архиерейское богослужение. Владыка Исидор – восьмидесятилетний архиерей, почти высохший от строгого аскетического образа жизни и молитвенного труда, всегда приезжал в Заозерский монастырь на Покров и не переставал восторгаться здешней красой.

– В раю живете, – говорил он монахиням. – В столичных монастырях одна суета: туристы, иностранцы, корреспонденты, фотографы. А вы уже почти в раю: молитесь, трудитесь, Бога славите вместе с природой. Не ропщите на трудности и тесноты жития вашего, они есть прямой путь в Царство Небесное.

Под перезвон монастырских колоколов владыка вошел в храм, по ходу благословляя людей, выстроившихся в живой коридор от паперти собора и до ворот обители. Когда архиерей скрылся в глубине алтаря, открылись Царские врата, и протодиакон Василий, много лет сослуживший владыке, густым басом возгласил начало:

– Восстаньте!

И тут же архиерейский хор, приехавший вместе с Владыкой, торжественно запел:

«Приидите поклонимся Цареви нашему Богу…».

Ольга стояла в самом углу собора и не видела всего великолепия. Она лишь успела заметить, как над головами людей поплыла горящая свеча, а по всему собору разлилось сладкое благовоние ладана. Толпа немного расступилась, делая проход, и протодиакон, похожий на древнего библейского пророка с длинной седой бородой, горящим взглядом, величественно и неспешно совершал каждение возле святых образов. Тем, кто стоял сзади, были слышны лишь колокольчики архиерейского кадила и видны клубы слегка голубоватого дыма.

Ольга относилась к вечерним богослужениям с каким–то особым трепетом и любовью. Но сейчас она стояла в самом дальнем углу возле большого подсвечника, в глубине души сожалея о том, что ей выпало такое послушание. Толпа теснила ее все дальше и дальше. Кроме того, она ощущала на себе пристальные колючие взгляды. Ей казалось, что на нее смотрят не просто любопытные, которые вдруг увидели среди

послушниц красивое женское лицо, а смотрят с пристрастием. Не в силах побороть искушение, Ольга то и дело оборачивалась, надеясь встретиться взглядом с теми, кто следил за каждым ее движением, но не находила никого. Тогда она опускала глаза и снова жалела о том, что стоит здесь, в темном углу, а не там, где торжественно и красиво звучала похвала Покрову Божьей Матери:

«Днесь благовернии людие светло празднуем, осеняеми Твоим, Богомати, пришествием…».

Приближалось шестопсалмие. Вслед за другими послушницами Ольга стала гасить горящие свечи. Собор погружался в полумрак, и лишь мерцание зеленых огоньков лампад возле икон давали представление об окружающем пространстве. В этой темноте Ольга не увидела, а почувствовала, как кто-то неуклюже пробирался в ее сторону. Стоявшие рядом старушки недовольно зашикали, но тот, кто упрямо протискивался сквозь плотную стену народа, лишь огрызался и продолжал свое движение, наступая в темноте на ноги людей, сумки и корзинки.

– Прямо как медведь, – подумала Ольга, но тут же осекла себя. – Господи, прости меня.

Возня не прекращалась, и уже через мгновение Ольга почувствовала дыхание «медведя» на своем затылке. Она уже хотела повернуться, чтобы сделать замечание, как неожиданно услышала голос:

– Не верти головой, стюардесса, ты не в цирке.

Мишка! Мишка–спецназ! Ольга сразу узнала его немного хрипловатый, прокуренный голос, но не могла понять причину его появления возле себя. Словно угадав ее мысли, Мишка снова вполголоса сказал:

– Стой, как стоишь, стюардесса, и не подавай вида, что слышишь меня. Я весь монастырь облазил, а ты здесь, как курица во время дождя, под лестницей спряталась…

Одна из стоявших рядом старушек снова зашикала:

– Как не стыдно! В храм Божий пришел, а языком чешет. Сейчас шесть псалмов читают, в это время даже ангелы на небе молчат, а он языком ляскает. Грех!

Ольга слегка повернулась к Мишке и приложила палец к губам, давая понять, что сейчас действительно нельзя разговаривать. Но

Мишка был неумолим к просьбам. Единственное, что он сделал в угоду богомолкам, так это перешел на едва уловимый шепот:.

– Слушай внимательно и быстро соображай, потому что времени в обрез. Родичи твои соскучились крепко, меня послали за тобой…

Ольга резко повернулась и вскинула на Мишку испуганные глаза.

– Сказал же тебе: не верти головой. Мне самому многое не понятно. Приехали твои родичи, стоят недалеко отсюда. Говорят, что сильно соскучились. Одного, дебила такого, Додиком зовут. Второго – грузина – Ревазом. С ними еще один, похожий на Фантомаса, с бритой головой, и бабенка наштукатуренная. Соображаешь? Уж очень хотят повидаться с тобой, мне бабки хорошие обещали, если я тебя найду и приведу к ним. Что будем делать?

Кровь мощным фонтаном ударила в голову. От резкой боли в затылке Ольге стало плохо, и она почувствовала, что сейчас потеряет сознание и упадет возле подсвечника. Ее состояние передалось подпиравшему сзади Мишке. Он легко взял ее под локти, давая понять, что находится рядом, и снова тихо зашептал на самое ухо:

– Держись, стюардесса! Мы не таких фраеров на место ставили. Мне твои родичи сразу не понравились. Нутром чую, что лапшу вешают, не от родственных чувств они тебя в лесу дожидаются. А ты что, впрямь от родителей в монастырь сбежала?

– Мои родители погибли, когда я еще девчонкой была, – нашла в себе силы ответить Ольга.

– Вот оно что..., – Мишка на секунду замолчал. – Я и говорю: мне твои родичи сразу не понравились. Душком от них попахивает недобрым.

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешницу, – тихо взмолилась Ольга. – Матушка, Царица Небесная, Заступница, вразуми, что делать!

– Стой тут тихо и молись своим угодникам, а я пойду потолкую малость с твоими родичами, – Мишка опять слегка сжал ее локти, напоминая о своем присутствии. – Они, видать, меня уже заждались в лесу, да и время сейчас не летнее. Пойду, пообщаюсь с ними малость.

– Как же тебе не стыдно, бугай ты эдакий! – старушки снова зашикали на Мишку. – Страха Божьего совсем нет. А накурился, накурился как! За версту смердит, как из бочки поганой.

Шестопсалмие закончилось, и собор снова наполнился сиянием сотен свечей. Только сейчас Ольга заметила, что Мишка тоже держал несколько свечек. Он отдал их Ольге, незаметно подмигнул и к всеобщему возмущению снова стал пробираться сквозь толпу к выходу.

Быстро темнело. Мишка вышел за монастырские ворота, поднял воротник куртки и пошел в сторону леса. Он решил возвратиться другой тропинкой, откуда та компания не могла ждать его появления. Ловко, словно лесной зверь, вскарабкался по крутому оврагу, прислушиваясь к доносившимся звукам. Двое – Реваз и бритоголовый – стояли возле джипа и негромко разговаривали, затягиваясь дымом сигарет. «Спецназ» решил действовать.

Первым внезапное появление Мишки заметил бритоголовый.

– Тебя за чем посылали? – угрожающе сказал он, разматывая стальную удавку. –Где девчонка?

Мишка спокойно шел, оценивая ситуацию. Бритоголовый стоял впереди, грузин облокотился на капот джипа, головастик с девицей сидели в машине, наслаждаясь музыкой.

– Ты что, не понимаешь? Где девчонка?

Грузин остановил бритоголового и пошел навстречу Мишке сам, опустив руку в левый боковой карман кожаной куртки.

«Вот и молодец, – подумал Мишка, сокращая расстояние. – В боковом кармане ствол не носят – только нож или бандитский кастет. Сейчас ты мне сам покажешь эту игрушку».

– Да нет ее там, только ноги зря бил, – Мишка остановился, ожидая развязки.

– Как это нет? – Реваз вплотную подошел к «Спецназу» и пристально посмотрел ему в глаза. – Как это нет, когда я точно знаю, что она там? Уши нам шлифуешь?[31]

Мишка заметил, как рука в кармане дернулась. Он тут же перехватил удар, подставив правую руку, а левой заломил Руку Реваза за спину и что есть силы пнул ногой в сторону опешившего от неожиданности бритоголового. Реваз со всего маху перелетел через капот джипа и ударился головой в лобовое стекло. Нож, так и не успев раскрыться, отлетел далеко в сторону и потерялся в пожухлой листве.

– Ах ты..., – бритоголовый натянул удавку упругой струной и сделал прыжок в сторону Мишки. – Как только ты сел в машину, мне

все время хотелось накинуть эту петлю на твою бычью шею.

Бритоголовый вдруг остановился, выпустил один конец удавки, другой несколько раз обмотал вокруг запястья, а свободный конец с набалдашником стал быстро раскручивать, ловя момент для удара. Но Мишка сам сделал шаг вперед и резко выбросил руку навстречу свистящей удавке. Она обвилась вокруг его запястья и сдавила руку с такой силой, что легкая куртка мгновенно треснула, и стальная леска до крови впилась в кожу. Бритоголовый по инерции качнулся вперед и тут же напоролся на сокрушительный удар Мишкиного кулака. Второй удар окончательно лишил его чувств и свалил на землю. «Спецназ» размотал удавку с запястья, потом освободил руку бритоголового и кинул стальную леску рядом с ним, презрительно плюнув:

– Дома на унитаз повесишь.

Тем временем Додик со своей спутницей помогали Ревазу прийти в себя и встать на ноги. На лобовом стекле джипа виднелась вмятина, сама ж голова кавказца была разбита так, что кожа на лбу лопнула, а кровь залила все лицо.

– Брат, – Реваз оттолкнул от себя помощников, – ты сильно пожалеешь о том, что сделал.

– Не знаю, о чем я пожалею, – Мишка резко ткнул Реваза пальцем в грудь, – а вот вы, наверное, уже пожалели, что сюда сунулись.

– Брат, – Реваз выплюнул сгусток крови и поломанные передние зубы, – ведь ты даже не представляешь, на кого руку поднял. Ты даже представить себе не можешь, что мы тс тобой сделаем!

– Заметь, грузин, что первым не я, а ты руку поднял. К тому же с ножом. Какой ты мне после этого друг, товарищ и брат? Ты бандюган, и дружки твои тоже. Так что извиняйте, господа, что не оказал вам кавказского гостеприимства, – Мишка спокойно смотрел в кипящие злобой и ненавистью глаза Реваза. – Советую и вам крепко подумать, на кого вы нарвались.

– И кто ты такой? – Реваз насмешливо посмотрел на Мишку и снова сплюнул сгусток крови прямо под ноги ему.

– Третья рота спецназа. Диверсионная разведка.

– А тут что делаешь? – улыбка сошла с лица Реваза.

– Монастырь охраняю. На полставки.

– Спецназ, говоришь? – Реваз сверлил Мишку злобным взглядом. – Мне всегда казалось, что там служат люди с головой на плечах. А

теперь вижу, что ошибался. Мы же тебя как брата просили об одной маленькой услуге, бабки давали хорошие. А ты как с нами поступил? Куда мы теперь в таком виде?

– Только в райцентр, – Мишка похлопал Реваза по плечу. – Там больничка небольшая есть. Тебе швы на лоб срочно наложить надо, иначе кожа к утру до самой задницы расползется.

– Ты мне одно скажи, шутник: ее видел? Видел или нет? Что она тебе сказала? Я же знаю – мамой клянусь, могилами предков! – она тут!

– Видел – не видел, – Мишка провел рукой по сверкающей полировке джипа. – Ну, если вам так интересно, то сказала она вот что: нехорошо, говорит, обманывать людей. Грешно это. Тем более говорить про покойников, что они живы. Ведь у нее нет родителей? А зачем вы мне лапшу вешали про папу и маму?

– Да, она выросла без родителей! – Реваз в бешенстве подскочил к Мишке, схватив его за порванный рукав. – Зато есть близкие родственники, друзья, которых она кинула. Умнее всех захотела быть. Мы хотим с ней разобраться.

– И для этого прихватили ствол, нож, удавку?

– А ты не знаешь, чем крыс ловят? Стальной удавкой на пружине! Раз! – и башка долой, только хвост дергается.

– Ну, грузин, ты свою родственницу вообще ни во что ставишь. Какая же она крыса? Уж если тут кого и сравнивать с крысой, то это скорее…, – и Мишка кивнул на длинноногую. Та, перехватив его взгляд, бросила резкую фразу по-грузински и села в машину.

– Крыса! – Реваз продолжал держать Мишку за рукав куртки. – Да, настоящая крыса, потому что скрысятничала! Она взяла чужое и тем самым не просто обидела, а кровно оскорбила всех нас. Она нарушила наши законы, потеряв совесть!

– Ну да, вас, бедных, обидишь, – Мишка опять провел рукой по гладкой полировке машины.

– Что ты понимаешь в наших делах? – Реваз был готов разорвать Мишку. – Что ты знаешь о наших понятиях? У нее «общак»! Целая касса, на которую работало много людей, а она спряталась в монастырь, думает, что так получится все прибрать к своим рукам! И что никто не узнает, где она прячется. Если б ты был немного умнее, то

притащил ее сюда, как паршивую овцу, собаку. Но, видать, это твоя беда, что вместо мозгов у тебя…

Реваз не успел закончить фразу, как от мощного удара в грудь снова оказался на капоте, уткнувшись головой в лобовое стекло джипа. Длинноногая и Додик бросились на помощь. Мишка схватил головастика за ворот и притянул к себе:

– А со мною что хотели сделать? А с девчонкой?

– Это все их идея, – трепыхался головастик, – я тут человек случайный, мне совсем не хотелось ехать, лезть в их дела...

– Заткнись! – осекла его девица.

– Между прочим, господа, – Мишка отпустил Додика и помог затолкать Реваза на заднее сиденье джипа, – пора платить по векселям. Вы мне много обещали, но пока что кроме неприятностей ничего не сделали.

Головастик достал портмоне, вытащил оттуда две стодолларовые купюры и протянул их «Спецназу».

Мишке явно надоела эта компания. Он открыл багажник джипа, нашел там иностранный журнал с фотографией Ольги на обложке и аккуратно вырвал ее оттуда, решив взять с собой.

– Извиняйте, коли что не по-вашему вышло, – сказал он на прощанье. – Мы люди простые, малограмотные, зла никому не желаем, но и себя в обиду не даем. Как там в старину говорили? Кто к нам с мечом – тот от меча. Ну а кто с ножом или удавкой – тот… Короче, счастливого пути, господа артисты.

Домой Мишка не пошел. Было уже совсем темно, моросил дождь. К тому же сильно болела рука. Он решил заночевать в монастыре, надеясь встретить там односельчан. Однако знакомых в храме не было. На ночь остались лишь заезжие издалека паломники. Послушницы неслышно сновали по опустевшему собору, помогая гостям устраиваться на ночлег. Мишка осмотрелся. В самом дальнем углу, где он нашел Ольгу, стояла никем не занятая широкая дубовая лавка. Морщась от боли, он осторожно снял с себя окровавленную куртку, сложил ее вдвое, сунул под голову, а сам растянулся во весь свой богатырский рост. Прямо над собой он увидел старинную монастырскую фреску: Богоматерь держала в руке сияющий плат, а двое – не то странников, не то нищих – в умилении смотрели на Нее.

Боль пульсировала по всей руке и не утихала.

«Хорошие «артисты», – подумал Мишка, – придется не только им, но и мне к врачу идти. Все-таки надо было их тряхнуть на прощанье. Работнички с центрального телевидения…».

Он достал из кармана носовой платок и обернул им разбитое в кровь запястье. Потом повернулся на бок, вытянув больную руку вдоль бедра и начал дремать. Вдруг он почувствовал, что кто-то тихо подошел к нему и накрыл шерстяным одеялом. Мишка открыл глаза и увидел прямо перед собой Ольгу. Та смотрела на его окровавленную руку.

– Об корягу зацепился, – Мишка спрятал руку под одеяло, не желая лишних объяснений. – Пустяки. До свадьбы заживет.

Ольга тут же быстро пошла к дверям, бросив на ходу:

– Я сейчас вернусь.

Она действительно быстро возвратилась, держа в руках бинт, йод и баночку с перекисью. Не слушая Мишкины возражения, она умело обработала рану и сделала перевязку.

– Теперь точно заживет до свадьбы, – улыбнулась она и накрыла руку одеялом.

– До чьей свадьбы: твоей или моей? – Мишка тоже сделал попытку улыбнуться.

– Ну, мне это событие уже не грозит. Выходит, будем ждать приглашения на твою свадьбу.

– А почему это тебе не грозит? Девчонка ты красивая, в самом соку.

Ольга никак не отреагировала на эти слова, а снова посмотрела на окровавленную руку:

– Хороша коряга, видать. А те, что со мной хотели повидаться, тоже так поцарапались?

– Нет, с теми ребятами врачу работы больше будет, особенно твоему землячку из солнечной Грузии. Но они сами виноваты. Во-первых, забыли сказать волшебное слово «пожалуйста», когда просили разыскать тебя, а во-вторых, стали мне лапшу вешать, а я этого не люблю.

Ольга посмотрела Мишке в глаза:

– А попроси они ласково, сдал бы меня им?

«Спецназ» повернулся на спину и, помолчав немного в каком–то раздумье, ответил:

– Пустой это разговор, стюардесса. Меня жизнь научила узнавать человека без лишних слов. А их очи карие мне сразу не понравились. Да и сами они гнилые ребята, одна труха внутри. Прости, что так отзываюсь о твоих родичах.

– Да не родичи они мне вовсе, – Ольга присела на край лавки. – Так, нашему забору двоюродный плетень. После всего, что случилось, ты мне родич больше, чем все они, вместе взятые.

– Послушай, стюардесса, а правда, что…, – Мишка запнулся.

– Что именно? – настороженно спросила Ольга.

– Правда, что ты грузинка? – выкрутился Мишка.

Ольга улыбнулась:

– Это с какой стороны смотреть. Если с папиной, то нет. Он потомственный казак с Терека, внук атамана, военный летчик. А если с маминой, то правда. Она была из древнего хевсурского рода. Слыхал про такой горный край – Хевсуретию?

Теперь улыбнулся Мишка:

– Не только слыхал, но и бывал недалеко, когда мы одну банду по горам преследовали. Они скрывались как раз в тех краях. Красивые места. Век не забуду.

Мишка помолчал, снова собираясь с мыслями.

– Вот ты говоришь, с какой стороны смотреть. А с какой стороны они брешут или правду говорят, что ты от них убежала, да еще кое-что с собой прихватила? Если хочешь – не отвечай. Твои дела, твои проблемы...

– Да с какой ни смотри – правды все равно в их словах нет, – серьезно ответила Ольга. – Только грязь. Долго рассказывать.

– А куда спешить? До утра все равно далеко.

– Вот и отдыхай до утра, а у меня еще дела есть, – Ольге не хотелось ворошить прошлое в такой праздник. – Им хотелось много и сразу. Узнали, что хозяина нет, вот и решили прибрать его дела к своим рукам. Теперь меня ищут, чтобы я им все секреты открыла. А не знают, что нет больше не только хозяина, но и секретов его жизни. Да и меня тоже нет – той, кем я была в прежней жизни. Умерла я для них, понимаешь?

– Мудрено говоришь, стюардесса, – Мишке не хотелось лезть в душу Ольге. Он посмотрел на фреску, которая была над его головой, и спросил:

– А что это у вас за праздник такой – Покров? Кто кого покрывает?

И взглядом указал на фреску.

– Матерь Божия покрывает всех людей покровом Своей любви и сострадания. Это древний праздник. Был давно в Византии небольшой городок Влахерн, а в нем храм на честь Пресвятой Богородицы. И вот подошли однажды с моря турки и окружили город со всех сторон. Христиан мало, рядом дети, женщины, старики. Что делать, откуда ждать помощи? Тогда все жители – и стар, и мал – собрались в своем храме на молитву. Стали со слезами просить Пречистую Матерь, чтобы Она отвела беду. На дворе ночь непроглядная, с моря турки наседают, вот–вот начнут пускать кровь христианскую. Страшно всем… А в начале четвертого утра, когда в храме шла служба, одному из тех, кто там был – юродивому Андрею – открылось дивное видение…

– Какому такому юродивому? Такому? – уточнил Мишка, покрутив пальцем у виска. – Ну да, им многое покажется. У нас в деревне, например…

– Сам ты..., – Ольга осекла Мишку и осеклась сама, чтобы не повторить тот же жест. – То святые люди были. Между прочим, святой Андрей был очень грамотным, образованным человеком. И больше не смей никогда называть этих Божьих людей, как только что сказал. Грешно это. Так вот, он вдруг увидел, как купол храма растворился, за ним показалось небо, только не такое, как мы видим, а необычное, сказочное небо. И с него на сияющем облаке прямо к молящимся людям в храме спускалась Сама Пречистая Дева, а вокруг Нее – святые пророки, апостолы, угодники, ангелы. Раскрыла Она над людьми Свой омофор, покрыла всех, кто собрался в храме на молитву, и отвела беду от их города.

Мишка молча смотрел на фреску, думая о своем.

– О чем задумался, герой? – Ольга ласково тронула его больную руку.

– Да так, вспомнил паренька одного, салагу необстрелянного. Все с него тоже посмеивались, вроде как не в себе был. Мы–то пороху успели понюхать, а их, желторотых, жалко было. Кто слабый – быстро спивались или «дурью» начинали себе нервишки успокаивать, то есть

травку покуривать или же на иглу садиться. А этот одно себе под нос бубонит какие–то «живые мощи».

– «Живые во помощи Вышнего», – поправила Ольга, – это молитва такая, защита от всех бед и несчастий.

– То уже по вашей части, – Мишка оперся на локоть, – я тут не спец. Попал он с нами на одну операцию. Нужно было боевикам перекрыть отступление в соседний Дагестан через высокогорный перевал. Высадили нас с «вертушки» прямо на бандитское логово. Ну и полегли ребята ни за понюх табаку. Мы вызываем вертолеты подкрепления, просим забрать «двухсотых» и «трехсотых», то есть убитых и тяжело раненых, да только кому хочется под пули боевиков подставляться?

Мишка тут же стыдливо прикрыл рот, вспомнив, что находится в храме.

– Вокруг лысые горы, ни кусточка, ни деревца, где можно укрыться от снайперов. Верная смерть. Все поняли, что ждать помощи неоткуда. Разве что чудо какое спасет нас. А тот желторотый и говорит вдруг: «Матерь Божия спасет нас. Больше мы никому не нужны». Ему ведь, пацану, тоже жить хотелось…

Мишка опять замолчал, глядя на старинную фреску.

– Ну и чем все кончилось? – осторожно спросила его Ольга.

– Сама видишь: я с тобой разговариваю, а желторотого в другую роту потом перевели. Все считали нас тогда уже покойниками. Даже похоронки приготовили. Кругом ведь снайпера, минные растяжки, засады. А мы каким–то чудом живыми остались. Наверное, и впрямь есть на небе сила, что бережет нас…

– Конечно, есть, – подтвердила Мишкина слова Ольга, – только не все в это верят и не всем эта тайна открывается.

Мишка внимательно посмотрел на Ольгу:

– Стюардесса, а знаешь, о чем я сейчас подумал?

– Вообще-то меня Ольгой зовут.

– Я и говорю: знаешь, что я подумал? Выходи за меня замуж! Может, и мне откроется тайна, о которой ты говоришь?

Ольга едва сдержала себя от смеха, услышав такое неожиданное предложение.

– А что? – невозмутимо продолжал Мишка. – Девчонка ты что надо, да и я не калека. Сгуляем свадебку и заживем припеваючи, а?

Мне ведь самому надоело приключений искать. Пора за ум браться, как моя бабуля говорит.

– Правильно говорит, – улыбнулась Ольга. – За тебя любая красавица пойдет, будет с тобой за каменной стеной. Ты очень хороший и надежный парень.

– Любая красавица, – повторил Мишка. – А сама–то как?

– А так! – снова улыбнулась Ольга. – У меня, можно сказать, уже есть жених!

От удивления Мишка аж привстал, забыв про острую боль в руке:

– Кто ж такой, если не секрет? Из наших, местных, или столичных?

– Из небесных, – уклончиво ответила Ольга.

– Не понял юмора.

– Ну, монахинь еще называют Христовыми невестами, потому что они обручаются обетами с Христом. А я тоже готовлюсь стать монахиней.

Ольга поправила на «Спецназе» одеяло, собираясь уходить. Ей не хотелось огорчать Мишку своим категоричным отказом.

– А хочешь быть моим нареченным братом? – тихо спросила она, снова ласково тронув его перебинтованную руку.

Мишка удивленно посмотрел на Ольгу.

– Мне всегда хотелось иметь брата, похожего на тебя: сильного, смелого, готового постоять за честь своей сестры. Вот и будь мне братом, ведь ты спас меня от беды. А такой поступок на востоке очень высоко ценится.

– Зрасьте, я ваша тетя, – хохотнул Мишка. – А знаешь ли ты, дорогая сестренка, какая у меня тяжелая рука? Начнешь капризничать – не посмотрю, что монашка.

Ольга сама перекрестила Мишку, пожелав ему ангела–хранителя, и тихо пошла к выходу.

– Стюардесса! – шепотом окликнул ее Мишка. – Ты все же подумай насчет того, чтобы выйти за меня замуж. Я не шучу!

Ольга обернулась, приложила палец к губам и торопливо вышла из храма.

17. МЕТЕЛЬ

Сразу после рождественских дней ударили сильные морозы – настоящие крещенские, трескучие. В ясные безветренные ночи столбик термометра приближался к минусовой сорокоградусной отметке. Река, окольцевавшая монастырь, скрылась под толстым ледяным панцирем, а лес, и без того укрытый искристым снеговым покровом, украсился еще и серебристым инеем. Лесное зверье попряталось в свои норы, а птицы целыми стаями слетались к монастырю в поисках пропитания. От всех келий к небу поднимались тонкие струйки дыма, похожие на причудливые свечи, слегка растворившиеся в морозном прозрачном воздухе.

Начиная с Рождества Христова, монастырские ворота были открыты для посещения всеми, кто шел и ехал сюда на праздник. Службы совершались ежедневно, собирая большое количество народа. Освящение ж воды на праздник Богоявления готовились совершать прямо на реке.

Ольга сидела у себя за столом и пыталась повторить сложный узел, которым вязались монашеские четки. Она пропускала толстую шерстяную нитку через пальцы и так, и эдак, но ничего не получалось.

Когда в дверь негромко постучали, Ольга по привычке выглянула в окошко, но ничего не увидела, так как оно было сплошь затянуто морозным узором. Когда стук повторился снова без уставного: «Молитвами святых отец наших…», Ольга решила, что дверь перепутал кто–то из мирских посетителей. Она подошла и открыла ее, впуская в келью облако густого морозного пара. Вместе с ним в комнатку вошла незнакомка. На ней была дорогая песцовая шуба и такая же шапка, надвинутая почти на самые брови. От незнакомки шел тонкий аромат дорогих французских духов и косметики. Она сама прикрыла за собой дверь, прошла на середину кельи и остановилась, рассматривая все по сторонам. Потом тихо произнесла:

– А тут ничего не изменилось…

Ольга даже не успела спросить гостью, кто она, как та повернулась к ней и сняла меховую шапку. То была Марина.

Ольга радостно обняла ее:

– Мариночка! Да тебя не узнать!

– Значит, еще богаче буду, – та тоже обняла Ольгу и расцеловала ее. – Боже, как я за тобой соскучилась! Ты мне каждую ночь снилась!

Марина села на кровать и снова осмотрелась по сторонам.

– Да, тут все по-прежнему, без перемен, – повторила она. – Те же стены, та же кровать. Даже запах не изменился.

Потом грустно посмотрела на Ольгу:

– И ты все та же. Я думала, что ты устроила свою жизнь как-то иначе.

– Расскажи лучше о себе – Ольга не стала ничего объяснять. – Ты-то сама как? Нашла, наконец, свое счастье?

– Как тебе сказать, Олечка? Счастье и красивая жизнь – разные вещи. Можно, оказывается, быть богатой, жить в полном достатке и в то же время не чувствовать себя по-настоящему счастливой.

– И даже Вадик не смог тебя осчастливить?

Марина тихо засмеялась:

– Вадик – это вчерашний день.

Зачем вы, девушки, красивых любите?

Непостоянная у них любовь…

Вадик оказался обычным бабником. А с таким настоящего счастья не построишь. Покутили, покрутили любовь, да и разошлись, как его сторожевые корабли в море. Даже вспоминать не хочу. Что было – то давно быльем поросло. Теперь живу в столице, имею свое маленькое дельце, на хлеб с икорочкой хватает, так что грех скулить на судьбу.

Марина вытащила из сумочки небольшой фотоальбом:

– Вот полюбуйся на мою теперешнюю жизнь.

Ольга раскрыла альбом и начала перелистывать. На ярких цветных фотографиях везде была Марина: на фоне Эйфелевой башни в Париже, в экзотических ресторанах и клубах, возле знаменитых курантов на Пражской ратуше.

– Знакомые места, – Ольга продолжала листать альбом.

Марина задумчиво и даже с грустью смотрела на Ольгу.

– А ведь госпожу Гаевскую еще многие помнят. Скажи им, что ты себя тут живьем похоронила, никто не поверит. Да и я до сих пор не верю, что такое возможно: отказаться от всего и уйти в лес к старухам.

– Я к Богу ушла, – Ольга закрыла альбом и возвратила его Марине. – Он здесь близко.

Наступила пауза. Ольга смотрела на расписанное морозным узором окошко. О чем-то своем думала Марина.

– Может, ты и права, – Марина поднялась со стула и прошлась по келье. – Мне и самой иногда кажется, что я иду не туда и делаю не то.

Ну, разбогатела. Дача, иномарка, кавалеры… А счастья как не было, так и нет. Вы живете и смысл своей жизни видите, а у меня его нет. Такое бывает отчаянье, что все б отдала за то, чтобы снова очутиться здесь: дышать этим воздухом, молиться, верить во что-то светлое и чистое. А потом посмотришь на все, что имеешь теперь, и жалко бросать, ведь красиво жить тоже хочется.

Ольга подошла к Марине и обняла ее за плечи:

– Это и есть суета сует и томление духа. Давай лучше я тебя нашим чаем угощу. Помнишь, как мы в лесу травы собирали и сушили на зиму? Я до сих пор из них чай завариваю.

Марина повернулась и печально посмотрела Ольге в глаза:

– Нет, подруженька, мне пора. Проводишь за ворота? У меня для тебя есть маленький сюрприз.

Ольга вспомнила предостережение игуменьи не покидать обитель без ее благословения и уклончиво отказалась.

– Ты что, в затвор ушла, подруга? Тут монастырь или зона? Пойдем, я тебя с собой не увезу.

Ольга накинула на плечи теплое длинное пальто, подаренное ей монахинями, закуталась в шерстяной платок, обула валенки и вместе с Мариной вышла во двор.

– Видели б сейчас госпожу Гаевскую ее прежние поклонники и обожатели, они б, наверное, в обморок попадали, – улыбнулась Марина, оглядев Ольгу в таком одеянии.

– Может, заглянешь, к матушке? – спросила Ольга. – Она сильно переживала, когда ты исчезла.

– Ни к чему все это. Что я ей скажу? Или она мне? – Марина вздохнула, положив голову на плечо Ольге. – Я ведь к тебе приехала.

Они прошли через монастырские ворота.

– Только гостью провожу, – сказала Ольга стоявшей у ворот монахине.

– Поторопись, Олечка, а то метель будет, – та показала рукой в сторону черной тучи, надвигавшейся на лес с западной стороны и быстро закрывавшей безоблачное морозное небо. Поднимался порывистый ветер.

За монастырем никого не было: ни людей, ни машин. Все давно разошлись и разъехались по домам.

– Где ж твоя крутая иномарка? – Ольга удивленно осмотрелась вокруг.

– Тут, рядом, – Марина шла, держа ее под руку.

Они уже вышли на лесную дорогу, когда вдали Ольга увидела сверкающий серебристый джип.

– Твоя красавица?

– Моя в гараже.

– А эта чья?

Марина ничего не ответила, продолжая держать Ольгу под руку. Они уже подошли к джипу, когда дверца водителя открылась и оттуда показалось давно знакомое ей кавказское лицо Реваза.

– Это и есть твой обещанный сюрприз? – Ольга резко отдернула руку Марины.

– Олечка, тебе нужно объясниться с этими людьми. Они стали не только твоими, но и моими друзьями. Мир тесен, не правда ли? Они к тебе не со злом приехали.

– Какое зло? Какое может быть зло? – Реваз вышел из машины, захлопнул дверцу и подошел к Ольге. – Здравствуй, дорогая сестра.

Он трижды поцеловал ее. Потом с удивлением посмотрел, во что она была одета.

– Сестра, что они с тобой сделали? – эмоционально воскликнул Реваз. – Тебя, первую красавицу, нашу гордость, во что превратили? Мамой клянусь, я этого так не оставлю!

Ольга заметила на лбу Реваза шрам и легонько провела по нему указательным пальцем:

– А кто это так обидел нашего Реву–супермена? Кто его так приголубил? Бандитская пуля зацепила? Или в лесу об сучок поцарапался?

– Шутишь? – Реваз отклонил ее руку. – Молодец. Значит, долго жить будешь. Долго и счастливо. Когда человек шутит, значит, у него много здоровой энергии.

– Зачем приехал? – Ольга решила изменить этот фамильярный тон.

– Сестра, не надо так строго. Мы давно не виделись. Что только не думали? Бедный наш брат Артур, если бы он только знал, что они с тобой тут сделали, в кого превратили. Нет, клянусь памятью дорогого Артура, я им этого так не оставлю, я…

– Зачем приехал? – спокойно, но настойчиво повторила Ольга.

– Повидаться с тобой, – Реваз коснулся Ольгиной руки. – Мы ведь не чужие люди, правда? Когда-то были одной командой: ты, я, Артур, Лола, Нодар, Карен... Кто тебя обидел? Почему ты решила оставить нас?

– Я оставила прежнюю жизнь. А вы – часть этой жизни.

– Чем же тебе было плохо в старой? В чем ты нуждалась? И чем та жизнь была хуже той, в которой ты живешь теперь? – Реваз снова окинул взглядом Ольгу с головы до ног. – Объясни мне, сестра! Может, я тоже брошу все и уйду жить в лес или вернусь в горы и буду, как наши предки, там пасти баранов?

– Каждому свое. Мне идти надо. Да и холодно стоять здесь.

– Так давай сядем в машину, там тепло, музыка, коньяк, кофе.

– Я сказала, мне надо идти, – Ольга сделала движение назад в сторону монастыря.

– Пойдешь, – остановил ее Реваз. – Только отдай нам то, что принадлежит не только тебе. Скажи свою долю, а остальное верни. Нехорошо, сестра, с нами в такие игры играть. Или ты забыла, что значит жить по понятиям?

– Это у тебя память коротка. Артур все передал тому, кому счел нужным – мне. А вы все были возле него только шакалами.

– Напрасно ты такими словами бросаешься, – Реваз немного оробел.

– А других слов вы не заслуживаете, – Ольга снова намерилась идти в монастырь, но Реваз держал ее за руку.

– Сестра, ведь мы чужого не просим. Отдай нам наше. Мы этот монастырь за год превратим в настоящий дворец, дорогу асфальтную проведем через лес, гостиницу построим. Хочешь, тебя здесь главной начальницей над всеми монашками сделаем? У нас везде связи есть, деньги всем нужны.

Ольга спокойно смотрела в глаза Ревазу.

– Мы решили продолжить дело нашего дорогого Артура. Если бы ты видела, какой мы ему поставили памятник! Ленин позавидует! Черный мрамор из Италии привезли, оттуда же мастеров вызвали. Мы уже многое сделали, в большие долги влезли, надеялись, что ты нас поймешь.

Ольга решительно освободила руку и пошла к монастырю.

– Мне этот базар уже надоел, – вдруг услышала она чужой голос и обернулась. К ней шел незнакомец с типичным лицом азиата.

Неожиданно между ними встала Марина:

– Рашид, ты ведь обещал, что все будет мирно и тихо.

– Так все и будет: тихо и мирно, – осклабился он и злобно добавил:

– Пошла в машину и оттуда не высовывайся!

– Успокойся, Рашид, мы сами во всем разберемся, – Реваз тоже подошел ближе и тронул азиата за плечо. Тот встрепенулся и схватил Реваза за грудки:

– Меня не успокаивай, а лучше думай, чем долги возвращать будешь. Или ждешь, когда я тебя со своими моджахедами познакомлю?

Он злобно сверкнул глазами, с силой толкнул Реваза к машине и снова повернулся к Ольге:

– Говоришь, новую жизнь решила начать? Говоришь, святой стать решила, праведницей? Сейчас мы проверим, на что ты годна…

Подойдя вплотную, азиат резким движением сорвал с Ольги шерстяной платок, распахнул пальто и разорвал на груди кофту.

– А ну с ними с себя это! – и он показал пальцем на висевший там маленький серебряный крестик.

Ольга запахнула пальто и попятилась назад, творя про себя молитву.

Азиат тут же подскочил к ней и снова обнажил ее грудь.

– Сними с себя это и выброси. Третий раз повторять не буду.

В его словах и взгляде Ольга чувствовала неподдельную угрозу.

– Рашид, не забывай: это наша сестра! – Реваз опять сделал попытку вмешаться.

– Мразь она, а не сестра. И вы такие же мрази. Не возвратишь долги в срок – всех порежем. Ты нас знаешь.

– Так что, – он продолжал наступать на Ольгу, сверля ее колючим раскосым взглядом, – снимешь сама или тебе все же помочь? Выброси его – и можешь мотать в свой дом престарелых. Я тебя отпущу, даю слово мужчины.

– Сделай, о чем тебя просят! – крикнула уже из джипа Марина.

Ольга неожиданно рассмеялась, вспомнив, как те же слова Марина кричала ей, когда они были вчетвером на берегу реки.

– А ты и впрямь веселая монашка, – азиат дышал ей прямо в лицо.

Он резко дернул за шнурок, на котором держался крестик, порвал его и бросил в сторону.

– Я сейчас своими руками прибью тебя точно так же, как прибили твоего Бога. Клянусь, я сделаю это, как уже делал не раз!

Азиат уже не просто сверлил Ольгу своим колючим взглядом, а был действительно готов разорвать, растоптать ее на месте.

Ольга посмотрела в сторону Реваза, который стоял возле джипа, подняв воротник своей меховой куртки и потупив взгляд.

– Эй, лицо кавказской национальности, – окликнула она его, – заступился б за родственницу!

– Он теперь пусть за себя заступается, а с тобой отдельный базар будет, – азиат не говорил, а злобно шипел, сверкая глазами. – Где же твой Бог? В снегу? Под ногами? Почему Он тебя не защищает? Ну, давай, молись Ему, праведница, а я посмотрю на тебя и на твоего Бога!

Ольга молча нагнулась, подобрала блестящий крестик, зажала его в ладони и, не оборачиваясь, пошла к монастырю. Азиат вытащил из-под дубленки пистолет и прикрутил к стволу глушитель.

– Ты что?! – схватил его за руку Реваз. – Лишних разборок захотел? Лишней крови?

– Я одного хочу: чтобы ты заткнулся, – он оттолкнул руку и снял пистолет с предохранителя.

– Рашид, – взмолился Реваз, – как брата прошу: не делай этого! Зачем лишняя кровь? Она наша сестра, пусть идет. Весь базар я беру на себя! Зачем тебе ее кровь?

Азиат с усмешкой посмотрел на Реваза и вдруг резко приставил пистолет чуть выше его переносицы.

– Ты так и не понял, шакал?

– Что я должен понять? – Реваз стал бледнее снега. – Я же сказал, что весь базар беру на себя и бабки верну в срок.

– Дело не в бабках, – азиат с презрением смотрел в глаза Реваза. – Дело в другом: великая война только начинается. И кто не поймет, кому надо поклониться, будет уничтожен. Теперь ты все понял, шакал?

– Понял, – хриплым голосом выдавил из себя Реваз.

– Молодец. А она этого так и не поняла, – с акцентом сказал азиат и прицелился в затылок уходящей Ольге.

Но этого разговора между Ревазом и азиатом Ольга уже не слышала. Ветер, усиливающийся с каждой минутой, переходящий в

снежную бурю, сбивал с ног, свистел в ушах. Не было слышно и выстрела, похожего на сухой щелчок. Ольга качнулась вперед, ощутив сильнейший удар в спину, прямо между лопаток. В последнее мгновение она подумала о том, чтобы случайно не выронить в снег зажатый в ладони крестик.

И тут же чьи-то руки подхватили ее, удержав от падения. Ольга удивленно посмотрела и увидела возле себя двух совершенно необыкновенных, лучезарных молодых инокинь, одетых в белоснежные облачения.

– Танечка!.. – не то прошептала вслух, не то произнесла мысленно изумленная Ольга, сразу узнав в одной из них свою подругу, с которой их свела судьба в местах заключения. – Так ведь ты умерла... И как ты нашла меня?

– Я не умерла, – улыбаясь, снова мысленно ответила ей Татьяна. – У Бога нет мертвых. У Него все живы. А с тобой я всегда была рядом. Только не могла об этом сказать.

Ольга перевела взгляд на ту, что стояла справа от нее – и тут же узнала в ней Аннушку. Та смотрела на Ольгу, тоже приветливо улыбаясь ей.

«Но почему, – вдруг подумала Ольга, – они так легко одеты? Неужели им не холодно на таком ветру и морозе?».

– А разве тебе холодно? – прочитав ее мысли, спросила Аннушка.

Ольга и впрямь увидела, что сама была в воздушном белоснежном облачении – не таком сияющем, как у Аннушки, но тоже белом, чистом, девственном.

«Как это все?..», – Ольга от изумления не могла произнести ни слова.

Она посмотрела на монастырь, и он ей тоже открылся в необычном сиянии. От келий, где жили и молились монахини, собора, от покоя настоятельницы, кладбищенских крестов и вовсе заброшенных могил на старом монастырском погосте к небу поднимались потоки неземного света: искристого, переливающегося разными цветами…

Потом Ольга обернулась туда, где только что разговаривала с Ревазом и незнакомым азиатом, и увидела, как те стремительно бросились к стоящему неподалеку джипу, оставив в снегу чье-то

женское тело, поверх которого был наброшен залитый кровью шерстяной платок. На заднем сиденье билась в истерике Марина.

– Быстрее, быстрее, – поторапливал азиат, усаживаясь за руль машины. – Едем напрямик, через реку. Пока нас кинутся искать, метель все следы заметет.

Через минуту джип несся через заснеженные тропинки прямо к реке. Ольге хотелось закричать, что именно в той стороне, куда они мчались, лед был хрупок, и они все неминуемо провалятся и погибнут.

– Им уже не поможешь, – сказала Аннушка, отворачивая Ольгу от этой страшной картины. – Свой выбор они сделали сами…

От главных монастырских ворот прямо к небу поднималась сияющая дорожка, больше похожая на ту, что бывает на реке, когда в ней отражается полная луна. Ольга робко ступила на этот зыбкий сияющий свет, не в силах понять, откуда он взялся и почему она раньше не видела этой волшебной красоты, но Аннушка остановила ее.

– Рано еще, – тихо сказала она и взглядом указала Ольге в сторону монастыря. – Тебя там ждут.

Обе неземных инокини – Аннушка и Татьяна – сами ступили на сияющую дорожку и начали удаляться, растворяясь в нежно–голубом сиянии.

– А как же я?.. – растерянно прошептала Ольга.

– Рано еще, – повторила Аннушка, поклонившись ей на прощанье…

ЭПИЛОГ

Джип удалось обнаружить и достать со дна лишь весной, когда с реки сошел весь лед и вода немного успокоилась после паводка. Все находившиеся там трупы были сразу опознаны прибывшей на место следственной бригадой.

Ольга же возвратилась в монастырь через несколько месяцев. Все, что с ней произошло тогда в зимнем лесу и после, можно считать настоящим чудом. Ее, истекшую кровью и замерзшую в снегу, случайно заметили люди, возвращавшиеся в город из монастыря на своей машине. Никто из врачей не давал никаких гарантий, что жизнь удастся спасти, поэтому в морге центральной городской больницы для

Ольги уже стоял приготовленный гроб. Вся обитель молилась за спасение своей послушницы, веря в чудо и надеясь на милость Божию.

А вскоре после возвращения в монастырь и выздоровления Ольга приняла постриг с именем Анны…

На этом повествование можно было бы закончить, если б не произошло другое событие, пусть не такое знаменательное, как чудесное спасение Ольги и ее посвящение в монашество: из деревни внезапно пропал Мишка–спецназ. Поговаривали, что он завербовался наемником во французский легион и снова очутился в «горячей точке». Такое вполне могло быть. Однако достоверно этот слушок никто из родных и друзей Мишки не мог ни подтвердить, ни опровергнуть.

Но вот что интересно: далеко от той деревни, в глухом лесном скиту, примерно в то же время появился новый послушник. Вел он чрезвычайно уединенный образ жизни, был крайне немногословен. Его смирение, незлобие и кротость удивляли даже опытных монахов. Кем он был раньше, откуда приехал, что привело его к такому покаянию – обо всем этом знал лишь его духовник, старец преклонных лет схимник Иоанн.

Звали ж послушника Михаил. Все, с чем он приехал в скит, помещалось в одну сумку, перекроенную из старого солдатского рюкзака. Если б кто и заглянул в нее, чтобы узнать, что там хранилось, все равно б ничего не понял. Две застиранные, выгоревшие полосатые майки, бывшие когда-то тельняшками, какие носят воины–десантники; моток необычайно прочных канатов, напоминающих парашютные стропы, летняя камуфляжная куртка. Имело ли все это хотя бы косвенное отношение к прежней жизни нового послушника, никто не знал.

В отдельном пакетике лежали несколько фотографий, но и они мало что могли рассказать человеку, который бы заинтересовался личностью молодого аскета. С тех фотографий смотрели и улыбались какие–то солдаты, офицеры, рядом стояли готовые к походу боевые машины пехоты, бронетранспортеры, а еще дальше виднелись очертания заснеженных горных вершин. Что это были за люди? Кем они доводились послушнику и доводились ли ему вообще кем-нибудь? Где фотографировались?..

Обо всем этом мог бы рассказать сам Михаил, но он предпочитал молчание и молитву.

Правда, в том же пакетике была еще одна фотография… Даже не фотография, а глянцевая обложка, вырванная из заграничного журнала. С лицевой ее стороны смотрела молодая темноволосая девушка с обаятельной улыбкой и выразительными синими глазами, а на другой были фотографии Франческо Тотти, Андрея Шевченко, Дэвида Бекхема и других звезд мирового футбола. Наверное, послушник сам был спортсменом.

Но главное: был ли загадочный отшельник и таинственно исчезнувший Мишка–спецназ одним и тем же лицом? Если даже и так, все равно в это никто б не поверил. В такие чудеса наш народ верит слабо…

Часть вторая

1. СКИТ

Дверь чуть слышно скрипнула – и в черном проеме появились две светящиеся зеленоватые точки.

– Захады, дарагой, гостэм будэшь, – с нарочито выраженным кавказским акцентом сказал Мишка, повернувшись к двери.

Точки тут же двинулись с места и через мгновение обрели кошачий контур, с громким мурлыканьем протиснувшись через узкую дверную щель. Подойдя к старому деревянному топчану, контур, едва различимый во тьме, остановился и снова уставился двумя немигающими точками на лежащего Мишку.

– Где ж ты так долго шлялся, бродяга? Мы думали, что тебе надоела здешняя жизнь, решил удрать отсюда, – нагнувшись, он погладил мурлыкавшего гостя и слегка потрепал за ушки.

– А мокрый, мокрый какой! Дождь опять зарядил. Где ж тебя носило целую неделю?

Рыжий кот по кличке Мурчик был старым обитателем здешнего скита: он пришел сюда с первыми новыми поселенцами и с той поры никуда надолго не отлучался. Питался он тем, что перепадало с не слишком сытого монастырского стола, дополняя постный рацион ловлей добравшихся до этих безлюдных мест мышей. Его природа была устроена так, что он совершенно не тяготился отсутствием

хвостатых подруг и не испытывал приливов вполне естественного беспокойства. Этим мирным поведением и равнодушным отношением к тому, что влекло его сородичей к продолжению кошачьего рода, Мурчик вполне вписывался в дух здешней отшельнической жизни.

Да и бежать-то ему, бедолаге, даже взыграй зов природы, было некуда. До ближайшей деревни с жутковатым названием Волкобойня – без малого полсотни верст, но и там практически никого и ничего не осталось. Жили–доживали свой век несколько одиноких стариков да старух, давно позабытых всем белым светом. Ни электричества, ни школы, ни церкви, ни магазина, ни хотя бы какого-нибудь коллективного хозяйства там давно не было. Даже сельсовет располагался в соседней деревне, до которой было ходу по сплошному бездорожью через дремучий лес добрых три – четыре часа.

Про какие-то удобства скитской жизни и говорить было нечего. В далеком прошлом это, правда, была обитель, крепко стоявшая как духовно, так и материально. Основали ее старообрядцы, бежавшие в незапамятные времена от царского гнева. Здесь, в совершенно диких и недоступных местах, они пускали корни новой жизни, не желая никакого общения с «щепотниками» – русским людом, принявшем церковную реформу Патриарха Никона и ставшем осенять себя крестом не двумя, как это наперекор всем казням и гонениям продолжали делать старообрядцы, а тремя перстами.

Бросая в городах веками нажитое добро, старообрядцы забирали с собой лишь толстые старопечатные и рукописные книги, старинные образа – и с упованием на милость Божию пробирались в глухомань, где возжигали новые лампады и свечи, зорко охраняя древний устав и традиции.

Тогда-то и выросли в здешних местах скиты, удаленные даже от своих единоверцев. Перед черными досками икон, овеянных славой многих чудес и преданий, день и ночь совершалась молитва. Псалтырь и другие церковные книги были закапаны свечами и слезами тех, кто считал выбранную ими жизнь подвигом веры и благочестия.

Но куда не смог добраться царь, туда добрались большевики – и рукою их безбожной власти были погашены последние лампады, теплившиеся возле святых образов. Сами ж скиты разорили либо довели до такого состояния, что с уходом оттуда последних обитателей об этих местах вовсе забыли, словно и не было никогда. Отныне про

них лишь изредка вспоминали охотники, промышлявшие на пушного зверя, да лесорубы, валившие огромные стволы на далеких заимках. Заброшенные, заросшие молодым лесом, наполовину разрушенные и истлевшие от времени скиты служили им убежищем от непогоды и временным ночлегом. Иногда на остатки и обломки этой старины натыкались геологи.

Так бы и вовсе забыли про здешние скиты, если б однажды не нашлась чудотворная икона, надежно спрятанная от большевистских варваров. Старинный образ Казанской Божьей Матери – наиболее почитаемый у старообрядцев – списанный, если верить преданию, едва ли не с оригинала, чудесно найденного по личному повелению Самой Богородицы девочкой Матроной на пепелище в Казани, но бесследно исчезнувшего в преддверии грозных революционных событий, был главной святыней здешнего скита, возведенного в Ее честь и потому тоже называвшегося Казанским. Сравнительно небольших размеров, этот образ в прежние времена помещался в огромном киоте из дорогого кипариса, привезенного со Святой Земли, украшенного афонскими мастерами тонкой резьбой и позолотой. С годами возле этого образа появилось столь великое множество драгоценностей – начиная от золотых и серебряных нательных крестиков до украшений с дорогими камнями, оставленными людьми разных сословий в благодарность за явленные милости от Божьей Матери, исцеления и помощь, – что часть из них приходилось передавать в распоряжение обители. Однако люди шли и шли со всех концов, наслышанные о благодеяниях и чудесах, источаемых Казанской Заступницей.

С тех пор, как икону спрятали, о ее существовании знало лишь несколько человек, поклявшихся хранить тайну до гробовой доски. Но один за другим они оставляли этот мир, переселяясь в загробный. И вот осталась последняя хранительница этой тайны – старица в миру Агафья, которой и передавать-то святой образ уже было просто некому. Вера и благочестие вконец оскудели. И тогда, чувствуя неотвратимое приближение смерти, она решила открыться здешнему православному архиерею Владыке Серафиму, засвидетельствовавшему свою верность Христу многими лишениями от безбожных властей. Когда Владыка принял из рук умиравшей старицы великую святыню, он мудро

усмотрел в этом особый знак Богоматери к возрождению разоренной обители.

А вскоре в лесную глушь, куда без охотничьего оружия ступать было небезопасно из-за бродившего там дикого зверья, пришли первые поселенцы: пять стареньких монахов. Дикостью, неустроенностью и опасностями здешней жизни их уже нельзя было испугать. Как и архиерей, они за долгую жизнь натерпелись от своих гонителей столько горя, унижений и лишений, что перспектива окончить свои годы в тихом уединении, молитве и близком духовном общении, ожидавшие их в скиту, воспринималась ими как самая лучшая награда за все пережитые страдания. Получив благословение на подвиг отшельничества, старцы Вассиан, Авраамий, Сергий, Иоанн и Феогност, пряча у самого сердца чудом сохраненную святыню – образ Казанской Богоматери, смиренно направились к месту своего будущего пустынножительства. В отдельных узелках, перекинутых через плечи, старцы несли священнические ризы и все необходимое для совершения Божественной литургии.

Двое из них – Вассиан и Авраамий – были архимандритами, выгнанными вместе с монахами из своих обителей богоборцами. Остальные трое сохранили священнический сан иеромонахов, а самый старший из них – отец Иоанн – был к тому же схимником, доживая свой век в инвалидной коляске и непрестанной молитве, ибо физически он уже не мог трудиться.

Несколько дней они пробирались через дремучие заросли, буреломы, натыкаясь на непроходимые топи, чадящие удушливым болотным газом, сверяя путь у местных жителей – потомков старообрядцев, кое-где оставшихся по здешним хуторам и вконец заброшенным деревням. Они едва ли не ощупью находили дорогу, по которой в прежние времена целыми потоками шли и ехали паломники, жаждавшие поклониться славной чудотворной иконе, припасть к ней с мольбой и слезами, попить водички из местного родника, тоже обладавшего чудесной силой исцелять многие болезни души и тела.

Когда вконец обессилившие старцы пришли на место, их взору предстала картина страшного запустения. Деревянная церковь, стоявшая на прочном каменном основании, была совершенно разорена. На месте икон, украшавших когда-то резной иконостас, зияли черные проемы, затянутые паутиной и грязью. Уютно здесь

чувствовали себя лишь лесные птицы, свившие прямо над алтарем и на балках, скреплявших купольную часть, несметное количество гнезд.

Скромный домик, некогда разбитый на кельи прежних обитателей скита, тоже имел удручающий вид, хотя здесь были заметны следы геологов, охотников, лесозаготовителей и просто бродяг. Всюду валялись грязные истлевшие окурки, сгоревшие спички, ржавые консервные банки, пустые бутылки из-под водки, обрывки старых газет и лохмотья, разбросанные на самодельных деревянных топчанах. Такая же картина предстала и в другом домике, бывшем, судя по всему, приютом для паломников и гостей.

Проведя многие годы в таежных лагерях, старцы знали, что где-то тут должны были находиться предметы, необходимые каждому, кого может занести сюда – таков непреложный закон здешней жизни. И действительно, вскоре они наткнулись на ящик, в котором лежали два топора, пилы, свечи, алюминиевый котелок и такая же посуда, запас спичек, завернутый в кусок целлофана, чтобы не промокли, огарки парафиновых свечек. А в небольшой жестяной коробке их ожидало настоящее лакомство: несколько кусков рафинированного сахара, пачка чая и кулек с гречневой крупой.

– Отец Вассиан, тебе здешние места ничего не нагадывают? – развязывая свой узелок, отец Феогност то и дело осматривался по сторонам, и по его слегка удивленным глазам можно было догадаться, что эта обстановка ему в самом деле была хорошо знакома.

– А вот возьмем мы с тобой, отче, по топорику, поплюем на ладошки, крякнем по-молодецки, да и вспомним, как лес валили на «Черных камнях», там такой же был, – ответил тот, слегка улыбнувшись в густую седую бороду. – Эх, кабы сюда помощников помоложе да посильнее! Работенки тут, поди, не только нам хватит.

Но, к удивлению отшельников, уже через несколько дней к ним пришел первый такой помощник. Звали его Варфоломей, а кем он был и откуда пришел – этого не знал он и сам. Таких странников на Руси в старину называли святыми, Божьими людьми, юродивыми Христа ради.

– Здравствуй, Мамочка, – со слезами обратился он к образу Богоматери, возвращенному в скит. – Заждались мы Тебя, Родимая, осиротели совсем. А в лесу-то холодно, страшно…

Молясь перед святым образом, он всякий раз сжимался, сворачивался в комочек, плача и о чем-то жалуясь и жалуясь своей Заступнице.

Глядя на то, как Варфоломей крестился – двумя перстами, можно было догадаться, что он был потомок старообрядцев. Об этом же свидетельствовал большой медный складень[32] старинного литья и подобный ему литой медный крест с Распятием. Все вместе, и без того невероятно тяжелое и громоздкое, Варфоломей носил на толстой кованой цепи, надетой на шею, отчего был похож на подвижника древности с железными веригами.

Носил он одну–единственную холщовую рубаху, всегда застегнутую на все пуговицы до самого подбородка. Остальная ж одежда, в которой он пришел в скит, более всего походила на настоящие лохмотья, бывшие когда-то чьим-то пиджаком, брюками и курткой. Их Варфоломей почти никогда не снимал, работая, ложась спать и просыпаясь в одном и том же виде. Еще более странный вид ему придавали длинная густая борода и всколоченные волосы, которых, казалось, мыло, ножницы и расческа не касались никогда.

На окружающий мир этот чудаковатый странник смотрел детскими голубыми глазами из-под густых бровей, сдвинутых на самую переносицу. Говорил Варфоломей мало, да и то, начиная говорить вроде вполне осмысленно, вдруг переходил на понятную лишь ему одному «тарабарщину», сопровождая ее странными жестами, гримасами и смехом. Когда же он брался за работу – а ею он был занят постоянно, – то и вовсе ни с кем не разговаривал, а все время улыбался, что-то бормоча под нос.

Несмотря на уже далеко не молодой возраст – выглядел он лет на пятьдесят с лишним, Варфоломей отличался физической выносливостью и недюжинной силой в руках. По характеру ж был сущий ребенок: совершенно незлобный, бесхитростный и даже беззащитный, по-детски радующийся утреннему солнцу, щебетанию птиц, детенышам диких зверей. Последних он любил особенно, то и дело таская из лесу маленьких волчат, лисят, барсуков. Однажды он принес в скит даже маленького бурого медвежонка, но умудренные жизнью монахи уговорили Варфоломея немедленно отнести детеныша назад, дабы не накликать ярости его взрослых сородичей. Варфоломей постоянно носился со своими лесными воспитанниками, о чем-то

разговаривал с ними и терпеливо кормил с ложечки, а, ложась спать, укладывал рядом с собой.

Но, едва встав на ноги и окрепнув, звереныши по зову природы навсегда убегали в лес, уступая место другим. Единственный, кто получил в ските постоянную «прописку» вместе с отшельниками, был рыжий кот, которого за пазухой принес тот же Варфоломей еще маленьким котенком.

Правда, время от времени сюда прибегал совсем молодой волк со странной кличкой Борзик, больше похожий на драного бездомного пса. Всякий раз, увидев Варфоломея в его грязных лохмотьях, он со всех ног бросался к нему, узнав своего хозяина. При этом волк скулил, визжал, лизал ему руки. Но, погостив день–другой, снова убегал в лес.

– Смотри, Варфоломей, – говорили ему старцы, – когда-нибудь твой дружок всю стаю приведет за собой. Не боишься, что и косточек от нас не останется? По всему лесу растащат.

В ответ Варфоломей лишь улыбался и, глядя своим небесным взглядом прямо в глаза молодого хищника, трепал его за холку и шептал что-то на самое ухо, отчего Борзик снова приходил в неописуемый восторг и начинал лизать Варфоломею не только руки, но и лицо, волосы, бороду.

– По-волчьи он, что ли, общается с ним? – улыбались монахи, глядя на это зрелище. – Дивны дела Твоя, Господи…

Дивным было и то, что Варфоломей оказался прекрасным плотником, у которого работа просто кипела в руках. С его помощью монахи сумели быстро залатать дырявую крышу в храме, восстановить купол с крестом, кельи, ограду вокруг скита и ворота: отныне они запирались, более–менее охраняя от диких зверей, успевших почуять близкое присутствие человека. Кроме того, обитатели заброшенного скита расчистили место, служившее прежним хозяевам огородом, и засеяли разбитые грядки взятыми с собою семенами.

Варфоломей проявил себя и как искусный печник. Он разобрал печи, давно отслужившие свой век, и сложил новые, дававшие много тепла и уюта. В отдельной русской печи, сложенной им же, монахи пекли просфоры и хлеб, пользуясь запасом муки, взятым с собой в дорогу.

Но, несмотря на крайнюю скудость в еде, даже эти запасы скоро исчерпались. И тогда тот же Варфоломей, посланный, видно, Самим

Богом на помощь подвижникам, стал ходить в ближайшие окрестные деревни, выпрашивая или покупая на скромные деньги монахов муку, крупы, растительное масло, сахар и другие продукты. Он совершенно не боялся ни расстояния, ни самой лесной глуши с обитавшими там хищниками, зная наверняка, что они его не тронут. Обычно он шел в одну сторону целый день, неся за плечами пустой рюкзак, где лежала записка отшельников с просьбой помочь Христа ради или продать часть продуктов, в которых они нуждались. Переночевав у кого-нибудь дома или же в одной из брошенных хат, Варфоломей на другой день возвращался в скит, радуясь, как малое дитя, тем гостинцам, которые дали добрые люди.

Вместе с продуктами он также тащил в скит всякую всячину, брошенную хозяевами, навсегда покинувшими захолустные деревни. То был разнообразный инструмент – рубанки, молотки, косы, лопаты, металлические скобы, гвозди и прочий хлам, который, однако, со временем находил свое применение в нехитром монастырском хозяйстве.

Питались отшельники от трудов рук своих и того, что им посылал Господь. Дикий мед, лесные грибы, ягоды тут не переводились. Рыбы в здешних заповедных местах тоже было вдосталь. Лес, кроме того, изобиловал целебными травами. Собирая и высушивая, монахи заваривали их вместо чая, лечили неотступную простуду и немощь в старых ноющих костях.

Жизнь постепенно налаживалась. В скит снова потянулись люди, искавшие молитвенного уединения, духовной опоры, мудрого совета и утешения. Одни оставались помогать немощным отшельникам, другие, вкусив здешней жизни, шли искать Бога дальше, третьи ж были просто паломниками, наслышанными о святой иконе и источавшихся от нее чудесах.

Кто-то помог расчистить главную дорогу от поваленных деревьев и густого кустарника. Но все равно добраться сюда транспортом можно было лишь в хорошую сухую погоду. Когда же в этих местах начинались дожди – а такая погода была, как правило, затяжной – дорога быстро размокала, превращаясь в непролазную жижу, справиться с которой мог разве что хороший вездеход да человеческие ноги, влекомые сердцем и верой.

Православный народ всегда любил чудеса: искал, находил, бережно хранил, а нередко и сам выдумывал их – чудесные предания, больше похожие на сказку, сохранившие в себе народный дух простоты, искренней веры в чудо, а потому легко усваивавшиеся и передававшиеся из уст в уста. Спокон веков страждущая душа тянулась к святым мощам, чудотворным иконам, скитам и монастырям, всюду искала блаженных старцев и стариц, юродивых, выпытывая у них то, что кому-то другому, возможно, казалось таким простым и понятным. Да и само хождение по святым местам за сотни, а то и тысячи километров было свойственно лишь тому народу, которому Бог открывал Себя в простоте, детскости веры, ее непосредственности и отсутствии даже тени лукавства или корысти.

За десятилетия безбожной жизни русская душа истосковалась за тем, что всегда питало ее, поднимало на подвиг, помогало возводить храмы невиданной красы и благолепия, уединяться в горах и лесах, плача у святых образов и Псалтыри, жить той жизнью, которая иному казалась непостижимой, лишенной всякого смысла. Поэтому любой слух о новой иконе, новом чуде, таинственном старце или старице тут же распространялся, побуждая верующий люд снова идти и искать ответы на извечные вопросы, волновавшие русскую душу.

И когда пошел слух о заброшенном ските, где засияла лампада прежнего подвижничества, люди интуитивно потянулись к этому свету. Народ шел разный: и мужчины, и женщины – молодые, пожилые, с детьми и без детей, больные и убогие, состоятельные и вовсе нищие.

Однажды сюда пришел молодой незнакомец. Был он крепкого, богатырского сложения, с небритой щетиной, начавшей превращаться в густую темную бороду и усы. Вытерев о траву свои невероятно грязные кроссовки, свидетельствовавшие о долгом пути по лесным тропам, он вошел в открытые двери церквушки. Перекрестившись почти всей пятерней и неловко поклонившись на образа, он снял с плеча сумку, перекроенную из старого солдатского рюкзака, и поставил на пол.

Если б кто и заглянул в нее, чтобы узнать, что там хранилось, все равно б ничего не понял. Две застиранные, выгоревшие полосатые майки, бывшие когда-то тельняшками, какие носят воины–десантники; моток необычайно прочных канатов, напоминающих парашютные стропы, летняя камуфляжная куртка. В отдельном пакетике там лежали

несколько фотографий, но и они мало что могли рассказать человеку, который заинтересовался бы личностью этого незнакомца. С тех фотографий смотрели и улыбались какие-то солдаты, офицеры, рядом стояли готовые к походу боевые машины пехоты, бронетранспортеры, а еще дальше виднелись очертания заснеженных горных вершин. Что это были за люди? Кем они доводились и доводились ли ему вообще кем-нибудь? Где фотографировались?..

Осмотревшись по сторонам, незнакомец подошел к старичку, сидевшему возле свечного ящика. Его благообразное лицо было укрыто черным куколем схимы, из-под которой выглядывала лишь реденькая старческая бородка. Старичок сидел в инвалидной коляске и перебирал толстые узелки монашеских четок, от непрестанной молитвы вытертых до блеска.

– Мне б отца Иоанна позвать, – вошедший незнакомец слегка тронул не то дремлющего, не то молящегося старца.

– А зачем его, грешника окаянного, звать? – старец откинул куколь назад и посмотрел на парня спокойным взглядом. – Вот он, прямо перед тобой. А ты кто таков будешь, добрый молодец?

Вместо ответа незнакомец расстегнул сумку и достал оттуда сложенный вдвое конверт. Едва взглянув на него, схимник теперь посмотрел на стоявшего перед ним здоровяка с нескрываемым удивлением:

– Отец Лука? Жив?! Слава Тебе, Господи…Мы ведь с ним однополчане. Вместе воевали. Его под расстрельную статью подвели. Нас на магаданские рудники и кайло в руки, а ему сразу «вышкарь»[33]. Сначала Звезду героя хотели дать – за то, что на своей «тридцатьчетверке»[34] один с боем прорвался из немецкого окружения и на броне вытащил наших бойцов, а потом передумали и заменили расстрелом. Дескать, не имел права красный командир попасть в окружение врага. А раз попал – значит, сам враг. Так рассудили. Про тех-то, кто за броню, за гусеницы хватался, лишь бы не в плен к немцам, разговор вообще короткий был. Всех в расход. В окружении ведь были. Выходит, враги. По-ихнему так получалось. Одного не знали: что в тех местах, куда они нас подыхать гнали, Бог близко. Спаситель наш… Многие тогда уверовали в Него.

Старец тяжело вздохнул и перекрестился.

– Жив, раз пишет, – незнакомец по-прежнему чувствовал себя неловко и скованно.

– Это правда: раз пишет – значит, жив, – старец теперь улыбнулся, снизу вверх посмотрев на рослого парня. – А сам-то кем будешь, богатырь? Как зовут? Случаем, не Илья Муромец?

– Какой из меня Илья Муромец? Мишкой меня зовут…

И тут же сам поправился, кашлянув в кулак:

– Михаилом. Меня отец Лука прислал.

Старец несколько раз обкрутил четки вокруг своей сухонькой кисти и прикоснулся к руке незнакомца, легонько разжал его могучую широкую ладонь и посмотрел на нее. Она была шершавая, словно наждачная бумага, в мозолях, а наискось ее рассекал зарубцевавшийся темно-лиловый шрам.

– Рука воина, – тихо промолвил старец. – Иль впрямь воевал?

– Да так, участвовал.., – с еще большим смущением ответил Мишка. – В горячей точке. На Кавказе.

– Эх, Русь-матушка, – отец Иоанн отпустил Мишкину ладонь и снова спрятал свое лицо под черный монашеский клобук с крестами. – Одна беда не успеет уйти, как другая в дверь стучится. Для нас была война народная, а вам, молодым, горячие точки достались. И не видать конца этим бедам. Потому что Бога забыли…

Он замолчал, но, вдруг вспомнив о конверте, который ему принес стоявший рядом незнакомец, раскрыл его, приготовившись читать.

– Так как, говоришь, величать тебя, добрый молодец?

– Михаилом.

– Михаил… Я ведь тоже когда-то таким богатырем был. И тоже Михаилом. Выходит, тезки мы с тобой, Миша. Тезки и воины.

Он раскрыл конверт, старческими дрожащими руками поднес письмо к самим глазам и углубился в чтение.

2. ПОСЛУШНИК

Мишка сидел напротив старца в его крохотной комнатушке и молчал. Молчал и отец Иоанн, глядя на парня, только что открывшему ему свою жизнь. Это тягостное молчание, давившие обоих, совершенно не отвечало радости солнечного света, залившего всю келью: деревянные, без всякого покрытия стены, такой же деревянный,

сбитый из грубых досок топчан, несколько скромных образов, оправленных в рамочки и висевших в строго определенном порядке в углу от раскрытого настежь окна.

– Что же теперь думаешь делать, вояка? Как дальше судьбу строить? – схимник придвинулся на своей инвалидной коляске ближе к Мишке.

– Кабы я сам знал, – Мишка сидел, не поднимая головы и отвечая старцу едва уловимым полушепотом. – Все, что умею – так это воевать. Стрелять, драться, партизанить… Кому теперь все это нужно? Разве война – это ремесло?

И опять замолк, вперившись взглядом себе под ноги.

– Как тебе сказать, солдат? – в задумчивости ответил старец. – Премудрый говорит: «Всему свое время. Время войне, и время миру». Так-то. Да ведь только войны разные бывают. Вот в чем штука. Мы отцами своими, что с гражданской вернулись домой, гордились. Песни им пели, легенды слагали. Поди ж, разбери тогда, кто был прав, а кто виноват: белые или красные. Рубали, кромсали шашками друг дружку: сын – отца, брат – брата. Это потом мы уразумели, что Господь наказал нашу землю за отступление от Бога.

Не успели раны зажить, как новая напасть – немцы пошли с войной. Опять «вставай, страна огромная, вставай на смертный бой». И вставали. И шли. Впереди немец, а сзади заградительный отряд: своих же косит, если кто дрогнул и вздумал отступать. А уж если в плен к немцам попал или окружение, то и вовсе пощады не было. Сталин поражения никому не прощал: ни маршалу, ни рядовому. Вот так, солдатик…

А теперь что творится? Кто, с кем, против кого, зачем?.. Неужто нельзя в своем доме жить в мире со всеми? Немцы пришли, так хоть понятно было, против кого и во имя чего мы воевали. А вам-то самим понятно, за что вы воевали? За что проливали свою и чужую кровь?

– Нам думать некогда было. Мы задания выполняли. Приказы. А думали другие: кто отдавал эти приказы.

Старец в глубокой задумчивости смотрел на Мишку, понимая его состояние.

– Как дальше жить будешь, солдат?

Мишка пожал плечами, все еще не поднимая головы:

– Сам не знаю. Запутался я в своей жизни. Не вижу в ней ни смысла, ничего. Другие видят, а мне не дано. Наверное, рожей не вышел.

– А сказать тебе, почему не видишь? – тихо спросил его старец и тут же сам ответил:

– Потому что живешь во тьме. Во мраке. Бредешь, сам не знаешь куда. То лбом стукнешься, то в ров глубокий угадишь, то в яму свалишься.

Мишка еще ниже нагнул голову, почти к самим коленам, и не то прошептал, не то простонал:

– Меня учили одному: воевать. И не просто воевать, а побеждать. Иначе победят меня. Вот эту науку я знаю. А другой не научен. Не было других учителей.

Монах подвинулся к Мишке еще ближе и теперь положил свою старческую руку прямо на его густую шевелюру:

– Говоришь, воевать тебя учили? Вот и повоюй вместе с нами, солдат. Богу храбрые воины тоже нужны. Настоящие, надежные, верные воины, какие не побегут с поля боя и не станут в тылу прятаться. Или ты, может, думаешь, что в нашей жизни нет настоящих сражений? Поживи с нами, коль особо некуда спешить. Я тебе дам совет мудрых людей: если хочешь познать истину – остановись. А если хочешь услышать ее – помолчи.

Старец кивнул в сторону раскрытого конверта с письмом, который привез Мишка:

– Отец Лука за тебя просит. Приглянулся ты ему. И надо ж такому случиться, что вы встретились. Я-то, грешный, был уверен, что отца Луки давно нет на этом свете. Последний раз мы виделись годков эдак пятьдесят назад, когда после смерти Сталина нас по амнистии отпускать стали. Тогда он молодой был, курчавый, хоть и седой весь, как лунь. А каков теперь – даже не могу представить.

– Старенький совсем, – несколько оживился Мишка. – И тоже в колясочке. Ноги давно высохли. Да и сам он еле-еле, душа в теле. Мы случайно познакомились. Я ехал к своим однополчанам, они сибиряки, да с пересадкой пришлось в одном городишке почти сутки торчать без дела. Пошел прогуляться. Гляжу: не то монастырь, не то храм какой, да и зашел туда. Там никого не было. Только монах в инвалидной колясочке сидит возле большой иконы и молится. Я подошел, чтобы

свечку поставить. Слово за слово, разговорились. Как узнал он, что я в эту сторону путь держу, попросил передать письмецо. Я так подумал, что друзья мои никуда не денутся, а просьбу надо уважить.

– Спаси тебя Господь, воин. Обрадовал ты меня, старика, этим письмом, утешил. Ведь прожитые годы, хоть и горькими были, а нет-нет, да и вспомнятся. Только одно ты не так сделал во всей этой истории с отцом Лукой.

– Что же именно? – Мишка удивленно вскинул взгляд на схимника. – Вроде, все так. Вот побуду малость, подсоблю вам, как просил отец Лука, да и двину дальше к своим друзьям. Наверное, волнуются уже: выехал – и как в воду канул.

Отец Иоанн улыбнулся и как-то загадочно посмотрел на своего собеседника:

– Нет, что касается его просьбы, все ты сделал правильно. В одном ошибся: думаешь, будто твоя встреча с отцом Лукой и то, что приехал ты к нам, это простая случайность. У Бога – запомни, солдат – нет ничего случайного. И нет ничего невозможного. Поживи, подсоби нам, старикам. Молодые руки ох как нужны! У нас пока один надежный помощник – Варфоломей да его дружок. Вон, полюбуйся на красавца.

И отец Иоанн указал взглядом за спину Мишки в сторону приоткрытой двери. Мишка повернулся и от изумления аж вскочил со стула:

– Да это же волк! Настоящий лесной волк!

– Представь себе, – невозмутимо ответил монах, глядя на Мишкину реакцию. – Ну и что? Даниил не с волками, а со львами во рву сидел, и те его даже не тронули. К преподобному Сергию в гости медведь ходил – причем, хочу заметить, не дрессированный, не из цирка или зоопарка, а всамделишный, из леса. И ничего, дружили, даже он помогал святому. И к Серафиму Саровскому косолапый хаживал. А к нам – волк. Он нас не боится, а мы его, потому что давно знакомы. Так ведь, серый?

Косясь на Мишку, волк осторожно подошел к старцу и лизнул его руку.

– Беги, беги к своему хозяину, – сказал ему старец. – Он рыбу на озере удит.

Волк тут же повернулся и, уже не обращая никакого внимания на молодого незнакомца, трусцой выбежал из кельи и скрылся в глубине двора.

– Это сторож наш, – добавил отец Иоанн, – а мы уже стары слишком, на эту работу не годимся. Вот Борзик нас и охраняет со своим другом.

– Кто-кто? – еще больше изумился Мишка. – Как вы назвали волка?

– Борзик, – спокойно повторил монах. – Эту кличку ему Варфоломей дал, когда щенком из леса притащил. Он и впрямь Борзик – борзый, то есть, быстрый, шустрый. Что тут удивительного?

– Да так, – немного успокоившись, ответил Мишка. – Мне это слово знакомо немного иначе[35].

– Ну, по-иному мы не знаем, – улыбнулся старец и повел разговор о том, что ожидало Мишку в скиту.

Так для Мишки–Спецназа потянулись дни новой жизни: внешне однообразные, малоинтересные, без ярких запоминающихся событий. Утром он чуть свет вставал вместе с монахами – и не потому, что так требовал устав, а потому что с детства не был лежебокой. Армия лишь укрепила в нем это качество.

Побыв некоторое время в храме, он вместе с Варфоломеем отправлялся делать то, о чем его просил отец Иоанн, бывший настоятелем скита, и другие монахи. Варфоломей был для Мишки плохим собеседником: либо бубнил себе что-то под нос, либо нес околесицу, понятную лишь ему одному. Поэтому Мишка предпочитал молчание, предаваясь собственным мыслям. В больших флягах они вдвоем с родника таскали воду, заготавливали бревна для подсобных строений, плотничали, расчищали топорами и лопатами тропинки к скиту и источнику. Несмотря на то, что для такого здоровяка, каким был Мишка, эта работа казалась плевым делом, она занимала весь день.

Жил он вместе с Варфоломеем рядом с воротами. Это был крохотный домик с одной–единственной комнаткой в несколько квадратных метров и пристройкой наподобие веранды. Вечером Мишка закрывал ворота, подпирая их изнутри прочным бревном, а утром, едва проснувшись, распахивал для возможных гостей и паломников. Если же случалось, что кто-то достигал скита ночью, то,

услышав громкий стук в калитку, Мишка выходил и провожал путников на ночлег, специально оборудованный в свободном домике.

Гости и паломники вносили в теперешнюю Мишкину жизнь некоторое разнообразие. Кто поодиночке, кто по нескольку человек, а кто целыми группами, они пробирались в эту глухомань, чтобы увидеть чудотворный образ и поклониться ему. Но первыми, кого они чаще всего встречали, ступив в скит, был сам Мишка. Он выходил им навстречу косматый, заросший, одетый в долгополый рабочий халат темного цвета, чем-то напоминавший ветхий подрясник. Поэтому некоторые из гостей, не успев толком разобраться, кто это был, подходили к Мишке и учтиво обращались к нему, величая «батюшкой». Где-то в душе это льстило Мишкиному самолюбию: приезжие незнакомцы смотрели на него с любопытством и даже некоторым подобострастием, считая за подвижника, про каких пишут в житиях святых.

Но скоро и эта роль ему стала надоедать, как и сами паломники, докучавшие бесконечными расспросами о здешних чудесах, неведомых ему лесных источниках, местах, где молились прежние насельники. Мишка ограничивался скупыми ответами, но все же охотно показывал приезжим дорогу к здешнему роднику, рассказывал об иконе то, что сам слышал от других.

Лесной жизнью его нельзя было удивить: он сам вырос в деревне неподалеку от леса. Разве что деревья тут были другие: не раскидистые дубы, а стройные сосны, высокие лохматые ели.

Старцы вели чрезвычайно уединенный образ жизни, почти ни с кем не общаясь и не вступая в долгие беседы с приезжими. Они принимали их, внимательно выслушивали, но на все расспросы всегда отвечали предельно лаконично и скупо. Некоторых мирян это разочаровывало – они надеялись встретить здесь настоящих прозорливцев, а видели перед собой согбенных, немощных, малоразговорчивых, даже, как им казалось, сердитых монахов, недовольных тем, что кто-то решил нарушить их молитвенный покой и уединение. Такими же неразговорчивыми они были и в общении с Мишкой.

Единственным, кто отличался от всех обитателей скита, был отец Иоанн. Сидя в своей колясочке, он охотно принимал всех, кто шел к нему. Кроме того, каждого он одаривал маленьким образком Казанской

Богоматери – точь-в-точь таким, какой был в церкви. Кто-то из благодетелей отпечатал этот образок в типографии, и теперь его копий хватало с избытком для всех, кто жаждал приложить подарок старца к самой иконе и бережно забрать с собой как большую святыню.

Проведя целый день в общении с простыми людьми, отец Иоанн находил время, чтобы пообщаться и с Мишкой. Беседы эти проходили уже поздно вечером, когда скит готовился отойти к непродолжительному сну. Это общение заставляло Мишку все чаще и чаще задумываться над своей жизнью, ее смыслом.

– Говоришь, скучно тебе тут, солдат, неинтересно? – отец Иоанн смотрел на Мишку, понимая его настроение. – Что ж, и впрямь у нас мало развлечений. Ни ресторанов, ни театров, ни кино. Одна тоска зеленая. Только задам я тебе одну задачку, добрый молодец Мишенька. Коль так скучно здесь и тоскливо тебе, чего это люди сюда рвутся, а? Тебе скучно, а им нет. Не веришь – расспроси их сам. Все б на свете отдали: квартиры свои городские, дачи, машины, лишь бы к местам этим святым ближе быть. И так спокон веков на Руси было. Бросали все – титулы, звания, славу, дворцы – и шли туда, где тебе кажется скучно. Вот задачка-то какая: и простая, и непростая. Так что не спеши, богатырь. Может, дело не в месте, а в тебе самом?

«И впрямь дивно, – рассуждал Мишка, оставаясь наедине со своими мыслями. – Чего их всех сюда несет? Меня-то понятно. Посижу еще денек–другой, подсоблю – да и пора, как говорят, честь знать. Пацаны, поди, заждались совсем. Старцев тоже понять можно: у них ни кола, ни двора, ни семьи, ни детей. О Варфоломее и говорить нечего. Что взять с больного? А эти чего сюда рвутся? И ведь не скажешь, что фанатики. Давеча вон учительница приезжала, культурная вся из себя, интеллигентная. А муженек ее вообще, видать, из доцентов с кандидатами. А то, гляди, целый профессор. Молились, плакали у иконы, просили о чем-то. Вчера тоже интересные люди были: аж с Украины приехали. И не жалко им денег было в такую даль ехать, будто рядом икон нет. Наверное, влетели в круглую копеечку. Ну-ка наездись по нынешним временам. А они приехали. И не скажешь, что состоятельные люди, богатеи, с жиру бесятся, чудес ищут. Накинулись на вареную картошку, будто целую неделю голодали. Может, и впрямь голодали, лишь бы попасть сюда. И почему-то не скучно им здесь. Рады, как дети малые».

Вспомнилась Ольга.

«Эх, жалко девку, – думал Мишка. – Такой красавице с мужиком бы хорошим жить, детей рожать, добро наживать, а она подалась в монашки. С ума люди сходят или у меня с головой не все лады?».

«Про жениха какого-то небесного мне сказки рассказывала, – продолжал думать Мишка об Ольге. – Это ж надо так себе голову задурить! Ведь не врала, все от души, от сердца рассказывала. Сестричка…».

Мишка улыбнулся, вспомнив, как Ольга благодарила его, когда он заступился за нее в лесу, рискуя своей головой.

«А все равно те подонки ее достали, – Мишка уже не улыбался. – За «бабки»[36] на все готовы… Беспредельщики. Убивать таких надо…».

И тут же поймал себя на мысли:

«Сам-то чем лучше? Или ты не за «бабки» пошел в Чечню воевать контрактником? Или не за «бабло»7 вы продавали тем же абрекам «карандаши»8, взрывчатку, патроны? Чем других судить, на себя посмотрел бы. Все рыло, небось, в пушку».

«Что им такое понятно, чего я не могу понять? – продолжал он думать над словами старца. – Или мне вовсе не дано это? Не всем же монахами быть. А ну как все по монастырям да скитам разбежимся? Кто ж детей делать будет? Американцы, что ли, приедут за нас этим мужским ремеслом заниматься? Или кавказцы. Они и так наших девок паскудят. А защищать страну кто будет, воевать? А на заводах работать и все такое? Тайна, что ль, какая?.. Да нету здесь никакой тайны! Заморочка одна – и все. Жить надо, как все нормальные люди, и не забивать себе голову всякими сказками. Вон как на тебя бабы засматриваются! «Батюшка», «брат», «отец»… А глазенки-то горят! Только одна правду сказала: «Какого беса здесь торчишь? На тебе пахать нужно, а ты со стариками отираешься. Нашел себе теплое местечко». Нет, засиделся я тут. Явно засиделся…».

Но наступало утро – и поручения отца Иоанна, просьбы других старцев, общение с гостями снова и снова откладывало расставание со скитом. В своей душе Мишка все явственней ощущал нарастающее раздвоение. С одной стороны, его тянуло к прежней жизни, привычкам, к друзьям, с которыми он думал снова завербоваться наемником – теперь уже во французский легион – и сделать там

военную карьеру. С другой – незримая сила держала его в скиту, настраивая на совершенно иные мысли и впечатления.

Он сдружился с чудаковатым Варфоломеем. В этой дружбе было много странного. Чем больше Мишка присматривался к своему новому другу, тем меньше он казался ему душевнобольным человеком. Его детская простота, умение радоваться природе, находить общий язык с животными и птицами, умалять себя в глазах других меньше всего походило на умопомешательство. Во всем этом была еще одна непостижимая тайна, загадка здешней жизни.

Варфоломей же не просто полюбил, а буквально прилип к Мишке, сопровождая его повсюду: в церкви, во дворе, на работе, в лесу. Он любил рассматривать фотографии, которые тот привез с собой. Всякий раз, находя там своего друга, Варфоломей по-детски радовался и тыкал пальцем в фотографию, показывая на снятого там Мишку.

Еще более странной была его дружба с воспитанником Варфоломея – молодым волком Борзиком. Мишку не переставало удивлять то, что волк время от времени прибегал к Варфоломею, находя его безошибочно всюду, где б тот не был. Заглядывая в желтоватые, с золотистым отливом, глаза лесного зверя, Мишка не видел там никакого хищного блеска. Напротив, они светились добром и преданностью, как у домашнего пса, привязавшегося к своему хозяину.

– Какой из тебя хищник? – Мишка ласково трепал зверя за холку. – Какой ты Борзик? Ты Шарик. Самый обыкновенный домашний Шарик. И как тебя такого сородичи терпят? Шел бы уж из леса на домашние харчи. Чего дурака валять?

Словно чувствуя, что не всем нравится его появление в скиту, волк встречался со своими друзьями в лесу, когда те шли заготавливать бревна или удить рыбу. Борзик почти всегда появлялся неожиданно и со всего разбегу бросался на грудь либо Варфоломея, либо Мишки, приводя последнего в состояние полного оцепенения и ужаса, развеивая сомнения в том, что Борзик скорее был похож на домашнего пса, чем на хищника. Выразив свой восторг, молодой волк укладывался ненадолго возле ног хозяев, давая себя погладить и очистить от прицепившихся к густой шерсти лесных колючек.

Мишка понимал, что скоро он покинет своих друзей, отца Иоанна, других старцев. Он чувствовал, что не способен долго жить этой

размеренной, однообразной отшельнической жизнью. Его тянуло на волю, на простор. Его неугомонная душа жаждала новых приключений, борьбы и новых побед.

И однажды Мишка решился. Он встал раньше обычного, поспав лишь пару часов. Через маленькое окошко пробивался свет полнолуния: он был голубым, каким-то таинственным и прозрачным. По всему лесу разносилось пение птиц, чувствовавших приближение утра.

К удивлению, топчан, на котором спал Варфоломей был пуст.

«Оно и лучше, – подумал Мишка, бросив в сумку свое полотенце, мыло и зубную щетку. – Наверное, пошел рыбу удить. Клев в самый раз».

Ему не хотелось огорчать преданного чудаковатого друга внезапным исчезновением. Он чувствовал, как Варфоломей сблизился с ним. Не хотелось беспокоить и отца Иоанна. Мишка был уверен, что мудрый старец без всяких объяснений поймет его и не осудит. Не за что было.

Мишка еще раз окинул взглядом свою комнатушку: не забыть бы чего впопыхах. Секунду подумав, он снова расстегнул сумку и вытащил из пакета одну свою армейскую фотографию. На ней Мишка был сфотографирован сам: с «эрдэшкой»9 и «мухой»10 за плечами, в белом маскировочном халате. Его отряд тогда выдвигался в район Ушкалой11, чтобы там блокировать отступление обнаруженной разведчиками банды. Варфоломей часто разглядывал почему-то именно эту фотографию. Мишка взял маленький гвоздик и легонько пришпилил фото над топчаном своего друга.

«Вот, пожалуй, и все», – про себя сказал он и, тихо отворив запертую изнутри калитку, вышел из скита на дорогу, освещенную тихим лунным сиянием.

Затворив за собой калитку, Мишка сразу взял быстрый шаг. Он знал, что путь до автотрассы был еще дольше, чем до ближайшей деревни, куда рейсовые автобусы уже давно не ходили. Но скит еще не успел скрыться за его спиной, как Мишка внезапно остановился. Прямо перед ним выросла одинокая фигура взлохмаченного Варфоломея. Возле его ног, положив голову на лапы, лежал Борзик. Оба смотрели на покидавшего их Мишку с невыразимой печалью.

– Чего уставились? – шепотом спросил их Мишка, словно боясь разбудить лесных обитателей. – Какого лешего вам надо? Погостил – и будя, как говорит моя бабка. Хватит! Меня друзья ждут. У меня дом есть.

Но Варфоломей не двинулся с места, продолжая смотреть прямо в глаза своего друга, как теперь показалось Мишке, даже с каким-то укором.

– Чего еще? – спросил он уже почти в полный голос. – Что тут непонятного?

И тогда молодой волк, перебирая передними лапами, на брюхе подполз к самим ногам Мишки, положил на них свою голову и тихонько заскулил.

– Что ты мне хочешь этим сказать? – неожиданно даже для себя рассмеялся обескураженный такой волчьей выходкой Мишка. – В друзья, что ли, набиваешься? Или в родичи?

Он присел на колени и погладил волка по широкой сильной спине:

– Атаманом будешь. Вожаком. Настоящим «борз»[37]!

Потом посмотрел на Варфоломея, все так же стоявшего посреди дороги. Луна светила ему в спину, очерчивая силуэт легким абрисом, отчего фигура Варфоломея казалась похожей больше на ангельский лик, спустившийся на землю в этом нежном сиянии.

Что-то непонятно щемящее, доселе неведомое, шевельнулось в Мишкиной душе.

– Хватит на меня таращиться, бездельники, – сказал он, с трудом подавив подступивший к горлу комок. – Пошли трудиться. Рассвет скоро.

И, поднявшись, тем же быстрым шагом пошел назад. В скит.

3. НОЧНОЙ КЛУБ

И все же на следующий день Мишку ожидала дорога.

– Что, Мишенька, не утомился со стариками деньки свои молодые коротать? – отец Иоанн пригласил его к себе и усадил рядом.

Мишка сразу обратил внимание на незнакомца средних лет, уже сидевшего в келье старца. Лицо его было наполовину обожженным – настолько, что шрамы от ожога закрывали даже часть левого глаза.

Обожженными были и обе кисти рук, выглядывавших из–под дорогой кожаной куртки.

– Послал нам Господь добродетеля, – отец Иоанн улыбнулся незнакомцу. – Николаем зовут. И тоже ведь воин. Вот какая оказия получается. Одни воины вокруг. Да... И надобно тебе сегодня поехать с ним в город. Утварь церковную нам пора обновить, а то ведь народ едет разный, неудобно перед ним хвастаться нищетой да убогостью нашей. Можно было бы кого другого послать, да не пошлешь. Дельце ведь хоть и не хитрое, но серьезное, кому попало не доверишь. Утварь-то серебряная, дорогая, а народ в городах нынче такой, что ни за понюх табаку и обидеть, и обобрать, и ограбить могут. А тебя, богатыря, не тронут, побоятся. Так что мы тут маленько посоветовались и решили с Николаем, что лучше тебя с этим делом никто не справится. Он тебя до города подкинет, а уж архиерея сам найдешь. Как говорят, язык до Киева доведет. Передашь ему письмецо, да вот эту милостыню, что Николай пожертвовал нам, спаси его Господь за доброту. Там хватит за все рассчитаться и назад вернуться. Дня за два–три управишься. Чего в том городе болтаться?

Отец Иоанн протянул Мишке пакет, из которого выглядывало несколько новеньких стодолларовых купюр.

– Как, уважишь стариков? – спросил он, прищурив глаза.

Тот понял этот вопрос и пристальный взгляд старца по-другому. Дескать, а вернешься ли? Не удерешь отсюда на радостях вместе с этими хрустящими бумажками?

– Сами ж говорите, что мы люди военные. То какой может быть разговор? – Мишка кашлянул в кулак, пряча конверт во внутренний карман своей армейской куртки. – Все сделаю, как надо.

Он быстро переоделся, надел такие же камуфлированные армейские брюки, выстиранную тельняшку и, сказав Варфоломею, что скоро вернется, отправился в путь.

Большую часть лесной дороги – болотистой, изрытой ямами – ехали молча. Кроме Николая, сидевшего за рулем и незлобно ругавшего страшное бездорожье, были его жена и дочка – девочка лет десяти. Несмотря на ухабы и качку, девочка быстро уснула, уткнувшись в колени матери.

– Ты действительно воевал? – выехав, наконец, на проселочную дорогу, Николай первым прервал молчание.

– Да так, малость, – уклончиво ответил Мишка. Все его мысли уже были на воле, в городе.

– И где же, если не секрет? – не отступал Николай.

– Было дело под Полтавой, – снова уклонился от разговора Мишка.

– Какой-то ты не разговорчивый, – рассмеялся Николай. – Или сердитый дюже. До вечера приедем, не волнуйся.

В салоне джипа опять воцарилось молчание. Обернувшись назад, Николай увидел, как теперь в обнимку с дочкой крепко спала и жена Николая.

– Мои ангелы–хранители, – он перешел почти на шепот. – Если б не они, по мне б давно поминки справили. Я ведь тоже, как ты говоришь, воевал «малость». В Афгане. Командиром разведвзвода был. Получил лейтенантские погоны десантника – и сразу через Джелалабад в самое пекло. Двенадцать ходок на караваны. Наркота, оружие, взрывчатка – все из Пакистана шло.Мы им кислород крепко перекрывали. А она здесь за меня молилась, – он кивнул головой на спавшую жену, – вымаливала меня у Бога, чтобы домой живым возвратился. Бойцов наших тогда «черным тюльпаном»[38] только успевали развозить. «Цинка»[39] в земле с той войны лежит много…

Он вздохнул, вспоминая о чем-то своем.

– Когда после Кандагара я возвратился домой таким вот «красавцем», – Николай показал рукой на свое обожженное лицо, – на меня смотреть было страшно. Никому оказался не нужен: ни стране, ни друзьям – никому. Пил страшно, даже на иглу подсел. А она все равно молилась, рядом была, чтобы я вконец не сломался от всех проблем и обид. Помогла вылезти из грязи, снова человеком стать, свой бизнес наладить. Так-то, братишка… Когда есть у тебя такой ангел–хранитель, то любую беду в жизни победить можно.

– А у меня нет ангела–хранителя, – задумчиво произнес молчавший всю дорогу Мишка. – Ни такого, как у тебя, ни такого, как у других нормальных людей. Никакого. Видать, такой уж я уродился неудачливый. Меня жизнь научила не на ангелов надеяться, а на себя самого, на свои силы, смекалку. Выдюжил – значит, молодец. А если сам слабак, то никакие ангелы тебе не помогут.

Слушая Мишку, Николай чуть заметно улыбался.

– Чувствуется, что в армии ты не портянки со склада выдавал. Но только вот что я тебе скажу, братишка: не все проблемы в жизни нашей кулаком да грубой силой решаются. А кабы так все решалось, как говоришь, то не было б таких людей на свете, как отец Иоанн. Ну-ка, попробуй его сломать! Убить можно, а сломать нет. Пытались, да ничего не вышло. А почему? Потому что духом он сильнее любого силача и палача. Или не то говорю? Ты отца Иоанна лучше моего должен знать. Рядом ведь живешь. Послушник.

– Да какой я послушник! – махнул рукой Мишка. – Еще монахом или, как другие, батюшкой меня назови. Я и сам не знаю, чего торчу здесь. Люди приезжие смотрят – аж самому неловко: здоровый лоб рядом со стариками ошивается.

– Разве ты ошиваешься? – возразил Николай. – Помогаешь ведь, доброе дело делаешь.

В город они въехали вместе с вечерним закатом.

– Я ж говорил, успеем. Может, к нам на ночевку? Или есть где остановиться?

Разглядывая из окна машины, лавировавшей среди огромного автомобильного потока, витрины сиявших разноцветными огнями магазинов, баров, каких-то дворцов, Мишка даже не думал о том, что наступала ночь. Ему хотелось полной грудью вдохнуть этого городского воздуха, городского шума, этой суеты, экспрессии, манившей сверкающей рекламой, какофонией звуков, ритмов, стремительных движений, запахов.

– У меня есть кое-какие дела, – отказался от приглашения Мишка, еще сам не зная, где проведет весь вечер и ночь в этом совершенно незнакомом ему городе.

– Дела завтра будут, – настаивал Николай, – архиерей сейчас, наверное, на покое.

Но Мишка ничего этого не слышал. Его манило туда – в самую гущу городской толпы, где жизнь по-настоящему бурлила, кипела, сверкала.

– Как знаешь, – Николай остановил машину и протянул Мишке свою визитку. – Будут проблемы – звони в любое время.

Какое-то время Мишка бродил по бурлящим городским улицам совершенно бесцельно. Он с интересом рассматривал огромные зеркальные витрины, рампы, сверкающую рекламу, непонятные ему

названия иностранных фирм, зазывающих к себе ярким, броским товаром. Все это действовало просто ошеломляюще.

«Да, батенька, отстал ты жизни, беспросветно отстал», – думал он, вертя головой во все стороны.

Рядом со всем этим сверкающим великолепием и городским шиком он в своем стиранном–перестиранном армейском камуфляже и сумкой через плечо выглядел не просто скромно или по-деревенски просто, а откровенно убого.

Неожиданно до его слуха донеслось тяжелое буханье барабана. Где-то совсем рядом гремела музыка. Он осмотрелся – и в небольшом проулке, сворачивавшем со сверкающего огнями проспекта, увидел нечто похожее на открытый трюм корабля, возле которого небольшой стайкой собралась весело хохочущая молодежь. Подойдя ближе, Мишка увидел и название этого заведения: ночной клуб «Корсар».

Несмотря на свое внешнее убожество, Мишке безумно захотелось спуститься вниз по ступенькам, напоминавшим корабельный трап, и провести там хоть немного времени. Спать ему совершенно не хотелось. Лишь появившееся чувство голода напоминало о том, что пора бы и перекусить. Мишка посмотрел на зловещего одноглазого пирата, украшавшего вход в ночной клуб, и решился здесь провести время.

– Ну-ка, молодежь, расступись, – он легонько подвинул стоявшего к нему спиной парня у главного входа.

– Ого, какой дядька пожаловал! – в один голос удивились девчонки. – Прямо настоящий корсар. Такого не над входом, а у входа ставить надо. Реклама будет высший класс!

– А не разбежитесь от страха? – Мишка сделал нарочито свирепый вид и шагнул в их сторону, отчего девчонки завизжали и засмеялись одновременно.

Он чувствовал прилив сил, бодрости и хорошего настроения.

Узкая, почти вертикальная, лестница с деревянными поручнями вела глубоко вниз, откуда буханье барабана и звуки тяжелой электронной музыки доносились с каждым шагом все сильнее и сильнее. Уже почти спустившись, Мишка столкнулся еще с двумя девчонками: обе были длинноногие, но при этом в невероятно коротких юбках, с дымящими сигаретами и коктейлем.

– Ба, вот это персонаж! – ухмыльнулась одна, бесцеремонным взглядом смерив Мишку с головы до ног. – Это что ж за мальчишечка, хорошенький такой!

– Ой, бабоньки, держите вы меня! – облокотилось к стене другая и, выронив от изумления сигарету, глотнула коктейль. – А я-то думала, что настоящие мужики совсем перевелись, как мамонты. Как же я ошибалась…

«Проститутки, наверное, здешние», – подумал он, лишь мельком глянув на внешний вид нагловатых барышень.

Едва Мишка вошел в низкий прокуренный зал ночного клуба, как к нему тут же подошел молодой официант, хрупкого телосложения, весь женоподобный, жеманный, но, тем не менее, одетый под морского разбойника. На нем была расстегнутая атласная рубаха синего цвета и такой же широкий атласный пояс; слегка накрашенные волосы были стянуты назад и заплетены косичкой, а в левом ухе болталась огромная серебряная серьга.

– Для такого солидного гостя могу предложить одно местечко, где вам будет очень уютно смотреть нашу программу и быть ее участником, – учтиво предложил он, улыбаясь Мишке. – Я здешних всех знаю, а потому вижу, что вы у нас впервые. А для новичков у нас всегда есть что-то особенное. Уверяю, вам здесь очень понравится.

– Мне, честно говоря, здесь уже начинает нравиться, – Мишка принял приглашение и последовал за официантом.

– Что будем заказывать? – усадив Мишку за столик, он оскалился совсем не мужской улыбкой.

«Ты, парнишка, случаем, не того? Не из рода «дон Педро»15? – поймал он себя на мысли, наслышавшись о том, что именно в таких ночных заведениях любит развлекаться публика с нетрадиционными ориентациями.

– А что есть, то и будем есть, – весело хохотнул он. – От борща бы не отказался, котлеток или пельмешек…

Теперь хохотнул официант:

– Простите, но тут не заводская столовая. Профсоюзным борщом и тухлыми котлетами гостей не потчуем. А вот, к примеру, фирменный стейк, барбекю можем предложить.

– Бар.., – попытался повторить странное для себя слово Мишка. – А если проще, что это за фрукт?

– Что вы, что вы! – зашептал официант. – Это французский деликатес, по-особому жареное мясо.

– Другое дело, – Мишка опять с подозрением посмотрел на женоподобного официанта, меньше всего похожего на морского волка. – Так бы сразу. Раз мясо, да еще жареное, то подавай сюда скорее, а то я уже изголодался.

– А под мясо что подавать? – официант приготовился записывать заказ.

– Давай-ка, братец, хорошего пивка для рывка, а там видно будет. Мне спешить некуда.

– Рекомендую чудную водочку, – официант снова стал похож на красну девицу. – Супер-пупер! Только для вас! Самая что ни на есть настоящая украинская горилочка. «Холодный Яр»! Смею уверить, что такой вы еще не пробовали.

– Так что кота за хвост тянуть, – Мишка аж крякнул в предвкушении всего, о чем говорил официант, – прямо сейчас и попробую. Грамм триста, да под пивко. Думаю, не «заштормит».

– Думаю, что все равно «заштормит». У нас такая программа, такой клуб, что тут всех «штормит». Вот увидите!

И скрылся в глубине зала, оставив, наконец-то, Мишку одного. Только теперь он смог осмотреться по сторонам и все спокойно разглядеть.

Это был самый обычный подвал, перестроенный и переделанный предприимчивыми хозяевами под развлекательный клуб. Весь его стиль соответствовал духу пиратского корабля. Главный зал, где собирались гости, был отделан маренным дубом темного цвета и действительно очень напоминал корабельный трюм, разбитый по обе стороны от центрального прохода и частично выдвинутой вперед сцены множеством отдельных отсеков, где и сидели посетители клуба. Единственное, что мало соответствовало корабельной правде, – так это черные иллюминаторы, расположенные в каждом отсеке.

Через весь потолок тянулись толстые канаты; они же свисали со стен, переплетаясь между собой в сложные морские узлы. Гости сидели на тяжелых дубовых табуретах за такими же дубовыми столами. На самих столах стояли оригинальные подсвечники: старые бутылки, закапанные свечками. Но зажигать свечи пока не было нужды: через частично прозрачный потолок струился мягкий свет.

Сцена была задрапирована под наполненный ветром парус, через который просматривались очертания мачты, веревочных лестниц и замысловатых корабельных креплений. Там же, на сцене, висела рында – корабельный колокол, больше похожий на те, что висят в церквях, а с самой сцены одним концом свисал якорь, судя по всему, действительно снятый с какого-то корабля или же поднятый со дна.

По обеим сторонам от сцены были два небольших подиума с шестами. Вокруг одного из них уже «работала» стриптизерша: ее тело извивалось в эротических движениях, а сама она была необыкновенно легка и пластична.

В том же углу готовились к вечерней программе ди–джеи. Очень низкие басы ритмичной музыки и буханье барабана, заполнявшее весь зал, им не мешали: они были в наушниках и что-то сосредоточенно рассматривали в мониторе стоящего перед ними портативного компьютера.

Зал постепенно наполнялся. Это были завсегдатаи клуба, давно знавшие друг друга. Они весело смеялись, что-то оживленно обсуждали, сдвигали столы, хаотично расхаживали. Но Мишка по-прежнему сидел один, наслаждаясь новой обстановкой. Он уже сумел оценить изысканный вкус украинской горилки «Холодный Яр» и теперь доедал кусок принесенного жареного – прямо с огня – мяса.

«Мясо как мясо, – он силился вспомнить, как же называлось это блюдо. – Горячее – уже не сырое. Вот и весь фокус».

Он почти доел, как свет вдруг стал медленно гаснуть, и металлический голос из динамиков, чеканя каждое слово, торжественно возгласил:

– Зажгите свечи, дамы и господа. Мы начинаем!

Все начали зажигать огарки свечей, торчавшие из бутылок. Зажег и Мишка.

Клуб погрузился в полумрак. Стихло барабанное буханье. И лишь клубы сигаретного дыма плавали над огоньками свечей, окрашивая людей и стены в мистические тона.

– Итак, дамы и господа, мы начинаем наше плавание, – чеканил тот же голос. – Когда оно окончится, то я, главный пират всех времен и народов – капитан Флинт, сам назову короля нашего вечера: самого злобного, самого кровожадного, самого отважного корсара. По местам стоять! С якоря сниматься!

Сцена окрасилась в багровый, кровавый цвет, по потолку заиграли вспышки лазера, темные иллюминаторы за спиной вдруг засветились, а за ними открылся бескрайний бушующий океан, создавая иллюзию движения и сильной качки.

Раздался удар колокола, и с первыми ритмами, что уже на полную мощь грянули из динамиков, на сцену вышел тот, кто назвал себя капитаном Флинтом. Он был одет в черный камзол с поднятым воротником, на голове красовалась причудливая треуголка, один глаз был перевязан черной повязкой, а за поясом торчал эфес сабли.

Артистично прихрамывая на одну ногу, как и подобает настоящему морскому волку, он подошел к микрофону и, выждав несколько ударов барабана, низким хриплым голосом запел:

По морям и океанам

Злая нас ведет судьба,

Бродим мы по разным странам

И нигде не вьем гнезда…

Все это зрелище уже не просто ошеломило – оно заворожило Мишку. Выпив еще рюмку водки, он не спускал глаз со сцены. То, что время уже приближалось к полуночи, его совершенно не интересовало.

– Приятели, смелей разворачивай парус, – еще более хриплым голосом зазвучал припев этой строй пиратской песенки.

– Йо-хо-хо, веселись, как черт, – во всю глотку подхватил песню зал.

Одних убило пулями,

Других убила старость, – неслось со сцены.

– Йо-хо-хо, все равно за борт! – голос снова утонул в истошных воплях, несшихся из зала.

Вскочив с мест, завсегдатаи клуба образовали прямо в центре зала плотный круг, обнялись за плечи и стали раскачиваться из стороны в сторону, подчиняясь рвавшимся ритмам.

К Мишке подбежали накрашенные девчонки, которые столкнулись с ним на узкой лестнице, когда он спускался в клуб, и тоже потянули его из-за стола:

– Вставай, поднимайся, рабочий народ! Жрать и пить потом будем!

Мишка неожиданно очутился в самом центре этого пляшущего буйства. Все восприняли его появление с необычайным воодушевлением. Они с восторгом смотрели на незнакомого бородача, крепко сбитого, мускулистого, в полосатой тельняшке, чем-то и впрямь похожего на главного героя пиратских книг и фильмов. Он стал тоже раскачиваться в ритм оглушающих децибелов, а окружившие его парни и девчонки так же ритмично были в ладоши и кричали:

– Корсар! Корсар! Корсар!

За свой столик Мишка возвратился совершенно мокрый от пота. Его уже не удивило, что за тем же столиком на свободных скамьях сидели все те же веселые девчонки.

– А теперь давай знакомиться, мальчик, – одна из них протянула ему свою руку. – Я – Надя, а это моя лучшая подруга Лада.

Мишка тоже представился им, каждой неуклюже пожав руку.

– Ну а за знакомство знаешь, что полагается? – вызывающе посмотрела на него Надя.

Мишка подозвал знакомого официанта и заказал ему еще бутылку «Холодного Яра», пару коктейлей и фрукты. Рассчитываясь с ним, он случайно выронил пакет, где лежали деньги на нужные покупки.

– «Зеленью»[40] соришь, юноша? – рассмеялась Лада, заметив у него валюту.

Мишка окончательно расслабился, совершенно не думая о заботах завтрашнего дня. Он острил, хохотал, чокался с какими-то совершенно незнакомыми ему парнями и девчонками, которые подходили к нему и выражали свой восторг.

Ритмы сменялись один за другим, то срывая публику с мест в дикие пляски, то давая паузу для разговоров и отдыха. Мишке казалось, что он давным-давно знает своих мило щебечущих собеседниц. Они лепетали без умолку, поочередно приглашая танцевать и наливая в рюмку.

На сцену снова вышел «капитан Флинт» и все тем же хриплым голосом зарычал в микрофон:

Мир поделен злом и добром,
Очень непросто в нем быть королем,
И, как ни странно бывает порой,
Не разобраться кто шут, кто король.
Быть королем, жить под замком,

Утром война, а днем светский прием.
Сильные мира вдали от земли,
Не понимают, что мы короли.
Короли ночной Вероны
Нам не писаны законы
Мы шальной удачи дети
Мы живём легко на свете.
В нашей жизни то и дело
Душу побеждает тело,
Рождены мы для любви,
А в ней мы просто короли.

Эта песня вдруг совпала с Мишкиным настроением.

«Как точно сказано, – неслось в его уже пьяной голове. – «Мы шальной удачи дети, мы живем легко на свете…». И никакой философии. Никакого дремучего леса. Никаких скитов. Зачем? Все просто и понятно. Даже дураку…».

Счастье не вечно,
Слава слепа,
А королей выбирает толпа.
Мы вызываем судьбу на дуэль,
Нам наплевать, кто охотник, кто цель.
Игры с судьбою смешны и пусты,
Мы за собою сжигаем мосты…

«Боже, как все точно, – Мишка полностью отдался нахлынувшим на него мыслям и чувствам. – «Счастье не вечно, слава слепа, а королей выбирает толпа…». Вот она, настоящая жизнь! Оказывается, как все просто!..».

Зал снова постепенно наполнился мягким светом. Публика шумела, ожидая финала: церемонии коронации главного корсара сегодняшнего веселья. Музыка утихла, а голос из-за сцены попросил полной тишины.

Неожиданно свет полностью погас – и в абсолютной темноте резанул поток яркого света. Он прошелся по всему залу и остановился

на Мишке, на миг ослепив его, брызнув в глаза миллионами сверкающих разноцветных огоньков.

– Да здравствует король! – под мощный рев зала возгласил выбежавший на сцену «капитан Флинт». – Слава королю!

– Слава!! – зал содрогался от неистовых воплей, криков и оглушительной музыки.

Стриптизерша, танцевавшая до начала шоу, подошла к опешившему от такой неожиданности Мишке и вывела его на залитую светом сцену. «Капитан Флинт» надел на Мишку такую же пиратскую треуголку, в какой был сам: это был пик праздника. То, что королем вечера выбрали именно Мишку, всем пришлось по душе.

Стриптизерша, едва прикрытая прозрачным пеньюаром, вынесла на подносе красочную бутылку «Холодный Яр» и два бокала. «Капитан» понемногу налил в оба и поднял тост:

– Здоровье нашего короля!

– Короли пьют не так, – теперь Мишке хотелось показать всю свою удаль и богатырскую силу. – Еще бутылку! За мой счет!

Когда ее принесли, Мишка резким рывком сорвал крышку и, запрокинув голову, не выпил, а вылил в себя все до последней капли. Одним махом. Подом на еще твердых ногах подошел к самому микрофону и сделал громкую отрыжку, похожую на настоящий звериный рык:

– Всем привет из глубины королевской души!

Такой удали тут не видел никто. Зал ревел и ликовал. Снова раздалась знакомая музыка и Мишка вместе с «капитаном Флинтом» зарычал в микрофон:

– Приятели, смелей разворачивай парус…

При этом он схватил под мышки своих двух новых подруг и стал кружить их на сцене, чем довел зал до полного неистовства.

– Хочу сказать, – стараясь перекричать бесновавшихся гостей, – что завтра в этом зале состоится финал «Турнира гладиаторов». Бои без правил! В полный контакт! Зрелище не слабонервных! Я, главный пират всех времен и народов, даю право нашему королю быть почетным гостем этого кровавого зрелища!

И положил ему в карман куртки красочный пригласительный билет. Но теперь Мишка плохо соображал суть происходящего. Перед глазами все плыло, плясало, сверкало. Он уже не помнил, как добрался

до своего столика и заказал еще одну бутылку. Принеся ее, официант засмеялся:

– Я ж говорил, что «штормить» будет сильно. А он не верил!

Мишка ничего не соображал. Он блаженно улыбался, с кем-то обнимался, расцеловывался, кому-то примерял свою «корону». Тем более, он не слышал, как Надя вполголоса обратилась к своей подруге Ладе:

– По-моему, он уже готов. Но на всяк про всяк кинь ему еще парочку. У тебя остались?

Не говоря ни слова, та открыла сумочку и незаметно вытряхнула из маленького пузырька две таблетки и так же незаметно кинула их в стакан Мишке. Когда они растворились, она поднесла стакан к его рту и почти силой вылила туда.

В помутневшем пьяном сознании Мишки проносились обрывки каких-то совершенно несвязанных между собой мыслей, слов и воспоминаний: океанские волны, горящие свечи, колонна бронетранспортеров, шум горной реки, церковное пение… А через несколько минут все это спуталось еще больше, закружилось, завертелось сплошным вихрем – и Мишка провалился в холодную черную бездну.

4. В УЩЕЛЬЕ

...Бой гремел где-то далеко в глубине горного ущелья. Слышались выстрелы гранатометов, «бээмпэшек»[41], беспорядочные автоматные и пулеметные очереди, разрывы гранат. В голове Мишки все эти далекие звуки, вместе с шумом Аргуна18, стремительно рвущегося в долину среди горных валунов и теснин, смешались в один сплошной нервно пульсирующий гул.

Он открыл глаза и первое, что увидел – это нависшая прямо над ним скала, за которую каким-то чудом уцепилось маленькое деревце. Оно держалось ни на чем: впившись в холодный серый камень самыми кончиками своих тонких, но цепких корней.

«Ишь ты, – мелькнуло в голове Мишки, – тоже жить хочет. Что человек, что растение – все равно к жизни тянется».

Какое-то время он продолжал смотреть на это деревце, уже вообще ни о чем не думая. Над скалой неслись низкие серые тучи, но

Мишке казалось, что это не тучи, а скала вместе с прилипшим к нему деревцем и самим Мишкой несется в том направлении, откуда гремела канонада.

Наконец, он приподнялся и увидел прямо перед собой страшную картину. Бронетранспортер, на котором они выдвигались на задание, горел на обочине дороги, перевернутый на бок. Десантные люки были открыты, и оттуда вперемежку с языками пламени валил черный едкий дым. Вокруг лежали тела убитых бойцов из его отряда: некоторые из них были уже обуглены от полыхавшего рядом огня. Рядом валялась настроенная на перехват эфира боевиков радиостанция.

– Гу тях ду тхо. Вуш мича бу?[42] – слышался оттуда хриплый голос.

– Ца а цависан! – докладывал ему другой. – Мос ду шу?[43]

– Со 5–ый секторе ву! Чьог во хезаш ву хо! Кхн канал те вала![44] – кричал третий.

Было ясно, что близко идет ожесточенный бой.

Мишка попытался подняться на ноги, чтобы посмотреть, остался ли кто-нибудь в живых, но тут же со стоном от жуткой боли во всем теле опустился прямо на пыльную дорогу, стиснув голову руками. Ему снова захотелось лечь навзничь, на спину, и ощутить чувство полета, легкого скольжения, наблюдая за одиноким деревцем на фоне неспокойного неба.

Но в это мгновение он вдруг почувствовал прикосновение сзади чьей-то руки. Мишка обернулся – и увидел перед собой незнакомца, по годам своего ровесника, почти в таком же военном снаряжении, только без оружия.

– Ты кто? Из «морпехов»[45], что ли?

Мишка знал, что рядом с ними, прикрывая один из участков оперативного направления, стоял батальон морской пехоты.

– Какая тебе разница? – ровным голосом ответил незнакомец. – Вставай, я тебе помогу.

– Погоди, – Мишка не спешил вставать, пытаясь нащупать нить связанной мысли и сообразить, что же произошло.

Словно угадав, что терзало Мишку, незнакомец сказал:

– Ваша разведка плохо сработала. Видишь ту высотку? – он указал рукой на одну из скалистых горных вершин, обступивших

ущелье со всех сторон. – Там боевики прятали оружие, и сами прятались там же. Вот и подорвались вы на их фугасе.

– А куда же сопровождение смотрело? Разведка прошляпила, а они куда смотрели, когда колонна шла по ущелью? – Мишка постепенно начинал что-то соображать.

– Туда же, куда и вы: на местность, на карту. Вас фугасом, а вертолет сопровождения «стингером». Те же самые боевики. Обычное дело на такой войне. Пошли к речке, за камни, а то снайпер тебе в голове дырку быстро сделает.

Мишка оперся на крепкую руку незнакомца и, хромая от сильной боли в суставе правого колена, послушно пошел к бушующей горной реке.

Неожиданно он остановился и снова посмотрел на парня в такой же камуфляжной куртке, но без оружия и даже без бронежилета – без чего они никогда не выходили на боевые задания.

– Слушай, земляк, – Мишка теперь смотрел на него не только с интересом, но и нескрываемым удивлением, – а сам не боишься быть продырявленным? Ты вроде как не на войне. Только балалайки не хватает. Ты кто такой? Где все остальные?

– Ой, как много вопросов!

– Так ответь, наконец, хоть на один.

– Чего ж на один? Только поймешь ли?

– Кончай пургу мести!

– Ладно, не кипятись. Ваше оружие мне ни к чему…

– Ага, у тебя свое есть. Особо секретное, – оборвал Мишка.

– Ну, вроде того. Все равно не поймешь.

– Конечно, куда нам, лапотникам! Ты что, с неба, что ль, свалился?

Незнакомец улыбнулся, глядя на Мишкино недоумение. Он поднял со скалистого аргунского берега небольшой темно–серый камень, отшлифованный водой со всех сторон.

– Смотри, – сказал он, подавая Мишке, – какую совершенную форму создает безжизненная природа. Вода шлифует камень так, как это способны сделать лишь великие мастера. Да и то не все…

– Ты не ответил мне, – оборвал его Мишка.

Незнакомец опустился на корточки и не кинул, а бережно опустил камень в воду, подставляя его пенящимся бурлящим потокам. Потом

взял камешки помельче и начал их бросать в речку.

– Сначала ты мне ответь, – он даже не посмотрел на Мишку, продолжая свое занятие. – Почему ты не утонул, когда провалился под лед? Или забыл, как захлебывался ледяной водой, хватался за края проруби, пытался кричать, звать на помощь? Да и кто б тебя услышал в тот вечер, когда ты решил после школы пойти напрямик через замерзший пруд?

– Ничего я не забыл, – сказал опешивший Мишка. – Так все и было. А ты-то, землячок, откуда это знаешь?

– Мы ж договорились: сначала на мои вопросы отвечаешь ты, а потом на твои отвечу я, – незнакомец по-прежнему бросал камешки в речку, не повернувшись в Мишкину сторону. – А помнишь, как погибли пацаны из соседней деревни, когда поехали на рыбалку? Или забыл?

Мишка побледнел и уставился на незнакомца немигающим взглядом.

– Вижу, не забыл, – таким же ровным и спокойным голосом продолжал он. – Поехали утром, обещали к обеду домой вернуться, но не судилось. Погибли. Пьяный шофер на КАМАЗе их раздавил. А ведь ты с ними тоже собирался порыбачить. Да температура вдруг свалила в постель. Ты еще расстроился, а мать уговорила тебя остаться, хоть и поругался ты с ней тогда крепко.

– Хочешь сказать, что я, это, как его – заговоренный, что ли? – выдавил из себя Мишка.

– Я лишь вспоминаю кое-что из твоей жизни, а ты думай. Помнишь, как погиб Санька–сибиряк? Снайпер его снял прямо с брони. Вы рядышком сидели. Неужто забыл?

Оттого, что незнакомец говорил обо всем этом ровным, совершенно бесстрастным голосом, словно воспроизводя то, что запечатлелось в чьей-то памяти, Мишке становилось жутко.

– Чего молчишь? Думай. А кто тебя полчаса назад вытащил из горящего бэтээра? Твоих друзей скоро «вертушка»23 заберет, потом их запакуют в «цинк» – и по домам. А ты здесь. Живой и, можно сказать, почти невредимый. Только головушка – того – бо-бо малость. Но это скоро пройдет. Чего это так тобою судьба распорядилась, на которую ты ропщешь?

Мишка сидел не просто изумленный, а остолбеневший, не зная, что говорить. Он вдруг почувствовал, что этот незнакомец, что сидел у самой кромки бушующей реки и спокойно бросавший в нее камешек за камешком, был не из соседнего батальона «морпехов» или бойцом из другого отряда специального назначения. Он был посланцем из какого-то неведомого, и в то же время очень близкого и знакомого ему мира – из его собственной жизни, где-то записавшейся, запечатавшейся, а теперь воспроизведенной прямо перед ним, словно отснятая пленка.

Внезапное озарение вывело Мишку из оцепенения.

– Хочешь сказать, что ты – мой ангел–хранитель?

Незнакомец кинул еще один камешек в речку и, повернувшись, наконец, к Мишке, засмеялся:

– Зачем ты задаешь столько глупых вопросов? Сам ведь говорил, что нет у тебя никакого ангела–хранителя. Якобы, судьба–злодейка с тобой хороводы водит и злые шутки шутит. Или не говорил этого?

Мишка снова ощутил, как его сковала необъяснимая сила, парализовав способность хоть что–то осмыслить и понять.

– Мало ли чего я говорил, – механически ответил он. – Ты что, везде за спиной стоишь и все слышишь?

Незнакомец снова незлобно засмеялся:

– Смотри, не пропей мозги. Ты их и так не привык напрягать. А они тебе пригодятся.

Мишка хотел что-то буркнуть в ответ, но не нашел ничего подходящего.

– У тебя сегодня бой, – незнакомец поднялся с корточек и подошел к Мишке, – так что отдыхай, набирайся сил. И ума тоже. Не забудь, о чем говорили. А пока отдыхай.

Он подошел вплотную, и тут Мишка увидел в глазах своего собеседника бездонное синее небо, наполненное тихим сиянием и тишиной. Мишка отвел взгляд немного в сторону, пытаясь понять, откуда могла отражаться эта неземная красота, но увидел над собой все те же скалы и низкие серые тучи, уносившиеся в ту сторону, откуда продолжал греметь бой.

– Такое бывает, – улыбнулся склонившийся над ним незнакомец. – Одни видят серые тучи, а другие – голубое небо, которое за ними спрятано. И солнце. Постарайся заглянуть туда – и сам увидишь.

– А разве…, – Мишка не успел закончить начатую фразу, как снова провалился в пустоту и беспамятство.

5. БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ

Мишке показалось, что он сомкнул глаза лишь на секунду. Но когда снова открыл их, то, к своему удивлению, уже не увидел ни странного собеседника, ни скалы, к которой прилепилось маленькое беззащитное деревце, ни шумного Аргуна, метавшегося, словно дикий зверь, в горловине каменного ущелья. Не было слышно боя.

Слегка приподнявшись, он с удивлением увидел, что лежит возле тихой речушки, совершенно один. Небо еще было темным, но на востоке, где огнями сотен окон мерцали городские многоэтажки, уже занялась заря. Какое-то мгновение Мишка пытался сопоставить реальность того, что он видел перед собой сейчас, с тем, что произошло там, возле объятого огнем бэтээра. Он не мог сообразить, где же на самом деле был сон, странное видение, а где начиналась реальность.

Он встал, подошел к самой кромке речушки и ополоснул отекшее лицо. Голова страшно гудела, в ней еще пульсировало буханье барабана, а во всем теле ощущалась такая тяжесть, словно оно было истерзанным, разорванным на мелкие части, исполосовано и раздавлено. Сознание постепенно возвращалось, восстанавливая в памяти все, что там смогло сохраниться за прошедшую ночь.

Он ощупал карманы. Пакета с деньгами, переданными ему в скиту, не было. Они бесследно исчезли. Ужас, смешавшийся с отчаяньем, охватил Мишку.

– Боже мой, – застонал он, опустившись на илистый берег и хватаясь за голову. – Боже мой!.. Что я натворил!..

Только сейчас он начал по-настоящему осознавать то положение, в котором оказался после пьяного ночного куража. Он мгновенно просчитал все возможные варианты выхода из создавшейся ситуации, но все они были тупиковыми. Он даже не мог представить, как, с какими глазами, словами он возвратится назад, если вообще возвратится. Как его встретят старцы, чудак Варфоломей, что скажут и подумают о нем, узнав о том, как он распорядился их деньгами и доверием. Чувство стыда – горького, граничащего с желанием

немедленно наложить на себя руки – заполнило все сознание Мишки, вытеснив оттуда обрывки ночных воспоминаний.

– Ах ты…, – он не жалел самых грязных слов, обвиняя себя в том, что произошло.

Где-то глубоко в подсознании мелькнула мысль:

«Чего раскудахтался, как баба? Гульнул на славу – и молодец. Остальное не бери в голову. Это тебе не с танком наперевес в атаку идти. Ты и так погамбалил на тех стариков. И что? Хоть спасибо от них дождался? Шиш с маслом! А сегодня «за так» даже папка мамку не целует».

Но Мишка отогнал эту шальную мысль, не дав ей укрепиться. Он лихорадочно думал лишь об одном: где взять исчезнувшую сумму?

«Стоп! – он ухватился за новую мысль. – Вроде, был какой-то базар насчет боев без правил».

Мишка пошарил по карманам и нашел мятый пригласительный билет с программой вечера, где помимо участников боев и прочего предлагалась возможность заработать на тотализаторе.

«Значит, бабло будет немалое, – сделал он вывод. – Это единственный шанс вернуть деньги, как-то выкрутиться».

Он вспомнил про Николая, обещавшего помочь, если приключится какая беда. Однако новая волна стыда, позора, нахлынувшая при одной мысли о том, что Николаю придется рассказать начистоту о своих ночных похождениях, заставили Мишку сосредоточиться на возможности заработать, выиграв престижный поединок.

Весь день он бесцельно ходил по городу, мысленно настраиваясь на предстоящий вечер. Он слабо представлял, каким образом сможет принять участие в боях, поскольку не был заявлен в программе, но твердо верил, что такой случай ему непременно представится.

Мишка спустился в клуб, когда снова сгустились сумерки. Он вошел туда, как триумфатор, под ликование и всеобщий восторг завсегдатаев и вчерашних свидетелей его удали. Все тот же расфуфыренный официант одарил его особенной лучезарной улыбкой.

– Что, чем лучше вечером, тем хуже утром, да? – хозяин вечера, накануне именовавший себя «пиратом всех времен и народов», по-дружески похлопал Мишку по плечу и пригласил сесть рядом с собой. С этой точки можно было прекрасно наблюдать за всеми поединками.

Недалеко от них расположилась отдельная небольшая ложа для особо почетных гостей.

Ринг находился теперь в самом центре зала, соединяясь со сценой узким переходом, по которому должны были выходить участники поединков. Столиков, где проводили свой досуг посетители клуба, вообще не было. Зал теперь более всего напоминал арену, залитую светом и заполненную до отказа любителями острых зрелищ. Между ними сновали какие-то дельцы, предлагая делать ставки на того или иного бойца. В зале стоял невероятный шум. Все ждали начала боевого шоу.

Однако первые же поединки сильно разочаровали не только Мишку, но и публику.

– Из них гладиаторы, как из меня ассенизатор, – махнул рукой раздосадованный Мишка, глядя на то, как те неуклюже махали руками, то и дело падая на ринге, суетясь и затягивая время.

Зрители ж теперь выражали свое недовольство оглушительным свистом, криками и бранью.

– Ты погоди, не суетись, – кричал почти на ухо Мишке его сосед. – Это ведь шоу. Тут своя интрига должна быть. Настоящее зрелище впереди. А что, может, сам пойдешь в бой, как вчера?

– Может, и пойду, – крикнул ему в ответ Мишка. – Что с этого иметь буду? Опять бутылку водяры24?

Сосед громко засмеялся:

– Сегодня на кону солидные «бабки» стоят. Как говорится, победитель получает все и сразу. Так что не суетись. Это тебе, брат, не с телками на сцене плясать.

И в самом деле, после нескольких поединков, рассчитанных больше на разогрев публики, начались настоящие зрелищные бои. Их участники теперь демонстрировали все: силу удара, изворотливость, динамику движений, разные стили восточных единоборств.

Напряжение нарастало. По всему чувствовалось, что главный поединок был впереди. Зрители неистово кричали, поддерживая своих кумиров. И, наконец, наступила кульминация.

– Гроза и гордость Кавказа! – громогласно объявил ведущий вечера. – «Железный Абдулла»!

И под звуки тяжелого рока на ринг вышел настоящий богатырь, одетый в длиннополый атласный халат с накинутым на голову

капюшоном. Когда он его скинул, публика заревела от восторга. На ринге стоял действительно гладиатор – атлетического сложения, с мощным торсом, играющими бицепсами, на крепких тренированных ногах. Приветствуя публику, он поднял вверх огромные кулаки, перед которыми, казалось, никто не устоит.

«Кто ж он такой?» – пытался понять Мишка, вглядываясь в смуглого атлета.

Тем временем в противоположном углу ринга появился соперник «Железного Абдуллы»: такой же крепко сложенный парень, но явно уступающий ему в атлетической мощи.

Уже первый обмен ударами дал понять, что он долго не продержится. Абдулла наносил удары, словно играючи, растягивая удовольствие. Противник же, напротив, пытался добиться победы на первых секундах боя, поэтому торопился, делал много ошибок, открывая себя для атаки то с одного, то с другого бока.

Второй раунд поединка, едва начавшись, был остановлен. Абдулла сделал резкий удар справа – и его соперник рухнул на пол.

Зал ревел и неистовствовал. Победитель с гордым видом расхаживал по кругу, вызывая желающих сразиться с ним. Но таких храбрецов не было. Мишка почувствовал момент и понял, что пришло время действовать.

«Ну что ж, или грудь в крестах, или голова в кустах», – подумал он и поднялся с места.

– Ты куда, парень? – ошарашено посмотрел на него сосед. – Никак рехнулся? Он же тебя одним ударом убьет!

– Да не собираюсь я с ним драться, – усмехнулся Мишка, – просто проверю, на самом деле он железный или это так, для красного словца сказано.

Весь зал на мгновение затих и повернулся в сторону Мишки, двинувшегося к рингу.

– Это же наш король! – крикнул кто-то, узнав в нем вчерашнего рубаху–парня.

В ответ публика взревела так мощно, что, казалось, потолок, из-за которого по всему залу разливался свет, вот-вот обрушится прямо на голову.

– Король! Король! Король!! – скандировали зрители, предвкушая что-то совершенно необыкновенное.

Мишка вышел на ринг и снял с себя тельняшку десантника, обнажив такой же мощный, накачанный стальными мышцами торс, крепкие закаленные руки. На груди, чуть повыше левого соска, была сделана татуировка: голова кобры, изготовившейся к атаке на жертву.

– О, знакомая картинка, – сказал Абдулла, подойдя к Мишке и ткнув пальцем в его грудь. – Отряд «Кобра», да? Мы, случаем, под Ведено[46] не встречались?

– Не знаю. Может, и встречались. Может, и не только там, а и под Шатоем, Бамутом[47].

Только сейчас Мишка рассмотрел своего соперника. Он был похож на мулата, очень смуглый, необыкновенно крепкий и подвижный. Говорил он с сильным восточным акцентом, что еще больше выдавало в нем бывшего наемника, воевавшего в горячих точках.

– Я смотрю, ты географию неплохо знаешь! – рассмеялся Абдулла.

– Учителя хорошие были, – с насмешкой ответил Мишка.

– Муха ю фамилн командирш?[48] – он вдруг перешел на ломанный чеченский язык.

– Я сам себе командир, – ничуть не смутившись, парировал Мишка.

– Тогда сразимся, как настоящие мужчины? – Абдулла смотрел на него вызывающе. – Посмотрим, чему тебя еще научили твои учителя.

– А чего не сразиться? Сразимся, – Мишка уже разминал ноги, – в обиде не останешься.

– Смотри, брат, чтобы тебе не пришлось кровью харкать, – злобно сверкнул глазами «Железный».

– Я для тебя не брат, а русский Спецназ. Если ты на Кавказе не набрался ума, то сейчас я преподам тебе несколько уроков.

Они разошлись в противоположные углы, готовясь к поединку.

– Не знаю, парень, кто ты такой и откуда, – сказал Мишке подошедший тренер, взявшийся быть его секундантом, – но постарайся продержаться хотя бы до конца первого раунда. И еще один совет. Ты сам видел, как он бьет правой. Но это ловушка. Главный удар у него – левой. Под нее упаси Бог попасть. Тогда все. Вынесут ногами вперед. Помни, что я сказал. Удачи тебе, безумец!

Он хлопнул его по плечу и отошел в сторону, оставив Мишку на ринге. Раздался удар гонга. Оба соперника стали сближаться. Мишка занял правую боевую стойку, чем сразу вызвал у Абдуллы некоторое неудобство.

Несколько секунд они просто стояли друг напротив друга, почти не двигаясь и не атакуя. Абдулла впился взглядом в Мишку, словно пытаясь загипнотизировать, парализовать волю. Затем он сделал прыжок вперед и нанес ему удар справа. Мишка качнулся назад, и тут же снова получил удар той же правой – прямо в грудь. Он отпрянул – и ощутил за спиной упругие канаты ринга.

Сделав несколько шагов в сторону, Мишка начал кружиться вокруг Абдуллы, провоцируя его на новую атаку. И когда тот уже начал наносить ему очередной удар справа – теперь уже прямо в голову, Мишка вдруг пригнулся и резко, с разворота, что есть силы, ударил Абдуллу пяткой чуть выше локтя левой руки. Этот удар назывался «укорачиванием рук». Левая рука Абдуллы мгновенно повисла, как плеть, и ему осталось уйти в глухую защиту, чтобы сдержать мощную атаку соперника. Гонг остановил поединок, объявив о завершении первого раунда.

– Ты все правильно понял, парень, – кричал Мишке в самое ухо секундант, стараясь перекричать свист и крики в зале. – Еще один такой удар – и все, он твой. Тогда не суетись. Все сделай красиво и правильно. Ты где так научился драться?

– В детском садике, – крикнул ему в ответ Мишка и, утерев пот с лица, вышел на ринг.

Он снова увидел перед собой злобные, разъяренные, пылающие бешеной ненавистью, глаза соперника.

– Абдулла, – вызывающе крикнул ему Мишка, – а ты, оказывается, совсем не железный. Зачем людей обманываешь? Нехорошо!

Даже сквозь крики и шум он услышал, как тот скрипнул зубами и сделал по горлу характерное движение рукой.

Какое-то время они старались наносить друг другу точные удары. Со всех сторон сверкали фотовспышки. Каждому хотелось запечатлеть мгновения этого незабываемого боя. Неожиданно ослепительно яркий луч блеснул прямо в глаза Мишке, отчего он зажмурился – и тут же

получил сокрушительный удар в голову. От этого удара он упал навзничь, раскинув руки и потеряв сознание.

В сверкающих огнях, которыми был залит ринг, он вдруг опять увидел горящий бэтээр, подорвавшийся на фугасе, а вокруг него – мертвые, обугленные тела своих боевых друзей. Потом он увидел отрезанные головы десяти десантников, попавших в плен к боевикам.

«Может, все это твоих грязных рук дело?», – мысль, мелькнувшая в затуманенном мозгу, быстро вернула сознание. Он увидел над собой склонившегося рефери, считающего секунды:

– Четыре! Пять! Шесть!..

Мишка поднялся и снова приготовился к поединку. Он видел перед собой глаза Абдуллы, кипевшие уже не злобой, а насмешкой, предвкушением скорой победы. Мишка почувствовал, как в его жилах стала закипать кровь. Стиснув зубы, он перешел в атаку. Ловко уходя от новых ударов Абдуллы, он наносил ему мощные удары сам, заставляя соперника отходить к канату и закрываться в глухой защите. Он даже не видел, что главное убойное оружие Абдуллы – левая рука – бездействовало, и он работал лишь правой, изредка пытаясь применить удары ногами.

Наконец, Абдулла упал на ринг. Оттолкнув рефери, Мишка нагнулся над своим соперником, немного приподнял его и снова нанес ему мощнейший удар. Потом еще и еще.

– Получай! – кричал прямо в лицо Абдулле разъяренный Мишка, нанося все новые и новые удары. – Это тебе за наших пацанов! За Леху! За Сибиряка! За его молодую вдову! На, гад, получай!!

В это время зал, доведенный до полного неистовства и безумия, кричал, словно это кровавое зрелище проходило действительно в римском Колизее, где бились бесстрашные гладиаторы:

– Убей! Убей его!!

Когда Мишку оттащили назад выбежавшие на ринг судьи, он был абсолютно невменяем и весь в крови своего соперника. Глядя, как такого же окровавленного Абдуллу понесли с ринга, Мишка процедил сквозь зубы, точно зная, что тот его услышит даже на том свете:

– Никто, кроме нас! Запомни этот главный девиз русского спецназа!

Он стоял посреди залитого светом ринга – абсолютный победитель и триумфатор. Его обнимали незнакомые люди, кто-то

накинул на плечи такой же дорогой атласный халат, в каком был и Абдулла. Оглушительно гремела музыка, рев толпы и аплодисменты, сверкали вспышки фотокамер. И среди этого грома, рева, свиста Мишка вдруг услышал тихий старческий голос отца Иоанна:

«Вам-то самим понятно, за что вы проливали свою и чужую кровь?».

Он с ужасом увидел, как за Абдуллой, которого без сознания уносили с ринга, тянулся алый след его живой крови. Мишка посмотрел на свои окровавленные руки. Потом он увидел, что ею была забрызгана вся его грудь. Ощутил ее на своем лице. Он почувствовал запах крови – живой человеческой крови, к которому привык на войне, убивая противника и теряя своих друзей. Это был знакомый ему сладковато-тошнотворный запах и привкус. Ему захотелось поскорее вытереть свои руки, но все, что он видел вокруг себя, было забрызгано и замазано кровью. Даже халат, прикрывавший его торс, тоже был алого, кровавого цвета.

Его быстро увели с ринга. Он услышал, как кто-то сказал:

– Через час чтобы он был наверху. Делай с ним, что хочешь, но приведи в чувство.

Молодая светловолосая девушка проводила его в ванную комнату, сверкающую чистотой, приятно пахнущую дорогой парфюмерией, мылом, шампунями.

– Давай я помогу тебе раздеться, – сказала девушка, снимая с него халат.

– Иди отсюда, – буркнул Мишка, постепенно приходя в себя.

Он разделся, снял с себя окровавленные брюки и лег в приготовленную для него теплую ванну с ароматными травами. Дверь снова открылась и рядом с Мишкой снова появилась та светловолосая. Она была тоже совершенно нагой.

– Чего пришла, кобыла? – Мишке не хотелось даже смотреть на нее.

– Дурак, я все сделаю, как надо, – та не ответила на его грубость. – Лежи спокойно.

– Пошла вон, – Мишка опустился в ванну еще глубже, стараясь откиснуть от слипшихся на его теле сгустков крови.

– Какие мы стеснительные, – засмеялась девушка. – Может, ты еще вообще нецелованный, а?

Перехватив злобный взгляд Мишки, она поспешила оставить его одного. Он встал и включил холодный душ, подставив лицо под упругие струи.

«Вам-то самим понятно, за что вы проливали свою и чужую кровь?», – снова вспомнил он слова старца.

«Господи, – взмолился Мишка, – как же мне теперь жить со всем этим? Как жить с этой кровью?».

Он стоял и стоял под холодной, почти ледяной водой, уже посиневший от холода, не в силах дать ответ на вопрос, звучавший в его ушах и сознании:

«За что вы проливали свою и чужую кровь?».

Он чувствовал, что еще миг – и не выдержит этого внутреннего напряжения, сойдет с ума.

«Господи, как мне жить после всего этого?».

Он с размаху, что есть силы, ударил кулаком в стенку, покрытую дорогим кафелем, отчего тот треснул и мелкими кусочками осыпался в ванну. Кровь снова потекла с Мишкиной руки.

Когда он вышел из ванны и оделся, волнение и нервная дрожь во всем теле немного утихли.

– Пошли, красавчик, – девушка повела его наверх по инкрустированной деревянной лестнице.

В шикарно меблированной комнате Мишку ждали четверо элегантно одетых молодых мужчин. Один из них пригласил Мишку присесть возле большого стола.

– Это тебе. Три штуки[49]. Честно заработал, – он протянул ему через стол конверт. – Остальная часть полагается сопернику. Таковы условия поединка.

– Это тоже твое, – Мишка сразу узнал тот конверт, который у него украли минувшей ночью. – Другой раз будь немного умнее и меньше откровенничай с «сосками»30.

– А ты молодец, – добродушно рассмеялся тот, кто, по-видимому, был главным в этой компании. – Завалить самого Абдуллу! Это, скажу тебе, очень крепкий орешек. Молодчина. Давай знакомиться, что ли?

По Мишкиному виду можно было догадаться, что он совершенно не был настроен на задушевные разговоры. Ему хотелось одного: отдохнуть.

– Ладно, парень, – перед ним положили несколько заполненных листков. – Мы предлагаем тебе контракт. Вот его условия. Однокомнатную квартиру со всеми удобствами, машину фирма тебе предоставляет авансом, остальное будешь зарабатывать тем же способом, что и сегодня. Ты нам понравился. Как, лады?

Мишка повертел листки и, ничего не соображая, положил их назад.

– Лады, коль не будет беды, – попробовал отшутиться Мишка.

– Тебе надо хорошенько отдохнуть, – по-своему поняли его уставшее состояние хозяева. – Эта девушка проведет тебя в номер, где есть все необходимое. Даже с тобой может остаться. А завтра обо всем и потолкуем. Тебе крупно повезло, парень! Такой шанс выпадает не каждому.

Но намеченного разговора не состоялось. Даже страшная усталость и разбитость во всем теле не помешали Мишке подняться, как обычно, рано утром, когда все еще спали. Он запер номер на ключ и неслышно покинул ночной клуб. Выйдя на улицу, он глубоко вдохнул бодрящий утренний воздух и поспешил заняться тем, ради чего приехал в город.

Через день он уже был готов ехать назад. Найдя визитку Николая, он набрал его номер.

– Вот и молодчина, что позвонил, – обрадовался тот, услышав Мишкин голос. – Ты не поверишь, но сегодня я снова еду в скит, надо кое-что забросить. Так что будешь снова попутчиком.

Мишка рад был опять встретиться с Николаем, его женой и дочкой, все так же свернувшимися калачиком на заднем сиденье и мирно спавшими.

– Не слыхал, что произошло? – Николай весело делился с Мишкой последними новостями. – У нас в ночном клубе какой-то заезжий Робин Гуд давеча так отделал известного каратиста, что того до сих пор не могут привести в чувство. Не слыхал? Нет? Да ты что! Весь город гудит, только и разговоров на эту тему.

Мишка смотрел в приоткрытое окно и вдыхал ветер.

– Я бы этому парню руку пожал! Веришь: просто жизни нет от бардака и беспредела. Нет, ты не подумай, что я расист какой или скинхед. У меня друзья разные есть, в том числе кавказцы. Все нормальные, порядочные люди. Ничего не могу сказать плохого про

них. А вот беспредельщиков надо наказывать. Хозяевами себя возомнили. Девчонок наших паскудят, людей обижают, на чужой бизнес хотят лапу наложить. Вот их и проучили. Теперь всех беспредельщиков из города погнали. Всех!

Мишка улыбался, но эту тему не хотел обсуждать.

– Нет, я бы тому герою лично б руку пожал, – опять восторженно сказал Николай. – И откуда он взялся такой на нашу голову? Случаем не знаешь?

Он косо посмотрел на Мишку, но тот сказал:

– Включи лучше музыку. Устал я что-то за эти дни. А с чего – и сам не пойму.

Не отвлекаясь от дороги, Николай порылся в коробочках с лазерными дисками и вставил один из них в проигрыватель. Тихо заиграла гитара, и чей-то очень теплый голос запел:

За окном береза,
За березой поле,
А за полем хлебным старый сельский храм.
Принесу я слезы,
Горести и боли,
Радости и беды чистым образам.

– Кто это? – тихо спросил Мишка, изумленный проникновенным душевным пением.

– Бородий. Валентин Бородий, молодой певец с Украины, – так же тихо ответил Николай, словно боясь вспугнуть лившуюся песню. – Большой, скажу тебе, талант. Талантище!

Припаду с поклоном
К Матери Всепетой:
Радосте скорбящих, Ты меня взыщи!
У святой иконы
Озарится светом
Мрак моей пропащей, гибнущей души.

«Как же я за вами соскучился! – вздохнул Мишка, вспомнив своего чудаковатого друга Варфоломея, отца Иоанна, других старцев. –

Варфоломей, небось, уже рыбы наловил. Ждет, когда приеду, чтобы ухи наварить. Скоро, скоро уже… Как мне вас не хватало!..».

Нет, не одиноки
Мы по жизни этой
Крест свой без роптанья по земле нести!
Светит нам высоко
Невечерним светом
Матерь Всесвятая пламенем любви!..

«Чего искать? Чего бегать? – думал Мишка, ловя каждое слово звучавшей песни. – Хватит, навоевался».

Когда они приехали в скит, Мишка пошел искать отца Иоанна. Тот был в церкви. Сидя в своей инвалидной колясочке, старец беззвучно молился возле старинного образа Богоматери. Мишке не хотелось нарушать это молитвенной спокойствие и тишину. Он подошел и опустился на колени перед иконой. Ему показалось, что Матерь Божия в это мгновение заглянула ему в самую душу Своим всепрощающим нежным взглядом. Мишке захотелось молиться и молиться, как это делал старец, но он не мог найти нужных, подходящих для такого душевного состояния слов. Вместо этого в его душе и сознании звучала песня:

Тихим взором нежным
Снизойдет прохладой
С досок потемневших кротость и любовь.
Ты моя надежда,
Ты моя отрада,
Ты мне утешенье, радость и Покров!

6. МОЛИТВА

Мишка лежал на жестком деревянном топчане, закинув руки за голову и уставившись на темный, почти черный потолок. В дальнем углу бегал отблеск горящей лампадки. Он вспоминал странного собеседника, явившемуся ему в том ночном видении, и силился понять, что же это было на самом деле: сон, какая-то галлюцинация,

плод собственного воображения или же тайна, вопрос, поставленный ему для того, чтобы помочь по-новому осмыслить прожитую жизнь.

«Такого не бывает, – размышлял Мишка. – Я уже многое забыл, а кто-то обо всем помнит. И прорубь, куда я провалился под лед. И Ваську с Генкой, когда они под КАМАЗ попали. И тот бой, когда все наши бойцы подорвались на фугасе. Или это в моей башке все записалось, а потом вдруг воспроизвелось. Допустим. А почему раньше такого не было? И кто он вообще такой? Так ведь и не ответил. Только камешки в речку кидал…».

Рядом заворочался Варфоломей. Потом приподнялся, сел на край топчана, свесил ноги и, не открывая глаз, словно во сне, тихим голосом запел:

Мой Ангел–хранитель,
От Бога мне данный
В сопутии жизни земной,
С младенчества сердцем любимый, желанный,
Ты был неразлучно со мной.

И, не открыв глаз, снова бухнулся на топчан, продолжая тихонько петь:

Зачем же в годину
Скорбей, испытанья
Твой голос небесный затих?
Зачем я не вижу
Во мраке блистанья
Серебряных крыльев твоих?..

«Вот еще чума на мою голову, – вздохнул тяжело Мишка, оторвавшись от своих дум и прислушавшись к Варфоломею. – Тоже мне певец с погорелого театра. Не пойму: дурак он, в самом деле, или только прикидывается. Были ж такие люди на Руси – юродивые. Ходили по городам, селам, чудачили. Одни с них смеялись, а другие за святых почитали. Может, и Варфоломей такой? Если раньше юродивые были, то почему теперь их не может быть? Кто ему сказал, что я решил покинуть скит? Ведь никто не знал, кроме меня самого. Никто. А он узнал. Или нутром почувствовал».

Варфоломей продолжал что-то мурлыкать в подушку.

«Вот с какой это стати он распелся? – продолжал размышлять Мишка. – Как будто опять мои мысли читает. Или то впрямь ангел

был? Вот так живем, ходим, говорим, всякие дела делаем. И не догадываемся, что все где-то фиксируется, запоминается. А вдруг на самом деле так? Что тогда?».

Теперь уже Мишка подскочил с топчана и сел на край, пытаясь связать нахлынувшие на него мысли и чувства в один узел. Перестав мурчать в подушку, Варфоломей повернулся и открыл глаза.

– Чего опять вытаращился? Давно не виделись? – незлобно спросил Мишка, пытаясь справиться с роем мыслей в голове. – Ты еще про крейсер «Варяг» спой. Знаешь такую песню? «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает!». Давай. А я подпою. Пусть монахи прибегут, посмотрят на наш концерт по заявкам трудящихся.

В ответ Варфоломей запустил руку под подушку и, вытащив оттуда какой-то предмет, кинул его Мишке:

– Держи, служивый! Да покрепче!

Мишка мгновенно поймал этот летящий предмет. Им оказалась обычная сосновая шишка размером с лимон. Она легко умещалась в ладони. Мишке захотелось бросить шишку назад, в Варфоломея, но тот вдруг подскочил к нему и, сильно сжав обеими руками его ладонь, горячо зашептал:

– Крепче, крепче держи! Не выпускай!

– Хватит валять дурочку, – Мишка легко высвободил свою ладонь и, чтобы успокоить Варфоломея, положил шишку себе под подушку. – Отсюда она никуда не денется. Давай-ка спи!

Варфоломей приложил палец к губам и теперь уже как-то заговорщически повторил шепотом:

– Не выпускай! Крепко, крепко держи ее!

Мишка махнул рукой, не желая участвовать в этом непонятном спектакле, но все же продолжал думать о связи случившихся с ним событий.

– Варфоломей! А Варфоломей! – Мишка снова повернулся к своему чудаковатому другу. – Ты сам-то как думаешь: Бог есть? Чуешь меня?

Варфоломей молчал, укрывшись с головой и тихонько похрапывая.

– Чуешь, раз молчишь и в две дырочки сопишь. Вот и мне кажется, что есть. Не знаю, как тебе это объяснить, но теперь и я верю,

что есть какая-то сила над нами. Или внутри нас. А может, то совесть наша перед Богом ответ держит? Как думаешь?

Варфоломей по-прежнему лежал молча. Мишка тоже помолчал немного, потом достал из-под подушки спрятанную шишку и легонько кинул ее на топчан Варфоломея.

– Ты мне одно скажи, сопун, как узнал, что я тогда уехать собрался? Ты же не спишь, а только вид делаешь. Как догадался?

Варфоломей заворочался, что-то пробормотал, потом взял шишку и положил себе под подушку.

– Волчок под бочок – и молчок! – тихо засмеялся он.

– Ага, все понял, – вздохнул Мишка и опять повернулся на бок. – Что тебя, что волчка твоего спрашивать – все без толку.

Он старался перебирать охватившие его мысли о Боге и смысле жизни, вспомнить что-то еще, но запутывался в них все больше и больше. Наконец, он устал думать и уснул.

После утренней службы Мишка пришел к отцу Иоанну и рассказал ему о всех своих злоключениях во время поездки в город.

– В тебе огонь бушует, а укротить некому, – в раздумье сказал старец, поправляя кочергой горевшие в печи поленья. – Здесь вот тоже огонь, – он указал на печку, – да только от него пользы много: и светит, и греет, и готовить на нем можно. А в тебе бушует, клокочет, словно вулкан. И пользы никакой: ни тебе самому, ни людям. Одна беда.

Он взял доллары, которые Мишка выиграл.

– Вот принес ты эти деньги. Говоришь, заработал. А о том подумал, угодна ли эта жертва Богу? Или будем дальше строить храмы, украшать их иконами да колоколами на ворованные деньги? Сначала страну разорили, народ Божий пустили по миру, довели до полной нищеты и отчаяния, детей развратили, а теперь благотворением занялись, храмы стали строить! На краденные, ворованные, обманом, на чужих слезах, на чужом горе, на кулаках да мордобоях заработанные! Думаешь, этими деньгами откупимся от Божьего гнева? Нет, еще больший накличем на свою голову! Почему Богу приятна была жертва Авеля, а Каинову отверг? Пусть сначала все, кто грабил народ, у этого народа прощения просят! Все, кто ободрал его, как липку! Пусть вернут награбленное, обманом нажитое, а потом идут к Богу с покаянием.

Мишка молчал, не смея перечить старцу или оправдываться перед ним. Стыд, горький стыд палил, жег его душу, утверждая в правдивости слов о полыхавшем там пламени.

– Запомни, солдат: «Жертва Богу дух сокрушен. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Запомни и заруби эти слова в своей памяти. Так святой пророк сказал. А деньги, – он кивнул на пачку долларов, – забери. Куда хочешь девай их, но отсюда забери. На них крови человеческой много.

Мишка в совершенном смущении положил деньги в карман.

– Тебе Бог дал здоровье, силу, ум, – уже сочувственным голосом спросил отец Иоанн. – А для чего? О том думал или нет? Чтобы один другому физиономию квасить? Или тоже доллары покажешь, когда Он призовет к ответу и спросит, что ты дал взамен?

– Думал, – растерянно ответил Мишка. – Только сложно мне понять все. Не знаю, как дальше жить.

– Как жить? – старец теперь улыбнулся, посмотрев на опустившего голову Мишку. – А так, чтобы святым быть.

– Мне? Святым? – от неожиданности Мишка вскинул голову и удивленно посмотрел на монаха.

– Да, солдат. Святым. Грешить заканчивай.

– На мне печать ставить некуда, а вы: «Святым». Столько всего накуролесил…

– Накуролесил. Вот и потрудись исправиться. Другие ж могли. Тоже куролесили: и воевали, и кулаками махали, и водку пили. А потом покончили с прежней разудалой и развеселой жизнью – и стали святыми.

– Наверное, побольше моего знали. Потому и стали, – пробурчал Мишка.

– Жить, говорю, стали по-другому. Свято. А не купаться в грехах, как прежде.

– А с моими грехами что мне делать? Как жить? Небось, у них все по-другому было.

Старец опять ласково улыбнулся, посмотрев на Мишку.

– Грех он и есть грех. Так что, солдат, у всех одинаково начиналось. Да по-разному кончилось. А как жить тебе?..

Отец Иоанн вздохнул и прикрыл глаза, опустив голову.

– Что было – то было. Господь сказал одному грешнику так: «Держи, – говорит, – сердце свое в аду, но не отчаивайся». Видишь, как все просто? Каяться надо, просить Бога помиловать за наши грехи, считать себя великими грешниками перед Ним. Искренно, слезно считать, а не как лицемеры. Но при этом не отчаиваться в спасении. Господь ко всем милостив. А к кающимся грешникам – наипаче. Это тоже держи в уме. Я такой же солдат был, как и ты. Наукам разным не учился. Все, что знаю и чему научен – то от Бога.

Мишке снова захотелось возвратить заработанные доллары, но, вспомнив строгие слова наставника, не рискнул гневить его.

– Живи пока с нами, – отец Иоанн подкинул в печь пару смолистых поленьев. – Живи, пока не поймешь, не уразумеешь, чего Бог ждет от тебя. А там решишь, как быть дальше: остаться или же идти дальше кулаками махать, из пулемета строчить. Наши силенки совсем слабы, а тебя Господь силой не обидел. Потрудись для благого дела. И дрова заготавливать надо, и просфорное тесто месить – всюду крепкие руки нужны. Когда мы впервые пришли сюда – одно дело было. Теперь забот прибавилось. Так что сделай милость, не откажи старикам. А там, глядишь, и мы тебе пригодимся. Не смотри, что совсем ветхие стали…

Мишка вышел из кельи старца. Солнце светило ярко, но было уже по-осеннему холодно. По двору скита ходили одинокие паломники, приехавшие сюда помолиться из разных мест. Некоторые сидели на лавочке, с удовольствием подставив лицо солнечным струям, лившимся с пронзительно голубого неба.

Мишка прошел через двор и направился к приоткрытым дверям храма. Возле них стояла женщина средних лет, не спускавшая глаз с Мишки. Когда он подошел еще ближе и взялся за дверную ручку, она вдруг остановила его и повернула к себе.

– Батюшка, помолись за моего мужа! – она умоляюще посмотрела на Мишку.

Ее глаза были заплаканы и полны отчаяния.

– Я не батюшка, – буркнул Мишка и хотел пройти мимо. Но та не пустила его.

– Помолись! Христом Богом прошу!

– Кто я такой? – Мишку охватило сильное смущение. – Вон священники есть, старцы.

– А я тебя прошу! – она еще крепче схватила Мишкину руку. – Его с отрядом ОМОНа в горы послали. Нельзя ему погибнуть! Ребеночек его у меня под сердцем бьется. Понимаешь?

– Да кто я такой, чтобы молиться? – Мишка попытался освободиться от руки незнакомки, но та буквально вцепилась в него. – Просто живу здесь, помогаю.

– Вот и помогай. Только помолись за моего Алешу. Ни о чем больше не прошу. Помолись.

Она смотрела на него одновременно и требовательным, и умоляющим взглядом, и взгляд этот сейчас касался каких-то совершенно неведомых уголков Мишкиной души.

– Правда, не умею молиться, – сиплым от волнения голосом прошептал он. – Но попросить попрошу. Как умею.

– Так и попроси, милый. Как умеешь, – женщина прошла за ним к чудотворному образу.

В храме не было ни души. Даже послушник, обычно неотлучно сидевший возле свечного ящика, закрыл его и куда-то ушел. Пахло ладаном. Все подсвечники тоже были пусты, и лишь возле почитаемого образа Богоматери горели пучки свеч.

Мишка подошел к иконе, перекрестился, и, приподняв рабочий халат, больше схожий на монашеский подрясник, опустился на колени.

– Я и правда не умею молиться, – прошептал он, обернувшись к незнакомой женщине. Но, увидев снова ее заплаканные глаза, обращенные к святому образу, больше ничего не стал говорить в свое оправдание. Перекрестившись еще раз и сделав поклон, он собрался с мыслями. А потом с сильным волнением начал:

– Матерь Божия, кто я такой, чтобы просить Тебя? Прости, что беспокою. Не за себя прошу, а за вот эту рабу. Как зовут тебя? – шепотом спросил он.

– Полина, – утерев слезы, так же шепотом ответила она.

– За Полину прошу и мужа ее Алексея. На войне он. Опасно там. Очень опасно. Ради их ребеночка будущего, ради слез и молитв жены спаси его. Спаси его, Матерь Божия, и огради. Ты ведь все можешь. Вон сколько чудес от Тебя!..

Женщина уже не просто плакала, а рыдала, не в силах сдержать слез.

«А ведь она не от моих слов плачет, – подумал Мишка, снова собираясь с мыслями. – Она сердцем молится. Бога чувствует. Божью Матерь».

В его душе вдруг проснулось горячее сострадание к этой совершенно незнакомой ему женщине. Он представил, как действительно тяжело и опасно ее мужу там, куда его командировали, а ей одной тут, да еще беременной.

– Матерь Божия, – вздохнул Мишка, подняв взгляд к святому лику. – Спаси его! От всего спаси, что может приключиться там. От снайперской пули, от засад боевиков, от минных ловушек. А еще от болезней, холода, увечий, головотяпства нашего русского, от своих же дураков, трусов и предателей. Спасай его всегда, ночью и днем, на боевых заданиях и когда возвращается с них. Чтобы не спился, не сел на иглу, не сошел с ума от всех кошмаров и грязи.

– Спаси его, Матерь Божия! – Мишка чувствовал, что Заступница слышит его слова, внимает им. – От плена бандитского спаси. А коль случится такая беда, и там не оставь его. Пусть не дрогнет. Дай ему сил все перенести. Но пусть лучше этого не случится. Возврати его домой к жене. Ты ведь видишь, как она любит его и ждет. Возврати его живым и невредимым.

– Если он и провинился в чем перед Богом и Тобою, – Мишка не замечал, как слезы текли уже и по его щекам, – то накажи меня, а его спаси. Меня есть за что наказать. Во всем виноват и грешен перед Тобою. От самого детства и до сегодняшнего дня. Какой есть, такой и стою пред Тобою. Прости за все. Не отвернись от меня. Услыши. Аминь.

Он опустился пред образом в глубокий земной поклон, продолжая просить Заступницу всех христиан уже не словами, а сердцем вымаливая жизнь незнакомому воину, оказавшемуся в том же краю, где побывал когда-то и сам.

Наконец, он поднялся с колен и неслышно пошел к выходу. Его душа внутренне снова рвалась предстать пред святым образом – пусть неумытая, нераскаянная, ничего не умеющая, но в надежде на милосердие и любовь Божией Матери к грешникам. Но Мишка понимал, что больше того, о чем он просил, уже не способен.

– Откуда ты все это знаешь? – женщина вышла за ним и легонько тронула за руку.

– Что именно? – немного успокоившись, взглянул Мишка.

– Ну, про снайперов, ловушки минные, засады. Сам, что ли, воевал там?

– Да так, – уклонился от прямого ответа Мишка, – в книжках разных читал.

– Где ж ты так молиться научился? Я ведь молитвы разные знаю, а такой, какую ты читал, не припомню. Тоже, что ль, в книжках вычитал?

– Ежели что не так, не по-книжному, то прости. Предупредил же тебя, что не умею молиться.

Женщина опередила Мишку на шаг, встала перед ним и заглянула ему в глаза.

– Это ты меня прости, солдат. Я ведь знаю, что ты воевал. По глазам твоим вижу. Сердцем бабским чую. Оно не обманет. Воевал. Понюхал пороху.

– А кто тебя ко мне подослал?

Женщина первый раз за время их общения слегка улыбнулась:

– Не подослал, а подсказал. Надоумил, к кому подойти, чтобы мольбу мою услышали.

Мишка в изумлении посмотрел на нее.

– Ну и…

Женщина робко посмотрела в сторону храма, откуда они только что вышли, и чуть слышно прошептала одно–единственное слово:

– Она…

7. «БУМАЖЕЧКИ»

Уставший от всех дум и переживаний Мишка лег на топчан. Он даже не взглянул на Варфоломея, сидевшего на корточках у открытой створки печки и изо всех сил дувшего на едва теплившийся там огонек. Мишка еще пытался осмыслить слова, сказанные ему старцем, то начиная думать о встрече у дверей храма, но его мысли кружились и кружились, ни на чем не останавливаясь и ни за что не цепляясь. Ему казалось, что он в шаге, даже в полушаге от чего-то очень важного – только протяни руку и возьми ключ от некой тайны, но странная сила не пускала его сделать это последнее, решающее движение.

Настырная возня Варфоломея с сопением и вздохами оторвали его от этой внутренней борьбы.

– Слышь, кудесник, любимец богов, возьми кусок бумаги и подложи под щепки, – обратился он к Варфоломею. – Ты где слишком умный, а где как дите малое. Печи кладешь, а разжечь огонь в печи ума не хватает?

– Лежи, лежи, служивый, – не переставая дуть, ответил Варфоломей. – А коль такой умный, то скажи, где бумаги взять?

– «Где взять, где взять…», – пробормотал Мишка, не желая вступать ни в какие разговоры, но, вспомнив, что у него лежала не то газета, не то порванный журнал, ответил:

– Раскрой сумку.

Варфоломей порылся и с тихим радостным мурлыканьем под нос занялся топкой печи. А Мишка снова попробовал сосредоточиться на пляшущих в его голове мыслях. Он даже не заметил, как начал погружаться в сон. И наверняка б заснул, если бы не скрип входной двери и вскрик удивления, смешанный с ужасом:

– Что ты вытворяешь, безмозглая твоя голова?

В дверях стоял отец Платон.

Несмотря на сравнительно молодой возраст – ему едва перевалило за тридцать – он был уже архимандритом и давал понять, что с его словом и мнением обязаны считаться все. А по-иному, как он полагал, и быть не могло. Рядом с ветхими, немощными старцами, впервые проложившими в эту глухомань первую тропку, к тому же на своих дряхлых и немощных ногах, а теперь проводившими остаток своих дней в непрестанной молитве и келейном уединении, молодой монах кипел энергией и здоровьем. Да и на монаха он был похож не слишком. Скорее на художника. Или писателя. В крайнем случае, на геолога, которого ненадолго занесло в здешние места. Среднего роста, с аккуратно стриженой бородкой и такой же аккуратной прической, переходящей на затылке в элегантный хвостик. А когда он снимал подрясник, пошитый, как и все другие его облачения, из очень дорогой материи, и оставался в джинсах, модной футболке и куртке, с мобильными телефонами в обеих руках, и в таком виде садился за руль своего «внедорожника», то от его монашеского вида и вовсе не оставалось следа.

Отец Платон не скрывал, что пользуется безграничным покровительством сверху. Ради стремительной духовной карьеры он бросил учебу на экономическом факультете университета, посчитав, что на новом поприще сумеет более успешно реализовать себя и как человек с деловой хваткой, и как духовное лицо. Не скрывал отец Платон и того, что его присутствие в таком захолустье было связано с планами коммерческой «раскрутки» скита с целью привлечения еще большего числа благодетелей и прибыли от нескончаемого потока паломников, тянувшихся в это безлюдье для молитвы перед чудотворным образом, да за мудрым советом здешних старцев.

В храме он служил редко, занимаясь в основном встречами с деловыми людьми, переговорами и поездками в город, где его ждали те же бесконечные дела и встречи.

От резкого голоса отца Платона, появившегося в дверях, Мишка вздрогнул и вскочил с топчана, где уже дремал, запутавшись в своих мыслях.

– Ты что делаешь, безмозглый?! – отец Платон готовился в дорогу и потому стоял, как обычно, в джинсах и спортивной кожаной куртке.

Даже не повернувшись в сторону архимандрита, Варфоломей продолжал что-то палить и подбрасывать в открытую дверцу печки, так же мурлыча себе под нос. Вместо него ответил Мишка:

– Неужто непонятно? Печку топит. Дрова отсырели, вот он их сухонькой бумажечкой.

Отец Платон стремительно подбежал к Варфоломею и вырвал у него комок бумаги, готовый полететь в огонь.

– Бумажечка?! – снова взвизгнул архимандрит, поднося ее к самым глазам Мишки. – Это ты называешь бумажечкой? Или тоже стал таким, как твой полоумный дружок? Даже хуже! Он дурак, с него взять нечего! А ты-то зачем дурака из себя корчишь? Или впрямь такой и есть?

Теперь Мишка понял причину бешеного возмущения отца Платона. Он увидел в руке архимандрита скомканную стодолларовую купюру – одну из тех, что лежали в его сумке. От того, что по своей наивности сделал Варфоломей и чем это обернулось, Мишке стало весело. Он громко рассмеялся, чуть не повалившись опять на свой топчан. Но, вспомнив, что перед ним все же стоит архимандрит,

быстро унялся, хотя внутренний смех от всего происшедшего просто раздирал его.

– Может, ты это тоже называешь «бумажечкой»? – отец Платон, немного придя в себя, теперь смотрел на Мишку надменно и с презрением.

Он сразу невзлюбил его, приехав в скит. Он не мог понять, что держало этого здоровяка в такой глуши, и от непонимания видел в Мишкином присутствии недобрый умысел. Но еще больше он не любил Варфоломея – всегда немытого, нечесаного, в рваных лохмотьях, с грязными, годами нестрижеными ногтями, дурно пахнущего лесной гнилью и псиной от постоянного соседства с дикими обитателями.

Но больше всего отца Платона раздражало то, что этот оборванец появлялся всегда в тот момент, когда на встречу с отцом архимандритом в обитель на дорогих иномарках приезжали знатные гости. Варфоломей появлялся всегда некстати, крутился вокруг гостей, заглядывая им чуть не в рот, что-то канюча, над чем-то посмеиваясь, вызывая у приезжих господ смущение и брезгливость. Те старались каким-то образом отгородиться от этого надоедливого чудака, но тот, напротив, ставал еще более откровеннее в своем чудачестве. Отец Платон был рад убрать из скита обоих – и Мишку, и Варфоломея, но старцы не позволяли ему.

– Что скажете, сударь? – с насмешкой спросил отец Платон, теперь уже наслаждаясь своим превосходством. – И много еще у вас таких «бумажечек» на растопку? Может, поделитесь? Подкинете малость?

Мишка заметил, что Варфоломей притих и, теперь повернувшись к стоящему к нему спиной отцу Платону, следил за обоими. Ему стало обидно за своего друга. Он без тени смущения посмотрел в глаза архимандриту и чуть улыбнулся.

– Много-немного, а держим на всяк случай. Поди, не в городах живем, не в столицах, где полно киосков с газетами да журналами. Варфоломей, а ну покажи, сколько там еще этого добра?

Не вставая с пола, Варфоломей как-то по-собачьи, на четвереньках, подполз к сумке и вытряхнул оттуда остаток лежавшей там пачки с долларами, а потом так же приковылял к Мишке и протянул ему.

– «Тонны» на две с половиной[50] потянет, – Мишка взглянул на пачку оценивающим взглядом, а потом бросил ее назад Варфоломею. – Я думал, ты давно спалил.

Поняв Мишкины слова по-своему. Варфоломей в один прыжок очутился возле печки и бросил туда всю пачку. К тому времени огонь в топке уже плясал веселыми язычками, и очутившаяся там пачка сразу занялась. Опешивший, остолбеневший лишь на мгновение отец Платон ринулся следом и, грубо оттолкнув Варфоломея, голыми руками выхватил из печи уже дымившиеся стодолларовые купюры. Он даже не пожалел своей дорогой модной куртки, погасив об нее слегка обугленные края.

– Слава Богу, – зашептал он, внимательно осмотрев пачку со всех сторон, – слава Богу… Целехоньки!

Мишка снова не сдержал смех:

– Да что вы так переживаете, отче! У нас этого добра полный сундук! Берите, нам не жалко!

Отец Платон метнул взгляд по убогой комнатке, ища этот самый сундук, но тут же понял, что теперь его просто разыгрывают.

– Я слышал, ты воевал где-то? – отец Платон снова овладел кипевшей в нем злобой и ненавистью к обоим. – Оно, между прочим, видно, что с головой у тебя не того…

Он многозначительно покрутил в воздухе правой ладонью. Потом, не дожидаясь ответной реакции, сунул спасенные доллары в боковой карман куртки и вышел вон. Но в дверях обернулся и язвительно процедил:

– Я еще разберусь, откуда у вас эти «бумажечки»! И, сказать по правде, не удивлюсь, если вас обоих или, по крайней мере, тебя, – он сверкнул глазами на Мишку, – отсюда увезут в наручниках.

К своему большому удивлению, Мишка был абсолютно спокоен. Ему ни в чем не хотелось оправдываться. Он вдруг почувствовал неведомое, необъяснимое облегчение, радость от осознания того, что у него забрали то, в чем укорил его старец – заработанные в ночном клубе деньги. Ему ни капли не было жаль этой утраты, даже если б они действительно дотла сгорели в печи, не доставшись никому. Напротив, Мишке теперь казалось, что именно такого поступка – решительного, без капли сожаления об утрате большой суммы – ждал от него отец Иоанн, а потому чувствовал на душе не только облегчение

совести, но и радость пока что неосознанной до конца победы, происшедшей внутри него самого.

Утихомирился и Варфоломей. Сначала он сидел с радостным выражением лица возле печки, глядя, как огонь разгорается все сильней и сильней, а потом взял веревку и пошел в лес собирать сухие ветки.

Отец Платон, между тем, продолжал негодовать. Уже сев за руль, чтобы ехать в город, он вдруг выключил мотор и, громко хлопнув дверцей, решительным шагом пошел к маленькому домику, где жили старцы.

К отцу Иоанну он не вошел, а влетел, даже не постучав в дверь кельи и не сотворив уставную молитву. Старец сидел в своей колясочке, сосредоточенно слушая, о чем ему со слезами рассказывала немолодая женщина. Разговор между ними был очень тихий, прерываемый глухими рыданиями гостьи, и потому неожиданно шумное появление отца Платона мгновенно разрушило эту доверительную атмосферу. Женщина тут же спрятала заплаканное лицо в шерстяном платке, которым были укутаны ее плечи, и, стыдясь слез, повернулась к многочисленным иконам, висевшим в углу кельи.

– Вот полюбуйтесь, отче, до чего мы докатились! – прямо с порога начал отец Платон, вытаскивая из кармана куртки пачку зеленых купюр.

– И до чего же? – изумленно поднял глаза старец, глядя на возбужденного архимандрита. – Отчего вы, родненький, такой беспокойный? Никак обидел кто?

Отец Платон хмыкнул и, по-прежнему демонстративно держа пачку, с иронией в голосе ответил:

– Ваши воспитанники, простите великодушно, с жиру бесятся! Оттого и гневаюсь. Пока я день и ночь мотаюсь, чтобы хоть как-то поддержать нашу обитель, привлечь сюда лишнюю копейку, пока я не знаю минуты покоя и отдыха, некоторые жируют в полном смысле этого слова!

– Ай-яй-яй! – всплеснул сухонькими ладонями старец. – Сало, что ли, едят?

Глаза отца Иоанна светились миром и теплом, что еще больше взорвало отца Платона.

– Нет, отче, не сало. Кабы сало! Вот этими самыми долларами, – теперь он потряс ими над головой, – ваши любимчики растапливали печку.

– Ай-яй-яй! – снова всплеснул ладошками старец, сразу догадавшись, о ком и о чем идет речь. – Вот так берут – и в печку?

– Да, представьте себе: берут, рвут, мнут – и в печку. Купюра за купюрой.

– И много сожгли? – отец Иоанн с прищуром на левый глаз посмотрел на пачку в руке архимандрита.

– Небось, не одну сотню! Да на эти деньги можно столько всего завезти! Вот уж истинно сказано: заставь дурака Богу молиться, так он лоб разобьет.

– Истинно, истинно, батюшечка!

Отец Иоанн взял пачку и теперь внимательно рассмотрел ее вблизи.

– А что, родненький, и впрямь это большие деньги?

Отец Платон снисходительно улыбнулся:

– Кабы вы жили не в лесу да побольше общались с образованными, культурными людьми, то знали б цену этим «бумажечкам».

Не выпуская пачки из рук, отец Иоанн кротко улыбнулся:

– И то правда, батенька! Ни образования, ни ума – ничего у меня, грешника, нема! Сущая правда. Кого нам Бог посылает, с теми и общаемся. А уж вы, батюшечка родненький, на нас за то не гневайтесь. Ах, проказники, топить деньгами печку… Щепок, дров им в лесу мало!

Мирный, спокойный тон старца немного успокоил и отца Платона. Он протянул руку, чтобы забрать назад купюры и ехать в город, но старец продолжал держать их, о чем-то размышляя.

– Евдокия, а Евдокия! – обратился он к тихо сидевшей и не встревавшей в разговор женщине. – Небось, ты пограмотней моего будешь. Ну-ка прикинь, голубушка, тебе этих денег хватит свою беду поправить?

И подал ей пачку с долларами. Пока та в совершенном изумлении смотрела на них, боясь даже дотронуться, отец Иоанн пояснил отцу Платону:

– Беда у нее большая случилась. Хата сгорела дотла, а с хатой корова – единственная кормилица ее деток. Как говорят, хоть реви, хоть плачь… Ну так что, хватит или нет?

Не веря своим глазам, она держала в дрожащих руках купюры, будучи не в силах вымолвить ни слова.

– Ты, мать, не тяни. Хватит или нет, спрашиваю?

– Батюшка… Миленький… Благодетель… Да тут хватит не то что из бревен, а кирпичный дом купить, вместе с сараем и коровой… За что мне такая милость?..

– Вот и купи, коль, говоришь, хватит, – спокойно ответил отец Иоанн. – Забирай эти бумажки, да иди и купи все, что нужно. Не тяни. Да отца Платона, благодетеля своего, благодари, это он гроши принес. В самый раз пригодились. А то б думали–рядили, где взять. Молись за него.

Женщина на коленях приблизилась к архимандриту, ухватила его руку и принялась обливать ее слезами:

– Не только я, а и дети мои будут молиться за вас, батюшка! Весь век свой молиться будут!..

Отец Платон хотел что-то сказать, но понял, что это бессмысленно. Уловив его растерянность, старец спросил:

– А вы в город, родимый? Так владыченьке нашему поклончик от нас, грешников, не забудьте отвесить. Помним, передайте ему, поминаем в наших молитвах и его о том же просим смиренно.

Потом снова повернулся к женщине:

– А ты, Евдокия, хватит плакать да кудахтать, как курица. Иди с Богом да помни о Его милости. «Возверзи на Господа печаль твою, – говорит святой Давид, – и Той тя препитает». Помни это.

Отец Платон вышел из кельи старца так же стремительно, как и вошел туда. В нем опять закипала злоба. Возле машины во дворе скита к нему под благословение подошли несколько приезжих паломниц. Но, даже не взглянув на них, он сел в машину и на скорости рванул по лесной дороге.

«Все расскажу владыке, – думал он, все больше и больше распаляясь. – Пусть знает, какими чудесами тут занимаются эти святоши. А не поможет – сообщу выше. Там за такие фокусы по головке не погладят. Не монастырь, а настоящий дом дураков и престарелых. Или престарелых дураков…».

Он выехал из монастыря на бешеной скорости и, не стараясь выбирать дороги почище, мчался среди леса. Неожиданно он увидел, как впереди, прямо на самой обочине, по которой он ехал, замаячила чья-то фигура. Подъехав ближе, он безошибочно узнал Варфоломея, что вызвало у него еще больший прилив ярости и гнева. Варфоломей, тоже узнав, чья это была машина, почтительно снял засаленную шапку и поклонился проезжавшему мимо архимандриту.

Когда машина почти поравнялась с Варфоломеем, отец Платон заметил грязную лужу и, круто повернув руль, намеренно въехал туда на большой скорости, обдав Варфоломея потоком лесной грязи и болотной жижи. Даже не взглянув в боковое зеркало, отец Платон процедил:

– Придурок... Ублюдок... Как и твой дружок. Погодите, я вам еще устрою тут райскую жизнь… Всем вам устрою... Святоши...

А Варфоломей стоял и с тем же почтением смотрел вслед уносящемуся «внедорожнику». Лишь когда он скрылся за поворотом, он вытер лицо, стряхнул с себя грязные липкие листья, поправил за спиной вязку сухих веток и медленным шагом поплелся в скит, грустно улыбаясь своим сокровенным мыслям.

8. ОКСАНА

Осень пришла сырой и холодной. С утра скит и окрестный лес накрывал туман, отчего и без того мокрая дорога превращалась в сплошное бездорожье. В этих местах осень всегда была одинакова, лишь не на долго открывая небо для солнечных лучей и скромного тепла. Посетителей в скиту становилось все меньше и меньше. Люди спешили воспользоваться каждым погожим деньком, чтобы сделать последние приготовления к грядущей зиме.

– Не знаю, как быть, – вслух размышлял отец Иоанн, позвав к себе Мишку. – И в город надо бы поехать, запастись кое-чем, пока дорогу вконец не развезло, и отпускать тебя боюсь. Уж больно горяч. А там и до пожара недалеко. Просто не знаю…

Отец Иоанн взял длинную кочергу и поворошил ею тлевшие в печи поленья.

– А вот какое тебе будет боевое задание, солдат. Как раз для твоих крепких рук и сноровки, – уже без сомнения сказал старец. – Евдокию,

прихожанку нашу из соседней деревни, ты ведь хорошо знаешь?

Мишка утвердительно кивнул головой.

– Купила она себе новый домик, на те самые гроши, которыми вы печку топили, – улыбнулся старец. – Как раньше писали в газетах, пустили мы военный атом на мирные цели. Так вот, домик-то новый, а крыша худая оказалась. Надо бы помочь бедной вдове с детишками. Бери-ка ты своего друга Варфоломея, да и ступайте в деревню. Дорогу знаете, а инструмент, материал, какой нужен, на месте найдете. Там поживете, Евдокия не даст вам с голоду ноги протянуть. Делов-то для таких орлов! Дня за три, даст Бог, управитесь, как раз до затяжных дождей.

В тот же день, ближе к вечеру, Мишка с Варфоломеем были на месте. Евдокия приняла своих помощников очень радушно, выделив им отдельную комнатку. Радовались и дети. Их у вдовы было трое, все мальчики–погодки.

– Муж мой покойный, Царство ему Небесное, следил за порядком в лесу, чтобы меньше браконьерством занимались. Так за это и «отблагодарили», – Евдокия вкратце рассказала гостям причину своего вдовства. – Застрелили его глубокой осенью, три года назад, а нашли лишь весной, когда снег сошел. Только косточки и остались, да и то не все…

Чтобы не терять времени даром, Мишка с Варфоломеем поднялись на крышу и метр за метром осмотрели ее. Она действительно нуждалась в ремонте. То тут, то там зияли дыры разных размеров, а в одном углу из-за просадки нуждалась в еще более основательном ремонте.

– Эге, напарничек, – сказал Мишка, прикидывая объем предстоящих дел, – тут нам с тобой работенки хватит. Это тебе не в лес по грибы да ягоды ходить или хворост таскать. Давай-ка тащи сюда доски, бревна.

Варфоломей тоже все осматривал, ко всему примерялся со знанием настоящего мастерового.

Уже к следующему утру о гостях, приехавших к Евдокии, знала вся деревня.

– Дусь, а Дусь, – спрашивали ее другие женщины, когда она шла в маленький ларек за хлебом, – а что это за женихи к тебе нагрянули?

Один, правда, уж больно лохматый, прям леший, а второй ничего, пригожий мужичок. Видный!

Евдокия лишь отмахивалась от всех шуток:

– Да успокойтесь, бабы. Не про вас такие женихи. С монастыря они оба здешнего.

От такой новости те цепенели:

– Монахи? Неужто оба? Даже тот, что помоложе?!

– Оба – не оба… Вам-то какая печаль? – отбивалась от надоедливых расспросов Евдокия. – Вы что, куры, каких петушок долго не топтал, а? Ишь, разгорелись бесстыжие глазенки. Аль нечем больше заняться, как на заезжих мужиков таращиться? Аль у голодной куме лишь одно на уме?

К удивлению Мишки, в сарае нового дома, который купила Евдокия, нашлось все необходимое для ремонта: и кровельное железо, и гвозди, и готовые доски с тесаными бревнами. Поэтому, несмотря на моросящий дождь, работа закипела с раннего утра.

Евдокия не могла нарадоваться на своих помощников. Радовались и дети. Каждый из них старался хоть чем-то помочь, на что мать строго одергивала их:

– Хватит крутиться под ногами у взрослых! Без сопливых обойдутся.

– Ми не сопливые, – оправдывались те, показывая матери свои чистые носики.

Зато Мишке было приятно заступиться за этих мальцов:

– Пусть привыкают к хозяйству. Молоток тоже надо уметь держать. Да и все остальное уметь делать. Мужики ведь…

И нарочито просил их таскать наверх разные гвозди, доски.

Работа спорилась, когда Евдокия заглянула на чердак, где трудилась дружная бригада, и скомандовала:

– А ну всем мыть руки и за стол! Как говорил мой покойный, война войной, а обед по расписанию.

Все послушно спустились вниз. На столе стояла кастрюля наваристого борща, жареная курица, соленые бочковые грибы, жбан парного молока.

– Куда столько? – Мишке стало неловко за такое обилие приготовленной еды. – Назад же забраться не сможем.

– Сможете, сможете, – хлопотала вокруг них Евдокия, рада поухаживать за своими помощниками. Да и вообще ей было приятно, что в доме появился мужской дух. Радовались и дети, уплетая за обе щеки то, что перед ними поставила мать.

– Видали? – улыбалась она. – В компании и пустые щи деликатесом покажутся.

Мишка не затягивал с обедом. Световой день был короткий, а недоделанной работы оставалось много. Они уже готовы были встать из-за стола и поблагодарить хозяйку, когда в большую комнату, где они все сидели, вошла девушка. Увидев незнакомцев, она густо покраснела:

– Ой, теть Дунь, а я думала… А я не знала…

Евдокия подошла к ней и ласково обняла за плечи:

– Это голубушка, соседушка наша. Оксана.

Девушка покраснела еще больше и что-то зашептала Евдокии на самое ухо.

– Да так бы сразу и сказала. Чего стесняться? Тут все свои. Пошли.

Они вышли во двор, но через минуту Евдокия возвратилась.

– Уж не знаю, как вас, ребятки, просить, – она смущенно посмотрела на Мишку.

– Да не надо просить, – понял ее взгляд Мишка. – Чем помочь? Мы завсегда рады.

– В подвал слазить, – вытирая руки о края фартука, попросила Евдокия. – Там фляга ихняя стоит с маслом. А у меня руки слабы тягать. Да и резали меня в больнице давеча…

– Вы, тетка Дуся, нас называете своими, а смотрите как на чужаков, – хмыкнул Мишка. – Все сделаем!

Оставив Варфоломея и детвору допивать молоко из глиняных кружек, он вслед за Евдокией вышел во двор, в глубине которого был погреб.

– Ни света, ни ступенек – ничего еще не успела сделать, – причитала Евдокия, едва поспевая за Мишкой.

– А как же вы туда спускаетесь? По веревке, что ль?– рассмеялся Мишка.

– По лесенке, – махнула рукой она. – Да лесенка такая, что не приведи Бог. Так что осторожней, родимый, не сорвись.

Увидев Мишку, щеки Оксаны снова занялись румянцем.

– Вот нам Бог какого богатыря в помощники послал! – радостно сказала Евдокия, подходя ближе.

Мишка заглянул в погреб и потрогал торчавшую оттуда хлипкую лестницу.

– Да уж, тетка Дуся, лестница, скажу вам, военная, – усмехнулся он и, отставив ее в сторону, прыгнул вниз.

– Господи, помилуй! – вскрикнула Евдокия.

Мишка быстро нашел алюминиевую флягу, наполненную почти доверху душистым домашним маслом, и подал наверх. Оксана схватилась за боковые ручки, но ее девичьи руки не могли справиться с такой тяжестью. Мишка все понял, спустил флягу назад, потом нашел в подвале какие-то старые ящики и, взгромоздившись на них, сам поднял флягу и поставил ее на край погреба.

Только теперь он увидел Оксану вблизи. Это была девушка лет двадцати, сохранившая при здешнем деревенском образе жизни грациозность и стройную осанку. Из-под ситцевого платка пробивались густые рыжевато-золотистые волосы, спадая непослушной челкой на самые глаза, оттеняя их зеленоватый цвет и бездонную чистоту. Две ямочки на щеках придавали ее и без того красивому русскому лицу особое очарование.

«Эта красавица, видать, не одного парня свела с ума», – подумал Мишка, глядя на нее с улыбкой, приводя тем самым в еще большее смущение и снова вгоняя в густую краску.

– Бидон вытащили, а кто меня тащить будет? – подмигнул Мишка, торча из подвала. – Кто подаст руку бедному крестьянину?

Оксана растерялась еще больше и, жалобно посмотрев на Евдокию, лишь прошептала:

– Теть Дусь…

– Ладно девок наших смущать, – Евдокия рассмеялась добрым смехом. – Они у нас тут невесты скромные. Да вот беда: все женихи перевелись, одна шпана да хулиганье по деревне бродит.

От этих слов Оксана закрыла лицо платком и хотела бежать со двора вместе с флягой, но она была настолько тяжелой даже для ее работящих рук, что девушка в бессилии села прямо на крышку и снова умоляющим взглядом уставилась на Евдокию.

– Ну что, богатырь, – обратилась она к выбравшемуся из подвала Мишке, – как говорится, взялся за гуж – не говори, что не дюж. Сделай еще одно доброе дельце: помоги нашей девочке отнести флягу. Она тут недалече живет.

Мишка поднял флягу и вместе с Оксаной вышел на улицу.

– Дорогу хоть не забыла домой? – снова улыбнулся Мишка, искоса посмотрев на нее.

– Может, пособлю? – вместо ответа спросила она, пытаясь взяться за другую ручку.

– Может, и пособишь, – стараясь не слишком иронизировать над смущенной девушкой, сказал Мишка. – Но лучше не надо. Так быстрей управимся, а то мне на крышу лезть надо. Дел много.

В молчании они прошли половину деревенской улицы, когда прямо перед ними, возле деревянного сельповского магазина появилась компания из нескольких парней. Все они были заметно выпившими и вели разговор между собой оживленно, громко, не стесняясь в выражениях и брани. Увидев Мишку с бидоном и рядом с ним идущую Оксану, они примолкли. Наконец, тот, что был повыше и поздоровей, перегородил им дорогу и с презрением обратился к Оксане:

– Хахаля нашла? Пока, значит, Костик в городе копейку зашибает, ты, шалава, мать твою, шуры–муры, разные амуры решила завести?

Грязно выругавшись, он смачно сплюнул на землю густые сопли. Поняв, что дело идет не к добру, Мишка решил немедленно прекратить этот разговор.

– Слушай, во-первых, я не хахаль, а приехал сюда работать…

– Да? – с наглым видом прервал его тот же парень. – Работать? Сюда? И чем же ты работаешь, мастер? Инструмент хоть в порядке? Ксюха, ты проверила?

Вся компания громко расхохоталась.

Мишка опустил флягу и вышел немного вперед. Оксана тут же встала рядом, слегка взяв его под руку:

– Не надо с ними связываться. Пойдемте… Прошу вас…

Нагловатый парень снова расхохотался:

– Так мы еще на «вы»?

– Оставь свои шутки знаешь где? – вспыхнула Оксана. – Человек к тетке Дусе приехал, помогает. Чего привязались?

– Ой, ой, ой! – парень обошел вокруг Мишки, не спуская с него презрительного взгляда. – Это он, что ли, человек? И не стыдно тебе, Ксюха, рядом с этим фраером?

Мишка не испытывал ни малейшего страха перед пьяной компанией. Он не сомневался, что справится со всеми без особых усилий, но не хотел, чтобы по деревне о нем пошла слава приезжего драчуна. Стараясь сохранить спокойный тон, он попытался утихомирить нагловатого незнакомца:

– Слушай, земляк…

– Тамбовский волк тебе земляк, падла! – тот снова резко оборвал его. – И потом порошу на «вы». А то как «тыкну»!

Он замахнулся и попытался ударить Мишку прямо в переносицу. Но эта попытка оказалась настолько неуклюжей, что тот без особого труда перехватил кулак и стиснул его в своей мощной ладони. Глядя в захмелевшие глаза, он начал сжимать сильнее и сильнее, а потом вдруг резко согнул его руку в запястье, как рычаг. От резкой боли парень со стоном упал на колени.

– Отпусти, сломаешь!

– Ничего, – Мишка продолжал держать его кулак, – как сломаю, так и отремонтирую. У меня инструмент в полном порядке. И всегда при мне. Не сомневайся.

Стоявшие на ступеньках магазина дружки сделали движение, чтобы прийти на выручку, но Мишка остановил их одним взглядом: жестким, решительным. Поняв все без слов, они попросили отпустить их собутыльника, беспомощно барахтавшегося на коленях.

– Самбист? Каратист? Да? – парень тер посиневшую руку.

– Артиллерист, – спокойно ответил Мишка и, подняв флягу, спокойным шагом пошел вслед за бледной Оксаной.

– Погоди, Костик вернется, он тебя, фраер, вилами отсюда гнать будет! И с тобой, Ксюха, базар будет! – крикнул им вслед все тот же задиристый парень.

Отойдя немного, Оксана мельком взглянула на Мишку:

– Как вы их, однако…

Никак не отреагировав на похвалу, Мишка предложил:

– Давай на «ты», а? Я ведь тоже деревенский, разным этикетам не обучен. И, кстати, Михаилом меня зовут.

Так они подошли к дому, где жила Оксана. То была обычная хата, сложенная из толстых бревен, со всех сторон законопаченная, а кое-где утепленная толстым шифером. Войдя во двор, Мишка сразу почувствовал идущий изнутри дома запах гари.

– Там, случаем, не пожар? – с тревогой спросил он Оксану.

– То печка у нас такая. Пока разорится – весь дом в чаду. Перебрать бы, да некому. Сам видел, кто у нас в деревне остался, – и она кивнула в ту сторону, откуда только что пришли.

– Это дело тоже поправимое, – Мишка поставил флягу у самых дверей дома.

Оксана впервые посмотрела на него открыто, не пряча своего лица и не краснея. А потом улыбнулась – и на ее щеках появились две ямочки.

9. ПЕТРО

Но ни на следующий день, ни через день Мишке не удавалось покинуть дом Евдокии. Вслед за крышей хозяйка попросила поправить сарай, вычистить колодец, укрепить забор вокруг двора. Если Варфоломей ко всем просьбам относился спокойно и безропотно, то Мишку все это начинало раздражать. Ловя на себе загадочные улыбки Евдокии, ему казалось, что она специально удерживает их обоих возле себя.

– Не ворчи, ворчун, – говорила она, усаживаясь за столом напротив Мишки и наливая ему полную тарелку вкусного деревенского борща. – Вы теперь у меня в послушании. Так-то, отцы и братья! Старец велел держать вас столько, сколько будет нужно. Так что не сопи, а ешь, пока рот свеж.

Но еще через день Мишка не выдержал.

– Нам и впрямь пора назад, – стараясь как можно спокойным тоном умилостивить свою новую хозяйку. – Надо будет – еще придем, пособим. А то уже вся деревня на нас смотрит. Смеется. Скоро по всем хатам пойдем плотничать, мастерить…

– По всем – не по всем, а в одну вы завтра точно пойдете, – рассмеялась Евдокия. – Угадай с трех раз: в чью?

И, уловив в Мишкиных глазах тень смущения, рассмеялась еще больше. Но потом добавила уже совершенно спокойно:

– Надо им пособить, бедуют они сильно. Их батька уж как пять лет бревном придавило. Он на заимках работал, лес валил. Вот и накрыло его сосной. Хоть и жив остался, да что это за жизнь без обеих ног?..

И она горестно махнула рукой.

– Какой мужик был! Теперь ему одна радость – в рюмку носом, а Глаше, жене его, да Ксюхе одно горе. Без мужика-то в доме знамо как…

И она снова махнула рукой.

Если хозяйка дома Глафира – мать Оксаны – встретила своих помощников радушно, приветливо, сразу взявшись хлопотать вокруг них, то сам хозяин – Петро – не проявил к ним никакого гостеприимства. Смерив их тяжелым угрюмым взглядом, прокуренным голосом буркнул:

– А, прибыли помощники...

Он сидел старом ватнике, без шапки, со всколоченными редкими волосами, давно небритый, в неуклюжей инвалидной коляске, взятой или перекупленной у кого-то. Она была очень старой и неповоротливой, управлять ею можно было с помощью двух передних рычагов, попеременно двигая их взад и вперед. Мишка не смог скрыть своего удивления, навидавшись в госпиталях, какими средствами пользовались его боевые друзья, получившие тяжелые ранения или ампутации. Ноги Петра – вернее, то, что от них осталось выше колен – были укутаны побитым молью шерстяным платком и перехвачены такими же старыми, потертыми от времени кожаными ремнями.

– Что, никогда калек не видал? – недобрым смехом хрипло засмеялся Петро, обнажив редкие желтые зубы.

– Почему не видал, – Мишке не хотелось вступать с ним в разговор. – И не такое видал…

– Не такое? – Петро подкатился к нему ближе. – А какое, ежели не такое? А? Слушок по деревне гуляет, что ты монах. В серых штанах. На заду латка, белая подкладка. Так что ты видал в жизни своей, монах?

– Не заводись! – прикрикнула на него Глаша. – Люди помочь пришли, а он с порога завелся, как сумасшедший.

– Он и впрямь не того, – уже тихо, почти шепотом сказала она, когда с ее помощью Петро укатил в другую комнату, и они остались

наедине.

– После того, как эта беда с ним случилась, – она указала взглядом на свои ноги, давая понять, о какой беде идет речь, – прямо взбесился. Что ни скажи – все ему не так, за все цепляется, за все скандалит.

Она тяжело вздохнула и покачала головой.

– А уж как приложится, – Глафира слегка щелкнула пальцем по шее, – то вообще беда. Безногий хулиган. Хоть из дома беги! Жалко Ксюшу, девочку мою. Ой как жалко… Такого натерпелась от отца родного, такого наслушалась… Молюсь, чтобы послал ей Бог счастливую долю. А мне уж крест, видать, такой: терпеть до конца. Или он меня со свету сживет, или его Господь приберет.

Пока Глафира тихонько причитала, Мишка с Варфоломеем принялись за дело. Они разобрали часть печки, прочистили дымоход, а потом, замесив целый ушат маслянистой вязкой глины, приготовились все сложить назад и проверить исправность.

– Э, нет, соколики, – остановила их хозяйка, – так не годится. Так дело не пойдет.

– Как не пойдет? – удивился Мишка. – Не так, что ли, делаем?

Глафира рассмеялась:

– Да все так, хорошие вы мои! Обедать давно пора. А то скажут, что уморила вас с голоду.

Мишка взглянул на часы. И впрямь, ему казалось, что они приступили к работе недавно, когда с раннего утра пришли сюда, а стрелки уже показывали послеобеденное время.

Они вошли в просторную комнату. Посредине стоял большой стол, накрытый простенькой плюшевой скатертью, поверх которой была застелена такая же простая клеенка. В углу примостился старенький черно–белый телевизор «Рекорд» с двумя усами комнатной антенны, а прямо над ним висели несколько почерневших икон, украшенных рушниками.

– Я ведь с Украины родом, мои корни далеченько отсюда, – начала объяснять Глафира, подведя гостей к образам. – В тридцатых нас, как всех тогдашних куркулей, сюда сослали. Хотя какие мы куркули были? Корова своя, лошадь своя, все хозяйство свое… Землица тоже была. Хоть и немного, но своя. А как без своей земли и без хозяйства? Коммунистам это не нравилось. Им коммунизма хотелось. Вот и получили мы от их щедрот энтого самого «коммунизма» под самую

что ни есть завязку. Что в руки успели взять – с тем и погнали нас, как скотов каких. Эти иконы от моей мамы покойной, Царство ей Небесное, родненькой. Не пережила она того страшного времени… Я уж тут родилась, да за этого ирода замуж вышла. Пока работал – нормальный мужик был. А теперь потерял ум свой совсем…

– Это кто, я ум потерял? – услышав приглушенный разговор, Петро снова выкатился на своей неуклюжей и страшно скрипучей коляске из другой комнаты, бывшей, по-видимому, их спальней. Глаза его уже не пылали утренней злобой.

– Нет, сосед наш, – буркнула Глафира, глядя на него.

– Так зачем ты к нему бегаешь? Аль греха не боишься, мать? – и он громко рассмеялся.

– А хочешь я тебе задачку одну задам? Посмотрим, какая ты умная. – Петро явно отошел от утреннего настроения. – Горело в церкви 7 свечек. Три погасли. Сколько осталось?

– Как сколько? – Глаша задумалась на мгновение и быстро взглянула на Петра, ища в его вопросе подвох. – Чего тут считать? Четыре осталось, коль три погасли.

Поняв, что уловка удалась, Петро расхохотался:

– Эх ты, грамотей! Как же четыре, когда три!

– Как это три? – растерянно посмотрела на него Глафира. – Четыре!

– Три, говорю тебе русским языком! Три погасли, а остальные просто сгорели! А еще счетоводом в бригаде работала!

– Тьфу на тебя! – тоже без всякой злобы ответила ему Глаша и взялась помогать Оксане, хлопотавшей у стола.

– Ты не сердись, монах, – уже совсем мирным голосом сказал Петро, подвигаясь ближе к столу.

– Да какой я монах, – немного с досадой ответил Мишка, глядя от смущения себе под ноги.

– Как это какой? Самый настоящий. В серых штанах! – и опять Петро рассмеялся, на что Глафира строго одернула его.

– Эх, ребятки, кабы вернуть мне мои ноги, разве я сидел бы в этом тарантасе без дела? – вздохнул он. – У меня все в руках кипело, первый парень на деревне был. Она не даст соврать.

– Был, – буркнула Глаша, – да весь сплыл.

– Да, мать, сплыл, – грустно кивнул он головой. – То лес валял да по реке сплавлял, а теперь сам как бревно на вашей шее. Ни Богу, ни людям не нужен. Никому…

– Мели, Емеля, твоя неделя – Глаша вытерла руки о фартук и придвинула Петру тарелку борща. – Не ты Богу, а Бог тебе не нужен. Так лучше скажи. Кабы нужен тебе был Бог, глядишь, на своих двоих бы бегал.

Петро поводил по тарелке самодельной деревянной ложкой, думая о чем–то своем.

– Мне-то? Бог-то?

И вдруг, словно очнувшись, крикнул Глаше на кухню:

– Я на такие вопросы, сама знаешь, просто так не отвечаю. Неси-ка сюда гостям–помощникам.

Глафира появилась в комнате, держа в руке бутылку.

– Украинскую горилку когда-нибудь пробовали? Нет? Настоящий первачок! – она налила Мишке и Варфоломею по половине граненого стакана.

– А мне? – умоляющим взглядом посмотрел на нее Петро.

– Рука в …, – осеклась она, посмотрев на гостей. Но потом налила и ему.

– Ты о Боге почему-то всегда вспоминаешь только после этой отравы, – Глаша налила немного себе и совсем чуть-чуть Оксане и вместе с ней тоже присела за стол.

– Так коль отрава, говоришь, чего ж ты ее так расхваливала? «Горилочка», «первачок», «настоящая»… «Отравой» гостей потчевать будешь? Чего молчишь?

Петро явно был настроен побалагурить.

– Это кому как, – быстро выкрутилась Глаша. – Для хороших людей – лекарство, а для таких иродов, как ты – отрава.

– Ну, так выпьем за то, чтобы, как говорится, здоровы все были. И не кашляли! – Петро поднял свой стакан и, не дожидаясь, когда его примеру последуют другие, выпил одним махом.

Выпил и Мишка, принявшись закусывать хрустящим огурцом, накладывая в тарелку маринованных грибочков.

– Чего не пьешь? – обратился Петро к Варфоломею, глядя, как тот что-то внимательно рассматривал в стоящем перед ним стакане.

– Мух много нападало, – он брезгливо поморщился и с отвращением отодвинул от себя стакан.

– Ты что, сдурел? – хохотнул Петро. – Какие мухи? Зима на носу, они все давным-давно сдохли.

– Много мух, много, – пробормотал Варфоломей, – какой ты после этого хозяин, коль в хате полно мух. Ишь, все летают, летают проклятые! А зеленые, зеленые какие! С навоза, видать. Такие только там водятся.

Петро положил ложку на стол и вопросительно уставился сначала на Глашу, а потом на Мишку.

– Что-то я не пойму вас, ребята.

– Да это он так, юморит, – Мишка попытался взглядом намекнуть Петру, что его напарник не совсем обычный человек.

– А, такое дело, – понял его Петро и снова принялся за еду. – Ну что ж, мухи – это не самолеты, не бомбардировщики. Ешь, родимый, не обращай на них внимания.

Они выпили еще немного, доели то, что поставила хозяйка, и хотели уже вставать из-за стола, как Петро удержал Мишку:

– Куда торопиться, давай погомоним немного. С кем, как не с гостями погомонить? Они у нас теперь бывают редко. Да и какие это гости? Вся деревня – родичи. Ходят друг к дружке, как к себе домой. Коты, собаки – все общее. Только дети да жены еще чьи-то. Глядишь, скоро коммунизм во всем будет. Как завещал нам великий Ленин.

Услышав это имя, Глафира цыкнула на Петра и в испуге перекрестилась.

Перекрестился на образа и Варфоломей, вставая из-за стола и собираясь доделывать печку. Глафира хотела забрать бутылку, но Петро остановил ее:

– Мать, мы по чуточку, для поддержания темы.

– Ага, – Глафира не убирала руки, – у тебя по чуточку не получается. А потом такие темы с твоего языка, что всем святым тошно становится. То-то лежишь теперь колодой. С Богом не шути! Не только без ног – без головы останешься!

Но, видимо, почувствовав, что Петро был действительно настроен миролюбиво, оставила на столе бутылку, два стакана и солку с нарезанным хлебом. Петро тут же плеснул в оба стакана.

– Для русской души энто дело и впрямь как эликсир или бальзам какой, – он уважительно посмотрел на бутылку. – Не промочив горла, ни одну песню душевную не споешь, ни одна мысля умная в голову не полезет.

– Да-да, – иронично ответила ему Глаша с кухни, – особенно в твою.

– Что они понимают, бабы? – Петро в задумчивости взял стакан. – Расскажи-ка лучше, монашек, как жизнь, что нового?

– Да не монах я никакой, дядька Петро, – полушепотом ответил Мишка, – что вы заладили, ей-богу!

– А коль не монах, то что забыл в той богадельне? Правды какой шукаешь аль от правды тикаешь?

«Прилип, как банный лист», – подумал с досадой Мишка, будучи не рад тому, что остался за столом, когда Варфоломей уже занимался делом. Не зная, что ответить и желая перевести разговор на другую тему, он предложил:

– Давай, дядька Петро, просто выпьем, а то мне дело пора делать.

– А за что пить-то будем? – он чокнулся краем своего стакана о Мишкин. – У нас «просто» не пьют. Иначе пьяницей стать можно. За здоровье пили, за дела ваши хорошие тоже подняли. Ну, предлагай, коль подняли.

Мишка немного подумал и решил закончить это застолье:

– А за мир во всем мире. За это мы не пили. Выпьем – и пойдем. Добро?

Он тоже чокнулся о стакан Петра и выпил. Самогонка, которую сварила Глафира, была крепкой, градусов шестьдесят, не меньше. Петро тоже выпил и коснулся руки Мишки:

– Как ты сказал: «Выпьем – и пойдем»? Нет, выпьем – и снова нальем.

И плеснул в стаканы.

– За мир – это ты хорошо сказал, – Петро опять стал задумчивым. – Слыхал такую песню: «Хотят ли русские войны»? Там дальше так: «Спросите вы у тишины». А я вот не у тишины, а у тебя хочу об этом спросить. Вы же, монахи, все про все знаете. К вам все за советом, за ответом едут. Вот и скажи мне: хотят ли русские войны?

И пристально посмотрел Мишке в глаза. Тот спокойно выдержал этот взгляд.

– Ты сам ведь русский? – тихо спросил Петро и сам ответил:

– Русак, по глазам вижу. Чьих-то будешь?

– Издалека, – Мишке не хотелось ввязываться в долгий разговор с начинавшим хмелеть Петром.

Тот грустно усмехнулся:

– Не хочешь разговаривать со мной… Оно и впрямь: чего с пьянью безногой говорить?

Он опять пристально посмотрел Мишке в глаза, и в этом взгляде Мишка вдруг ощутил желание Петра найти ответ на какой-то мучавший, терзавший его вопрос.

– Дядька Петро, – смутившись от этого пронзительного взгляда, Мишка заерзал на стуле, – я, как и вы, деревенский. «Хотят ли войны»? «Не хотят ли»? Мое дело маленькое. Сказали воевать – значит, пойдем воевать.

– А сказали пить – будем пить. А сказали бить – будем бить. Так?

Мишке опять захотелось встать и уйти, но теперь он сам чувствовал появившийся в его сознании, душе непонятный клубок мыслей, ждавших, что их распутают.

– Ты хоть раз думал, для чего мы живем на этом белом свете? – Петро сейчас смотрел на Мишку совершенно трезвым, даже просветленным взглядом.

– Как будто мне больше думать не о чем, – буркнул Мишка.

– Тогда какой ты русский? – не спросил, а прошептал Петро. Прошептал твердо, не ожидая, не требуя никакого ответа, тем более возражений.

– Тогда ты не русский. Кто угодно, только не русский!

Он взял свой стакан и выпил, не приглашая Мишку.

– Эх, монах ты монах, в серых штанах… Не смотри, что я такой убогий, калека безногий. То я теперь таким стал. И впрямь наказан Богом. А ведь не таким был. У меня несколько «кругосветок»! Знаешь, что это такое? На подводной лодке, без глотка свежего воздуха и свежей воды месяцами ходить вокруг земного шара и нести боевое дежурство. С ядерными боеголовками на борту! Мичманы, офицеры безусые, не на много старше нас были. Страну охраняли. Нас весь мир уважал! Боялся! Потому как знал, что с нами шутки плохи. Я акустиком служил. На флоте это глаза и уши корабля! Я каждый шорох прослушивал! Американцы за нами гоняются, а мы нырь! – и нету нас.

Лежим на дне без единого звука в эфире. Потом снова нырь! – и мы уже под самым носом у чужих берегов. Кнопку нажми – и там только пепел посыплется. Я бывал на пусках, видел, какая это мощь. Где теперь все это? Где армия, где страна? Где флот наш и все остальное? Где гордость наша? Или вот так пропьем все до капли – да и ляжем на веки вечные в землю, чтобы и духу нашего даже в помине не осталось.

Он взял бутылку, чтобы налить себе снова, но передумал и поставил на место.

– Ладно, согласен, что Бог меня наказал. Меня лично. Было за что. Не спорю. Но страну нашу, народ наш – за что? За что отвернулся от нас?

Мишка задумался и ухватился за первую мысль.

– Дядька Петро, а церковь у вас в деревне есть?

– Уж лет сорок, как нема, – махнул рукой Петро. – Сначала склад колхозный там был, потом конюшня, а потом сгнила вся. Сломали ее на дрова людям. Кому эта рухлядь сдалась?

– И в моей деревне нету, – сказал Мишка. – Тоже сначала забрали, потом закрыли, потом клуб с песнями да плясками туда загнали. Может, за то мы и наказаны?

– А коль и так, то сколько ж можно наказывать? И почему всех? Все зачем должны страдать? – Петро с жаром схватил Мишку за руку. – Ведь как я думаю? По-русски, просто. Умру. Отнесут меня за деревню, зароют в яму. Поплачут у гроба, повоют, особенно бабье. Это они хорошо умеют. Потом все соберутся дома. Выпьют, закусят. Разбредутся по хатам, будут ждать, кто следующий. А я пойду прямехонько на суд Божий. Возьмут меня ангелы под белы рученьки свои и поведут.

И там спросит меня Бог: «Ну что, Петро, водку ты пил?»

«Пил», – скажу. Чего душой кривить?

«И погулял ты изрядно».

«И это было», – скажу. Молодой ведь был, здоровый, как бык. Силенка, кровушка играли в жилах.

«А помнишь, какими словами ругался?»

«А чего не помнить? – скажу. – Отпираться не буду».

И скажет тогда Бог: «Наказать бы тебя, Петро, да ты уже и так в жизни крепко наказан. В одном ты молодец: не врешь, не

оправдываешься. Рук не пытался наложить на себя, как другие на твоем месте. И Я на тебя не сержусь, хоть и грешник ты большой».

Вот так я думаю. Каждый за свое получит. А народ… Он-то за что страдает?

Петро взял бутылку и медленно налил себе четверть стакана.

– Эх, погибаем не за понюх табаку. Погибаем. Народ мелкий стал, гнилой. Вся деревня спилась. И так везде. Ксюшке замуж пора, а кто женихи? Одна шпана. Босота. Тот из тюрьмы, тот в тюрьму. Один уже спился, а другой почти. Где взять нормальных? И вот смотрю я: сидит передо мной крепкий русский парень, настоящий богатырь, руки мастеровые. И не пойму: чего в монахи потянуло? Тебе же детей строгать надо, на своей земле хозяином быть, а не лоб в поклонах бить. Могу понять, чего туда старики, бабы разные, вроде моей Глашки, едут на богомолье. А вот что тебя туда понесло? Ты же мужик! Аль платят хорошо?

Мишка усмехнулся, представив, как он выглядит со стороны.

– Так ведь там не артель какая или колхоз, – уклончиво ответил он. – Тут другая история…

– Другая? – тут же оживился Петро. – А какая ж такая?

– У каждого своя, – снова уклончиво ответил Мишка. – У меня тоже. Долго рассказывать. Да и не каждому понятно. Коль я сам еще мало чего понял, то другим подавно неинтересно будет. В книжках, вроде, все просто и понятно. Жил князь в свое удовольствие, припеваючи жил: тут ему и слава, и почет, и богатство, и победы над врагом, жена красавица, детки малые. А он раз! – и в монахи. В самые что ни на есть рядовые монахи. От всего отказался, все роздал, что имел – и стал монахом. В одном черном рубище. Вот и пойми, что тут просто, а что нет.

– Так то сказки, – рассмеялся Петро, – враки бабские. Что б вот так, из князи – в грязи? Басни! Сказки бабушкины! Сам-то, небось, не веришь в это.

– Верю, – спокойно ответил Мишка. – И кабы не знал таких людей – ну, не князей, конечно, но все же – то, наверное, тоже не поверил бы. А есть такие люди. Были раньше и теперь есть. Да не все их понимают.

– Ну-ну, монах, – задумчиво сказал Петро. – Читай свои книжки дальше, ищи там ответы на свои вопросы. Может, когда и мне расскажешь. Если доживу, конечно.

Он тяжело вздохнул.

– А может, и не надо над этим думать? Живут же люди в других местах и странах, ни о чем таком божественном не думают, и живут припеваючи. Я на своем веку многое видел. Пока служил, то посмотрел на их житье–бытье. И никто не терзается там такими вопросами, над которыми мы голову ломаем. Аль скажи кому – бросай все и айда в монастырь! В сумасшедший дом отправят. Факт!

Он еще о чем-то подумал, потирая небритую щеку.

– А может, русская душа не может без этих вопросов? Другая может, а наша нет? Сами себя терзаем ими, мучаемся, мучаемся… Мы сами себя понять не можем, чего ищем, чего хотим. А уж другим нас понять вообще невозможно…

Петро допил свой стакан, откинулся на спинку инвалидной коляски и прикрыл глаза.

– Знаешь, о чем я думаю, монах? Собрать бы всех нормальных мужиков и баб – со всей земли нашей – ученых разных, работяг, башковитых людей, кто мозги не пропил и совесть не потерял. Да придумать такую подводную лодку, чтобы посадить их всех туда, нырь! – и нетушки нас. Как, куда? А нас нету нигде! Мы в другом месте новую жизнь начнем строить. Не знаю где: под водой, под землей – но так, чтобы никто не знал, куда мы испарились. А потом снова нырь! – и Русь воскресла, когда над ней поминки справлять будут. Во хохма будет! Вот обхохочемся мы тогда со всех умников! Не зря Иван–дурак умнее всех оказывался, не зря! Веришь, что такое чудо возможно?

Мишка улыбнулся, ничего не ответив.

– Что, монашек молодой, слабо в такое поверить? – Петро смотрел на него, прищурив глаза. – Думаешь, по пьяной лавочке чушь несу? Нет, я правду говорю. Вот в это чудо я как раз верю.

Он повернулся в сторону кухни, где слышался звон посуды, и позвал:

– Ксюшка, а ну выглянь сюда!

Оксана отодвинула простенькую деревенскую занавеску, которой была отгорожена кухня от главной комнаты, и выглянула, смущенно улыбаясь.

– Опять шуточки?

– Да не шуточки, доця. Хочу попросить тебя: своди гостя нашего вечерком к озеру на Игнатовку.

– Ага, аж побежала! – тут же возразила Оксана. – Пусть кто-нибудь другой идет. Да и гостя нечего таскать.

И снова скрылась за занавеской. Мишка с удивлением взглянул на Петра:

– Чего это она? О чем?

Петро хохотнул и почесал затылок.

– Да хотел, чтобы тебе одну заковыку показали. Может, тогда поймешь, об чем это я. Есть тут озерцо у нас. Так себе озерцо. Иное болото в лесу поболе будет. Да не об том речь. Озерцо то на возвышенности стоит.

– Ну? – с еще большим недоумением посмотрел Мишка.

– Баранки гну! Ты не торопи меня, а вникай лучше. Говорю тебе, что озерцо то наверху. Кумекаешь, монах? Все речки да речушки, как и подобает их природе, внизу текут и собираются в разные озера, а это озеро вроде как само по себе…

– Ну? – Мишка никак не мог понять, к чему клонит захмелевший Петро.

– Опять баранки гну! Ты как не русский, монах. Говорю тебе, чудаку, озеро это наверху, а все другие речки и озера внизу, по законам природы. Откуда это озеро взялось – никто толком не знает и объяснить не может. Даже писали про него в каком-то научном журнале. Только давно. Ученые приезжали, ходили вокруг, головами качали. А потом говорят: «Такого не может быть». И уехали свою статью писать.

Посмотрев в пустые, ничего не выражающие глаза Мишки, Петро налил в оба стакана.

– Я вижу, без ста грамм ты туго соображаешь. Давай!

Они чокнулись и выпили. Закусив квашеными грибами, Петро продолжил:

– Скажи-ка мне, мил человек, что строили в старину на возвышенных местах?

– Церкви, конечно, – тут же ответил Мишка.

– О! Подействовало! – обрадовался Петро. – Теперь кумекаешь, об чем это я тебе рассказываю? Стояла там когда-то красивая такая

церковь. Красивая, с куполами, колоколами. На всю округу тот звон слыхать было...

– Да не про церковь вы рассказывали, дядька Петро, а про озеро какое-то, – попробовал уточнить Мишка.

– Это теперь там озеро. А раньше, при царе горохе, когда людей были крохи, стояла церковь. Народец в здешних местах веками живет. Ну и поставили они церковь.

– А озеро? Озеро причем? – недоумевал Мишка.

– А притом, что оно появилось на месте церкви! Есть такая не то легенда, не то сказка, не то быль. Подошли к деревне татары, окружили со всех сторон. Куда народу деваться? Некуда! Верная смерть всем. И тогда вошли все, кто в деревне остался, в ту церковь – и стар, и мал. Стали молиться. И тут церковь раз! – и нету ее. Словно растворилась. Провалилась под землю. А на ее месте озеро появилось. Татарва ворвалась, а народец – тю-тю!

Петро вопросительно посмотрел на Мишку, ожидая его реакции. Но вместо этого Мишка положил себе немного грибов и тоже стал закусывать, по-прежнему мало что не понимая.

– Ну и что с того? Мало ли чего говорят? Я тоже слыхал про святой град Китеж. Кто-то от кого-то там бежал. Так не то что церковь, а вся деревня, целый город ушел под землю ушел. Или под воду… Не помню.

– Не знаю, чего ты там слыхал и от кого, а я тебе истинную правду говорю. Ушли люди, как на подводной лодке, на самое дно. А дно там, скажу тебе, о-го-го! Ни конца, ни края! Пробовали смельчаки разные нырять, посмотреть, что там, на дне. Всем ведь интересно. Даже водолазы были. Приехали вместе с учеными. Хотели какой-то аппарат специальный туда опустить, вроде телевизора. Да без толку все.

– Все это, конечно, интересно, что вы мне тут рассказываете, но мне работать пора, дядька Петро. Засиделись мы.

Мишка положил вилку в пустую тарелку, давая понять, что разговор по душам окончен.

– Чудаче человече, погодь маленько, – опять удержал его Петро. – Ты ведь еще не знаешь самого интересного.

Чтобы не обидеть калеку, Мишка остался сидеть, но всем видом давая понять, что все эти рассказы про какое-то озеро ему уже изрядно

надоели. Между тем Петро растягивал удовольствие от своего рассказа, готовя собеседника к самому интересному.

– Вот спрошу тебя опять, монах. Вы же в чудеса разные верите? Так и скажи мне, поверишь ли ты в то, что там, – Петро вдруг поманил Мишку к себе, перешел на шепот и пальцем показал куда-то вниз, – люди до сих пор живут? На дне нашего Игнатовского озера! То ли еще глубже…

От такого неожиданного вопроса Мишка хохотнул и пристально посмотрел на Петра, ища в его захмелевших глазах очередного подвоха.

– Что, монашек молодой, слабо в такое поверить? – снова рассмеялся довольный своим рассказом Петро – Видать, ты в детстве русских сказок мало читал. Кабы читал, то знал, что в каждой сказке есть намек – добрым молодцам урок.

И опять поманил к себе Мишку.

– Есть у нас такое поверье. Если прийти на это озеро в самую Пасху – ну, когда начинают ходить вокруг церкви, то можно услышать, как на дне озера тоже в колокола звонят и люди поют. Красиво поют! Христа славят! А иногда можно слышать эти звуки и в другие дни, но опять-таки только ночью, когда вокруг тишина.

Перейдя на едва уловимый шепот, Петро хриплым голосом дохнул в самое ухо Мишке:

– Я ведь тебе не басни рассказываю. Потому как сам слыхал. Все слыхал. И звон колокольный, и пение…

Мишка перестал улыбаться, слушая Петра.

– Дядька Петро, а это, случаем, послышалось вам не после.. Ну, этого самого, – он взглядом указал на почти пустую бутылку самогонки.

– Паря, не обижай старого акустика! – Петро тоже стал совершенно серьезным. – У меня слух что тогда, что сейчас знаешь какой? Я даже слышу, о чем тараканы на другом конце деревни шепчутся. Не, это не обман слуха, не иллюзия какая или мираж, как иногда бывает. Тут что-то другое… Только…

Он опять поманил к себе Мишку:

– Только шибко страшно там стоять и слушать. Долго не выдержишь. Вот тут и я сам не знаю, почему. Так что если ты и впрямь такой богатырь, как есть, то сходи туда и послушай. Ксюшка моя тебя

проводит. Да и ей не так страшно самой будет. Может, услышите что. А, может, не только услышите. Но и увидите…

– Что мы там увидим? – оживился Мишка.

– Меньше знаешь – крепче спишь, – сразу оборвал его интерес Петро, уйдя в свои мысли.

– Разве в том дело? – задумчиво сказал он и снова взглянул на Мишку. – Понял хоть, к чему тебе рассказал, аль нет? Можно спастись народу. Можно! Ты, монах, не веришь, а я верю. Крепко верю в такое чудо. Вот так уйти на дно или еще куда – и начать новую жизнь. А остальные пусть живут, как знают. Пьют, колются, веселятся, гуляют, продают последнее. Им все равно недолго осталось. А мы нырь! – и нетушки нас. Я бы и сам пошел туда. Небось, хороший акустик и там пригодится, чтобы сволочь какая ненароком нас не засекла. Я хоть и безногий, а морская закалка во мне осталась. И слух у меня острый.

Мишка хотел еще о чем-то спросить Петра, но, увидев, как тот прикрыл глаза и окончательно ушел в себя, понял, что спрашивать его было теперь бесполезным делом.

– Помоги-ка мне, монах, – пробормотал Петро, не открывая глаз. – Устал я… Тесно моей душе грешной на этом свете. Ох, как тесно моей душечке грешной… Рвется она, родимая, и сама не знает куда. Тесно ей…

Мишка помог Петру перебраться с коляски на кровать, где тот обычно спал. Едва успев лечь, он тут же захрапел. Но неожиданно открыл глаза и снова пробормотал:

– Ты все же сходи туда… В Игнатовку… На озеро… Ксюшка покажет… А там глядишь…

Он замолк на полуслове и захрапел.

10. У ОЗЕРА

Ночь была прозрачная и тихая. Над лесом висел желтоватый диск луны, а все небо – от края и до края – было усыпано мерцающими звездами. Крупные, маленькие, красноватые и похожие на огоньки сварки, рассыпанные пригоршнями по небосводу, они сплетались в единый узор – на первый взгляд бесформенный, абстрактный, хаотичный, но при внимательном рассмотрении наполненный абсолютной гармонией и красотой. Мишка то и дело поднимал голову,

любуясь бескрайними просторами звездного мироздания, улавливая то здесь, то там короткие вспышки падающих метеоритов.

– Как в горах, – задумчиво сказал он, вспоминая о чем-то своем.

– А ты что, в горах бывал? – спросила его Оксана, которая, наоборот, шла, опустив голову и всматриваясь в тропинку, чтобы не ступить в грязь.

– Да так, в молодости… Туристом…

– Ладно старить себя прежде времени. «В молодости»… Старец нашелся. Можно я тебя под руку возьму?

И, не дожидаясь Мишкиного согласия, легко просунула свою ладошку под его богатырскую руку.

– Только не думай ничего такого, – шмыгнув носом, сказала Оксана. – Шибко темно, а я в темноте плохо вижу.

– Как же ты замуж собралась, раз плохо видишь? – хохотнул Мишка.

– Во-первых, одно другому не помеха, – тут же отпарировала Оксана, – а во-вторых, я замуж не спешу. Сам видел, какие у нас в деревне женихи.

– Женихи как женихи. Что у вас, что у нас, – Мишка не переставал любоваться звездной красотой. – Везде одинаковые. По молодости у всех дурь, а семьей обзаведутся – глядишь, людьми становятся. Пеленки, распашонки, детишки, заботы разные…

– А сам чего? – осторожно взглянув на него, спросила Оксана. – В бобылях, поди, решил остаться? Или впрямь в монахи? Только ты не обижайся. Интересно просто.

– Чего обижаться? – хмыкнул Мишка, тоже взглянув на Оксану. – Ты по-простому спросила, а я по-простому отвечу: не знаю. У одних как-то все просто: родился, крестился, учился, женился… Ну, армия перед тем, конечно. Пацаны должны пороху понюхать. Я так считаю. Домой возвращаются другими, не теми, кем до этого по деревне шлялись. Не без того: погуляли малость, пошалили на воле – и пора, как говорят, честь знать. Мои годки уже все поженились, кое-кто успел даже по второму заходу. Один я задержался. Да только так думаю: сначала в себе разберусь. Уж больно много вопросов в душе накопилось.

Некоторое время они шли молча, думая каждый о своем. Оксана все так же опиралась на Мишкину руку. Он чувствовал ее близость,

упругую девичью грудь под своим локтем, улавливал приятный запах ее тела.

– Далеко еще? – он решил прервать неловкое молчание.

– Не очень, – не сразу ответила Оксана, то и дело цепляясь за Мишкину куртку, чтобы не споткнуться. – Сейчас кладбище, потом перелесок, а за ним Игнатовка.

– Кладбище? – переспросил Мишка.

– Что, боишься? – рассмеялась Оксана. – А по тебе не скажешь.

– Я свое отбоялся, – хмыкнул Мишка.

Впереди действительно показались старые покошенные кладбищенские кресты.

– Хочешь анекдот, чтобы веселее было идти? – спросил Мишка и тут же начал рассказывать:

– Короче, идет одна дама мимо кладбища. Ну, как мы с тобой сейчас, только она сама. Идет, значит, ночь, темень, кругом ни души, ветер свистит. И вдруг видит: идет к ней какой-то мужичок.

«Вы что, боитесь?» – спрашивает ее ласковым голосом.

Та трясется, кивает головой.

«Не бойтесь, я вас провожу», – говорит весело мужичок и идет рядышком.

А та по-прежнему трясется от страха.

«Да что вы все время трясетесь? – улыбается мужичок. – Кого вы так боитесь?».

«Мертвецов», – еле выдавила из себя дама.

Мужичок рассмеялся, весело так, обнял ее за плечи и ласково успокаивает:

«А чего нас бояться?..»

Оксана вздрогнула от такой шутки, а Мишка рассмеялся.

– Ну и шуточки, однако…

Вдруг Мишка высвободил руку Оксаны:

– Погоди минутку.

Он подошел к торчавшему из могилы металлическому кресту. Рядом со старыми, заросшими бурьяном, осыпавшимися холмиками эта могилка выглядела сравнительно свежей. Подойдя ближе, Мишка увидел на кресте прибитую табличку с фотографией улыбающегося парня в форме десантника. Он потер табличку, чтобы лучше рассмотреть это лицо.

– Чечня, – тихо сказала Оксана, тоже подойдя ближе. – Жалко, хороший парень был. Не то что эти отморозки…

Он кивнула в сторону деревни.

– Они по соседству с нами жили. Он на четыре года меня старше был. Ромка…

Она о чем-то вздохнула и замолчала.

– Рвался на эту проклятую войну, словно смерть свою искал. Да и повоевал там всего ничего. Где-то в горах попали в засаду. Кто не погиб на месте, тех боевики в плен взяли. А потом забили до смерти. Да еще выкуп за каждого просили. Удалось договориться, чтобы отдали наших ребят похоронить по-человечески…

Она подошла к самому кресту и вгляделась в фотографию.

– Ромка… Ромчик… Все девчонки по нему с ума сходили. А он одно в армию. В десантуру.

– Такое там часто случалось, – Мишка не спешил уходить. – Поди, каждый день наших пацанов паковали в «цинк».

– Откуда знаешь? Тоже, что ли, побывал там?

Мишка ничего не ответил, а только погладил фотографию незнакомого ему солдата.

– А я думаю, чего это тебе горы вдруг вспомнились, – Оксана снова просунула свою руку под его локоть. – «Турист»…

Они прошли кладбище, затем снова поле, а за ним и совершенно голый перелесок. Природа готовилась к зиме.

Наконец, за перелеском в свете восходящей по небосклону луны Мишка увидел само озеро, окутанное столькими легендами и тайнами. Оно сверкало, искрилось под луной, совершенно тихое, безмятежное, умиротворенное, отражая в себе все великолепие и красоту висящего над ним звездного шатра.

– Боже, красотища какая! – Мишка остановился.

Озеро действительно было необычным. Сразу за ним почти во все стороны начинался глубокий овраг, и казалось, что озеро образовалось на странном плато, возвышенности вопреки всем законам природы.

Почувствовав удивление Мишки, Оксана сказала:

– Тут кого только не было! Ученые разные с приборами, водолазы, что-то изучали, старались понять, как все так получилось. Говорят, даже кино сняли, по телеку показывали, но я сама не видела. Никто так и не смог разгадать этой тайны. Пошли на ту сторону…

Озеро было небольшим. Обойти его не составляло труда. Переступая через старые гнилые бревна, они вышли к шалашу, поставленному недалеко от берега.

– Это рыбаки придумали, – пояснила Оксана, – но отсюда все озеро видно.

Они присели возле шалаша на старое бревно. Мишка поднял маленький камушек и собрался бросить его в воду, но Оксана остановила его.

– Не надо. Если хочешь что-то услышать или увидеть, то не надо. Да и красоту такую жалко нарушать. Давай лучше тихонько посидим и помолчим…

Они замолчали, думая каждый о своем и ловя каждый шорох этой серебристой лунной ночи. Где-то далеко–далеко внизу, на дне самого оврага, было слышно тихое журчание речушки с грозным названием Ревуха.

– А долго молчать? – прервал эту тишину Мишка.

Рядом с Оксаной, в совершенно безлюдном месте, возле шалаша, он чувствовал себя неловко. И эта неловкость с нарастающим внутренним волнением не давала ему сосредоточиться на главной цели здешнего присутствия. Наверное, поняв состояние Мишки, Оксана вполголоса сказала:

– Если честно, то я сама не знаю, чего мы ждем. Ничего этого – ну, о чем люди болтают – сама я никогда не видела. Так, только со слов других знаю. Здесь на Пасху какие-то люди каждую весну приезжают. Странные такие, как отшельники. Сядут в разных местах вокруг озера и ждут чуда. Потом сойдутся, помолятся, и опять по своим местам. Может, сектанты какие, не знаю… Сейчас вер всяких развелось.

– Это точно, – Мишка выдохнул густой пар.

– Холода скоро, – Оксана сделала то же самое.

– Судя по приметам, не очень…

Они опять замолчали. Становилось все прохладнее и прохладнее. От озера вообще тянуло зимним холодом. Мишка передернул плечами и вдруг заметил, как Оксану вообще пробирала дрожь. Она поджала колени почти к самому подбородку и уткнулась носом в теплую юбку.

– Эдак ты долго не высидишь, – повернулся к ней Мишка. – Иди-ка сюда…

И он приготовился ее обнять.

– Аж разбежалась, – Оксана не сдвинулась с места. – Не за тем пришли.

– Да ладно тебе, – Мишка придвинулся сам и, расстегнув свою куртку, накрыл Оксану, обняв ее за плечи.

– Так, небось, теплее будет чудес ваших дожидаться.

Ничего не ответив, та продолжала сидеть, уткнувшись носом в подол.

– Только ты не подумай, что…

– Ничего я такого не думаю, – так же тихо сказал Мишка, – нормально все…

– Нет, я серьезно. Ты не подумай, что я… Ну, что мы…

– Да не думаю я ничего такого, – Мишка еще теплее прикрыл бок Оксаны, – а то как пожалуешься своим женихам…

– Ой, – поморщилась Оксана, – давай не будем.

– Давай, – согласился Мишка. – Но ведь все равно женихи. Один, по крайней мере. Костик, кажется?

Оксана снова уткнулась носом в подол. Помолчав немного, она словно в раздумье сказала:

– Приходите свататься – я не буду прятаться… А у вас не так, что ли? Поспела девчонка – и айда замуж. Как говорится, выйти замуж – не напасть, лишь бы замужем не пропасть. Вот так у нас женихаются. А я такого не хочу. Уж лучше одной жить, чем такое «счастье» под боком иметь. Не хочу. Ни за Костика, ни за кого другого. Ты сам видел, чего они стоят.

– Да везде пацаны одинаковы. Я ж говорил тебе: в семье они другими стают. Умнеют, что ли…

– Да не везде. И не всегда умнеют. Ты вот почему-то не такой, как они.

От этих слов Мишка тихо рассмеялся.

– Ты просто не видела, каким я бываю. Это сейчас что-то во мне хрустнуло, надломилось. Или перепуталось… Сам не знаю. Раньше все было просто и понятно, как и вашим деревенским пацанам. А теперь, после всего, что со сной произошло в последнее время, больше непонятно, чем понятно… Не знаю, может, это только со мной такое творится...

Оксана слегка повернулась к Мишке.

– А девчонка у тебя есть? Ну, там, дома? Или в другом месте где? Любишь кого?

Мишка тоже взглянул на Оксану.

– Девчонка? Как тебе сказать…

Он вспомнил Ольгу. Вспомнил, как впервые увидел ее возле своего закадычного дружка Пашки. Вспомнил, как Ольга тихо разговаривала с ним в храме, когда он лежал с окровавленной рукой, нежно и заботливо забинтованной самой Ольгой.

– Как тебе сказать?.. Девчонки были. Как у всех ребят. И до армии, и после. А так, чтобы одна и на всю жизнь…

Мишка снова вспомнил Ольгу, ее взгляд, улыбку.

– Девчонкой ее не назовешь. Красивая. Гордая. И в тоже время беспомощная, слабая…

– А где же она?

Мишка косо посмотрел на Оксану, думая, что сказать.

– В монастыре.

Оксана в удивлении вскинула брови.

– Да, в монастыре. Судьба ее туда привела. Сложная судьба. Калеченная…

– Так она что – монахиней стала? – Оксана смотрела на Мишку с нескрываемым удивлением.

– Не успела… То грустная история…

И снова уставился на сверкающую гладь ночного озера, уже думая не о таинственных чудесах, а об Ольге. Он даже не сразу почувствовал, как Оксана положила ему голову на плечо.

– Значит, ты через нее?.. Ну, в монахи?..

Рядом с Оксаной Мишка чувствовал прилив неизвестного ему тепла и нежности. От неизведанности, непонятности этого чувства ему становилось не по себе.

– Заладили вы все: «монах», «монах»… Далось вам это слово. Если живешь в монастыре или скиту, так сразу монах. В серых штанах…

– Но зачем-то ведь ты пришел туда? Не на аркане ж тебя привели.

Мишка поднял гладкий маленький камушек и начал перебрасывать его с ладони в ладонь.

– А зачем туда другие идут? Жили себе – кто кем: тот ученым, тот солдатом, тот князем, а потом пошли в монастырь. Другие с них

смеются, думают, что головой повредились, рассудком, а им словно тайна какая открылась. И позвала за собой. Как думаешь, не бывает такого?

– Думаю, что бывает. Я б и сама пошла в монастырь, кабы точно знала, что не судьба мне счастья в деревне искать.

– Так чего сидишь тут? Небось, в городе и сытнее, и повеселее будет. А там, глядишь, и судьбу свою найдешь. Или она тебя.

Оксана усмехнулась.

– В городе? Да, там точно найдешь… Нам, деревенским, только там осталось искать. Надька, подружка моя, тоже подалась туда. Моделью захотелось ей стать. Актрисой. Только другим делом пришлось заниматься. Заставили. Иначе, говорят, мы тебя сгноим. Так что уж лучше одной, чем на такое «счастье» нарваться.

– И то правда, – согласился Мишка. – Все-таки жалко вас, девчонок. Ребятам легче. Погулял, погулял – женился. Развелся, опять погулял – снова женился. Хоть до старости, пока «женилка» не засохнет. Мужику никогда не поздно. А вас природа по-другому устроила. Вам рожать надо. Вы без любви не можете…

Оксана никак не ответила на Мишкины слова, думая о своем.

– А знаешь, – задумчиво сказала она, – я ведь еще ни с одним парнем… Ну, это…

Мишка без слов понял ее и прижал крепче к себе.

– Мать пилит, отец пилит: «замуж пора, замуж пора»… А за кого пора?

Оксана вдруг отодвинулась от Мишки и пристально посмотрела ему в глаза:

– Хочешь, я тебя ждать буду? Ты только не подумай, что я набиваюсь. Просто знай, что я готова тебя ждать, пока ты сам не поймешь, чего ищешь в этой жизни.

Мишка ощущал, как слова Оксаны, ее присутствие открывали в душе все новые и новые чувства – доселе ей неведомые, необыкновенно теплые и нежные. Мишкина душа, привыкшая к бескомпромиссности, порой жесткости, решительности, агрессии, вдруг стала безоружной и удивительно тихой, мирной, такой же безмятежной, как это лунное сияние, разлитое по всей глади озера, вокруг которого ходило столько легенд и преданий. Он снова прижал ее к себе и неуклюже погладил широкой шершавой ладонью по голове.

– Так-таки будешь ждать? – прошептал он, не зная больше, что сказать. – Меня никто не ждал. Даже друзья мои, когда сказали, что я погиб…

– А я буду, – так же шепотом сказала Оксана…

Посидев еще немного, они встали со своего бревна и медленно пошли назад. Чуда так и не было. Все так же светила луна, забираясь все выше и выше на небосвод, отчего с каждой минутой становилось прохладнее.

Они шли молча, понимая, что главное, что хотели или должны были сказать друг другу в эту дивную ночь, уже было сказано. Легкий, слегка уже морозный ветер дул им в лицо. Поэтому они не слышали – просто не могли слышать – тихого ангельского пения, которое вдруг начало подниматься к звездному небу из глубин очарованного ночным великолепием озера.

«Свете тихий…», – неслось к небу, сливаясь с тем, что пели звезды, созвездия в ответ на эту молитву.

И уж конечно, они не видели – потому что просто не могли этого видеть, – как из глубин озера показались мерцания таинственных свечей – сотни, тысячи огоньков, образуя свои созвездия и узоры невиданной красы…

Проводив Оксану до самой калитки дома, Мишка захотел снова обнять и поцеловать ее. Но Оксана сделала шаг назад и зашла за ограду.

– Не надо, – прошептала она. – Просто знай, что я тебя буду ждать. Только тебя. И никого больше…

11. ДАРИНА

Мишка не сразу сообразил, что в главные ворота скита кто-то громко стучал. Сквозь сон ему казалось, что он снова слышит не то выстрелы гранатомета, не то далекие разрывы. На какое-то время они затихали, но через минуту раздавались снова: монотонные, неотвязчивые, требовательные.

Поняв, наконец, что это не сон, а действительно стучатся в ворота, Мишка встал и, набросив на плечи свою куртку, вышел из теплой комнатки, где они спасли с Варфоломеем. На дворе еще была сплошная темень.

– Кого принесло в такую рань? – сонно пробурчал он, доставая из куртки ключи, которыми каждый вечер запирал ворота, а по утру отпирал их. Хотя в последнее время отпирать их вовсе не было никакой необходимости. С наступлением холодных осенних дождей, часто сменявшихся мокрым снегом, превращавших здешние лесные дороги в сплошное месиво, паломников уже не было. Редко кто отваживался идти сюда пешком, по бездорожью. Про транспорт и говорить было нечего. Даже отец Платон, еще недавно бороздивший здешние дебри на своей машине, теперь поставил ее под навес.

– Не спится людям, не сидится, – полусонно пробурчал он, отпирая калитку.

И тут же в обступившей со всех сторонам мгле он увидел светящиеся подфарники огромного «хаммера» – настоящего монстра, которому были нипочем ни грязь, ни бездорожье.

Он даже не успел что-то сообразить, как к нему из темноты подошел коренастый незнакомец и с заметным акцентом вежливо обратился к нему:

– Простите за ранний визит, батюшка. Мы к вашему начальству. Не знаем, как сказать правильно. Простите…

– Да никакой я не батюшка, – Мишка поднял воротник куртки, чтобы не капало за шиворот. – Так, живу тут, помогаю понемногу.

– Так и помоги, раз тут живешь, брат.

Незнакомец был почти ровесником Мишки, может, несколькими годами старше. Он был одет в очень дорогую дубленку, от которой веяло такими же дорогими мужскими духами.

– Мы тут никого не знаем. Беда у нас большая, понимаешь? Кто тут у вас самый главный? Сведи нас к нему.

Мишка помялся, стоя в калитке.

– В такое время у нас еще все отдыхают: и самые главные, и не самые…

– Мы все понимаем, – жарко остановил его незнакомец. – Мы отблагодарим всех. Беда у нас, брат… Большая беда…

– Ну, коль такое дело…

Мишка постоял еще немного, думая, как поступить, а потом быстро пошел в сторону келий, где жили старцы, сказав гостям уже на ходу:

– Ждите здесь. Я сейчас вернусь.

… В келью отца Иоанна, слабо освещенную лишь несколькими самодельными восковыми свечами, вошли три незнакомца. Один из них прижимал к себе комочек, оказавшийся большеглазой испуганной девушкой. Увидев старца, сидевшего под старинными образами, она слабо вскрикнула и потеряла сознание. Тот, кто держал ее в объятиях, глухо заплакал, уткнувшись в ее черные, как смоль, растрепанные волосы.

– Это ничего, что мы люди другой веры? – обратился к старцу тот молодой парень, который встретил Мишку у ворот скита. – Мы тут все близкие родственники. Но другой веры. Не такие, как вы…

– Почему не такие? – мирно возразил ему отец Иоанн. – Не люди, что ли? А то что другой веры… Так ведь Христос тоже пришел к своим, а те Его не приняли, отвергли. Даже осудили на смерть. Вот и скажите, кто тут свои, а кто чужие.

– Простите, – вежливо ответил парень. – Просто мы не знаем ваших порядков, обычаев. У нас беда большая. И, наверное, только вы знаете, как нам помочь.

Тем временем мужчина, что был годами старше, помог посадить девушку в темном углу кельи, оставшись рядом. Тот же, кто до этого держал ее в объятиях, подошел ближе к старцу.

– Я ее отец, – взволнованно сказал он. – Она у меня одна–единственная. Память от жены, от нашей любви. Она подарила мне эту радость, а сама ушла. Умерла после родов… Я заплачу любые деньги, чтобы спасти мою красавицу, помочь ей… У меня есть все: деньги, много денег, успех, уважение, большой дом. Я много помогаю другим. А вот помочь своей родной дочери не могу… Ничем не могу…

Старец глубоко вздохнул, понимая состояние отца, и вопросительно посмотрел на него, ожидая, что тот сам поведает обо всем. Несчастный отец взглянул на дочь, которая не то задремала, не то продолжала быть в том состоянии, как переступила порог кельи.

– На нее что-то нашло – шепотом заговорил он, подвинувшись к схимнику. – Или кто-то сделал так, чтобы ей было плохо. А может, непонятная болезнь к ней привязалась, не знаю. У меня возможности неограниченные. Всюду ее показывал: и в столице, и за рубеж ездили, консультировались. Никто ничего не может толком понять или объяснить, что с ней происходит.

– И что же именно? – осторожно поинтересовался старец.

– Жить она не хочет! – так же шепотом ответил отец. – Тает, словно свечка. И все внезапно. Была словно лучик солнца в моем доме, улыбка с лица не сходила, планы разные строила, в Англию хотела ехать учиться. У меня там тоже свой бизнес есть, друзья, влияние. И вдруг как заговорили ее недобрые люди. Не знаю, верите вы в это или нет, но такое бывает, поверьте. Ведьмы, шептухи разные везде есть, у всех народов. Только по-разному называются. Одна надежда на вас, святой отец…

Старец едва заметно улыбнулся и ласково посмотрел на встревоженного гостя.

– Во-первых, я вовсе не святой, а грешный. А потом, я ведь не врач. Уж коль вы ее светилам медицинской науки показали, то чем могу помочь я, убогий и немощный?

– Я сам не знаю, – опустил голову отец. – Точнее знаю, что ей могут помочь только здесь. Кто-то или что-то – не знаю.

Он умоляюще посмотрел на старца:

– Она все время сюда просится. Понимаете? Сюда. А почему – не могу понять.

Отец Иоанн коснулся руки отца.

– Как вас зовут, любезный?

– Джабар.

– А не смущает вас то, что мы ведь все здесь православные христиане?

– Не смущает, – горячо отреагировал он на этот вопрос. – Я с нашими авторитетными людьми тоже советовался, прежде чем ехать сюда. Надо идти туда, куда зовет ее Бог. Разве не так?

– Так, – задумчиво произнес отец Иоанн, внимательно слушая незнакомца. – У всех нас одна надежда. На Бога.

Он поднялся со своего табурета, на котором сидел, и, опираясь на тяжелую старческую палку, подошел близко к девушке.

– А ее как зовут? – шепотом спросил он отца.

– Дарина.

– Красивое имя. Да–ри–на, – по слогам повторил он.

Услышав свое имя, девушка открыла глаза и тут же схватила сухонькую руку старца, прижавшись к ней щекой. Свободной ладонью старец ласково погладил ее по голове.

– Красивое у тебя имя. Почти как наше Дарья. Сейчас это редкое имя, старинное очень.

Перед старцем сидела настоящая восточная красавица. Правда, еще совсем юная, но бесспорно красавица. Ее глаза – даже заплаканные, растерянные – были необыкновенно красивы, выразительны, а тонкие, слегка изогнутые брови лишь подчеркивали их чарующую восточную красоту. На лоб девушки спадали вьющиеся темные волосы, оттеняя болезненную бледность ее лица. Алые губы что-то шептали, и по ним было видно, что девушка готова была вот-вот расплакаться снова.

Она не отпускала руку отца Иоанна, словно найдя то, что так долго и мучительно искала. Старец по-прежнему гладил ее по голове, думая о том, чем облегчить страдания своей юной гостьи.

Наконец, она посмотрела на старца. Глаза на ее изможденном, мертвенно–бледном лице горели мольбой и полным отчаянием.

– К Ней хочу, – хрипло прошептала она, – туда…

И взглядом указала в ту сторону, где был их храм.

Одевшись, отец Иоанн сам отпер дверь в храм и запалил несколько свечей возле чудотворного образа. Затем сделал глубокий поклон и тихим голосом сотворил молитву:

– Не имамы иныя помощи, не имамы иные надежды, токмо Тебе, о Богомати. Ты нам помози, на Тебе надеемся и Тобою хвалимся, Твои бо есьмы рабы, да не постыдимся.

Его тихий старческий голов звучал в совершенно безлюдном, спящем храме четко, отдаваясь гулким эхом под самым куполом.

Затем он подошел к стоящим в притворе гостям.

– Значит, говорите, вас не смущает то, что вы пришли в наш святой храм?

– Нисколько не смущает, – ответил отец девушки. – Мы тоже верующие.

– Ну что ж… Да будет на всех нас святая воля Божия…

Он повернулся в сторону Дарины и, ласково погладив ее, тихо спросил:

– И кто же тебя позвал к нам?

– Она…

Дарина сделала движение, чтобы освободиться от державших ее отцовских рук и, опершись уже на руку старца Иоанна, медленным

шагом, слегка шатаясь от слабости и терзавшего ее внутреннего состояния, пошла в сторону святого образа Богоматери. В какое-то мгновение всем, кто продолжал стоять у двери, показалось, что она вот-вот снова упадет без чувств прямо на пол, но старец сделал знак, чтобы те оставались на месте и продолжал идти в ту сторону, куда влекло девушку.

Подойдя к святому образу, Дарина со стоном опустилась перед ним на колени и совершенно затихла, свернувшись в комочек на стареньком коврике прямо возле резного киота. Отец Иоанн присел рядом и, беззвучно творя молитву, так же ласково гладил ее по голове.

Возле дверей снова раздались глухие рыданья: то плакал несчастный отец.

Наконец, Дарина сделала усилие подняться. Отец Иоанн помог ей опереться на его сухонькую руку. Девушка прижалась к стеклу, за которым стоял сам чудотворный образ, и, глядя на него радостным, просветленным взглядом, открывала Богоматери то, что до этого момента давило ее изнутри, терзало, мучило, забирало жизнь. Молился и старец, тоже с умилением взирая на образ, украшенный многими крестами во свидетельство простых людей о милостях Небесной Заступницы.

Дарина вдруг повернулась к своему скорбному отцу:

– Я не хочу отсюда уходить…

Щеки девушки, до этого бывшие мертвенно–бледного цвета, с нехорошим серым оттенком, в эту минуту горели румянцем, а все лицо ее, взгляд, улыбка излучали тепло и благодать.

– Я хочу быть с Ней… Она зовет меня к Себе…

Отец подошел к дочери и крепко обнял, прижав к себе.

– Чем мне благодарить вас? – тихо спросил он старца. – Называйте любую цену, просите все, что считаете нужным. Я сделаю, исполню, достану для вас все. Но сначала скажите мне, что все это такое? Что с ней случилось?

Отец Иоанн снова кротко улыбнулся.

– То, что нам надо, вы не сможете купить.

– Я могу все, – уже уверенным голосом возразил отец девушки. – Вы просто не представляете моих возможностей. Многие меня считают всесильным.

– Всесильным? – старец быстро взглянул на него. – И все можете?

Поняв дерзость, Джабар поспешил оправдаться:

– Я хотел сказать, что всесилен только в своем деле. А в таком, – он взглядом указал на дочь, – увы, совершенно бессилен. Только скажите, что все это значит? За что она страдает? За чьи грехи? В чем она провинилась перед Богом?

Они возвратились в теплую келью старца, где Дарина быстро погрузилась в глубокий сон. Она дышала ровно, а на ее лице играл все тот же румянец. Она снова превращалась в ту восточную красавицу, какой была до болезни.

– Вы спрашиваете, что это за болезнь и за что страдает ваша любимая дочь? – отец Иоанн сидел на табуреточке возле печи. – Так спросили однажды ученики своего Учителя, когда однажды увидели слепого при дороге. Вот так шли, шли – и вдруг видят: сидит на обочине несчастный слепой. От самого рождения слепой. Никому не нужный, всеми забытый, грязный… Люди идут мимо, и редкий прохожий кинет ему в кружку мелкую монетку или даст кусок хлеба. А тут Учитель с учениками. И те, глядя на страдания слепца, спрашивают, за что он страдает: за грехи своих предков или за свои собственные. Интересный вопрос? Почти точь-в-точь, как и вы спросили меня, грешника.

Джабар ничего не ответил, вникая в смысл слов старца.

– А Учитель ответил им на этот вопрос вот как. Что страдает этот несчастный человек ради того, чтобы на нем прославилось имя Господне. И после этого мгновенно исцелил слепца. И тот прозрел. Видите, как все просто?

Джабар впервые за все время, пока он был рядом со схимником, улыбнулся и пожал руку старцу.

– И все же мне не хочется оставаться неблагодарным. Чем я могу послужить вам?

– Кто мы, чтобы нам служить? – старец улыбнулся в ответ. – Мы служим Богу. В этом вся наша здешняя жизнь. И награда. За все благодарим Господа. И других учим тому же…

– И все-таки…

Старец взглядом остановил Джабара.

– Пусть Даринушка немного побудет у нас. Тут ее никто не обидит. Поживет, подышит нашим воздухом монастырским. Он здесь

особенный, молитвенный. От такой благодати она быстро на поправку пойдет.

Джабар посмотрел на спящую дочь, словно желая знать ее согласия, и в это время Дарина открыла глаза. Она встала, подошла к отцу и ласково обняла его.

– Что, голубушка, погостишь у нас? – спросил ее старец.

В ответ девушка еще крепче обняла отца, тем самым без слов прося его согласия.

– Она у меня одна, ни в чем отказа не знает, хотя и неизбалованна, – ласково погладил ее Джабар. – Но оставлять одну?.. Тут?.. Удобно ли?

– И нам, и ей очень удобно. И спокойно. Поверьте, любезный. У нас даже гостевая комната для посетителей есть. Простите, что, быть может, это не то, к чему привыкли такие большие люди, но все необходимое для жилья есть.

– Может, охрану вам оставить? У меня такие орлы, что…

– И охрана у нас есть, – улыбнулся старец. – Не хуже вашей, между прочим. Даже понадежнее будет. Помните, была раньше такая песня про летчиков: «Мне сверху видно все, ты так и знай»? Такая вот у нас охрана, откуда все видно.

Девушка шла в свой домик, служивший маленьким приютом для гостей, в сопровождении Мишки.

– Как тебя зовут, красавица?

– Дарина, – тихо ответила она, не поднимая глаз.

– В смысле Дарья?

– Нет, в смысле Дарина, – так же тихо повторила девушка. – А отца моего Джабаром зовут.

«Ну и дела», – подумал он, провожая девушку до двери.

На обратном пути он встретился с отцом Платоном.

– Видал, какие господа нас посетили? – он весело хлопнул Мишку по плечу. – Это тебе не ходоки к Ленину.

Мишка удивленно посмотрел на архимандрита.

– Чего вытаращился? – отец Платон снова хлопнул Мишку. – Ты хоть знаешь, что это за люди были? Сам уважаемый Джабар! Хозяин заводов, газет, пароходов! А также нефтяных скважин на Востоке, в Скандинавии, Каспии. Миллионами ворачает. Мил-ли-о-нам-ми! Потому что не простой смертный, а олигарх. О–ли–гарх! Понимаешь?

– И что с того? У них тоже беды случаются. Люди ведь, хоть и миллионеры.

– Ну ды, – хохотнул архимандрит. – Богатые тоже плачут! Был такой фильм. «Мыльный» сериальчик. Нам бы их беды!

– У каждого свои, – Мишке не нравился этот тон.

– И то верно, – отец Платон поежился от холода. – Лишь бы побольше «отстегнули» от своих щедрот. У нас дырок много, а у них «бабок», – он показал выразительный жест пальцами перед лицом Мишки. – Интересно, много они кинули «зелени» нашему старчику?

– Да ничего они не кинули, – Мишке хотелось побыстрее закончить этот неприятный разговор. – Девчонку тут свою оставили пожить. Она дочка того самого Джабара.

Архимандрит всплеснул руками:

– Батюшки святы! Оставили? У нас?! Ну, теперь точно папаша раскошелится. Видать, беда и впрямь приключилась, коль сам великий Джабар на поклон пришел.

От нескрываемого удовольствия он потер руки и поспешил к себе в теплую келью, на ходу вынимая стильный мобильник и вызывая кого-то на связь.

12. ЗАХВАТ

Быстро сгущались сумерки. Холодный осенний дождь, зарядив с самого утра, не переставал целый день, загнав в домики и под крыши все живое, что было в скиту и вокруг него. Не было слышно ни птиц, ни зверей. И лишь Врфоломей уже в который раз за этот день стоял посреди дворика, совершенно босой, в одной рубашке, и, глядя куда-то поверх вековых деревьев, нараспев тянул лишь одному ему понятную фразу:

– Ой, жара грядет, жара! Ой, жара грядет, жара…

Мишка в который раз пытался затащить его к себе в домик, где было тепло и уютно. Но, посидев немного и пообсохнув, Варфоломей снова выходил на средину двора и тянул, тянул странную фразу о какой-то жаре, никак не лепившейся к опустившейся на землю промозглой сырости и холоду.

– Беду, что ль, кличет на нашу голову? – буркнул отец Платон, видя, как Мишка, укрыв своего друга старым тулупом, тащил его в

теплый домик. – Вон по областному радио сегодня то и дело передают о сбежавших арестантах, просят сообщить, если кто что видел или слышал. Говорят, рецидивисты. Особо опасные! К тому же вооружены. Хотя в такую дыру да в такую погоду даже зеки не побегут…

Скит совершенно растворился в сумерках. Дарина сидела в кельи отца Иоанна и при свете одной–единственной свечи о чем-то тихо беседовала с ним. Варфоломей сидел у печи, уставившись на пляшущий в середине огонь, совсем промокший, замерзший от холода, не переставая дрожащим голосом твердить одно и то же:

– Ой, жара грядет, жара…

«Когда же ты, наконец, угомонишься?», – думал Мишка, тщетно пытаясь уснуть и ворочаясь с боку на бок. Наконец, под монотонный распев Варфоломея Мишка стал медленно погружаться в сон. Тепло, шедшее от печки, накрывало его приятными волнами, а бесконечное бормотание чудака про какую-то жару превращалось в подобие тихой песни, вытеснявшей из его сознания остатки мыслей и воспоминаний. Под это монотонное пение и бормотание он постепенно заснул.

Когда Мишка открыл глаза, Варфоломея рядом уже не было. Это мало удивило Мишку.

«Наверное, опять свои арии распевает», – подумал он, собираясь подняться и пойти снова забрать со двора своего промокшего и продрогшего друга. Но кроме заунывного ветра и капель дождя, барабанивших по окну, ничего не было слышно.

Мишка полежал еще немного с открытыми глазами, глядя на отблески огня, догоравшего в печи. Было так тихо, что Мишка слышал даже сопение кота Мурчика, свернувшегося калачиком у печного поддувала.

«Где же этот певец из погорелого театра?», – снова подумал он и, набросив куртку, вышел во двор, не затворив за собой дверь. Варфоломея нигде не было. Мишка тихо позвал его, но никто не отозвался.

«Вот чума болотная», – вздохнул Мишка, жалея своего чудаковатого друга, представляя, каким промокшим он приведет его.

«Хоть бы без болезни обошлось, – снова подумал он, – небось, не мальчик по осенним лужам босиком шлепать, да и не тот сезон, чтобы резвиться…».

Что-то нехорошее, недоброе насторожило Мишку во внезапном исчезновении Варфоломея, да и самой тишине. В этой тишине он вдруг интуитивно почувствовал, как бывало с ним на войне, близкое присутствие какой-то опасности. Зайдя в тень, он огляделся по сторонам, всматриваясь в непроглядную темень. Но ничего, кроме контуров храма и келий не видел. Слабым светом светилось лишь крошечное оконце отца Иоанна – свидетельство того, что в эту пору старец молился при свете лампадки. Он вгляделся еще пристальнее – и неожиданно заметил тонкую светящуюся щель в дверном проеме храма.

«Ну не чума? – покачал головой Мишка. – Как это он умудрился забраться туда, когда я лично запер дверь на замок?».

Будучи уверенный, что Варфоломей находился в церкви, Мишка поднял воротник куртки и быстрым шагом направился в ту сторону. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как ощутил мощный удар тупым предметом в спину, который едва не сбил его с ног. Он сделал резкий шаг вправо, разворачиваясь для отражения нападения сзади, но в это мгновение новый удар – теперь уже в самый затылок, такой же сильный и снова чем-то тупым и тяжелым – сразил его на мокрую землю и лишил сознания…

…Первое, что ощутил Мишка, начав приходить в себя, был запах церковного кагора и сладковатый вкус этого благородного вина во рту.

– Пей, пей, братан, – услышал он сквозь сильнейший звон в голове чей–то знакомый хрипловатый голос. – Как говорится, не ради скотского удовольствия, а для выздоровления.

Сделав невероятное усилие, Мишка открыл глаза, и в его еще помутненном сознании один за другим стали проясняться окружившие со всех сторон образы знакомых и совершенно незнакомых людей. Но первым он узнал именно того, кто склонился над ним с кружкой вина.

– Матроскин…, – простонал Мишка, силясь сообразить, что все это значит.

– Узнал! Узнал, бродяга! – радостно воскликнул тот, кого Мишка назвал Матроскиным и, повернувшись к стоящему рядом худощавому незнакомцу, резко плеснул ему остаток вина прямо в лицо:

– Глухарь, тебя бы этим прикладом да промеж глаз! Ты хоть знаешь, кто это? Мы с этим пацаном червей в горах жрали, когда вы со шлюхами трахались! Вшей кормили! От пуль не прятались!

– Матрос, ты че, в натуре? Сам же сказал паковать всех мужиков! Ты че?

Матрос гневно сверкнул глазами на своего подельника и снова склонился над Мишкой:

– Мишань, прости, брат, в натуре промашка вышла. Помнишь, как по нам родной «град»[51] работал, когда мы зачищали под Бамутом? – Он осклабился и потряс еще плохо соображавшего Мишку за плечи. – Помнишь? Свои по своим! «Вертушки» дали наводку, за «духов»[52] нас приняли, а те и врезали по нам со всех стволов. И ничего, обошлось! Нажрались мы тогда с радости, что живыми остались. Помнишь?

Мишка приподнялся с пола, на котором лежал, и осмотрелся по сторонам. Рядом с ним, связанный и прислоненный к стене, сидел бледный, насмерть перепуганный отец Платон. Чуть поодаль беспомощно барахтался и что–то мычал с кляпом во рту Варфоломей.

– А где?.. – Мишка хотел спросить про двух старцев, живших в скиту.

– Нормалек, братишка, – поняв его, ответил Матрос. – Мы че, звери, что ль, в натуре? Старикам везде у нас почет! Мы их только прикрыли, чтобы сквозняком не продуло. А так все путем, братан. Давай присоединяйся к нашей компании. Выпей, закуси тем, что Бог послал.

Сильно пошатываясь от боли в спине и затылке, Мишка оперся о руку Матроса и медленно поднялся, держась за стену. Только теперь он смог рассмотреть всех, кто был в комнате, служившей в скиту небольшой трапезной. Кроме связанных отца Платона и Варфоломея, за столом вместе с Матросом и Глухарем сидело еще четыре незнакомца. Все они были с автоматами, давно небритые, с угрюмыми лицами и настороженным взглядом.

– Во, кореша мои, – Матрос кивнул в их сторону, – Крест, Мерин, Чифирь, Тунгус. Это тебе не захарчованные чуваки[53] или какие-нибудь сявки. Ну, Глухаря ты теперь и так знаешь…

– Не въеду никак, что это за маскарад такой? Что за публика, а? И сам ты откуда, Матроскин?.. Или мне все это снится?

Матрос громко расхохотался и хлопнул Мишку по плечу:

– Не, братуха, не снится!

– А стволы откуда? Сбежали с зоны? – кивнул он в сторону автомата, висевшего у него на плече.

Улыбка сошла с лица Матроса. Он пристально посмотрел в глаза Мишке.

– Не сбежали, а амнистировали себя[54]. Короче, беглые мы, братан. Беглые…

Молчавший до сей минуты архимандрит вдруг встрепенулся:

– А, так то, наверное, про вас целый день по радио сообщали, что группа рецидивистов совершила побег?

Матрос повернулся к отцу Платону и резким движением притянул с пола к себе.

– Смотри, святой отец, чтобы тебя по телевизору не показали. С вырванным языком. Или вообще без головы. Нам терять нечего. Так что прикуси свое жало, чтоб мы еще один страшный грех на душу не взяли.

– Развяжите меня, – уже мирным тоном сказал отец Платон, обращаясь к Мишке.

Мишка нагнулся над архимандритом и развязал узел, которым его руки были стянуты назад.

– Тоже додумались кого вязать, – буркнул Мишка, освобождая от крепких пут и своего друга Варфоломея.

– Мишок, нам думать некогда, – снова за всех отозвался Матрос, усаживаясь за большой дубовый стол. – Ты ведь сам знаешь, что в нашей профессии думать вредно. Даже опасно. Мы только малость обогреемся, обсохнем у вас, а с утреца рванем дальше. Тут не келдым[55].

Мишка тоже сел за стол на широкую лавку. Сознание постепенно возвращалось к нему, и он начинал все осмысливать, несмотря на пульсирующую в затылке страшную боль. Он провел ладонью по больному месту и ощутил там большую гематому, а на ладони остались следы спекшейся крови.

– Все равно не пойму, – Мишка взглянул на Матроса, – как все связать: ты, какой-то побег, какой-то лагерь, зеки…

Матрос весело рассмеялся.

– Давай лучше выпьем за нашу встречу!

Он налил в алюминиевые кружки вина из откупоренных бутылок, в том числе архимандриту и Варфоломею.

– Вы уж простите, господа, что мы похозяйничали без спросу. Честно говоря, пять суток по лесу, почти без сна, без крошки во рту… Давай, братуха, за встречу! За нас, за боевой спецназ!

Он стукнул об Мишкину кружку и залпом выпил все до капли. Потом не спеша, наслаждаясь, как тепло начало разливаться по телу, отломил краюху хлеба и, посыпав на нее солью, закусил.

– Со мной, Мишок, как говорится, даже прокурору все ясно. Отвоевал, отстрелял свое, вернулся домой. А кому я там нужен? Снайпер. С реальным боевым опытом. Кому? Куда ни сунусь – везде волком смотрят. И у всех один интерес: «мочил»[56] или нет? Нет, говорю, ждал, пока мне их снайпер дырку в черепе навылет сделает. Обидно стало… Когда нас готовили к этой работе, а потом забрасывали в горы, никто почему-то не спрашивал, зачем и почему. А теперь вдруг такими правильными стали. Моральными. Ну а тут вдруг откуда ни возьмись подвалили крутые ребята, да и предложили работенку по моему профилю.

– Валить кого, что ли? – спросил Мишка, слушая рассказ своего боевого друга.

– Не, цветочки дарить. Анекдот такой есть. Пацан вернулся из армии, бежит к своей возлюбленной, на ходу покупает ей красивую розу. А продавщица знакомая была, да и говорит ему: «Ты, милок, не шибко рвись туда, потому что пока солдатскими портянками вонял, она себе другого жениха нашла». Тот так удивился: «Правда? Тогда дайте мне еще одну розочку». Так и я. Стал делать свою работу, а другие им цветочки красивые приносили. Ну и… Короче, чего бодягу разводить? Закрыли меня всерьез и надолго. При дедушке Брежневе сразу расстреляли бы, а теперь закрыли. Вернее, думали закрыть. Да не так сталось, как им гадалось…

– Все равно не пойму. Ты что, в киллеры подался?

– Не в киллеры, а санитары. Это, между прочим, по нынешним временам почетная профессия. Очищать общество от разной мрази. Хотя я в эти дела не вникаю. Мне ставят задачу, а за ее выполнение платят хорошие бабки. Остальное меня не касается. Война отучила меня стыдиться своей работы. Два боевых ордена в Чечне я получил не за победу в шахматном турнире. Мне их Родина дала! Родина! В которой мне, им, нам всем теперь не нашлось места. Поэтому, Мишань, будем сами завоевывать себе место под солнцем. Милости от

природы или от Бога пусть ждут другие. А мы будем завоевывать сами! Нас ведь чему-то учили?

Он подмигнул Мишке и снова разлил всем вина.

– Пей, пей, святой отец, – Матрос посмотрел на архимандрита, – подкрепись на дорожку хорошенько, чтобы силенок хватило. Наверное, мы тебя с собой прихватим.

– Зачем это? – встрепенулся отец Платон. – С какой стати мне быть вашим попутчиком?

– Грехи отпускать будешь, коль судится нам пасть смертью храбрых в сражении с ментовским спецназом. Их у нас – грехов этих – много. Так что подкрепись, дорога дальняя, а песня грустная. Я знаю, что все стежки–дорожки под контроль взяты, нас повсюду рыщут.

Матрос выпил, крякнул и, не закусывая, обратился к своим подельникам:

– Тунгус на шухер, остальным пару часов на отдых. А вам, – он взглянул на отца Платона и Варфоломея, – в дальний угол и рта не открывать, пока я не разрешу.

Раскосый зек, которого звали Тунгусом, послушно встал за дверями, не выпуская из рук автомата. Остальные тоже с оружием расположились возле теплой печки и почти мгновенно задремали.

– Классные пацаны, – вполголоса сказал Матрос. – Тоже повоевали, кто где. И тоже оказались никому не нужными, когда вернулись с орденами. Что за страна? Что за жизнь такая?..

Он о чем-то задумался, а потом пристально посмотрел на Мишку.

– Слушай, а сам-то ты каким лешим здесь очутился? В монахи решил податься? Как все понимать?

– А так и понимать. Живу, значит, покуда тут. Пытаюсь что-то понять, сделать…

– Грехи, значит, замаливаешь?

– А ты что предлагаешь? Снова «калаш»39 в руки – и от бедра веером?

– Ты прям философ стал. Сократ. Не узнать. Сказал бы кто, что своего старого боевого друга, с которым нас бросали держать те проклятые высотки, я встречу здесь, в этом захолустье, в этой дыре, вместе с какими-то монахами, я бы посчитал того за сумасшедшего.

– Так что предлагаешь? – снова повторил свой вопрос Мишка. – С «калашом» в руках порядки в стране наводить?

– Ну, тогда давай все монахами станем. И начнем бить поклоны. Или думаешь, замолим свою жизнь?

– А у нас, Матроскин, другого пути нет, как замаливать. Отвоевались…

– Ты что, серьезно это?

– Вполне. Я тут о многом по-другому стал думать.

Матрос налил в кружку вина, выпил и насмешливо посмотрел на забившегося в угол отца Платона.

– Святой отец, отпустишь нам долги наши? Вон друг мой верит, что отпустишь.

– Милиция вам всем отпустит, – буркнул он. – Тут далеко не убежишь и не спрячешься. Впаяют всем вам по делам вашим. За Бога не спрячетесь, Он все видит, как вы тут над нами…

– Вот так-то, Мишань. А ты говоришь «молиться». Не, такая философия не по мне.

– И я так думал, Матроскин. Пока на жизнь свою по-новому не взглянул.

Матрос низко опустил голову и тяжело вздохнул.

– Мишань, сказать тебе, что мучит мою совесть? Нет, даже не то, что приходилось убивать «духов». На то и война, чтобы кто-то кого-то убивал. Мы с тобой солдаты, пешки в большой игре. Я так думаю, что если нам и придется держать ответ, то тем, кто отдавал приказ убивать и послал на войну, отвечать придется намного строже. Не о том я, братко…

Он опять налил вина и выпил.

– Не дает моей совести покоя одна молоденькая горяночка, которую Фаттах, командир отряда, приказал… Ну… Поставить на карусель[57]. Пока она не скажет, куда боевики ушли и где оружие прячут. Мы ведь тогда у боевиков Бараева сидели на самом хвосте, в затылок им дышали. А они все равно сумели как-то соскочить, выскользнуть. Вот Фаттах и вызверился на ту горяночку, которая в ауле со стариками осталась. «Имейте ее, – говорит, – пока все не расскажет». Вот мы ее и «отымели». Злые все были. А потом застрелили. Свидетели в таком деле ни к чему, сам понимаешь. Так вот я и думаю: за такие приказы и такие дела нам не будет прощения ни на этом свете, ни на том…

Он поднял глаза на Мишку и прошептал:

– Она мне часто снится… Плачет… Спрашивает, зачем мы с ней так… Ведь о тех боевиках и тайнике она ничего не знала. А мы ее… Всем отрядом… А потом в Аргун… Уже когда застрелили… Поди объясни ей, что то приказ был. Приказ! А приказы не обсуждают. Особенно в наших делах! Я не знаю, что снится тем, кто отдавал нам эти приказы: тому же Фаттаху, Харламу, Чомбе, Упырю. Помнишь их еще?

– Матрос, – Мишка тронул его за плечо, – мы по уши в дерьме. И никогда от него не отмоемся, если опять будем воевать. Нет разницы с кем: со своими, с чужими, под заказ или, как говорится, ради спортивного интереса. Надо начать новую жизнь и принять от нее все, что она пошлет.

Матрос осклабился.

– И что ты мне предлагаешь, кореш? Назад, на «шконки»41? Ведь мне моя жизнь уже ничего другого не пошлет. У меня, братан, знаешь какой срок? Выше только «вышкарь». Так-то… «А жить так хочется ребята, а вылезать уж мочи нет…». Так что, Мишок, у меня только один путь: вперед и вперед. А то давай с нами? Вместе и начнем жить по-новому. С новыми менами, новыми паспортами, на новой родине. Давай, а?

– Это где ты собираешься начать такую красивую жизнь?

Матрос посмотрел на своих спящих друзей, потом в сторону архимандрита и, нагнувшись к самому уху Мишки, чуть слышным голосом зашептал:

– Идем на верное дело. Все алмазно![58] Полный «гешефт»![59] Несколько дней ходу отсюда есть одно местечко, где староверы припрятали свое золотишко. Лежка надежная тоже есть. А там делаем загранпаспорта – и за бугор. Все продумано. Соглашайся, братан! Это нас с тобой сама судьба свела! Помнишь, как мы с тобой мечтали вместе вернуться, вместе красивую жизнь строить? Когда жрали в горах червей, потому что куска хлеба не было. Помнишь? Так давай с нами!

– Нет, Матроскин, – отрицательно покачал головой Мишка, – то, что ты предлагаешь, это не новая жизнь, а побег из этой. А от нее все равно никуда не убежишь. Как и от себя самого. Я это уже понял. Все в нас самих – и старое, и новое, и прошлое, и будущее… А в кладоискатели я подавно не гожусь.

– Как знаешь. Я все равно был рад встретить своего боевого друга. Нас ведь почти никого не осталось. Так что надо торопиться жить, а не коптить небо.

Матрос повернулся с отцу Платону:

– Ну что, святой отец, как поется: «Пора в путь-дорогу – дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю, друзья». Мы тебя с собой берем.

– Я никуда с вами не пойду, – молодой архимандрит снова стал страшно бледен. – Хоть убейте меня – не пойду.

– А вдруг возьмем и убьем?

Матрос взял автомат, передернул затвор и ткнул стволом прямо в грудь отцу Платону.

– Как, не страшно умирать?

– Оставь, Матроскин, – Мишка опустил ствол и отвел его в сторону. – Здесь такие шутки не понимают.

Тот серьезно, без тени улыбки посмотрел на Мишку:

– А я, братан, шутить не собираюсь. Ты не в игре, а наша игра слишком серьезная, чтобы шутить. Он пойдет с нами. На всякий случай. Если менты нас обложат. А обойдется – то возвратится живым и невредимым. Что мы, звери какие? Или нехристи?

– Это что же, заложником меня хотите взять? Как все это изволите понимать?

– А так и понимать, как сами изволите, ваше благородие, – буркнул Матрос, хмуро взглянув на архимандрита. – В дороге объясню. А сейчас ноги в руки – и с нами!

Подельники Матроса тоже поднялись и собрали со стола остатки еды и недопитое вино в бутылках.

– Ну что, братко, давай на посошок, что ли? – Матрос налил себе и Мишке и поднял кружку. – Бог знает, увидимся или нет?..

Мишка взял кружку в ладонь. Он хотел сказать Матросу важные для него слова, такие, чтобы они коснулись его души, сердца, чтобы остановили от того, на что тот отважился. Но не находил этих слов.

– Нашли заложника, – презрительно вдруг хмыкнул отец Платон. – Представляю, какой будет шум, когда узнают, что в плену банды оказалось духовное лицо, с которого и взять-то нечего. К тому же, монах. Гол, как сокол! А были б вы повнимательнее, то знали, кого брать себе в попутчики.

– И кого же? – Матрос настороженно посмотрел на архимандрита.

– Небось, есть кого, – снова хмыкнул тот и быстро посмотрел на Мишку.

От такой неожиданности Мишка со всей силы стиснул кружку, что она сплющилась, а красное вино выплеснулось на стол.

– Ну-ка, ну-ка, святой отец, с этого места поподробнее…

– Да есть тут у нас одна…

Мишка впился взглядом в отца Платона, давая ему понять, чтобы тот молчал.

– Чего пялиться на меня, как на врага народа, – уловив перелом ситуации в свою сторону, отец Платон сразу осмелел и подошел к Матросу и его дружкам. – Знаю, что говорю.

– Я не понял, у вас что, тут и бабы есть? – опешил Матрос. – А почему…

Он взглянул на того, кого звали Мерином.

– Вроде, все осмотрел, – понял он без лишних слов. – Бабами даже не пахнет. У меня на них чутье знаешь какое?

– Так то не баба, – ухмыльнулся отец Платон, – а так, девчонка, смазливая пигалица, дочка богатого папаши.

Мишка хотел резко оборвать архимандрита, но Матрос жестом остановил его. Он подошел вплотную к отцу Платону и пристально посмотрел ему в глаза.

– Есть у нас тут одна, – архимандрит искоса взглянул на Мишку, – давеча сидела у нашего старца Иоанна.

– Ревматизм, что ли, лечила ему? – хохотнул Чифирь, но Матрос оборвал шутку и приказал Мерину немедленно разыскать девушку.

Уже через несколько минут он привел ее, страшно испуганную, плачущую, бледную и втолкнул в комнатку, где были все остальные.

– Точно, Матрос, там она была! В шкафу пряталась, думала, что не найдут.

– Откуда такая куколка? На «босявку»[60] не похожа, – Матрос подошел к ней и тыльной стороной ладони поднял ее подбородок. Несмотря на испуг и растерянность, она тут же тряхнула головой, чтобы освободиться от этого фамильярного прикосновения.

– Вы еще не знаете, что сделает вам мой отец, когда обо всем узнает!

Матрос и вся его компания расхохоталась.

– А он не знает, что мы сделаем с тобой, – сквозь смех отпарировал Матрос, – причем, прямо сейчас, здесь.

В это мгновение Мишка резким движением выхватил у хохотавшего Чифиря автомат и, передернув затвор, крикнул:

– Девчонку не трогать! Уложу всех!!

– Тихо, тихо, – Матрос попытался успокоить своего бывшего друга. – Кончай «базлать»[61]. Не для того мы взяли на рывок[62], чтобы тут устроить «мочилово»[63]. Успокойся, братан.

Держа автомат в одной руке и не опуская ствола, Мишка левой рукой схватил Дарину, притянул к себе и закрыл ее собой.

– Уложу всех! – грозно повторил он. – Девчонка моя!

– Раз твоя, то какой может быть базар? – Матрос старался разрядить обстановку.

Тем временем отец Платон что-то зашептал ему на ухо.

– Так бы сразу и сказал, что твоя, – снова примирительным тоном повторил он и вдруг таким же стремительным, внезапным и мощным ударом выбил у Мишки автомат, и теперь вместе с девушкой он оказался под прицелом нескольких стволов.

– Мишаня, кончай дурить, – Матрос взял Дарину за руку и притянул к себе. – Мы давно не пацаны. Если хочешь, то давай с нами. Если нет – не мешай. Прошу…

Он снова поднял подбородок Дарины и посмотрел ей в глаза.

– Чего испугалась, козочка? Твое счастье, что время у нас в обрез. Некогда развлекаться. Этим делом мы с тобой займемся на лоне природы, если твой папаша вдруг вздумает упрямиться и не захочет помочь джентльменам удачи.

Девушка умоляющим взглядом посмотрела на Мишку, в нем одном видя свою надежду на спасение от бандитов.

– Матроскин, мы с тобой и без того много бед наделали, – хриплым от волнения голосом сказал Мишка. – Или тебе мало, что та горянка по ночам мучает? Не боишься, что она тебя на том свете первая встретит? Первая тебе в глаза посмотрит! Не боишься? Ради нее отпусти девчонку.

– Братан, у нас большая игра. Ты даже представить себе не можешь. А в такой игре обязательно нужны козыри. Понимаешь? Не шестерки, а тузы. Твоя барышня нам в этом поможет. Через своего доброго и богатого папашу А ты давай с нами, последний раз

предлагаю. С другим бы даже разговаривать не стал. А тебя знаю. Ты настоящий боец.

Мишка поднял свою куртку, валявшуюся на полу, и надел на себя.

– Отец Платон, как же ты после всего этого жить будешь? – тихо спросил он, глядя в глаза архимандриту.

– Иди, иди! Послушничек... Я давно, между прочим, присматриваюсь к тебе и догадывался, что ты тут неспроста. Ступай своей дорогой, а как нам жить – то наше дело.

Матрос одобрительно хлопнул Мишку по плечу, и они скрылись за дверями комнатки, где остались отец Платон и тихо плакавший Варфоломей.

13. ПОБЕГ

Они шли без остановки и отдыха уже несколько часов. На смену предрассветным сумеркам, когда скит остался позади, пришло хмурое, серое утро. Низкие облака сплошной пеленой со всех сторон окутали лес, пряча верхушки деревьев в тумане и измороси.

Беглецы шли цепочкой один за другим, почти след в след. Впереди шел Тунгус, знавший эту местность и хорошо ориентировавшийся на ней. Он останавливался лишь на несколько минут, чтобы сверить маршрут с самодельной картой и нанесенными туда ориентирами.

Сразу за Тунгусом шел Матрос, а за ним все остальные. Мишка шел в середине цепи, поддерживая Дарину. Она с большим трудом успевала за группой, то и дело спотыкаясь в своих модных сапожках о старые лесные коряги, сучья поваленных деревьев, увязая в грязи. Девушка тяжело дышала, ее мокрые от пота волосы прилипли к лицу, но она даже не пыталась их отбросить назад, испуганными глазами глядя лишь себе под ноги, где хлюпала грязь и болотная жижа. Похотливо глядя на нее, Чифирь насмешливо бросил:

– Держись, королева! Ночлег не скоро. А там мы тебя обогреем. Спереди и сзади...

– Красиво идем! И погодка как на заказ, – Матрос поправил на плече автомат и сумку. – Видать, «водолаз»[64] молится, чтобы Господь нам удачу послал. Собаки в такую слякоть след не возьмут. А поднимать «вертушки» тем более не станут, будут ждать с моря

погоды. Ну а мы, даст Бог, к тому времени будем далеко–далеко, где кочуют туманы. Давай поднажмем еще, отдыхать потом будем.

К Матросу, обогнав всех, подошел Мерин:

– Глухаря опять кумарит[65], – вполголоса сказал он, – долго не выдержит. Надо б остановиться, закатать колеса[66]…

– Я сказал поднажать надо! – резко оборвал тот. – Отставить базар и только вперед! Все удовольствия каждый получит, когда сделаем дело. Правильно говорю, братан?

Мишка, к которому обратился через плечо Матрос, ничего не ответил. У него за плечами висел рюкзак с продуктами, которые беглецы взяли с собой из монастырских припасов. Тут было несколько буханок свежего хлеба, мешочки с гречневой крупой, чай, сахар, сухие спички да несколько бутылок сладкого вина. Оружие никто из группы Мишке не доверил.

– Держись, ты только держись, Дарья, – чуть слышно подбодрил он заплаканную и перепуганную Дарину, – как-нибудь все образумится.

Уже снова сгущались сумерки, когда вся группа, вконец обессиленная, промокшая, голодная, остановилась на ночлег. Они протиснулись в небольшую землянку, брошенную неведомыми обитателями здешней глуши, и решили разжечь огонь, чтобы обогреться и хоть немного подсушить одежду. Землянка была настолько низкой и тесной, что они заползали туда почти по-пластунски, сразу стараясь плотнее прижаться друг к другу. Стены этого дикого жилища были совершенно мокрыми, затянутыми плесенью, паутина спускалась со сгнивших бревен, которыми была перекрыта землянка. Посреди этого лесного жилища сохранились следы костра, вокруг которого грелись прежние хозяева, а рядом – охапка хвороста и смолистых сосновых веток.

Мерин тут же достал из кармана пустую пачку из-под сигарет и, хорошенько размяв ее, обложил сухим хворостом, готовясь разжечь огонь.

– Сначала маскировку, а потом заземляться, – скомандовал Матрос.

– Не учи ученых, – буркнул Мерин, – все будет тип–топ. Раз до сих пор на хвост не упали, то теперь по такой погоде нас никто не засечет.

– Сохнуть надо, однако, – проворчал Тунгус, – завтра болота будут, холодные болота. Медвежьи топи называются.

– Да хоть верблюжьи. Скажи-ка лучше, Сусанин, сколько еще? – обратился Матрос к Тунгусу, бывшему проводником.

– Если будем идти, как сегодня, то два броска. Может, три.

– Или пять. Или десять, – буркнул Матрос, раскуривая прямо от разгоравшегося огня промокшую сигарету.

– Ну а ты как, снегурочка? – он подвинулся к Дарине, в страхе прижавшейся к Мишке. – Может, тебя и впрямь обогреть, а?

Он схватил ее за руку, но Мишка тут же высвободил ее:

– Мы об этом не договаривались. Девчонка моя.

– Пока что, – осклабился Матрос. – А дальше ситуация покажет.

Дарина сидела, прижавшись к Мишке, и вся дрожала. От пережитого стресса ее била мелкая нервная дрожь. Кроме того, вся ее одежда промокла насквозь, что также вызвало сильнейший озноб.

Мишка снял с нее кожаную курточку, в которой она приехала в скит, и укутал ее в свою теплую одежду.

– Хоть бы не заболела, – он подоткнул полы куртки ей под ноги, – сейчас выпьешь горячего чая.

– Матрос, глянь, прям как отец родной, – рассмеялся Мерин, раздувая показавшийся огонь. – Батяня...

– Слышь, Мишань, а чего и впрямь стал такой душевный? – глянул на него Матрос. – Ты ей еще колыбельную спой.

– Сам сказал, что она наш козырь в игре, – Мишка по-прежнему сидел рядом с Дариной, обняв ее, – а раз так, то ее беречь надо. Чтоб ни один волосок с головы!

– Дело говоришь, братан, – одобрительно хмыкнул Матрос, – вот ты и береги. А не убережешь, то мы с тебя первого и спросим. Да, братва?

Беглецы одобрительно отозвались в ответ. Глухарь тем временем держал над огнем ложку, готовя в ней дозу для себя. То тяжелое состояние болезненной ломки, которое он испытывал, отражалось на его лице болезненными гримасами и судорогами. Казалось, в эту минуту его совершенно ничего не интересовало, кроме одного: пустить себе в вену очередную дозу наркотика. Остальные пили подогретое в кружках вино, затягиваясь по очереди тюремной «травкой».

– Балдеем по-черному, – протянул Мерин, не скрывая удовольствия. – Если б еще водочки, да стаканчик …

Прежде чем он кинул в маленький котелок, где уже булькала набранная из лужицы дождевая вода, сразу две пачки заварки, Мишка отлил немного кипятка в свою кружку и протянул Дарине:

– Пей, тебе надо согреться.

Та безропотно взяла кипяток и, дуя в кружку, чтобы не обжечься, стала пить маленькими глотками.

– Может, плеснуть красненького? – глядя на нее, рассмеялся Матрос.

Дарина злобно сверкнула на него своими темными восточными глазами.

– Ты, девочка моя дорогая, наверное, под несчастливой звездой родилась, – Матрос тоже наслаждался теплом, разливавшемся по всему телу, – так что на нас глазенками своими не сверкай, не испугаешь. Мы народ бывалый. Пуганный. Нам бы, как говорится, день простоять да ночь продержаться. Так-то, девочка… Если менты на хвост не сядут, то путать тебя в свои дела не будем. А коль сядут, то мы попросим твоего папашу…

– Вы еще не знаете, кто мой отец! – гневно оборвала его Дарина. – Да он вас...

– В том-то и дело, милая ты наша барышня, девочка дорогая, что знаем. Или догадываемся. Поэтому с ним у нас базар особый будет. По душам. А ты пока отдыхай, сил набирайся. Завтра день трудный. По болотам пойдем…

Все стали устраиваться поудобнее, чтобы задремать. Подбросив в огонь еще немного сухого хворосту, Мерин взял автомат и сел возле входа в землянку. Остальные еще теснее прижались друг к другу и тут же задремали. Мишка сидел, прижав к себе Дарину. Он чувствовал, как дрожь в ее теле постепенно утихала, и она тоже погружалась в дремоту.

– Матроскин, – тихо прошептал Мишка, – спишь или нет?

В ответ никто не отозвался.

– Не спишь, – так же шепотом сказал Мишка. – Мы ведь с тобой солдаты. Спецназ. Нехорошо прикрываться девчонкой. Не по-нашему это. Как думаешь?

И снова никто не отозвался.

– Матроскин, мы с тобой смерть видели. Помнишь, как сидели в «гнезде»[67], когда нас кинули на улицы Грозного? Спина к спине! Не разбежались, как паршивые собаки, как псы, а сбились, как волки, в одну стаю и прикрывали друг друга. До последнего патрона! Родные братья не так близки, как мы с тобой сроднились в том бою. Зачем теперь изменять всему этому?

– То не мы изменили жизни, а жизнь изменила нам, брат, – так же тихо, наконец, откликнулся Матрос. – У тебя она теперь одна, а у меня сам видишь какая. Тогда в одном «гнезде» были, а теперь в разных. Давай спи. Болота, топи пройдем, там легче будет. Тунгус эти места знает. Несется, как леший.

– Кто тебе сказки про клад рассказал?

– То, братан, не сказка. За нее уже много людей свои головы сложило. На зоне у нас давно слушок ходил про сокровища, которые в здешних местах староверы спрятали. Шли, бежали через самую топь, когда до них большевики в лесах добрались. Да и прихватили с собой самое ценное, в том числе золотишко. Царские монеты, золотые оклады с икон, старых книг, украшения всякие. Много золотишка... Сидел у нас один «богодул»[68]. Сколько он себя помнил, столько и сидел закрытый. Поди, с самой войны. Или еще раньше. То был авторитет, скажу тебе! Всю зону держал. Сейчас таких нет. Или почти нет. Теперь шпана разная, беспредельщики. Наколок понаделают и думают, что они уже в авторитете. Нет, авторитет заслужить надо, как боевую награду.

Так вот, перед тем, как откинуть копыта, он раскололся и рассказал путь, по которому надо идти, чтобы найти то место. И приметы. Поклялся, что эту тайну ему поведал один старовер, которого упекли по молодости вместе с ним. Взял с него страшную клятву, что тот будет молчать до самой смерти, а потом передаст верным людям. А когда его прихватило, то кроме нас, корешей его близких, никого рядом и не оказалось. Выходит, мы и есть те самые верные, кому можно довериться. А ты говоришь: «сказки». Граф Монтекристо – это сказки. Не ради сказки и не ради того, чтобы нам еще один срок за побег накинули, мы караул сняли и рванули когти. Если и дальше повезет, тогда для нас действительно настанет не жизнь, а сказка. Золотишка там на всех хватит, на всю оставшуюся жизнь. Нашим детям и даже внукам достанется. Молиться за нас будут,

когда мы откинемся. Главное – взять это добро. А там прорвемся. Не впервой, поди. Так что, Мишок, давай с нами. Считай, что ты в доле. Там на всех хватит.

– А девчонка? И она в доле?

– Нет, она просто в игре. Я думаю, что святой отец уже доложил кому следует. Все это входит в наши планы. Она поможет нам прорвать кольцо, случись что. А там…

– Матроскин, нельзя прикрываться девчонкой, – снова попытался переубедить его Мишка. – Мы с тобой солдаты, а не террористы. Мы спецназ! Кроме того, сейчас мы сами себе отдаем приказы. Сами себе командиры. Поэтому кивать будет не на кого.

Матрос замолчал, думая о своем.

Неожиданно до их слуха донесся вой: протяжный, заунывный, жутковатый. Потом этот вой подхватили в другом месте глухого дикого леса.

– Волки, – сразу определил Мишка. – На охоту вышли. Или поживу учуяли.

Но Матрос не обратил внимания на Мишкины слова. Он продолжал думать о свеем.

– Скажи мне, почему в жизни такая несправедливость? Чем мы хуже тех, кто на воле? Кто ворует, народ свой грабит, купается в роскоши. Я ведь видел этих «святош». Их заказы выполнял. Все чинно, благородно, культурно. Даже красиво. На их бабки церкви строят, сами они со свечкой стоят. Так почему их Бог не наказывает, а нам до конца дней своих носить клеймо зэка? Или это тоже Богу угодно? Куда Он смотрит, если все знает и все видит?

– Матроскин, не в тему гнешь, – тихо возразил ему Мишка.

– Не в тему? Что ж, тебе легче… Спрятался в лесу – и, глядишь, уже праведник. Свечку поставил, грешки замолил, отбил поклоны – и праведник. Святой… Не, братан, ты попробуй стать святым в том дерьме, где я живу. Где живут миллионы таких пацанов, как мы с тобой, мучаются, продают свою совесть и не могут найти места в жизни. Там стань святым!

– Матрос, ты опять не о том! Если думаешь, что в монастырях одни праведники собрались, то глубоко ошибаешься. И если думаешь, что там все тишь да гладь – тоже. В монастырях не тыл, а передовая. Только там своя война. Я не могу тебе всего объяснить, потому что сам

еще не все уразумел до конца. Но поверь, что там тоже борьба. И свое дерьмо, из которого надо выбираться.

Вспомни, Матрос, как мы с тобой тогда в Грозном отстреливались. Стрелять уже нечем было. Вспомни, как мы приготовили гранату, чтобы взорвать себя, чтобы не попасть в плен. Как в мыслях распрощались со всеми, кто нас ждал. Как стали молиться, не зная ни одной молитвы, просить помощи. И вдруг появилась та обгоревшая «бэха»[69], которая вытащила нас из того ада. Всех, кто там еще живым оставался. Помнишь? Так и в жизни, Матрос. Кажется, уже все, нет надежды. Крышка! Нет никакой надежды, никакого просвета! Со всеми попрощался. На всем крест поставил. А тот, кто нам тогда «бэху» послал, и теперь ждет, когда мы позовем на помощь. Понимаешь ты это или нет? Никакое золото, никакие клады – ничто не изменит нас без Бога. И не спасет.

Матрос немного помолчал, думая над Мишкиными словами.

– Дивно ты заговорил, братан… Про Бога, про надежду… Слов-то каких нахватался! Ты мне еще про любовь и про верность что-нибудь красивое расскажи. Перед сном полезно. Как колыбельная песенка для детишек. Ну, точно философ. Вроде, не был таким… Может, и прав. Но я молиться не умею. И не умел никогда. За меня мать молится. Одна она у меня осталась на воле. Страдает сильно… Теперь, если твой Бог смилуется над нами, смогу ей чем-то помочь, утешить. А назад у меня теперь дороги нет. Хоть молись, хоть матом гни. Чалиться на киче[70] мне больше не хочется. Беглый! Вооружен и очень опасен. Ребята, которые сейчас наш след повсюду ищут, тоже знают, с кем имеют дело. Одно из двух: или мы их, или они нас. В деревянный бушлат[71]. Так-то… Спи лучше. Философ…

14. МЕДВЕЖЬЯ ТОПЬ

Беглецы продолжали идти в том же порядке. Тунгус то и дело останавливался, вглядываясь в самодельную карту. Остальным иногда казалось, что он сбился с пути и старается разобраться в нанесенных ориентирах и условных знаках.

– Смотри, Сусанин, отпилим тебе ногу, чтоб вспомнил дорогу, – мрачно шутил Матрос, осматриваясь по сторонам.

От непрекращающегося мелкого дождя все окончательно раскисло. Дарина все чаще и чаще спотыкалась, скользила ослабшими ногами на каждом лесном бугорке и готова была упасть, если б не крепкие Мишкины руки, которые ее поддерживали. Еще в землянке Мишка заметил, что Дарина заметно ослабла, стала кашлять, а к утру ее начало сильно температурить. Во сне она бредила, зовя на помощь своего отца, то странно улыбаясь и утихая.

– Сколько еще? – буркнул Матрос, видя, как вся группа постепенно выбивалась из сил, едва успевая за ловко скользящим по лесным тропам Тунгусом.

– Еще столько, полстолька да четверть столько, – осклабился он серыми сгнившими зубами, но, не встретив в угрюмых лицах своих подельников ответа на шутку, ответил уже серьезно:

– Если «аристократ»[72] ничего не напутал, то ходу часа два. Дальше – топь. Там год за два пойдет. Трудно будет, однако…

Матрос обернулся на Мишку и подмигнул ему. Потом посмотрел на обессиленную Дарину.

– Что, девочка? Это тебе не с фраерами по городским кабакам да ночным клубам бегать. Терпи, барышня.

– Не вытерпит, – вместо нее ответил Мишка. – Слаба очень. Такой бросок не для нее. Напрасно ты ее взял. Упадет – будем на горбу нести.

– И понесем, братан, – снова подмигнув ему, сказал Матрос. – На горбу. Пройдем болота – тогда и бросим.

– Как это бросим? – Мишка остановился в изумлении. – Она же с нам идет. Как это бросим, Матроскин? Когда это мы своих стали бросать?

– Мы своих и не бросаем. Только она нам такая своя, как мне тетка английская королева. Или нашему забору двоюродный плетень. Она, брат, не своя. Ни вам не своя, ни нам. Она – наш последний аргумент, последний козырь, если менты вместе с их спецназом все же упадут нам на хвост. Та что не надо меня пытаться разжалобить. Мы все игре. Выиграет тот, кто окажется сильнее, выносливее, хитрее. Лучше покрепче держи девочку, чтобы свои модные сапожки не запачкала и не споткнулась. А жалобить не надо. Я давно стал безжалостным. И к себе, и к другим...

Дарина никак не реагировала на этот разговор, который касался ее судьбы. Она шла, механически вцепившись в Мишкину куртку, с

прикрытыми глазами, горя от жара.

– Отдохнуть бы надо чуток, – кивнув на нее, сказал Мишка. – Иначе не дойдет.

Так они шли еще около часа, когда дорога стала заметно круче, превращаясь в непрерывный подъем. Идти по мокрым, скользким, извилистым тропинкам, цепляясь за бесконечные корни, продираясь через поваленные деревья было еще труднее. Беглецы тяжело дышали, то и дело скользя, спотыкаясь и падая, от их мокрых спин валил пар.

Когда подъем кончился, перед беглецами открылся вид на бескрайнюю топь, поросшую мелким кустарником и карликовыми березками. Все остановились на краю высокого холма, оставив за плечами много километров сплошного леса – с его оврагами, буреломами, завалами старых деревьев. И теперь им предстоял новый, совершенно неизведанный, полный опасностей путь по ненехоженым лесным болотам.

– Вот она, Медвежья топь, – снова осклабился Тунгус.

– А чего, другой дороги не было? – спросил Мерин, тяжело переводя дыхание.

– Как это не было? – Тунгус всматривался в свою карту. – Была. На «бам»61. Прямо в руки лягавым.

– Тунгус, в натуре, может, в самом деле можно как-нибудь обойти это гиблое место?

– Это тебе не гора, куда умный не пойдет. Хотя и там иногда лучше в гору, чем вокруг. А тут, – он показал рукой на топь, – один путь – вперед. Или назад, к ментам. Однако, бегут за нами.

Матрос дал команду всем отдыхать, набираться сил перед тяжелым броском. Беглецы скинули всю поклажу и, набросав на кучу мокрых сосновых веток, расположились на привал. В это время со стороны леса снова послышался протяжный волчий вой. Ему вторил еще один, а потом еще.

– Видать, чуют, твари, что пожива будет...

Чифирь взял автомат и передернул затвор:

– Может, пальнуть разок, чтоб не выли?

– Я те как пальну! – Матрос вырвал у него автомат. – В болотах нас никто не найдет. Ни волки, ни люди.

Мишка тоже собрал мохнатых сосновых веток, разложил их под березой, что росла на обрыве, и бережно помог сесть Дарине. Ей

становилось все хуже и хуже. Она прислонилась головой к стволу дерева и, не открывая глаз, снова начала бредить, зовя на помощь отца. Мишка прислонил ладонь к ее лбу. Она горела от высокой температуры.

– Брателло, давай сюда! – услышал он голос Матроса.

Беглецы сели в круг и закусывали тем, что было в рюкзаках. Из рук в руки передавали кружку, наливая в нее вина.

– Взбодри кровь, Мишок, – Матрос налил и ему, – тут тебе не сочинский пляж в бархатный сезон. Придется малость замочить ноги. Берданки62 за плечи, каждый по шесту – и след в след. Первым идет Тунгус, он здешний, знает, что делать. Топь – дело гиблое. Шаг в сторону – и никто не узнает, где могилка моя. Так что, братва, пьем за удачу.

Они посидели еще немного, затягиваясь сигаретами и собираясь с силами перед трудным переходом. Тунгус тем временем наломал длинные упругие шесты, чтобы ими нащупывать наиболее безопасный путь через трясину.

Мишка подошел к Матросу и вполголоса сказал:

– Матроскин, девочка не вытянет. Слаба совсем.

Они оба подошли к тяжело дышавшей Дарине. Матрос присел рядом и внимательно посмотрел на нее.

– Да, братан, не ходок она с нами. Да и нет смысла ее тащить дальше, я так думаю. Погода нелетная. Скверная погода... Чего девочку мучить? Пусть тут отдыхает, силенок набирается…

– Матрос, каких силенок? – удивился Мишка. – Ее нельзя бросать одну. Ты что, не видишь, какая она? Выйдут на нее менты или нет, а вот зверье точно отыщет. Как только уйдем с этого места. Тебе что, не жалко девчонку?

И словно в подтверждение Мишкиных опасений со стороны леса снова послышался страшный, протяжный, заунывный волчий вой, словно кликавший беду на беглецов.

– И давно стал таким жалостивым? – Матрос насмешливо посмотрел на Мишку, даже не повернув головы в сторону леса, откуда доносился этот вой. – Помнится, когда мы с тобой чеченские аулы зачищали, когда нас на высотки выбрасывали, ты совершенно другим был.

– Матроскин, то была война! Если б не мы боевиков, то они нас! Причем здесь девчонка? Сам сказал, что она в игре.

– Была, – оборвал его Матрос. – А теперь вне игры. Знаешь, как в шахматах? Есть пешки, которые стают королевой. Проходные пешки. А есть просто пешки. Сделали свою игру – и долой с доски. Вот так и твоя девочка. Не суждено ей стать королевой. Не судьба просто. Да и нет необходимости. За топью нас ждет свобода. А это еще пару дней ходьбы. Облачность низкая, плотная, с воздуха нас нас не увидят, а менты уже не достанут. Так что тащить ее с собой – грех на душу брать. В нашем деле лишняя обуза ни к чему.

– А оставить ее здесь на верную гибель – это, по-твоему, не грех? – вспыхнул Мишка. – Подыхать среди мертвого леса, рядом с волчьей стаей – не грех?

Услышав его хрипловатый голос, Дарина приоткрыла глаза.

– Прошу… Умоляю… Оставьте меня здесь.., – чуть слышно сказала она, глядя на Матроса.

– Ну вот, – хлопнул он Мишку по плечу, – а ты развел бодягу: грех, не грех… Слышишь, о чем твоя девочка сама просит? Так что рвем когти дальше. Вперед, солдат, и тверже шаг! Нас ждет светлое будущее!

Мишка посидел возле Дарины еще немного, что-то обдумывая, а потом решительно сказал Матросу:

– Я останусь здесь. Ее нельзя бросать одну. Это не по-нашему, Матроскин. Нас так не учили.

– Нас выживать учили, а не сопли распускать! – он вплотную подошел к Мишке и схватил его за грудки. – Выживать! Побеждать, а не погибать! А сопли пусть другие подтирают. И без них мокро. Когда увидишь новую жизнь, когда увидишь груды золота – не туфты бутафорской, а самого что ни на есть чистейшего золота царской чеканки – быстро забудешь свою сопливую философию.

Группа тем временем уже была готова к движению. Дождь усиливался, а низкие тучи, обгоняя друг друга, накрыли зловещую топь сплошной пеленой тумана и мороси. Пока Мишка продолжал сидеть возле Дарины, Матрос подошел к остальным беглецам и о чем-то вполголоса начал с ними говорить, обсуждая престоящий путь и глядя в сторону топи. Затем он снова вернулся к деревцу, возле которого сидела беспомощная Дарина.

– Братан, пора двигать, – Матрос высморкался и взглянул на Мерина и Чифиря, стоявших рядом. – Здесь нам не Сочи, а дело близится к ночи.

– Я сказал, что остаюсь тут, – не поворачиваясь, твердым голосом ответил Мишка.

– Ну что ж, дело хозяйское. Тута так тута.

Он дал своим дружкам знак – и те мгновенно навалились на Мишку, резко заломив ему руки назад и стянув их веревкой в крепкий узел.

– Тут так тута, – повторил Матрос. – Мы с тобой солдаты, бойцы, а не девки какие, чтобы валовать63 друг дружку. Так что прости. Ты сам свою долю выбрал.

Мерин и Чифирь подтащили Мишку к березе, возле которой все так же почти в беспамятстве сидела Дарина, и намертво привязали к стволу дерева. Потом свободным концом веревки привязали и Дарину.

Матрос отошел немного в сторону и ухмыльнулся:

– Ну, прям как два голубка. С подрезанными крылышками.

Он вернулся туда, где стояли остальные, и вытащил что-то из куртки Тунгуса.

– Ты вроде всегда фартовым[73] был, – он снова подошел к Мишке и присел перед ним на корточки. – Коль и впрямь таков, то фартовым и останешься. Фарт он фарт и есть: что на войне, что в лесу, что в болоте. А на нас зла не таи. Если тебя тут найдут, то спрос будет маленький. А нас всех порешат на месте. При попытке к бегству. Или при оказании вооруженного сопротивления. Чтобы потом возни меньше было. Ну, а коль не найдут, значит, фарт оставил тебя. Тем более грех на нас обижаться. Короче, братишка, держи петуха! На удачу!

Матрос раскрыл Мишкину ладонь, вложил в нее боевую гранату и снова сжал ее.

– Держи крепче, братуха! Береги девочку. И себя тоже.

И выдернул чеку. Потом возвратился к остальным и вся группа, уже не оборачиваясь, быстро пошла по скользкому склону туда, где начиналась топь. Через несколько минут их уже вовсе не было слышно.

Мишка сидел, намертво привязанный к стволу березы, даже не в силах шелохнуть рукой, в которой была зажата боевая

противопехотная граната с выдернутой чекой. Он прекрасно понимал всю трагичность и безысходность своего положения. Сила в руке все равно ослабнет, он не сможет бесконечно держать гранату, поставленную на боевой взвод – и тогда она разорвется прямо между ним и Дариной, разнеся их своими осколками. Отбросить же куда-то в сторону тем более не удастся – он едва мог пошевелить кистью, а для броска гранаты на безопасное расстояние зажавшая ее рука должна была быть свободной.

Мишка поднял голову вверх, стараясь совершенно ни о чем не думать. Никаких вариантов для спасения сейчас он просто не видел и не мог придумать. Капли холодного дождя стекали по его лицу, падали на грудь. Он посмотрел на голую крону березы, к которой был привязан, и ему показалось, что он уже где-то видел именно эту березку – хрупкую, беззащитную, вцепившуюся тонкими корнями в безжизненные камни. Ему вспомнился сон, когда он лежал возле подбитой «бэхи», рядом со своими убитыми друзьями, их уже обугленными телами, и смотрел на такое же деревце, вцепившееся в скалу. Потом вспомнил странного собеседника, читавшего его жизнь словно с листа.

«Где же ты, всезнайка? – подумал Мишка и горько усмехнулся. – Почему не предупредил, не намекнул? Иль шепнул бы? Я б соломки подстелил, чтобы не так жестко было».

– Миша, – вдруг услышал он за спиной слабый голос пришедшей в себя Дарины.

– Как ты? – повернув к ней голову, насколько было возможно, тут же откликнулся Мишка.

– Миша… Скажи, тебе не страшно?..

– Что именно? В лесу, что ль? А что в нем страшного? Лес как лес... Мы с тобой уже столько прошли, а ты все боишься? Я думал, что ты настоящая казачка.

– Нет… Я не о том… Ты сам знаешь… Ну, умирать… Не страшно тебе?

Мишка понял, что Дарина сейчас была в сознании. Чтобы успокоить ее, он решил отшутиться.

– А кто тут умирать собрался? Ты, что ль? Нет, Дарьюшка, мы еще на свадьбе твоей не погуляли, калым за тебя не взяли. Умирать… Чего надумала. Жених-то у тебя есть?

Дарина помолчала, словно не слыша Мишку.

– Ты хороший парень. Сейчас таких мало… Можно сказать, нет вовсе…

– Ты насчет жениха не ответила.

– У меня был парень. Вернее, есть... Олег. Только отец мне запретил с ним встречаться. Он не нашей веры. А у нас с этим очень строго. Законы такие.

– Чего ж он, такой строгий и правильный, в наш православный скит приехал? Со старцами беседовал...

– Она велела…

– Кто это?

– Ну… Красивая… Что на иконе той…

И Дарина снова замолчала, думая о своем.

Неожиданно снова послышался волчий вой. Уже совсем близко от того места, где они были привязаны к дереву.

«Вот это действительно страшно – быть съеденными живьем голодными волками», – подумал Мишка, понимая, что кинуть гранату в волчью стаю он не сможет. Словно угадав его мысли, Дарина снова тихо спросила:

– Миша… Тебе страшно умирать? Только честно...

Мишка не стал отшучиваться.

– Да я уже в своей жизни столько раз умирал, что одним разом больше – одним меньше… Как там в одной фронтовой песне? «А коль придется в землю лечь – так это только раз»…

– И мне не страшно… С Ней вообще ничего не страшно… Я теперь точно знаю…

– Что ты все о грустном да грустном? – Мишка хотел подбодрить ее. – Найдут нас, если, конечно…

Он осекся.

– Что ты хотел сказать? – тут же спросила Дарина. – Говори, не бойся. Если что?

– Ну, если в лесу не заблудятся… Сама видела, какие здесь тропы. Поищут, поищут – и все равно найдут… Небось, твой отец всех на ноги поднял. Да и вся милиция на ногах. Ты только не падай духом и не бери в голову разные черные мысли. Расскажи лучше что-то хорошее. О себе расскажи. Я ведь тебя совершенно не знаю. Или про Олега своего.

Он аккуратно подвинул зажатую в кулаке гранату под себя, чтобы увеличить давление на скобу.

– Миша, – опять слабым голосом позвала Дарина, – а это очень больно?..

– Что именно? – не понял ее вопроса Мишка.

– Когда граната… Возле тебя…

Мишка помолчал, а потом так же тихо ответил, решив не врать девушке:

– Нет… Так, вспышка – и все… Не думай об этом. Хочешь, я тебе анекдот расскажу? Короче, пошел мужик за хлебом и попал под трамвай…

– Не надо, – тихо остановила его Дарина. – Давай помолчим. Веришь, я никогда не слышала, как в лесу шумит ветер… Капает дождь… Красиво… Боже, как красиво… Под такую музыку совсем не страшно умирать. Я всегда хотела умереть именно так – осенью, под тихий шум ветра и дождя…

– Заладила одно: «умирать, умирать»… Погоди, мала еще. Тебе не про смерть, а о жизни думать надо.

Но тоже замолк, слушая шум ветра. Он закрыл глаза, стараясь не думать о том, что неизбежно должно было произойти, если не случится чуда и их не найдут в этих непролазных дебрях. Он чувствовал, как постепенно слабела рука, сжимавшая готовую разорваться гранату, как холодели, костенели пальцы, переставая подчиняться его воле.

Неожиданно что-то заставило его открыть глаза и осмотреться. Он взглянул вправо и обомлел: в метрах двадцати от них стояло сразу пять оскалившихся волков.

«Боже, только не это, – мысленно взмолился он, – что угодно, только не это».

Он прислушался к Дарине. Мишке показалось, что от высокой температуры она снова впала в беспамятство.

«Оно и лучше, – снова подумал Мишка, – даже не успеет испугаться или понять, что произошло».

Он уже решил, что будет делать, если стая набросится на них. Мгновенная смерть от разрыва гранаты представлялась ему единственным спасением от жуткого и мучительного растерзания голодными хищниками.

– А это правда не больно? – вдруг тихим голосом снова спросила Дарина.

– Правда, девочка, – понял ее Мишка. – Совершенно. Поверь мне… Я знаю… Видел…

Они помолчали еще немного. Дарина спокойно смотрела в ту же сторону, куда и Мишка: на свирепую волчью стаю.

– Прости меня, пожалуйста, – так же тихо сказала Дарина. – Прости, что приехала к вам… Что из-за меня все получилось вот так… Глупо…

– Ты тоже прости меня, – так же тихо ответил Мишка, готовясь разжать пальцы и освободить гранату. – Что не сумел сберечь тебя… Прости, девочка… За все прости…

«И Ты прости меня, Господи, – мысленно взмолился он перед взрывом. – Не осуди меня, что поступаю так. Ты же видишь, что у нас нет выбора. По-любому смерть… Так пусть лучше сразу, мгновенно. Ради девчонки прошу: прости меня, Господи, и не осуди. Спасибо Тебе за все, что Ты мне дал в этой моей короткой жизни. Прости, что прожил я ее не так, как должен был. Все грехи, все согрешения мои прости... За все благодарю Тебя…».

Мишка вздохнул, улыбнулся, глядя уже не на волков, а в серое небо, нависшее у них над самыми головами.

«Сейчас я бы многое изменил… Многое… Не себя жалко. Девчонку. Ребенок еще. Ей бы еще жить да жить… Да будет на все Твоя святая воля, Господи… Прости…».

Он хотел сказать Дарине что-то нежное, ласковое, но не стал. Он вдруг почувствовал в горле комок, и ему захотелось плакать. Впервые в жизни. Ему хотелось оплакать все, что в его короткой жизни было неправильным, плохим, жестоким. Мишка стиснул зубы, чтобы в последнюю минуту не показаться перед девчонкой слабаком, или чтобы она не поняла его слезы как страх перед смертью. Нет, он не боялся ее. Он был с ней знаком, видев много раз в бою, в окружении боевиков, в засадах, во время опасных заданий, на которые выходил в составе отрядов спецназа.

Мишка и сам не мог понять, что творилось сейчас в его душе, почему она вдруг сбросила с себя тот панцирь, в котором была все годы, и теперь стояла совершенно открытой, беззащитной перед близкой встречей с небом и плакала, плакала, плакала… Мишка

подставил лицо под дождь, и его капли стекали вместе с беззвучными слезами по давно небритым щекам, застилая глаза соленой пеленой…

«Господи, в покаянии прими мя», – вспомнил он слова молитвы, которую слышал много раз от старца Иоанна и прошептал их сам, медленно разжимая окостеневшие пальцы...

И в это мгновение с правой стороны леса, куда Мишка даже не смотрел, сосредоточив все свое внимание, где стояла готовая к нападению злая голодная стая, выскочил огромный волк и, бросившись на Мишку, вдруг стал по-собачьи радостно визжать и лизать его в мокрое лицо. Дарина слабо вскрикнула и от охватившего ужаса лишилась чувств. Мишка уже разжал было пальцы, но в последний момент узнал в этом обезумевшем от радости хищнике своего старого друга Борзика, бывшего вожаком волчьей стаи. Невероятным усилием воли Мишка снова стиснул гранату и, насколько это было возможно, подоткнул ее под себя, чтобы она случайно не разорвалась.

– Борзик.., – переведя дух, простонал Мишка.

Услышав свою кличку, волк предался вообще неописуемому восторгу, скуля, визжа и облизывая Мишку.

– Грызи! Веревку грызи! – Мишка попробовал изобразить ртом то, чего он ждал от лесного зверя.

Но волк, похоже, сам понимал, в каком положении оказался его друг. Не переставая визжать от радости и лизать Мишкино лицо и руки, он с разных сторон грыз веревку.

– Да ты хоть одну перегрызи, – кивнул ему Мишка, на что Борзик откликнулся новым порывом радости.

– Глупое ты животное, целоваться потом будем, – он пытался увернуться от этих лизаний, – грызи веревку! Девчонку спасать надо! Понимаешь ты это или нет?

Наконец, Мишка почувствовал, как с правой стороны – как раз там, где он держал гранату – натяжение веревки ослабло. Он напряг мышцы, разводя руки в стороны – и веревка треснула. Не выпуская гранаты, он освободил другую руку, потом остальные путы, которыми они оба были привязаны к дереву. Все еще не веря в реальность того, что только что произошло, он посмотрел на прыгающего рядом Борзика, остальных волков, стоявших все так же поодаль, на беспомощно лежащую Дарину, подошел к краю обрыва и швырнул,

что было силы, боевую гранату в расстилавшуюся перед ним угрюмую топь. В ту сторону, куда ушли беглецы. И через секунду там раздался глухой хлопок…

Мишка повернулся к Борзику, обнял его и потрепал за холку:

– Кто тебя послал, спаситель ты наш?..

Борзик же лизал ему руки и лицо, глядя своими умными желтоватыми глазами.

Отпустив его к стае, Мишка подошел к Дарине. Она по-прежнему лежала совершенно без чувств, вся в жару и тяжело дышала.

– Эх, кабы у тебя еще хватило б ума помощь позвать или девчонку отнести, – Мишка подмигнул волку. – Но спасибо тебе, братец, и на том, что сделал. Век не забуду. Забирай своих друзей и давай назад в лес. Теперь я уж как-нибудь сам справлюсь.

Он застегнул на Дарине курточку, в которой она была, обдумывая, что делать дальше.

– Не знаю, красавица, как там по вашим народным обычаям – будет ли тебя носить на руках жених или нет, а вот я точно понесу. Ничего больше нам не остается...

Он бережно взял ее на руки. Что-то шлепнулось на землю. Мишка нагнулся и с изумлением поднял сотовый телефон – очень тонкий, стильный, маленький, вполне умещавшийся в девичьей ладони.

– Что ж ты, подруга, до сих пор молчала?

Мишка включил его, нажал зеленую кнопку. Телефон еще держал заряд, но был вне зоны покрытия.

«Ничего, может, на какой-нибудь высотке прорежется голос», – подумал он и сунул его в свою куртку.

Специальная выучка, которую он прошел сначала в школе армейского спецназа, а потом в горячих точках, помогала ему быстро ориентироваться. Он уверенно шел, безошибочно узнавая пройденные с беглецами места – глубокие овраги, вековые поваленные деревья, какие-то кручи, которые они миновали накануне, выдвигаясь к болотам. Время от времени он доставал сотовый телефон в надежде, что там появится хоть малейший сигнал покрытия. Но телефон оставался мертвым.

«Все равно связь будет, – думал он, – ведь монастырь в покрытии. Сколько мы прошли? Двадцать. Ну, тридцать километров. Должна быть связь. Должна…».

Мишка держал Дарину на руках, стараясь идти мягко, не спотыкаясь о сплошные коряги, сучья и кустарник.

– Как ты, Дарья? – улыбался он всякий раз, когда та приоткрывала глаза и удивленно смотрела на Мишку, совершенно не понимая того, где она и что происходит. – Все в порядке, девочка! Самое страшное уже позади. Держись… Мы еще на твоей свадьбе гулять будем… Отплясывать... Представляешь, какая это будет веселая свадьба? А ты будешь самой красивой невестой... В таком белом нарядном платье. Рядом с Олегом. Так ведь, кажись, его зовут? Я с твоим отцом договорюсь. После всего, что с нами произошло, он не будет против. Поверь…

Все так же ничего не понимая, Дарина в ответ слабо улыбалась и тут же закрывала глаза, проваливаясь в беспамятство.

Вдруг Мишка почувствовал в кармане виброзвонок мобильника. Он тут же нажал зеленую кнопку и, даже не глядя, кто вызывал, хриплым от волнения голосом сказал:

– Это я… Михаил… Порядок…

– Сынок! – раздался в ответ взволнованный и такой же хриплый голос отца Дарины Джабара. – Ты только не выключай телефон. Мы сейчас через спутник засечем вас и придем на помощь! Только прошу тебя: не выключай телефон! Ради Бога, ради Аллаха! Стой на месте и не выключай телефон!

– Тут плохая связь, – уже немного спокойным голосом отозвался Мишка. – Ловите нас по спутнику, я буду стоять на месте.

Он понимал, что сделай несколько шагов в любую сторону – и связь может тут же пропасть.

– Есть! – радостно крикнул в трубку Джабар. – Видим вас! Вы рядом. Километров пятнадцать. Идите точно на восток, не отклоняясь. На опушке будет ждать вертолет. Он уже недалеко от вас. А мы идем навстречу.

Мишка еще раз сориентировался на густой лесистой местности – и скорым шагом пошел в нужном направлении, не выключая телефон. Мельком взглянув на него, он увидел, что связь действительно пропала.

– Уже близко, – сказал он Дарине, тяжело дыша. – Ты только держись… Самое страшное позади…

Над головой действительно затарахтели вертолетные лопасти. Мишка поднял голову, но не увидел ничего, кроме все тех же низких туч и верхушек деревьев. По звуку он определил, что вертолет пошел в восточном направлении. Мишка был совершенно мокрый от пота и холодного осеннего дождя, постепенно переходившего в снег. Он прижимал Дарину к себе, не давая ей замерзнуть, согревая собственным теплом.

Наконец, впереди послышались звуки. Мишке показалось, что кто-то зовет их обоих, называя по имени. Остановившись, он прислушался. От сильного напряжения и волнения кровь стучала в ушах.

«Показалось», – снова подумал он и, минуту передохнув, снова поспешил вперед. Но теперь звуки послышались более отчетливо.

– Миша!... Дарина!... – доносилось в глубине леса.

– Ми-ха-ил!... Да-ри-на!..

– Здесь мы! – громко крикнул Мишка, отчего Дарина вздрогнула и открыла глаза.

– Чего испугалась? – улыбнулся ей перепачканный и мокрый Мишка. – Говорю: здесь мы! Живы, значит!

Между стволами деревьев показались коренастые мужские фигуры в армейском камуфляже с автоматами, а за ними еще и еще. Мишка, уже совершенно обессиленный, сел на поваленное дерево и, все так же прижимая к себе Дарину, заплакал, не в силах сдержать слез…

15. МОНАХИНЯ АННА

Мишка лежал на верхней полке и смотрел в окно. Мысли и воспоминания неслись, кружились, мелькали в его голове точно так же, как и ежеминутно менявшийся перед глазами пейзаж: пустынные, присыпанные первым снегом поля, речушки, голые деревья, какие-то полустанки, деревеньки, над которыми клубился белый дымок. От этого мелькания Мишку снова стало клонить в сон, но он знал, что скоро будет его родная станция «Заозерная».

– Билетик надо? – учтиво спросил проводник, заглянув в купе. – Через час выходим.

Мишка не спешил слазить с полки. Еще с армии он полюбил это верхнее место, куда можно забраться, растянуться и, никому не мешая, часами смотреть в окно, а за ним – поля, дороги, города, деревни… Так бы ехал и ехал, без остановки и без цели, на край света. А потом обратно…

Он подоткнул под себя подушку и продолжал смотреть в окно. В купе он остался сам, все попутчики давно вышли, поэтому стеснять было некого. И снова мысли завертелись, закрутились, смешиваясь с морозными вихрями, поднимавшимися от стремительно мчавшегося поезда.

Опять вспомнилась Дарина и ее отец Джабар.

– Теперь ты мне дороже, чем родной сын, – он первым пришел к Мишке после их чудесного спасения. – Проси, что хочешь. Для монастыря вашего я уже обо всем договорился. Все тут будет – хорошая дорога, свет проведем, тепло сделаем, чтобы людям хорошо было. Самый лучший лес привезу, самых лучших мастеров пришлю. Проси за себя. Что хочешь? Ради того, что ты сделал для моей дочери, я твой должник на всю жизнь. Чем я лично тебя могу отблагодарить?

Мишка от смущения опустил голову и улыбнулся.

– Только прошу – не обижай отказом. У меня денег на все хватит. Хочешь, куплю тебе красивый дом? В любом месте. В любой стране. Вместе поедем, сам выберешь. Только скажи: «Дядя Джабар, вот этот». И он твой. Где хочешь. Хоть на берегу океана. Или хочешь – возьму тебя в свой бизнес. У меня сына–наследника нет, только дочка. Так ты будешь моей правой рукой.

Мишка снова улыбнулся:

– Какой из меня бизнесмен? Я дальше таблицы умножения ничего не знаю. Даже спросите на 9 – не сразу отвечу. А дом на берегу океана?.. Так я…

Он на секунду задумался, не зная, как лучше ответить, чтобы не обидеть Джабара отказом.

– Я ведь плавать не умею. С детства больше всего боюсь щекотки и воды.

Джабар добродушно рассмеялся, подмигнув своим помощникам и родичам, приехавшим с ним.

– Научишься! А потом мы тебе яхту купим. Белую такую, с алыми парусами, с навигацией. А на борту напишем имя твоей любимой

девушки. Есть у тебя невеста?

– Невеста?

Мишка вспомнил и Ольгу, и Оксану, снова думая, что ответить. Но вдруг он вспомнил, как Дарина рассказала ему о своей первой и, наверное, единственной любви – Олеге, против которого якобы был ее родной отец.

– Есть одна просьба, дядя Джабар… Если вы, конечно…

– Клянусь Всевышним, я исполню любую твою просьбу! – жарко воскликнул он, снова взглянув на тех, кто стоял рядом. – Говори, не стесняйся.

– Есть один хороший парень. Олегом его зовут…

– Откуда знаешь, что он хороший? – прищурился Джабар, сразу став серьезным.

– Вы хотите сказать, что ваша дочь–красавица может дружить с проходимцем? Если он и впрямь такой, то я его собственными руками…

– Нет, он парень, в общем-то ничего.., – смутился Джабар и громко рассмеялся.

– Ах вы, хитрецы! Ты мне одно скажи: когда это вы обо всем успели так пооткровенничать, а?

– Так время у той березки, куда нас привязали, много было.

– Да, ребята, поймали вы меня ловко, – он не переставал смеяться. – Вот так поймали! Не зря говорят: на всякого мудреца довольно простоты.

Потом, став опять серьезным, он пристально посмотрел Мишке в глаза и спросил:

– Думаешь, она любит его?

– Уверен в этом, дядя Джабар. Поэтому и прошу: помогите им стать счастливыми.

Джабар обнял его и тихо сказал:

– Да будет так. На свадьбе первым гостем будешь. Первым! Самым почетным! Обещаешь приехать?

– Обещаю, дядя Джабар, – Мишка тоже крепко обнял его. – Вот это я обещаю твердо. Не только обязательно приеду, но и подарок привезу хороший.

– В таком случае, – Джабар многозначительно посмотрел на Мишку, – свой хороший подарок ты должен будешь привезти на

хорошей машине. Она тебя уже ждет за воротами!

И он торжественно протянул Мишке новенькие сверкающие ключи.

– Для такого джигита мы выбрали самую красивую и мощную модель джипа. Садись на своего «коня»! Заслужил!

Родичи и друзья Джабара подошли к Мишке и одобрительно похлопали его по плечу.

– А если я не приеду, а приду? Просто так приду… Пустят меня на свадьбу?

Мишка не решался принимать неслыханно дорогой для него подарок.

– Обидеть хочешь? – Джабар обескуражено смотрел на него, не зная, что сказать. – Я не пойму, почему ты хочешь обидеть старого Джабара?

Мишка снова обнял Джабара.

– Мне такой «конь» ни к чему. Куда я буду на нем скакать в этом дремучем лесу?

– Ну, ты ведь…

Мишка понял, что хотел сказать Джабар.

– Нет, дядя Джабар, другой жизни мне теперь не надо. Я нашел то, что искал…

– Ты, Миша, или впрямь святой, или…

– Нет, я грешник. Большой грешник… Потому и не хочу возвращаться туда, откуда пришел в этот лес. Простите меня…

– Тогда вот что, – Джабар взял из рук своего родича маленький портфель и вложил в руки Мишки. – Делай с этим что хочешь. Я тебя не могу понять. Но и не благодарным не могу остаться. У тебя свои принципы, а у меня свои. Иначе меня не поймут. Главное, береги одну вещь.

Он открыл портфель, где лежала солидная сумма денег, и достал оттуда сотовый телефон последней модели, удобный для широкой Мишкиной ладони.

– Когда я тебе буду нужен, просто нажми на эту кнопку. И где бы я ни был, я приду тебе на помощь. Или же мои люди.

– А что с теми? – спросил Мишка. – Ну, которые хотели нас…

– Нашли их. Мертвыми…

– Как это? – изумился Мишка, помня, что все они были хорошо подготовлены для побега.

– Да так, не учли они того, что на тех болотах газ ядовитый выделяется. Пока топь спокойна, то и газа нет. А ступи туда – то верная смерть от удушья. Коварные это места. Гиблые… Поэтому никто туда не ходит.

– А как же…

– А, насчет сокровищ? – рассмеялся Джабар. – Это старая зэковская сказка. Там ничего нет. Ничего, кроме ядовитых болот. Не то что люди – птицы в тех местах не летают и звери не живут. Верная погибель…

Распрощавшись с Джабаром, Мишка пошел к отцу Иоанну.

– Что ж, поезжай, – ответил старец, выслушав Мишкину просьбу съездить домой. – Поди, мама заждалась, волнуется. И впрямь пора тебе съездить домой…

Старец умолк, ласково глядя на Мишку.

– Видишь, как бывает, – улыбнулся он. – И здесь тебя война достала. А ты думал, что скучно будет…

Мишка опустился на колени перед старцем.

– Как дальше жить мне, отче?

– У тебя доброе сердце, солдат. Слушай его. Оно тебе все подскажет…

– И я могу снова вернуться сюда?

– Сможешь… Только слушай свое сердце. Внимательно слушай. Оно тебя не обманет.

От старца Мишка пошел в храм. Ему хотелось в полной тишине постоять и помолиться возле чудесного образа Богоматери. Но, войдя в храм, он увидел, что возле иконы уже кто-то молился, стоя на коленях. Тихо подойдя ближе, он увидел, что это был отец Платон.

Мишка зажег свечку и поставил его в массивный подсвечник, где уже догорало несколько свечей. Перекрестившись, он собрался так же неслышно выйти, как вдруг отец Платон, все так же стоя на коленях и не оборачиваясь, позвал его. Мишка остановился, потом подошел ближе к отцу Платону и тоже опустился рядом на колени.

– Не знаю, простишь ли ты меня после всего, что произошло, – прошептал архимандрит.

Мишка взглянул на отца Платона. Его лицо было в слезах.

– Это вы простите меня, отче, – так же тихо в ответ прошептал Мишка. – За все простите: за дерзость, за шутки мои дурацкие. За то, что не смог защитить…

– Нет–нет, молчи, – отец Платон склонил голову почти до пола. – Прости меня… Если такое вообще можно простить… Я думал, что все знаю. Других учил. Святым себя возомнил. Праведным. А оказалось… Хуже Иуды…

Мишка подвинулся к отцу Платону еще ближе, давая чувствовать свою поддержку и понимание.

– Отец Платон, – он хотел найти для страдающей души архимандрита теплые слова, – зато теперь мы сроднились навеки. Как бойцы спецназа. Через боевое крещение. Теперь нам ничего не страшно.

Отец Платон распрямил спину и, все так же стоя на коленях, обнял Мишку.

– Хороший ты парень. Я поначалу думал, что ты… А ты… Помолись за меня, грешника…

– И ты за меня тоже, отец Платон. Уезжаю я.

Архимандрит быстро взглянул на Мишку.

– Ненадолго, – поняв его, шепотом ответил Мишка. – На родину к матери. Проведать надо, а то волнуется. Смотаюсь туда и назад. А то не дай Бог опять что-нибудь случится.

Он тихо поднялся с колен и, оставив отца Платона, пошел собираться в дорогу.

Когда Мишка вошел к себе, Варфоломей даже не взглянул в его сторону. Он сидел насупленный возле печки и бросал в огонь спичку за спичкой, наблюдая за тем, как они вспыхивают там. Поняв нехорошее настроение своего друга, Мишка подошел сзади и обнял его за плечи.

– Я ж не навсегда, – сказал он ему на самое ухо. – Проведаю своих – и назад. А ты следи за порядком, зверюшек своих прикармливай. Они у тебя смышленые.

В углу под печкой слышалось тихое повизгивание двух волчат, которых Варфоломей нашел в лесу.

– Да, и вот еще что…

Мишка взял лежавшее на столе красивое подарочное издание Евангелия.

– Ты все равно ходишь в деревню. Отнеси эту книгу… Ну, помнишь девчонку, у которой мы печку ладили? Оксана… Отдай ей. Скажи, что от меня…

Потом порылся в пакете с фотографиями и, выбрав одну из них, где он стоял в боевом снаряжении перед походом в горы, вложил между страницами.

– Только не забудь… А я быстренько. Туда – и назад. Даже соскучиться не успеешь.

… За окном показались знакомые места: лес, замерзшая лента Золотоношки, заснеженные поля. Мишка быстро собрался и пошел в тамбур, оставив теплое и уютное купе, в котором он провел почти двое суток пути. Его охватило радостное волнение от близкой встречи с родными, друзьями, которых давно не видел.

Выйдя на перрон, глубоко вдохнул родной воздух. Сейчас он был наполнен разными запахами дневной вокзальной жизни: отапливаемыми вагонами, соседними кафешками, дымящими мангалами, копченой рыбой, торчащей из сумок здешних продавщиц. Мишка вышел на крохотную привокзальную площадь, на ходу обдумывая, как лучше добираться домой, и тут же увидел знакомый серый «опель» своего друга Пашки. Осмотревшись по сторонам, он заметил и его самого, стоящего в каком-то ожидании возле металлических ворот, ведущих на перрон. Мишка незаметно подкрался сзади и стиснул друга в объятиях.

– Ба, равнение на появление! – радостно воскликнул Павел, с удивлением оглядывая Мишку с ног до головы: бородатого, в теплой кожаной куртке, новеньких джинсах и вязаной шапочке на голове. – Ты откуда? С неба, что ль, упал?

– Вроде того, – Мишка тоже был несказанно рад встретить своего земляка.

Они сели в «опель», и Пашка рванул в сторону от вокзала.

– Как чувствовал, что кого-нибудь обязательно встречу, – рассмеялся он, поглядывая на Мишку. – Подбросил тут одних, а потом думаю: дай подожду скорого. Может, приедет кто. Порожняком не хотелось возвращаться. И точно!

Он хлопнул Мишку по плечу.

– Ты куда запропал? Как в воду канул. Ни слуху, ни духу, ни ответа и ни привета. Опять, что ль, по долинам да по взгорьям шла

дивизия вперед?

– Ну, вроде того, – Мишка не хотел сразу рассказывать о том, какой неожиданный поворот произошел в его судьбе.

– Гляди, какой бородач важный стал… Ты что, на стороне «Аль-Кайеды»[65]воевал?

– Нет, против…

Паша включил быструю ритмичную музыку, что еще больше усилило ощущение их быстрой езды.

– Какой-то ты другой стал, Мишаня, – Пашка продолжал время от времени поглядывать на своего бородатого друга. – Даже не пойму, в чем. Но другой…

– Ничего, приеду домой, помоюсь в баньке, попарюсь, побреюсь – и снова прежним стану.

– Да не в бороде дело. А в чем – и сам не пойму. Ты как? Навоевался, спецназовец?

– Аж по самое горло, – рассмеялся Мишка, подкрепив слова энергичным жестом.

Они проехали еще несколько километров, как вдруг Мишка заметил, что они едут в новом направлении. Заметив его удивление, Пашка пояснил:

– Пока ты где-то там воевал, тут такие дела, такие дела начались!

– И что же тут началось, пока я где-то там воевал? – Мишка с удивлением смотрел на совершенно новую, незнакомую ему просторную дорогу.

– Да хотя бы вот ту самую дорогу построили, по какой мы сейчас едем. Теперь не надо давать кругаля, как ездили раньше через все огороды за тридевять земель, а прямехонько мимо монастыря через мост – и дома.

– Как? И мост поставили?

– Не поставили, а построили! Настоящий мост! На века!

– Да, прямо чудеса… И с чего бы это?

– Да с того. Нашлись люди, которые взялись отстраивать наш монастырь, ну и все, что с ним связано: дорогу нормальную провели, мост построили, гостиницу. А другие тут же кабак недалеко пристроили. Да вон, полюбуйся на это соседство, – Пашка кивнул головой вперед. – Справа монастырь, а слева новый кабак. Да еще

название какое придумали! «Шепот монаха». На всем готовы делать бабки.

Мишка посмотрел на монастырь, видневшийся чуть поодаль в стороне, – и не узнал его. Теперь он снова стоял гордо, как некогда прежде – настоящий красавец–богатырь, на широком просторе, очищенном от леса. Монастырские купола, увенчанные крестами, гордо сияли золотом, словно шлемы сказочных витязей, искрясь и умножаясь на холодном солнце тысячами ярких искр.

«Вот это да…», – подумал Мишка, и ему нестерпимо захотелось побывать в этой возрожденной обители сейчас, немедленно.

– Пашок, давай заедем ненадолго? – предложил он.

– А чего не заехать? Я сам хотел тебе предложить. Кухня там отличная. Всегда свежая рыбка имеется, ушица классная. Шашлычки разные, маринады, грибочки... Трахнем по рюмахе, а то я промерз, пока мотался.

И он стал притормаживать, чтобы припарковаться к сверкавшему блеском ресторану, построенному в древнерусском стиле.

– Ты куда? – не понял Мишка.

– Как куда? Ты ж сам просил заехать.

Мишка рассмеялся.

– Ты не так понял. Я просил заехать не сюда, а напротив.

– В смысле в монастырь? – изумился Паша.

– Именно в том самом смысле, – невозмутимо ответил Мишка и засмеялся.

– Я ж говорю, какой-то ты другой стал, – и повернул свой «опель» на широкую дорогу, ведущую прямо к монастырским воротам.

Поставив машину вблизи на специальной стоянке, Паша остался в машине, сославшись на страшную усталость, а Мишка вышел и медленно направился в сторону могучего монастыря, то и дело оглядываясь по сторонам и не переставая поражаться его великолепию.

«Вот это да…», – снова с восхищением подумал Мишка и вспомнил, как впервые побывал здесь, когда его, совершенно беспомощного, привезли друзья. Потом снова вспомнил Ольгу, их первую встречу и разговор, когда он остался здесь на ночь с окровавленной перебитой рукой.

«Все-таки жалко девчонку… Ни за что, ни про что…», – вздохнул Мишка и, широко перекрестившись, вошел в главный монастырский

собор.

В храме было тепло и очень тихо. Он сразу узнал этот величественный собор, все стены которого были уставлены строительными лесами. По всему было видно, что здесь кипели реставрационные работы. Лишь в самом дальнем углу, где он тогда увидел испуганную Ольгу, все так же стоял большой подсвечник, а на нем горело несколько больших свечей. Перед образом Богоматери молилась монахиня. Молилась совершенно беззвучно, и лишь по тому, как она крестилась и неслышно в глубоком поклоне опускалась на колени, можно было догадаться, что она открывала всю свою душу и сердце в этом сокровенном общении с Небесной Заступницей.

Не желая нарушить ее молитвенное состояние, Мишка так же неслышно подошел ближе и поставил свою свечку рядом с горевшими, тоже запалив ее. Потом перекрестился на святой образ, почувствовав на сердце тепло и тихую радость. Он хотел постоять еще немного, но, вспомнив, что на дворе в машине его ждет озябший и уставший друг, решил идти. И в это мгновение монахиня, по-прежнему молившаяся возле иконы, тихо произнесла:

– Здравствуй, брат…

Мишка вздрогнул, сразу узнав знакомый голос. Это была Ольга. От такой неожиданности он потерял дар речи, не зная, что сказать. Тогда монахиня повернулась к нему и ласково улыбнулась, повторив:

– Здравствуй, брат…

И, помолчав немного, добавила:

– А я ждала тебя… Именно сегодня… Именно здесь…

Мишка стоял совершенно растерянный и обескураженный.

Да, перед ним была Ольга. Та самая Ольга: в строгом монашеском платье, поверх которого была наброшена теплая шерстяная кофта ручной вязки, а голова покрыта пуховым платком. Все те же пронзительно синие, васильковые глаза смотрели на Мишку спокойным тихим взглядом.

– А как же?.. Все же…

Мишка не знал, что говорить. Он не верил тому, что перед ним стояла Ольга.

– А вот так же, – сдержанно улыбнулась она, – значит, долго жить буду.

Теперь Мишкин взгляд выражал искреннее удивление Ольгиными словами.

– Ну, так в народе говорят. Когда думают, что человек умер, а он живой остался, то, значит, долго жить будет. Меня тогда многие похоронили. Ранение было очень опасным. Моя жизнь держалась на волоске. Даже гроб приготовили. На всякий случай… А Господь решил грешницу еще на этой земле подержать. Для покаяния.

Мишка постепенно начинал приходить в себя.

– Значит, теперь ты.., – он осекся и тут поправился, – теперь вы уже не та Ольга, которую… С которой… Ну, в общем…

– Та Ольга действительно умерла, – уже серьезно ответила она. – Вместо нее теперь есть другая. Монахиня Анна…

Они оба помолчали, глядя друг на друга и словно пытаясь узнать того, кого они знали раньше.

– Я часто вспоминала тебя, брат, – прошептала Ольга. – Молилась… Говорят, ты так странно исчез, никому ничего не сказав. Снова воевал?

Мишка кивнул головой, не став ничего объяснять.

– А как ты… вы догадались, что я приеду… В смысле сюда?..

Молодая монахиня загадочным жестом поманила Мишку пальцем ближе к себе, и, когда он нагнулся, чуть слышно прошептала ему на самое ухо:

– А вот о том, братик, говорить не велено.

Она поправила на голове платок и запахнула кофту.

– Между прочим, я для этого случая даже подарок приготовила. Погоди минутку.

Она так же легко и проворно, как и раньше, вышла из храма, направившись вглубь монастырского двора. Мишка стал рассматривать роспись, которой мастера покрывали стены собора. Собор сиял от ярких, сочных красок. Лики святых угодников, мучеников, апостолов, пророков и преподобных отцов со всех сторон смотрели на Мишку с высоты своей славы и духовной мощи. Мишка шел по храму, осматривая святые образа в дорогих киотах, крестясь и прикладываясь к ним. Он не переставал восхищаться окружавшим его со всех сторон благолепием.

Неожиданно его внимание привлекла маленькая иконка, которую кто-то прислонил к еще одному большому образу Казанской

Богоматери, украшенному дорогой ризой и киотом. Вглядевшись в этот скромный, почти незаметный образок, Мишка с удивлением узнал в нем копию той самой чудотворной иконы, которая была в скиту. Именно такими маленькими образками отец Иоанн и другие старцы благословляли всех паломников, приезжавших туда на поклонение святыни.

– Это чудотворная икона, – услышал он за спиной голос Ольги. – Про нее легенды ходят. Жаль, что далеко слишком.

– И как же она к вам из такого далека? – изумился Мишка, не переставая смотреть на дорогой ему образ.

– Девочка одна привезла недавно. Она, правда, не нашей веры, но это так, к слову. Зовут ее Дарина.

– Дарина.., – механически повторил Мишка. – Красивое имя…

Мишка вовсе обомлел.

– Правда, красивое. Восточное, необычное. С ней там приключилась чудесная история. Короче, когда она была в одном скиту, ее взяли в заложницы зэки, бежавшие с зоны. И если бы не один парень, вроде тебя… Ты что, не хочешь слушать?

Ольга почувствовала, что в душе Мишки творилось что-то невообразимое.

– Да как сказать?.. Я мало верю всем этим сказкам. Враки все это. Чистейшей воды враки...

– А вот и нет! Ты ведь даже не хотел выслушать до конца. С ней произошло настоящее чудо. Эта девочка сейчас у нас живет. Помогает сестрам. И мне тоже. Я ведь теперь тут хозяйством заведую, дел много, все надо успеть.

«Ну и денек, – подумал Мишка, снова понемногу приходя в себя. – Какие еще сюрпризы меня ждут?».

– Как же она у вас оказалась?

– Отец привез. По рекомендации одного старца, настоятеля скита, где находится эта самая чудотворная икона.

– А того старца, случаем, не отцом Иоанном величают? – все еще не в силах прийти в себя, спросил Мишка.

– Да, отец Иоанн. Схимник известный. Наша матушка его очень чтит. Они в прошлом фронтовики–однополчане. Матушка тогда военврачом была, ему жизнь спасла. Потом их судьба развела, а духовное родство осталось. Так-то!

Ольга снова ласково посмотрела на Мишку, собираясь о чем-то спросить, но вдруг спохватилась:

– Ой, а за подарок чуть не забыла!

Она раскрыла маленький пакетик, который держала в ладони, и достала оттуда массивный серебряный крестик с такой же массивной цепочкой.

– Для такого рыцаря только такой и нужен, – сказала она и, не спрашивая Мишкиного согласия, сама надела на его шею свой подарок. – Со Святой Земли. Приложен ко Гробу Господню, многим чудотворным иконам и другим святыням. Специально для тебя просила привезти. Я верила, что мы еще обязательно встретимся. Надеюсь, что с таким святым подарком все твои приключения наконец-то закончатся.

Мишка поправил крестик, спрятал его и, смущенно глядя на Ольгу, выдавил из себя:

– У меня такое предчувствие, что все настоящие приключения только начинаются…

Ольга вышла проводить Мишку за ворота монастыря, где ожидал Павел. Они шли молча, переполненные теплыми воспоминаниями и радостью от этой встречи. Неожиданно Ольга остановилась, вспомнив, о чем хотела спросить Мишку.

– Послушай, а откуда ты знаешь отца Иоанна?

Мишка первый раз за все время, пока был с Ольгой, улыбнулся, потом так же, как и она, загадочно поманил ближе к себе и прошептал ей на самое ухо:

– А вот о том, матушка, говорить не велено…

Часть третья

1. ДОМА

Холодная нынче выдалась зима. Лютая. Снежная. Крепким льдом сковало реку. Потрескивают долгими морозными ночами толстые сосны. Одно слово: трескучие морозы…

Идя по руслу скованной ледовым панцирем реки, Мишка то и дело поглядывал на раскинутый над ним звездный шатер, ловя

взглядом то след то здесь, то там упавшего метеорита.

«Да у меня и желаний столько нет, сколько уже звезд нападало, – усмехнулся он, зарываясь носом в теплый вязаный шарф, – а они все падают и падают».

Вспомнился лесной скит, старец Иоанн, чудаковатый друг Варфоломей, Борзик.

«Как они там? Отец Иоанн, как всегда, на молитве… Варфоломей…».

Мишка попытался представить, чем сейчас мог быть занят Варфоломей, но так и не мог.

«Не с волками ж он по лесу бродит, – решил он, – погода не та. Сидит, небось, возле теплой печки, поленца сухие в огонь подбрасывает… За мной скучает… Или забыл вовсе… Кто я ему? Из лесу вышел и снова зашел. Нет, наоборот: в лес я забрался, да вышел назад».

Мишка поежился от нестерпимого холода и ускорил шаг, чтобы побыстрее добраться домой: впереди уже были видны огни его деревни.

«Забыл – не забыл… Чего гадать? Я ведь сам обещал возвратиться. А он всем верит. Ждет, небось. Конечно, ждет… А я все тут и тут… Хотя что в этом плохого? Тут я у себя дома. А там? Кто я там? Ни монах, никто. Так, случайный гость. Занесло в ту лесную глухомань каким-то странным ветром. Ну, побыл, пожил, помог… Помолился. Повоевал малость. А дальше? Дальше-то что?..».

На этот вопрос у Мишки не было ясного ответа. Он еще был в раздумьях. После невероятных приключений, происшедших с ним во время недолгой жизни в скиту и возвращения домой, он стал понемногу отвыкать от строгого монастырского порядка, по которому жил вместе с другими послушниками, и втягиваться в уже привычный ему обыденный ритм, которым жила деревня: кто-то трудился в местном колхозе, кто-то занимался домашним хозяйством, кто-то вообще бездельничал или пьянствовал, кто-то рождался, а кто-то доживал свой век. Только Мишка после того, как в его душе произошел странный поворот, связанный со скитом, а еще раньше – встречей с Ольгой, он никак не мог определиться, как жить дальше. Мысли его снова путались, роились, не давая остановиться на чем-то

одном, определенном, а в душе снова появились сомнения относительно того, что в скиту казалось таким простым и понятным.

«Действительно, деревня уже сейчас смеется: дескать, Мишка с ума спятил, решил в монахи податься, бороду отрастил, Богу молится. А коль снова поеду назад в скит? Узнают – вовсе засмеют, а матери впору бежать отсюда от разных разговорчиков и пересуд. Народу-то ведь и заняться нечем, как позубоскалить над кем-нибудь. А тут такая тема, такой сюжет! Мишка монахом стал! Ха-ха-хачешки ха-ха!..».

В этих раздумьях, не дававших ему в последнее время покоя, Мишка подошел к своему дому. К его удивлению, даже лохматый дворовой пес Ворон не выбежал, как обычно, навстречу, а лишь тихо заскулил, не высовываясь из конуры.

– Ладно, дружище, – улыбнулся Мишка, решив не трогать пса, – грейся до утра. Да смотри, чтобы волки из лесу к нам в гости не пожаловали да кур не потаскали. Между прочим, давеча я их песни слышал, когда сюда мимо леса шел. Так что спи, да в оба смотри, чтобы служба справной была.

Тихонько отворив дверь, чтобы не разбудить мать, Мишка вошел в дом и, раздевшись, сразу пошел на кухню, чтобы немного перекусить перед сном. Но, войдя, он сразу увидел мать, дожидавшуюся его возращения.

– Мам, чего не спишь? – удивленно посмотрел на нее Мишка.

– А чего спать-то? Время, как говорят, детское еще. Кино вот посмотрела, новости разные… Тебя ждала покормить. Садись ужинать. Изголодался, небось. А я петушка отварила. Хороший петушок был, да уж драчливый больно. Ох, и драчун! До чего ж забияка стал, что чуть коту нашему глаз не выклевал. Сущий драчун и забияка. Как и ты в молодости…

Мать потрепала Мишкины густые волосы и ласково обняла его.

– Садись, сынок, садись. Все тепленькое, вкусное…

И пододвинула ему большую тарелку. Мишка посмотрел на приготовленный для него сытый ужин и стыдливо отодвинул тарелку от себя.

– Что? Что такое? – взволновалась мать, не понимая, что смутило сына. – Ешь, все свежее, прямо с жару, с плиты!

Но Мишка снова осторожно отодвинул тарелку, думая, как объяснить матери свой отказ.

– Я не буду, мам… Я…

– Что? Ты уже где-то поужинал?

– Нет… Не в том дело. Просто… Нельзя мне. Пост… Нельзя…

За столом воцарилось неловкое молчание. Мишка не знал, что говорить дальше, мать не знала, как реагировать на его слова. Она накрыла отодвинутую тарелку крышкой и пристально посмотрела на сына.

– Давно хотела спросить тебя, сынок: что с тобой произошло? После того, как ты приехал, ты стал каким-то другим. Не могу понять, что случилось? Был такой парняга, весельчак на всю деревню, заводила, шутник, балагур – и вдруг словно подменили тебя, словно порчу какую навели. Аль впрямь порчу? Так ты скажи, не стесняйся матери. Кто, как не мать, пособит в такой беде? Сходим к Никитичне, что на хуторке живет – она враз все снимет. Знает она заветные слова, оттого идут и едут к ней отовсюду, каждый со своей бедой, своим горем. Давай сходим! Она и водички святой попить даст, и словцо заветное пошепчет…

– Мама…

Мишка смутился еще больше, не зная, как ответить, что сказать, чтобы не обидеть мать.

– Да к ней народ идет и днем, и ночью, – продолжала увещевать его мать. – Ты не думай, что она ведьма какая или шептуха. У нее полон дом икон разных, все молитвы наизусть знает, в церковь нашу ходит. Кабы занималась чем недобрым, черным, это б от людей не утаилось. Верь своей матери. Скажу по секрету, я и сама к ней хаживала, когда ты поехал к своим друзьям, да как в воду канул. Ну, там, в своем лесу. Что я могла думать, когда от тебя столько времени не было ни слуху, ни духу? Вот и пошла я к Никитичне по совету сердобольных людей. Яичек ей понесла, молочка, маслица домашнего. Выслушала она меня внимательно, потом помолилась на святые образа, глянула что-то на своих картах, да и говорит: «Не рви сердца, жив твой сынок. Под счастливой звездой он родился у тебя. Ни пуля его не берет, ни хворь лютая. Да вот только приедет он другим к тебе. Неродным». Так и сказала, истинно говорю. Последних слов ее я так и

не уразумела, а теперь вижу: права была старая Никитична, каким-то чужим стал ты. Неродным…

– Мама…

Мишка обнял мать за плечи.

– Какой же я неродной? Самый родной был и остаюсь. Просто пост сейчас. Встретим Рождество – там и разговеемся. А пока спрячь своего драчуна на морозе. Пусть полежит, остынет. Уже недолго осталось.

Мишка собрался встать из-за стола, но мать взглядом удержала его.

– Все равно не пойму тебя, сынок. Не узнаю я тебя… Стал ты…

Она снова пристально посмотрела на него.

– Монахом словно ты стал. Аль впрямь в монахи собрался? Бороду отрастил, космы, от мяса отказался, от друзей, совсем перестал знаться с ними…

– Мама.., – Мишка не знал, как уйти от этого неудобного разговора.

– Ты скажи, не скрывай от матери. Только я скажу тебе наперед: в нашем роду монахов не было. Мы люди простые, от земли-матушки, всю жизнь горбимся на ней, родимой, чтобы кусок хлеба честным трудом заработать, мозолями своими, а не поклонами какими или милостыней.

– Мама, в монастырях тоже трудятся, не покладая рук, – попробовал возразить Мишка.

– Вот и пусть трудятся, – согласилась мать. – Они по своему, а мы, сынок, по своему, как наши предки. Каждый свою награду получит. Тебе Бог дал силу, здоровье. А для чего? Чтобы уйти в монахи? Пусть туда идут, кому больше идти некуда: старики, старухи, убогие разные. А ты для другой жизни нужен.

Мишка не вступал в спор, боясь не найти нужные аргументы, чтобы переубедить мать. Да и сам он не мог до конца разобраться в том, что бередило, терзало его душу с тех пор, как в ней проснулась вера в Бога. Но мать не унималась, стараясь вызвать сына на откровенный душевный разговор.

– Повадился ходить к этим… Как их? Погорельцам. Не к добру это, не к добру. Про них такое рассказывают, такое…

– Мама, – не сдержался Мишка, – да нашим людям только дай повод языками почесать. Нормальные это люди. Работящие. Непьющие. В церковь ходят. Что в этом плохого?

– А все равно нутром чую, что не к добру все это. Замкнутые они. Скрытые, пусть и непьющие. Ни к ним никто, ни они ни к кому. Не по-нашему это. Не по-нашему.

– Ну, зачем так плохо? – Мишка старался сохранить мирный тон разговора. – Как же они необщительны, когда я у них в гостях бываю, и они живут, как одна дружная семья. А то, что не здешние они, чужаки, то какая в том печаль? Нормальные люди…

Снова воцарилась тишина. Слышно было лишь тихое тиканье старого будильника на кухонной полке.

– Я внучат хочу, – мать ласково погладила руку сына. – Все дружки твои поженились, детками обзавелись, а ты все ходишь и ходишь сам. Неужто тебе не хочется своей семьи, жены, детишек?

Мишка по-прежнему молчал, глядя перед собой в пустой стол.

– Девки на тебя глаза пялят, ждут, кого позовешь по фату. Леночка Полякова – какая девочка! И пригожая собой, и хозяюшка славная. Помню, ты в армии служил, а она тогда еще совсем соплюшкой была, то и дело бегала ко мне, чтобы выведать, как ты там, на фотографии твои солдатские посмотреть. А теперь выросла, красавица стала. И все тебя ждет. Может, зашлем сватов? Ты не смотри, что они богаче нашего живут. Мы тоже не лыком шиты. Дядя Коля, крестный твой, обещал пособить, а там, глядишь, и тебя поближе к себе пристроит. Он ведь нынче в больших милицейских начальниках ходит. Пишет, что скоро генералом станет. Так что? Будем сватать?

Мишка улыбнулся и снова обнял мать за плечи.

– Пока что будем спать. А там видно будет.

– «Видно будет…», – пробормотала мать, убирая со стола. – Мне вот ничегошеньки не видно. И не понятно. Был парень как парень, а стал… И в кого ты такой богомольный удался? Не пойму.

Пока мать хозяйничала на кухне, Мишка разделся и растянулся на своей самодельной кровати, больше похожей на обычный деревянный топчан. И едва он лег, как думы роем снова понеслись в голове – толкаясь, толпясь, обгоняя одна другую, сумбурно, без всякой логики и порядка.

Мишка прямо не стал говорить матери, где он провел целый день. Это и так было ясно: у «погорельцев». Мишка сам не мог до конца понять, почему его тянуло к этим людям: не здешним, действительно немного странноватым своею замкнутостью, нежеланием общаться со всей деревней, а уединившимся на некогда заброшенном, всеми позабытом хуторе. Из всех, кого они принимали у себя, иногда потчевали чаем и вступали в духовные разговоры, был Мишка, к которому они пристально присматривались, не допуская к тому, что было их некой глубоко сокровенной тайной, доступной даже не всем отшельникам этого дикого хутора.

Но Мишка был рад и этому. С тех пор, как он прикоснулся к духовной жизни, он потерял всякий интерес к тому, без чего раньше не мог жить: разудалому деревенскому веселью, ежедневным походам в местный клуб с неизбежными разборками после вечерней дискотеки и почти ритуальным пьянством в кругу таких же бесшабашных дружков. Узнав, что Мишка повадился к «погорельцам», старые приятели тоже быстро отвернулись от своего некогда закадычного друга, придя к единодушному выводу, что он просто повредился головой. Такого мнения придерживался даже Павел, ближе которого Мишке по всей деревне просто не было.

Последний случай, происшедший с ним в клубе, окончательно порвал его отношения с прежними дружками и забавами. По привычке он пошел туда, чтобы скоротать долгий вечер. Возле клуба его встретила компания старых друзей-завсегдатаев. Они были заняты «разогревом» настроения: один из них держал трехлитровую банку самогонки, другой подставлял пластмассовые стаканчики, а единственной «закуской» этого «застолья» была такая же банка холодной колодезной воды, которую разливал по тем же стаканчикам третий.

– О, равнение на появление! – увидев идущего Мишку, компания не могла сдержать своего восторга. – Давай, Мишок, к дружбанам, сегодня жаркий вечер будет.

– Что, танцы-шманцы до упаду? – усмехнулся Мишка, сразу почувствовав себя чужим в этой компании, потому что отвык от общения.

– Не, жарче! Ждем гостей с Чугреевки. Им, понимаешь ли, своих баб мало, так решили теперь наших щупать. Пора проучить. Вовремя ты пришел, хороший кулак в рыло лишним никогда не будет.

Мишку покоробило от этих слов. Он не горел желанием, как бывало раньше, впутываться в здешние разборки с парнями из соседней деревни.

– Давай, «причастись» вместе с нами перед боем, – тот, кто распоряжался самогонкой, щедро плеснул ему в стаканчик.

– Откуда таких слов нахватался? – Мишке уже хотелось уйти отсюда.

– Да вот, пошел по деревне слушок, что наш старый и верный друг решил начать новую жизнь, – рассмеялся все тот же хозяин компании. – Говорят, в церковь стал ходить, по монастырям кататься, с монахами дружбу водить. А я не верю, что с монахами. Говорю, что с монашками!

Все громко и развязано расхохотались.

– Говорят, что кур доят, а куры яйца несут, – невозмутимо парировал эту шутку Мишка, ставя налитый ему стакан на пенек рядом с банкой.

– Ладно тебе обижаться, – не унимался заводила. – Поделись лучше своим «товаром» – монашечками. Мы ж тебе, видишь, до краев наливаем, не жмемся, хоть и самим мало. Ты что, деревенский петух, чтоб в одиночку всех кур топтать?

Мишка ощутил внутри закипающую злобу. Но он сдерживал себя, чтобы не ответить в тон сыпавшимся в его адрес шуткам, намекам и колкостям.

– Мальчики, бросьте его уламывать, – кокетливо рассмеялась стоявшая посреди компании накрашенная девица. – Я знаю, в чем тут дело. Просто монахам нельзя пить. Я где-то читала. А еще им нельзя… энтого самого… без чего нормальные мужики жить не могут.

Все расхохотались еще громче.

– А с каких пор у него пропал интерес к энтому делу? – завизжала еще одна девица. – По «энтой» части он у нас всегда передовиком производства считался. Хоть орден вешай!

Мишка ощущал в круг компании еще вчера дорогих ему друзей совершенное одиночество. Те, в свою очередь, тоже смотрели на него как на чужака.

– Думаю, вы тут и без меня управитесь, – стараясь не ввязаться в скандал или словесную перепалку, Мишка собрался возвратиться домой, больше не чувствуя интереса к клубным развлечениям. – Против таких языков – как против лома, которому нет приема. Бывайте здоровы, кореша! И меньше нажимайте на это дело, – он кивнул на разлитую самогонку, – а то все девчонки убегут к «чугреевцам». Туго вам тогда придется! Без «энтого» самого…

Мишка старался не обращать внимания на доходившие до его слуха насмешки и деревенские пересуды. Им не было ни конца, ни края. Да и о чем еще было посудачить простым людям, единственной радостью которых были сериалы по телевизору да скудные новости, доходившие с района? Не зная, что произошло с Мишкой за время его неожиданного исчезновения и такого же неожиданного возвращения домой, деревня терялась в догадках, приписывая Мишке одну историю нелепее другой. Хотя сам он и не скрывал того, что ходит и в монастырь, и к соседям, за которыми закрепилось это странное имя – «погорельцы».

2. «ПОГОРЕЛЬЦЫ»

«Погорельцами» называли как заброшенный, позабытый всеми хутор на отшибе далеко от всех окрестных деревень, так и людей, отважившихся поселиться среди дикой глуши, безлюдья, непроходимых топких болот и соседнего дремучего леса. Это было несколько семей, поселившихся одной дружной коммуной – со своими, им одним ведомыми порядками, дисциплиной и обычаями. Откуда они приехали сюда и что привело их именно в это безлюдное место, новоселы не распространялись. Казалось, их совершенно не смущало то, что этим хутором среди здешних крестьян прочно закрепилась недобрая слава: люди здесь никогда не задерживались надолго, ибо, едва успев пустить корни, неведомо откуда налетевшие пожары гнали хуторян дальше, оставляя за собой лишь пепелища дотла сгоревших деревянных домов, собранных из добротных смолистых бревен. Детей пугали страшными обитателями, якобы живущих в гиблых топях, только и ожидающих очередного смельчака, рискнувшего сунуться сюда, чтобы навеки затащить его в свое мрачное болотное царство.

Тех, кто действительно бесследно пропадал тут, даже не пытались искать: настолько все это было бесполезно даже для опытных водолазов-спасателей.

Хотя, если не вспоминать обо всем этом, здешние места необыкновенно красивые. Даже поэтичные. За туманом, всегда, особенно в утреннее и вечернее время, стелющегося над болотами, медленно вырастает стена векового леса: сначала изумрудно-зеленого, а далее все темнее и темнее, превращаясь в подобие некой неприступной крепости, куда не каждый рискнет ступить, чтобы не заблудиться в чащобе. Да и сами болота, если по ним не идти напролом, а знать укромные тропинки, заросшие мохом, не сразу нагонят страх: они больше напоминают старые добрые предания об игривых русалках, любящих водить здесь свои хороводы, заманивая чарующим пением добрых молодцев, но никак о злых ведьмах, леших или иных коварных персонажей тех же сказочных преданий седой русской старины.

Но чтобы добраться от хутора до самого леса, нужно, кроме топких болот, пройти по заболоченному лугу, укрытой густой травой и полевым разноцветьем, и только тогда откроется величественное лесное царство, где каждая тропка так и манит путника вглубь, в чащобу могучих деревьев. То убегая вниз по глубоким оврагам, по вздымаясь вверх по кручам, некоторые из этих тропинок выводили к таинственным пещерам, не дававшим покоя как древним отшельникам, так и нынешним искателям приключений.

Настоящие работы в лесу начинались лишь с наступлением настоящих холодов, когда не только речка, но и все болота промерзали чуть не до самого дна, укрываясь прочным непробиваемым льдом, по которому можно было передвигаться без всякой опаски на любом виде транспорта. Вот тогда-то и оглашался уснувший зимний бор визгом пил, стуком лесничих топоров, оглушительным треском падавших на землю исполинов. Работа закипала, не прекращаясь до самого тепла: лес валили, корчевали, освобождали от мохнатых ветвей и трелевали на местные пилорамы, распуская там на доски, брусья, готовые для строительства.

Наверное, сама природа подсказала первым «погорельцам» лучшее место для поселения: возле самого леса, за болотами. То, что большую часть года они оставались почти отрезанными от всего мира,

хуторян не смущало: за зиму они успевали заготовить столько деловой древесины и наторговать ею, что полученной от этого торга средств хватало им вполне, чтобы жить безбедно в ожидании следующей зимы с морозами, превращавшими подступы до хутора в бойкий путь, по которому шла бесперебойная торговля лесом. Но опустошительные пожары – от огня завистников то ли от природной стихии, когда удушливая летняя жара разряжалась грозами – гнали людей с этих мест, пока сюда не приходили все новые и новые смельчаки, чтобы возродить прежнюю жизнь. Но, словно гонимые каким-то злым роком, снова оставались без крова, спасая от огня то, что можно было унести из дома и спасаясь самим, унося ноги от бушевавшего среди прочных смолистых бревен пламени.

Новые «погорельцы» пришли сюда в самом начале осени. Пришли для всех нежданно-негаданно, когда о самом существовании хутора почти забыли, махнув на него рукой, потому что, по мнению тех, кто считал себя здравомыслящими людьми, поселиться там могли лишь настоящие безумцы. Но «погорельцы» пришли и поселились. И не просто поселились, а за короткий срок сумели обосноваться так, что теперь всем было интересно увидеть, во что превратилось бывшее захолустье.

Новоселы быстро восстановили старую пилораму, работавшую от колеса еще более древней водяной мельницы, а окружавший их со всех сторон лес дал все, что было необходимо для строительства добротных деревянных домиков, быстро вытеснивших остатки прежних черных изб, вросших в сырую землю по самые окна. Кстати, при новых хозяевах земля тоже быстро подсохла: они сумели наладить здесь дренажную систему, осушив болота, подступавшие слишком близко к поставленным жилищам и заботливо ухоженным огородам. На самой же земле раскинулись не только распаханные огороды, но и теплицы, отныне снабжавшие «погорельцев» даже в самые лютые морозы свежими овощами и зеленью. Тут же стояли хлева с домашней скотиной: чистота и безупречный порядок, царившие там, могли дать большую фору соседним колхозным фермам.

При всем трудолюбии поселенцы отличались трезвым образом жизни, собранностью и дисциплиной. Тут все делалось сообща: и работа, и отдых, и молитва. В церковь соседней деревни они ходили так же дружно – и стар, и млад – лишь в воскресные дни и «красные»

праздники, в остальное ж время собирались для совместной молитвы в специальной выстроенной «молельне» – небольшом деревянном домике, увенчанном крестом.

Но больше всего «погорельцев» тянуло к древним пещерам, выходившим по заросшим лесным оврагам еле заметными провалами, через которые можно было попасть в царство подземных лабиринтов. Как раз возле этих провалов, манящих и одновременно пугающих своей неизведанностью, собирались новые хуторяне, на свой особенный лад и манер воспевая подвиги древних отшельников, воздавая им почет и славу. Почему-то «погорельцы» считали причастными к тем древним людям, древним преданиям: между собой они называли себя «пещерниками» – и не иначе. Это название для них было неким сакральным именем, тайной, которую они не только боялись открыть, но даже близко не подпускали к ней никого из непосвященных, посторонних, случайных гостей.

Возвращаясь из леса домой, они собирались в молельной комнате, где снова воскрешали сказания о жизни, подвигах и благочестии своих далеких предшественниках. Сказания эти были удивительно красивыми, яркими. Слушая их вместе с «пещерниками», Мишка словно переносился в те далекие времена, когда жили поистине святые люди – подвижники, чудотворцы, прозорливцы, мученики. Хотя иногда эти сказания больше походили на сказку: настолько все там было идеализировано, украшено красивым глаголом, сдобрено хорошей русской фантазией. Но все равно Мишке было интересно слушать их, когда его допускали посидеть вместе с «пещерниками» за одним столом в молельной. К самим же пещерам не брали ни Мишку, ни кого другого из заезжих искателей всего чудесного и необыкновенного – на это был строжайший запрет.

Старшим в общине был Василий – лет пятидесяти, с густой седой бородой и такими же седыми жесткими кудрями, к которому все остальные относились с глубоким благоговением, называя его почтенно «кормчим». Он распоряжался всеми хозяйственными работами на хуторе, а также строго следил за духовной жизнью в отсутствии священника, который лишь изредка наведывался сюда, чтобы совершить молебен на ту или иную потребу.

Слава о хуторе «Погорельцы» и его трудолюбивых, ревностных к вере обитателях быстро обошла всю округу. Увидеть и рассказать о настоящем чуде сюда потянулись корреспонденты, местное начальство. Всем хотелось понять, что это за люди: неутомимые люди, трудяги, абсолютные трезвенники, с глубокой верой в сердце? Кто они? Откуда? Что привело их в эти гиблые, всеми позабытые и давно позаброшенные места? Но «погорельцы», приветливо улыбаясь гостям, щедро потчуя их всем, что давала им земля и труд на ней, не спешили раскрывать свои души до конца, храня некую очень сокровенную тайну о своей миссии на этой земле – куда более важную, чем то, что не просто удивляло, а поражало заезжий люд. «Погорельцев» ставили всем в пример, как образец невиданного для окрестных деревень трудолюбия, дисциплины и культуры.

Потянулся сюда и Мишка. Почти все его ровесники были уже, как говорят, при деле: обзавелись семьями, занимались кто чем – в местных колхозах или же уехав на заработки в большие города. Развлекаться ж вместе с молодежью в клубе ему вовсе было неинтересно и даже скучно. В воскресные дни он ходил в монастырь либо в соседнюю Чугреевку, где уже успели восстановить прежний каменный храм. В остальное время помогал матери по домашнему хозяйству, внутренне ища ответ на единственный вопрос: как жить дальше?

Глядя на «погорельцев», Мишке казалось, что эти люди как раз нашли ответ на мучавший его вопрос. У них все было сообща, в полном согласии: и труд, и молитва, и печали, и радости… Они жили одной семьей, одной коммуной, влиться в которую означало стать таким же, как и они. Наверное, где-то в глубине души Мишка уже был согласен на это: поселиться в их коммуне, так же, как и они, трудиться – сам выросший на земле, труда он не боялся с детства, - молиться. Построить здесь свой собственный дом – красивый, добротный, теплый, с хорошим куском плодородной земли. Даже жениться, обзавестись собственной семьей, произвести на свет и на радость старенькой матери маленьких детишек. Саму ж ее забрать к себе, а коль не согласиться покидать родные стены, так то не беда: все равно будет всегда рядом. От «погорельцев» до их деревни ходу-то каких-

нибудь часа полтора, а по зимней дороге, когда все болота и река скованы ледяным панцирем, и того меньше.

На ком жениться? Так то не проблема вовсе. Мать сватает Ленку Полякову, дочку колхозного фельдшера. Оксана тоже обещала ждать. Позови – приедет. Какая разница, в какой деревне жить – в той, глухой, таежной, отрезанной от всех дорог, городов и весей, или здешней? Здесь даже лучше: на берегу реки, вокруг деревенек полно, и тоже лес рядом…

Или же Ирина…

Ирина выделялась среди остальных «погорельцев», с которыми приехала. И не только потому, что, в отличие от остальных женщин, приехавших сюда с мужьями и детьми, она была лишь с десятилетним сынишкой Андрейкой, неотступно, словно хвостик, бегавший за матерью. И не потому, что была красива: особенные, с золотистым оттенком глаза, слегка вьющиеся каштановые волосы, белая кожа, румянец на щеках… Строгие одежды, которые носили все женщины, не могли скрыть или как-то исказить ее стройной, словно точеной, фигуры. Каждое ее движение, улыбка, каждый жест тоже были необыкновенно красивыми, кроткими, нежными.

Мишка не мог понять, почему едва ли не с первой встречи, знакомства он проникся к Ирине таким доверием. Для самой Ирины Мишка тоже был, пожалуй, единственным из гостей, с кем она не замыкалась, а, напротив, общалась с ним легко и открыто, чем вызывала недовольство среди остальных собратьев-«пещерников».

– Разболталась, сорока, – говорили о ней, – язык-то без умолку трещит, без всякого удержу. Ни послушания, ни скромности… Сидела б там, откуда пришла, со своим выкормышем…

Ирина жила в доме своей старшей сестры и ее мужа, с помощью остальных «погорельцев» поставивших себе добротный дом со всеми дворовыми постройками. Для нее выделили маленькую комнатку, обогреваемую через простенок русской печкой.

Мишку удивляло, почему ее сынишка – смышленый шустрый малый – не ходит в школу и вообще нигде не учится.

– Благословения нет, – тихо отвечала Ирина, когда Мишка начинал недоумевать, почему юнца хотят оставить без образования. – Кормчий не велит.

– «Кормчий…». «Благословения нет…», - тихо возмущался Мишка. – Он что, священник, что ли, чтобы благословлять или не благословлять?

Ирина сразу уходила от дальнейших разговоров на эту тему, лишь снова повторяя:

– Он – наш Кормчий. Вот…

– Какая ж то вера, если ее скрывают? – пытался понять «погорельцев» Мишка, беседуя с Ириной. – Мне такая вера секту напоминает. Тебе нет?

– Не надо, – останавливала эти разговоры Ирина. – Кормчий, можно сказать, подобрал меня на улице, на вокзале, когда я была готова… С кем угодно… С первым встречным, лишь бы… Ну, чтобы прокормиться нам вдвоем. А Кормчий не погнушался, сюда привел, вере нашей научил. А ты его… «Секта»… Не надо…

Между тем Андрейка сильно привязался к Мишке, и даже рисковал бегать к нему в лютый мороз, не боясь замерзнуть в хлипкой одежонке или же попасть к волкам, рыскавшим в поисках добычи по всему лесу и днем, и ночью. Узнав же о том, что Мишка был десантником, служил в спецназе и даже воевал, вовсе не скрывал своего восхищения, неотступно приставая к нему с просьбами:

– Дядя Миша, а драться меня научите? Покажите приемчики? А с парашютом прыгнем? А пострелять пойдем? А…

И этим просьбам не было конца. Бывало, малец гостил у Мишки по несколько дней, общаясь и даже ложась спасть рядом с ним. Мишка тоже полюбил мальчугана, таская его по лесу на своих богатырских плечах, уча ориентироваться в здешних непролазных дебрях, проходить по топким болотам. Ирина ж не противилась этой мужской дружбе, хотя и слышала от своих единоверцев снова лишь порицания и ропот.

Чем больше Мишка присматривался к «погорельцам», многое ему казалось странным в их поведении и образе жизни. Зачем, например, они завешивали в присутствии посторонних иконы, которыми украшали свои новые жилища? Перед тем, как пустить к себе гостя – того же Мишку, к которому, казалось, давно привыкли, – они укрывали образа специальными занавесками?

«Что это за вера такая странная? – думал Мишка, стараясь понять причину всего этого. – Или обычай у них такой? И что это вообще за иконы, на которые нельзя смотреть посторонним? Почему они скрывают их? Иконы ли это вообще?».

– Нет на то благословения Кормчего, – все так же уклончиво отвечала Ирина, к которой Мишка решился обратиться с этими вопросами. – Не всем дано видеть наших святых пещерников, святых людей, что издавна жили тут. Они сами никому не показывались на свет, прятались в пещерах, и ушли, оставив тайну лишь посвященным…

– Как ушли? – изумился Мишка. – Куда это они ушли.

– К Богу они ушли, - снова уклончиво отвечала Ирина. – Когда пришло время, когда Небесный Кормчий позвал их к себе – и ушли. Прямо из святых пещер…

Такой же таинственный, скрытый от случайного или постороннего глаза образ, висел и в самой молельной комнате: размером с большую дверь, в инкрустированной раме, под стеклом. Перед ним «погорельцы» благоговейно ставали на колени, умиленно плакали, истово молились… Но этот образ они берегли особенно ревностно, не позволяя не то что смотреть на него, но даже приближаться.

И все Мишке удалось мельком взглянуть, что же тайна скрывалась за плотным покрывалом, шитым с позолотою, где хранился главный образ, главная святыня «погорельцев».

Однажды Мишка помогал хуторянам по хозяйству, и в том момент, когда он с несколькими из них был в молельной комнате, одной из работавших там женщин, вдруг стало плохо. Она тихо охнула, схватилась за сердце и со стоном опустилась на пол, враз побелев и перестав подавать признаки жизни. Остальные кинулись к ней и вынесли в сени, где свежего воздуха было больше. И на несколько минут Мишка остался в молельной комнате сам. Он оглянулся вокруг, убедившись, что рядом действительно никого нет, и любопытство взяло верх. Он подошел к таинственному и образу и, озираясь на приоткрытую входную дверь, быстро одернул покрывало…

К его удивлению, это был вовсе не иконописный образ, какие он привык видеть в храмах и перед какими молились верующие. На дубовой доске, почерневшей, почти истлевшей от времени, был изображен некий лабиринт, по которому вереницей шли монахи-схимники. На их пути были некие препятствия, изображенные в виде странных символов. Те отшельники, кто преодолевал их, шли дальше, а их скорбный путь заканчивался светом, где сиял образ Небесного Царства, ждавших в свои селения неутомимых подвижников и праведников мрачного подземелья.

Весь лабиринт, по которому шли неведомые монахи, был похож на закрученную вправо спираль, состоящую из трех кругов с боковыми «карманами» и ответвлениями, обозначенными знаками, больше похожими на кресты, что сохранились по местам на заброшенных погостах.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», – чуть не присвистнул от удивления Мишка, ожидавший увидеть тут что угодно, только не запутанную схему какого-то лабиринта. Он тут же задернул покрывало и выровнял складки, чтобы ни у кого не возникло подозрения, что он дерзнул заглянуть в святая святых «погорельцев». И впрямь, едва он успел отойти в сторону, как в комнату ворвался сам Кормчий – Василий, гневно сверкнув на Мишку недобрым взглядом.

– Почему тут? – крикнул он, глядя то на Мишку, то на неприкасаемый закрытый образ.

– Потому что сами позвали помогать, – спокойно ответил Мишка. – Коль нет во мне нужды, то я пойду.

И он так же спокойно направился к выходу.

– Погоди, – едва сдерживая свой гнев, остановил его Василий. – Хочу тебе сказать: не очень-то пяль глазки на Ирину… Не про тебя она.

– Ой, словечки какие! – хохотнул Мишка, глядя на разъяренного Кормчего. – «Не пяль глазки…». Я такую «музыку» только от блатных слыхивал.

– Оно и видно, с кем ты общался, – теперь злобно рассмеялся Василий. – Или общаешься до сих пор. О тебе всякое рассказывают, вояка… А я повторяю последний раз: Ирина не про тебя. Сначала стань одним из нас, потом и потолкуем о твоем житие-бытие.

И, повернувшись спиной к Мишке, снова возвратился к укрытой черной доске, убеждаясь в том, что покрывало осталось не одернутым…

Но эти угрозы не остановили Мишку. Он продолжал наведываться к хуторянам, помогая им, общаясь с Ириной, забавляясь с ее сынишкой и присматриваясь к тому, как жили, трудились и молились эти странные люди.

Однако, то, что смущало Мишку, не вызывало подозрений или даже сомнений у отца Виталия – настоятеля Никольской церкви в соседней Чугреевке, куда на воскресные богослужения «погорельцы» наведывались всей своей дружной коммуной. Они молились тут, выделяясь среди остальных особым рвением, внутренней собранностью, неукоснительным исполнением всего, что предписывал церковный устав. Глядя на своих новых прихожан, настоятель не мог нарадоваться, то и дело приговаривая:

– Побольше б таких благочестивых людей! Не люди, а ангелы земные. И молятся, и причащаются, и посты хранят. Истинно ангелы!

Когда ж Мишка однажды заикнулся о своих сомнениях, отец Виталий решительно осек его:

– На себя-то лучше смотри, на себя! Люди не скупятся: и медка принесут, и яичек, и мяска… Не то что эти куркули деревенские, жмоты, скряги. Копейки от них не дождешься, а уж для батюшки пожертвовать, пособить чем, то лучше и не проси, и не надейся. Бесполезное дело. А хуторяне – истинное благочестие, доброта, кротость. Просить их ни о чем не надо: сами принесут, сами придут, сами помогут. Святые люди…

В ответ на это Мишка ничего не говорил: ни соглашаясь, но и не пытаясь разубедить довольного настоятеля, внутренне оставаясь при своем мнении.

3. РОЖДЕСТВО

На Рождество Христово и наступившие за этим большим праздником святочные дни морозы ударили еще сильнее. Небо разъяснилось, разогнав последние тучи, обещавшие снег, а звезды

горели так ярко и так низко, что, казалось, протяни руку – и дотронешься до их нежного дрожащего сияния.

С тех пор, как монастырь разросся, обустроился, а к нему пролегли ухоженные дороги, желающих побывать в этом святом месте увеличилось во много крат. Паломники ехали теперь целыми автобусами, и монахини лишь успевали размещать гостей на ночлег, потчевать их тем, что подавалось и на монастырский стол.

Но теперь насельницы ждали особых гостей. С согласия архиерея и по его благословению сюда должна была приехать целая группа журналистов, чтобы рассказать о святой обители, ее возрождении и жизни черниц. Гости не заставили себя ждать: они высадились из небольшого комфортабельного «мерседеса» вместе со своими сумками, кофрами, где лежала их съемочная аппаратура. А чтобы им легче было ориентироваться на месте и общаться с монахинями, за группой закрепили епархиального представителя – отца Бориса. Это был еще сравнительно молодой, необыкновенно энергичный, очень контактный батюшка, в прошлом сам журналист, легко нашедший язык с коллегами. Он поддерживал любую тему, которую начинали обсуждать гости, следуя в монастырь, и лишь когда въехали на его территорию, стали слушать лишь отца Бориса, рассказывавшего им о порядках и традициях монастырской жизни. Хотя далеко не все вникали в суть разговора, особенно те, кому предстояло таскать тяжелую видеоаппаратуру и заниматься непосредственно съемками: эта публика весело смеялась, не уставая рассказывать анекдоты, ни мало не смущаясь тем, что они уже были на территории монашеской обители.

– Слышал еще прикол? – не унимался один такой весельчак, стараясь привлечь внимание всех остальных. – Умирает журналист и попадает на тот свет. Вдруг слышит чей-то грозный голос: «Ну что, явился, писака? Грехов-то, грехов целая торба. Аж называть страшно. А вообще ты парень был неплохой: трудяга, всю жизнь по редакциям, командировкам, съемкам… Короче, выбирай сам, куда хочешь: в ад или в рай?».

Журналист задумался и говорит: «А можно мне хотя бы одним глазком глянуть, как живется моим коллегам там и там?». «А почему б и нет?», - отвечает ему тот же голос и ведет душу журналиста сначала к воротам ада. Открывает их и пускает туда журналюгу. Смотрит:

дымовая завеса, все бегают, суетятся, сплошные нервы, волосы всклокочены, компы61 дымятся, все строчат статьи к следующему номеру. Журналист посмотрел на эту знакомую ему картину и говорит в ужасе: «Ну уж нет, я этим сыт по самое горло. Ведите меня в рай!». Приходят. А там - то же самое: все бегают всколоченные, что-то строчат в номер, компы[74] дымятся...

Смотрит журналист, ничего не может понять. «В чем же разница между журналистским раем и адом?» - спрашивает ошарашенный журналист. А небесный голос ему и отвечает: «Разница в том, что те, кто в раю, успеют сдать материал, а кто в аду – нет...».

Все рассмеялись и собрались идти за отцом Борисом, но тут еще один юморист остановил группу.

– Послушайте еще. Папа Римский прибыл с визитом во Францию. У трапа его встречает толпа журналистов. Вдруг кто-то из этой толпы спрашивает:

– Ваша святость, как вы относитесь к публичным домам?

Папа думает: «Если скажу – отрицательно, напишут, что я не отличаюсь гуманизмом и всепрощением. Одобрить же это безобразие вовсе нельзя».

И решил перехитрить журналистов. Отвечает им вопросом на вопрос:

– А скажите мне, во Франции есть публичные дома?

На следующие утро все газеты пестрели огромными заголовками: «Первый вопрос Папы Римского по прибытии во Францию: «Есть ли во Франции публичные дома»?».

Все снова рассмеялись.

– А вот еще.., – снова начал было первый, но отец Борис сделал решительный жест прекратить всякое веселье. Репортеры быстро пошли к небольшой монастырской гостинице с одним-единственным желанием поскорее укрыться в тепле от этого нещадного январского мороза.

Тех нескольких тесных комнаток, бывших когда-то кельями, но до недавнего времени служивших для приюта паломников и гостей, теперь, когда монастырь разросся, уже было слишком мало. Поэтому рядом с основным корпусом, где жили монахини и послушницы, вырос небольшой, но довольно вместительный двухэтажный домик,

где отныне всем хватало места. После молитвы гости размещались тут на ночь, чтобы отдохнуть и с утра пораньше снова идти на молитву. Для паломников здесь была своя трапезная, а духовных особ размещали через отдельный вход на втором этаже. Но поскольку никого из приезжего духовенства, кроме самого отца Бориса, сейчас не было, приезжих корреспондентов тоже решили разместить в верхних покоях: решили, что так будет спокойней и для них, и для паломников, и для монахинь. Последние болезненно восприняли приезд странных шумных гостей, которые начали бесцеремонно расхаживать по всей монастырской территории, все фотографировать, приставать к монахиням и послушницам с бесконечными расспросами, что-то громко обсуждать и при этом еще громче смеяться, глядя в сторону испуганных насельниц. Пожилые монахини крестились, едва завидев идущих навстречу гостей, и спешили спрятаться за дверьми ближайшей кельи. Почти каждая трапеза, куда приглашали репортеров, к возмущению монахинь сопровождалась распитием спиртного: в репортерских сумках, кроме съемочной аппаратуры, этого добра было предостаточно. Привыкшие к светским хроникам и репортажам, избалованные вниманием тех, о ком они делали свои материалы, корреспонденты слабо представляли, что такое монастырь, тем более такой, где они находились. Для них это была обычная выездная командировка – правда, экзотичнее многих предыдущих.

Сама ж игуменья лежала больная и немощная, прикованная к постели, готовясь к исходу из этой скорбной земной жизни. Возле нее дежурили старшие сестры и послушницы, ухаживая и стараясь хоть чем-то облегчить ее физические страдания.

Все попечения о гостях мать Мария возложила на Ольгу, понимая, что лучшее нее с этой не в меру любопытной и нахрапистой публики больше никто не справится. Ей помогали три послушницы: они следили, чтобы гостей вовремя покормили, провели по территории монастыря и его окрестностям, помогли пообщаться с людьми, которые были живыми очевидцами возрождения святой обители и могли рассказать о ней. Но желающих общаться с репортерами было мало: монахини избегали популярности, всячески отнекивались, ссылаясь на свою малограмотность и стеснительность.

С особым любопытством репортеры присматривались к неотлучно бывшей рядом с ними молодой монахине Анне – Ольге.

Красивые черты ее лица, особые манеры разговора, кроткая и вместе с тем обаятельная улыбка говорили о том, что это человек с необычной судьбой, что под строгими монашескими одеждами спрятана какая-то загадка, тайна, которая привела сюда эту необыкновенную красавицу. Но на все попытки вступить в разговор на эту тему Ольга отвечала решительным отказом, умело уходя от ненужных расспросов, тем самым еще больше разжигая любопытство.

– Слушай, – в первый же вечер, когда все готовились ко сну, один из фоторепортеров солидного столичного издания обратился к своему коллеге, – тебе эта восточная красавица никого не напоминает?

– Я хотел спросить тебя о том же, - без всякого удивления ответил тот. – Мне она сразу напомнила, когда мы плавали на круизном лайнере по Атлантике, снимали фотомоделей из разных стран. Я ее хорошо запомнил.

– Еще бы, – рассмеялся фоторепортер. – Я тоже запомнил, как ты хотел ее «снять» в полном смысле. Вот не помню только, получилось или нет?

– Кабы она была там одна… А то ведь с тем… Чернявым… Туда сунься – голова враз полетит за борт. Вместе с туловищем. Эти люди не понимают юмора. Сразу за нож – и по горлянке. Кроме нее «товара» не было, что ли? Как говорится, полный трюм! Так что я своего не упустил, пока ты блювал всю дорогу от морской болезни.

– Тоха, ну и память у тебя! Верно, мне тогда поплохело зело. Что пароход, что самолет – не переношу с детства. Да ради хороших «бабок» можно потерпеть не только качку. На «бабло» там не скупились, да и такой шанс – на океанском лайнере в кругу красавиц, на халяву – не каждому выпадет.

– А ты пробовал с ней пообщаться?

– Пробовал… Все без толку. Дурочку включила, что это, мол, не она вовсе. Ничего не помню, ничего не знаю, ничего никому не скажу.

– Скажет.., – задумав что-то, возразил тот, кого звали Тоха. – Расколется. Отец Борис – мой старый кореш. Он поможет нам расколоть эту царевну-несмеяну. Не знаю как, но обязательно поможет. То-то я припоминаю, что она вдруг странно исчезла из своей столичной тусовки. Я ведь их всех знаю, меня частенько приглашают потусоваться вместе с ними, поснимать, пощелкать. Бесследно из того

круга никто не исчезает. А эта исчезла. Испарилась. Болтали разное-всякое: вроде, кто-то на зону пошел, кого-то с зоны вперед ногами вынесли… Аж интересно, каким таким чудом она здесь объявилась? Если это действительно она. А это она, без сомнения. Ин-те-рес-но…

Он подумал еще о чем-то, потом встал и пошел к отцу Борису, жившему в комнатке напротив. Без стука отворил дверь и вошел туда.

– Слушай, святой отец, – бесцеремонно обратился он к священнику, уютно расположившемуся возле светильника за чтением, – дельце есть к тебе непыльное, но весьма занятное.

Отец Борис отложил книжку и с любопытством взглянул на Тоху. Выслушав его, он согласился помочь, еще сам не зная, как.

– Ты меня заинтриговал. В монастырь идет разная публика, но если это, как ты говоришь, такая знатная особа, то… Что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее. Давай спать.

Гостям оставался еще день работы. Побегав со своей аппаратурой по всем окрестностям монастыря, они собрались на обед, чтобы сразу же после него рассовать все сумки в том же «мерседесе», который их привез сюда, рассесться самим и укатить назад. Наснимав и записав все, что было возможно, они уже тяготились строгой монастырской обстановкой и рвались домой. Чтобы отметить завершение командировки, они выставили к приготовленной для них скромной монастырской трапезе все, что привезли с собой: бутылки со спиртным, деликатесные консервы, колбасы, салаты. Ольге и ее помощницам, обслуживавшим шумных гостей, их неуемное веселье быстро стало в тягость. Гости ж, напротив, теперь не спешили вставать из-за стола, но явно растягивали удовольствие. В обстановке такого веселья выпивка быстро кончилась.

– Матушка, – обратился отец Борис к Ольге, поманив ее к себе, – как там насчет… Ну, «велие утешение». Еще бы несколько бутылочек.

– На это нет благословения настоятельницы, – не допуская игривого тона, строгим голосом ответила Ольга.

– Благословения нет? – рассмеялся отец Борис. – А как это объяснить нашим дорогим гостям? Что они подумают? Что напишут о таком, извините, хлебосольном гостеприимстве? Вы хоть представляете, какие это дорогие гости? Чтобы их пригласить сюда, нам пришлось… Короче, матушечка, проявите гостеприимство и

щедрость. Надеюсь, моего благословения для вас вполне достаточно. Более чем...

И он весело подмигнул Ольге. Но та сохранила прежнее спокойствие и строгость.

– Игуменья не благословила, – упрямо повторила она. – Я не могу ослушаться ее. И не позволю.

– Ой-ой-ой, какие мы благословенные и послушные, – теперь смех отца Бориса поддержали сидевшие рядом с ним гости, в том числе тот самый Тоха. – Хоть икону с вас пиши и молись на вас.

Он вдруг перестал смеяться и взглянул на Ольгу хитрым испытующим взглядом.

– Тогда, матушечка, я буду просить о том, на что не нужно благословения настоятельницы.

Теперь он подмигнул Тохе.

– Тут вот некоторые товарищи… Некоторым товарищам вы напомнили одну некогда известную светскую львицу. Между ними даже вышел спор: вы это или не вы? Не поможете пролить свет на истину? Если это действительно вы, то мы прямо тут, прямо сейчас организуем с вами пресс-конференцию, запишем ваш рассказ. Такой материал действительно будет иметь огромный успех.

Ольга молчала, опустив голову, стараясь спрятать свое лицо в платке. Ей тоже показалось знакомым лицо фоторепортера, который со вчерашнего дня стал приставать к ней с расспросами о ее прошлом.

– Так что, любезная матушка, – не унимался отец Борис, – тоже будем просить благословения настоятельницы? Или моего благословения вам все же достаточно?

Все снова рассмеялись, глядя на растерянность красивой монахини. Ольга ж неожиданно подошла к отцу Борису:

– Благословите, батюшка. Только мне необходимо ненадолго выйти.

– Вот это другой разговор, – одобрительно засмеялся отец Борис. – Надеюсь, вы не заставите нас долго ждать. Нам еще назад неблизкий путь.

– Я тоже на это надеюсь, – Ольга быстро повернулась и вышла из трапезной, оставив наедине с гостями своих помощниц.

Сейчас Ольга снова четко слышала внутренний голос, который был для нее подсказкой, точкой опорой именно в таких трудных,

казалось бы, безвыходных ситуациях. Она слышала и подчинялась ему, словно команде, данной свыше.

Быстро, почти бегом миновав монастырский двор, Ольга по уставу вошла в келью настоятельницы. Здесь было тепло, уютно, чисто. Перед святыми образами тихо мерцали лампадки, слегка пахло ладаном. Игуменья из-за мучавшей ее болезни ног лежала на широком топчане, не в силах не только встать, но и пошевелиться.

Ольга припала к благословляющей руке настоятельницы и горько, почти навзрыд, заплакала.

– Что это снова за слезы такие ручьем? – игуменья ласково погладила ее по голове, стараясь успокоить. Говори, рассказывай, что стряслось?

Ольга сбивчиво, всхлипывая, поведала матушке Марии об искушении, случившемся в присутствии гостей, просьбах отца Бориса.

– И что ты предлагаешь? – спросила игуменья, внимательно выслушав Ольгу и поняв ее состояние. – Чтобы к гостям пошла я и стала ухаживать за ними? Или послала кого-то вместо тебя?

В ответ Ольга снова горько расплакалась, целуя материнскую руку настоятельницы.

– Я прошу только об одном, матушка, – слезно взмолилась она, – чтобы вы освободили меня от этого послушания. От этого позора и стыда… Не по силам это мне выдержать… Выше всяких сил… Не для того я шла сюда, чтобы снова встретиться со своим прошлым…

Игуменья помолчала, все так же гладя Ольгу по голове.

– Освободить тебя… Освободить – и все. И никаких проблем, никаких искушений.

Она немного с укоризной взглянула на Ольгу.

– И никакой борьбы… Правда ведь легко и просто? Ушел с поля боя – и все. Вроде, не побежден врагом. Но и сам не победитель… Если бы все было так легко, то зачем тогда мученики, подвиги, жертва? Зачем? Христу, Спасителю нашему, тоже предлагали уйти от ждавшей Его крестной смерти. А Господь не ушел. И не сошел с креста. Его сняли… Подумай об этом. И не беги от борьбы, которая тебе послана. От своего прошлого никому из нас не убежать и не скрыться: ни за монастырскими стенами, ни в кельях – нигде. Единственный путь – это борьба.

– Борьба?.. – прошептала Ольга, вникая в смысл слов игуменьи.

– Да, борьба… И только борьба… Беспощадная к этому прошлому. Его надо втоптать, растоптать, вырвать с корнем. Выжечь каленым железом, чтобы и следа не осталось. Тогда ты – победитель, а не позорно бежавший с поля боя солдат. Или отсидевшийся где-то в тылу писарь, пока другие на передовой сражались, получали ранения и награды…

– Я.., - Ольга хотела еще о чем-то спросить настоятельницу, но не стала, поняв, чего та ожидала от нее: поступка.

От игуменьи Ольга быстро направилась в свою келью. Там взяла лежавшее на столике возле окна Евангелие и раскрыла его.

«И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее, – вполголоса стала читать она, – лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь не умирает, и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огнь неугасимый, где червь их не умирает, и огнь не угасает. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает, и огнь не угасает. Ибо всякий огнем осолится, и всяка жертва солью осолится…».

– «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его...», – также вполголоса повторила Ольга, прикрыв книгу. – А если ты соблазняешь чей-то глаз?..

В полном отрешении она нагнулась под стол, достала оттуда утюг и включила его. Несколько минут она смотрела на него, ни о чем не думая. Потом брызнула на него несколько капель воды, стоявшей рядом для полива цветов на подоконнике: вода зашипела, мгновенно превратившись в густой пар.

– «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его…», – снова повторила Ольга, теперь уже шепотом, почти одними губами.

Потом, взглянув на образа, медленно перекрестилась:

– Господи, прости меня, грешницу. Не хочу, не хочу больше ни для кого быть соблазном. Прости меня…

И, взяв раскаленный утюг, быстро приложила его к правой щеке. К удивлению, она не почувствовала не только боли, но и жжения. Лишь кожа на щеке зашипела, и от нее пошел удушливый запах горелого мяса. Оторвав утюг, Ольга так же быстро приложила раскаленное железо до левой щеки. И снова услышала шипение расплавленной кожи и тошнотворный запах горелого человеческого мяса…

Странно, но Ольга сохраняла абсолютное спокойствие и самообладание. Словно сделав самое обычное, обыденное дело, она выключила утюг, поставила его на место и, даже не взглянув на себя в маленькое зеркальце, снова закуталась в платок и пошла к гостям.

Войдя в трапезную, Ольга увидела, что веселье было в полном разгаре. На столе появилось еще несколько откупоренных бутылок. Все ожидали возвращения загадочной монахини. Несколько репортеров даже расчехлили свои камеры и установили возле отца Бориса микрофоны, готовясь пригласить Ольгу к разговору.

– О, вот и наша Гюльчатай возвратилась! – громко рассмеялся Тоха в ожидании развязки. – Ну-ка, ну-ка, открой нам свое личико!

Ольга стояла перед возбужденными гостями, не снимая платка, в котором была закутана. Только сейчас она стала чувствовать нарастающее жжение на лице, словно к нему приложили раскаленные угли.

– Смелее, матушка, смелее, – снисходительно улыбнулся отец Борис. – Тут все свои. Не стесняйтесь.

Стараясь не потерять самообладания, Ольга глубоко вдохнула и сорвала с себя шерстяной платок…

Одна из гостей-женщин, без умолку хохотавшая все застолье, слабо вскрикнула и потеряла сознание. Следом за ней лишилась чувств еще одна неподалеку. Отец Борис страшно побледнел и поднялся из-за стола. Вся остальная компания, глядя на изуродованное, в страшных волдырях и кровоподтеках лицо смиренно стоявшей перед ними молодой монахини, сидела на своих местах в полном остолбенении. Никто не знал, что говорить и что делать.

– Я готова.., – тихо сказала Ольга, глядя на отца Бориса. – Какие у прессы будут вопросы?

В ответ никто не мог проронить ни слова. Ольга выждала паузу.

– Что? Вопросов нет? – превозмогая боль, она слабо улыбнулась. – Тогда благословите убирать со стола.

И, кивнув своим помощницам, вышла из трапезной.

Возвратившись в келью, она застонала от страшной боли и упала на свою кровать. Следом робко вошел отец Борис в сопровождении старенькой монахини Пелагии.

– Сестра.., – сдавленным голосом прошептал отец Борис, подойдя к Ольге и тронув ее за руку. – Зачем ты сделала это?

Ольга все так же стонала, уткнувшись лицом в подушку.

– Зачем?.. Зачем ты сделала… с собой… вот так…

Не показывая изуродованного лица, Ольга слегка повернула голову к стенке и тихо ответила:

– Простите меня, батюшка… Простите и помолитесь за меня, грешницу великую. Это все мои старые грехи… Мое прошлое, которое преследует меня. Моя прежняя жизнь… Простите…

И тихо всхлипнула.

О происшедшем мгновенно узнали все – и монахини, и послушницы, и паломники. Всем было интересно разузнать подробности и самим увидеть то, на что отважилась Ольга. Когда к монастырю приехала вызванная срочно «скорая помощь» с бригадой врачей-специалистов по термическим ожогам, возле корпуса, где жила Ольга, собрались все, в том числе и корреспонденты. Среди последних не было только двух: Тохи и его друга, с которым они обсуждали личность загадочной монахини со знакомым им лицом. Оба они сидели в автобусе в глубоком молчании, боясь что-то сказать или как-то оправдаться перед своей совестью и компанией. Им было страшно стыдно и больно за свой поступок.

4. «НАЧНИ, БРАТ…»

Ольга снова попала в ту больницу, где уже однажды была, когда ее привезли прямо из леса с пулевым ранением в спину. Но теперь ее жизни опасность не угрожала. Лишь от прежней красоты не осталось и следа: все покрылось жуткими шрамами и рубцами, превратившими лицо в сплошную язву, не вызывавшую ничего, кроме отвращения и

содрогания. Кто-то из хирургов предложил Ольге услуги солидной частной клиники, занимавшейся пластической хирургией, дав при этом понять, что эта операция будет недешевой, но Ольга наотрез отказалась. Пока врачи и навещавшие ее сестры-монахини ахали и охали при виде ее шрамов, сама она ощущала необъяснимо легкое, благодатное состояние, какое бывает, когда человек вдруг освобождается от внутренней тесноты и гнета. Она пребывала в состоянии внутренней тихой радости, которой хотелось поделиться со всеми, кто приходил утешить ее, подбодрить, успокоить, чем-то помочь.

Отец Борис, больше всех смущенный тем, что произошло, просил журналистов не рассказывать об этой истории, но она все равно просочилась в народ, начав обрастать уже выдуманными подробностями и деталями. О монахине Анне стали говорить как некой подвижнице, страдалице, чуть не мученице наших дней, ее хотели увидеть, просить молитв, советов. Но врачи следили за тем, чтобы покой их необычной пациентки не нарушался чрезмерно любопытными посетителями, строго ограничив уход за нею лишь несколькими монахинями и послушницами.

Настоятельница ж монастыря игуменья Мария, узнав о поступке своей воспитанницы, ушла в еще более глубокие духовные раздумья и молитву.

– Слава Тебе, Господи, – тихо говорила она в ответ на причитания сестер, приносивших нерадостные вести от лежавшей в больнице Ольги, – укрепи нас, Владыка, в вере Твоей святой. Не дай нам отступиться от нее, дай непостыдно жить и предстать пред Тобою…

Сама игуменья была слишком слаба, чтобы повидаться с Ольгой в больнице, поэтому ждала ее возвращения в обитель, твердо положившись да волю Господню, молитвенно прося дожить до этого дня.

Слух о случившемся дошел и до Мишки. Он немедленно собрался к Ольге в монастырь, но, узнав, что та уже неделю лежит в больнице, отправился навестить ее.

– Как жаль, что меня там не было, – сокрушался он, разузнав подробности той истории, – я бы этим корреспондентам такое «интервью» дал… Всем вместе и каждому в отдельности.

– Не надо, братик, – слабым голосом успокаивала его Ольга, не в силах даже улыбнуться: все ее лицо было забинтовано, а рубцы и шрамы стянули кожу лица до полной неузнаваемости. – Я думала, что уже окончательно порвала со своим прошлым, а оно видишь, как… Теперь одним мостом в то прошлое стало меньше. Сгорел он. Вместе с моей красотой писаной…

Мишка понимал, что после того, как бинты будут сняты, рубцы от ожога останутся на всю жизнь. Этих следов он насмотрелся, пока воевал и видел тех, кто горел в огне. Да и сам был меченым тем огнем: его левое плечо тоже было в шрамах – память о первых уличных боях, когда их батальон первым кинули на штурм Грозного. Но то была война, а на ней воевали бойцы, готовые ко всему, даже к встрече со смертью, а тут перед ним лежала молодая красивая женщина, своими руками изуродовавшая себе лицо, которым восторгалось, пленялось столько людей.

Мишка не знал, зачем она сделала это? Он не знал, чем, какими словами теперь утешить Ольгу. Хотя видел, что она не нуждалась ни в чьих словах утешения: она была в приподнятом, бодром, даже радостном настроении, словно в ней родилась новая жизнь.

– Неужели нельзя было как-то иначе? – Мишка смотрел на Ольгу, пытаясь понять тайну ее внутреннего состояния.

– Нельзя. Наверное, это как в бою. Я не воевала, а тебе должно быть понятно.

Она улыбнулась сидевшему рядом Мишке добрым взглядом.

– Вот, представь, готовится сражение, бой. Все готово к бою, а ты раз – и в кусты.

– Я? – изумился Мишка. – В кусты?

Ольга беззвучно рассмеялась.

– Вот-вот, я ж говорила, ты все поймешь. Коль вышел на поле боя – нельзя уходить, бежать в кусты. Надо сражаться. И побеждать.

– А причем тут поле боя? – Мишка недоуменно посмотрел на Ольгу.

– А притом, что я внезапно оказалось на этом поле. Может, кто-то заманил меня туда, не знаю. Но я вдруг почувствовала, что должна сразиться. Сама с собой. Понимаешь? И это было самым трудным для меня сражением. Разве можно было бежать?

– Конечно, нельзя, – в раздумье согласился Мишка.

– А я бежала. И сколько раз в своей жизни бежала, когда надо было воевать, сражаться. Бежала… А теперь вдруг поняла, что дальше бежать просто некуда. Или побеждай, или погибай.

Мишка молчал, примеряя Ольгины размышления к своей жизни. Сколько раз он бежал с поля битвы, когда надо было сразиться? Сразиться вот так бесстрашно, как это сделала Ольга.

– Все равно не пойму, – задумчиво сказал он.

– Что? Что именно?

– Зачем так было уродовать себя? Ведь это на всю жизнь отметина…

Ольга тронула сильную Мишкину руку.

– А что такое наша жизнь? Миг. Миг – и все, нет ее, жизни. Как лампадка, что горит на ветру. Дунул ветерок чуть сильнее – и погас огонек. Так и жизнь наша: красота, здоровье, богатство, почести, слава, мишура разная. Сейчас есть, а завтра…

Мишка снова замолчал, углубившись в свои думы.

– Я не знаю, способен ли был сделать это над собой…

– Способен, – Ольга слегка пожала его ладонь. – Я знаю. Может, в чем-то другом, но способен. Помнишь, как ты спас меня от моих старых дружков? Кто-то другой шмыг в кусты, а ты в бой. Это великий поступок. А Дарина? Тебе это имя ни о чем не говорит? Ведь я точно знаю, что тот смельчак, о котором она мне рассказывала с таким восторгом, был именно ты. Просто у каждого из нас свое поле битвы.

Мишка спрятал улыбку, уклонившись от разговоров о Дарине и про их таежные приключения. Тем более что эта девочка уже уехала из монастыря, совершенно исцелившись от мучавшего ее недуга и готовясь к свадьбе.

– Думал, не догадаюсь? Дарина мне все уши прожужжала о том, какой ты герой. Тут и догадываться было нечего, о ком это она. Я даже стала подумывать, нет ли между вами чего более серьезного, но она открыла мне тайну о своем женихе, против которого был настроен ее отец. Теперь он согласился с ее выбором. Так что жди приглашения на свадьбу. Или к своей готовишься?

Мишка кисло ухмыльнулся.

– Какой из меня жених?.. Так, одно недоразумение.

– Самый что ни на есть лучший!

– Нет, мне, видно, тоже еще повоевать надо, – Мишка с улыбкой взглянул на Ольгу.

– Неужели не надоело? – теперь изумилась Ольга.

Мишка слегка пожал ее руку.

– В горячих точках надоело. А с самим собой я еще по-настоящему и не начинал сражаться. Чтобы вот так… Без всякой жалости к себе…

И он кивнул на забинтованное Ольгино лицо.

– Так начни, брат, – тихо согласилась с ним Ольга. – Начни.

– Не знаю, хватит ли пороха, чтобы взорвать все мосты, что связывают меня с моим прошлым. Хватит ли веры… Не знаю.

Мишке хотелось подольше побыть с Ольгой, и ту, похоже, их встреча совершенно не утомляла. Она сделала глоток минералки из стоящего рядом на тумбочке стакана и тихо начала:

– Я ведь тоже пришла в монастырь.., – Ольга вздохнула и прикрыла глаза, вспомнив свою жизнь. – Ты ведь сам знаешь, откуда я пришла, что у меня за плечами. Какая там вера?.. Ничего не знала, ничего не умела. Да и сейчас, если честно...

Ольга чуть улыбнулась и махнула рукой.

– Все, чему научилась, – все здесь, в обители. Думала: ну, поживу, приду в себя после всего, что в моей жизни было – и снова на волю, на вольный ветер. А теперь поняла, что та воля пуще неволи. Я себя без монастыря уже не представляю. Пусть что угодно говорят, а монастырь… Слава Богу, что Он привел меня, грешницу, сюда, в это святое место.

Ольга замолчала. Потом с улыбкой взглянула на Мишку.

– У нас в монастыре недавно батюшка один живет и служит, – ей очень хотелось помочь Мишке разобраться в себе. – У него интересная судьба. Вроде твоей. Лихая судьба. Ты встреться с ним, пообщайся. К нему многие за советом, за помощью идут. О таких людях слава быстро растет. Сходи, побывай у него. Любого спроси, как к отцу Лаврентию попасть, тебе обязательно покажут.

Мишка так и сделал. Повидавшись с Ольгой, он прямо из больницы отправился в монастырь.

5. ОТЕЦ ЛАВРЕНТИЙ

Отца Лаврентия не пришлось долго искать. Он жил в том же небольшом корпусе, где служил монастырской гостиницей для духовных особ и где размещали священномонахов, служивших при монастыре. Отец Лаврентий занимал маленькую угловую комнатку, двумя окнами выглядывавшую на величественный храм и открывавшийся за ним не менее величественный богатырский лес.

Келейная обстановка, окружавшая священника, была предельно скромной: шкаф, забитый духовными книгами, такая же переполненная книжная полка, старомодный, сбитый из фанеры, стол, шкаф для одежды и такая же старомодная кушетка, на которой отец Лаврентий отдыхал ночью, а иногда и днем, давая небольшой отдых натруженным ногам.

Большой иконостас, размещенный как раз между двух окон, был всегда – и днем, и ночью – освещен лампадами, а перед образом преподобного Лаврентия Черниговского - покровителя самого отца Лаврентия, в честь которого он был пострижен в монахи, - сияла большая серебряная лампада, а сам образ был одет в инкрустированную серебром раму.

Но первое, что бросилось в глаза Мишке, когда отец Лаврентий отворил ему дверь и пригласил вовнутрь своего скромного жилища, был макет боевого истребителя, примостившегося на краю книжной полки.

– О, знакомый «мигарь»[75]! – Мишка не смог сдержать удивления.

– И откуда он тебе знакомый, позволь полюбопытствовать? – в свою очередь, отец Лаврентий удивился осведомленности своего гостя. – На летчика ты, вроде, не похож. Такого богатыря в кабину пилота разве что втиснуть можно, согнув перед тем в три погибели.

– Да я и не летчик вовсе, – улыбнулся Мишка, взяв благословение у отца Лаврентия и проходя в его келью. – Но видел, как эти машины в бою работают. Они нам часто на выручку прилетали.

– Никак воевал? – еще больше удивился отец Лаврентий.

– Так не только я.., – Мишке не хотелось снова рассказывать о своих боевых похождениях. – Такое время сейчас. То тут, то там кто-то с кем-то воюет…

– Это верно, – вздохнул отец Лаврентий, – то тут , то там… Не там, так еще где-то. И не видно, когда воцарится мир и согласие на этой грешной земле.

Он пригласил Мишку присесть к столу, сам присел на край кушетки, чтобы лучше видеть гостя и ласково посмотрел на него, стараясь понять, что его привело сюда.

Не зная, с чего начать, Мишка взглянул на отца Лаврентия. Ему было уже за пятьдесят, с аккуратно ухоженной черной бородой, через которую заметно пробивалась седина, и такими же волосами, стянутыми назад спрятанной за подрясник косичкой. Глаза священника – крупные, открытые – светились добром и тем благодатным внутренним состоянием покоя, тишины, которое царило в его душе. Его руки неторопливо перебирали вытертые до блеска старые монашеские четки.

Мишка кашлянул в кулак и снова взглянул на макет истребителя.

– Это подарок от моих полковых друзей, – отец Лаврентий поднялся и взял с полки самолет. – Я как раз на таком летал. Много летал…

Поставив макет на место, отец Лаврентий продолжил:

– Я ведь не всегда монахом был. Перед тобой – целый подполковник Военно-Воздушных Сил, боевой летчик, признанный мастер воздушного боя и пилотажа.

– А как же?.. – вырвалось у Мишки.

– А так же, - улыбнулся в ответ отец Лаврентий. – Как и у многих других. Один был богатым князем, другой – богатым и единственным наследником у своих родителей, третий – известным хирургом, четвертый – известным певцом. А я вот, хоть и не слишком известным, но все же первоклассным летчиком-асом. И все мы решили стать самыми что ни на есть смиренными монахами: без славы, без богатства, без почестей. Вот так однажды взглянули на свою жизнь – и решили начать новую. Монашескую.

– А как же?.. – снова вырвалось у Мишки, которому показалось, что сидящий напротив священник без лишних расспросов понимает, зачем он пришел сюда.

– А так же, – опять улыбнулся отец Лаврентий. – Одни идут в монастырь замаливать грех велик, другие ж идут, потому что без Бога жить не могут. Потому и оставляют мир. Каждый сюда приходит своим путем, а вот отсюда – только одним. И только вместе. Раз воевал, то сам должен понять, как лучше выжить: в одиночку или всем вместе, сообща, когда идешь по незнакомым дорогам, а на каждом шагу опасности, каждая новая тропа все круче и круче, того и гляди – сорвешься в пропасть, на скалы… Понимаешь?

В ответ Мишка кивнул головой.

– Да и группой не всегда достигнешь цели. Группы ведь разные бывают. Там паникеры, там свои советчики: мол, не туда идем, давайте возвращаться назад… А там оказывается, что пастырь вовсе слепой: ведет и сам не знает куда. Так-то… Спасаться во все времена нелегко было, а сейчас времена вовсе лукавые настали. Настоящих опытных наставников днем с огнем не нейти, зато иные сами в «старцы», в «прозорливцы» лезут, от них и не отобьешься. Смотришь порой и не поймешь: то ли недоверие оттого, что доверять некому, то ли есть все же достойный доверия, да доверяющихся мало.

Мишка все так же молчал, внимательно слушая отца Лаврентия.

– Ты не думай: монастырская жизнь не такая уж гладкая, как может кому-то показаться. Здесь свои пропасти и свои опасности, на каждом шагу, каждый день. Но путь монашеский – он незаблудный. Потому многие достигли Бога. Возлюбили Его всем сердцем, отказались от мира сего – и достигли. Только эта любовь всегда и у всех огнем испытывается. Оттого не все выдерживают этого пути. Падают с неба, как…

Отец Лаврентий взглянул на истребитель:

– Как с этой боевой машины. Когда двигатель отказывает. Или иная беда приключится.

Он поднялся и включил чайник, чтобы угостить гостя, по-прежнему ни о чем его не расспрашивая.

– Вот смотрят мирские люди на нас и думают: чего их занесло сюда? Здоровые, крепкие мужики еще, сколько пользы могли принести, сколько детей нарожать, помочь ближним, а они надели черные рубища – и в монастырь. Верно? Да что там мирские… Спроси иного монаха, монахиню, что привело их сюда – не сразу ответит. Или

вообще промолчит. Это иногда даже лучше. Иова Многострадального читал?

Мишка снова молча кивнул.

– Вот ведь как интересно! Какие тяжелые недоумения терзали его душу, а никто из друзей – умных, рассудительных, верующих – не мог утешить его мудрым ответом. А ведь такой ответ и не мог родиться в холодном рассудке. Господь испытывал сердце праведного Иова, оно очищалось этим испытанием, а разум просто не успевал. И что получалось? Иов задавался недоуменными вопросами, а из уст своих добрых друзей слышал мудрые сочувствующие ответы. Но в итоге выше и праведнее оказался кто? Иов. Вот так и многим свойственно недоумевать, глядя на нас, вздыхать, охать, ахать, задавать кучу умных вопросов…

Отец Лаврентий разлил в два стакана кипяток, бросил туда по щедрой щепоти заварки и улыбнулся.

– Когда я решил уволиться со службы и уйти в монастырь, меня даже самые близкие друзья посчитали сумасшедшим. О родных и говорить нечего. Те были шокированы настолько, что прямо-таки настаивали на том, чтобы устроить мне экспертизу опытного психиатра. Еще бы! Офицер, боевой летчик, прекрасный послужной список, куча наград, благодарностей от командования, спецкомандировка на Ближний Восток, блестящая офицерская карьера, хорошие связи в штабе армии – и ни с того, ни с сего в монастырь. Никто не верил, что я решился на это в здравом рассудке. Никто! Все были уверены, что я умом тронулся, настаивали на консультации психиатров. Сумасшедший – и все тут! Знали, что человек я верующий, не сяду в самолет и не взлечу, не перекрестив лба, но чтобы в монастырь... Между прочим, меня из-за этого в свое время в коммунисты не приняли. И слава Богу. Как только не отговаривали, как не убеждали! Дескать, воздушный ас, а летает с иконкой и крестиком. Не могли понять. А смеху, смеху-то сколько было!

Мишка тоже улыбнулся, вспомнив, какие разговоры пошли по деревне, когда все узнали о его поездке в монастырь, а позже о дружбе с «погорельцами».

– Знакомо, да? – отец Лаврентий похлопал Мишку по плечу.

Размешав сахар, он отхлебнул ароматно заваренный чай.

– Я уже послушником был, когда нужно было смотаться на пару дней в городок, где стоял наш полк, уладить кое-что с документами, выписаться. Позвонил старым друзьям, чтобы помогли все ускорить. Те ж решили помочь по-своему. Захотели вернуть к старой, как им казалось, нормальной жизни. Никто не мог понять, что меня толкнуло на такой шаг. Кому-то казалось, что я сломался в личной жизни – у меня тогда действительно семья распалась. Вот и думали, что со мной приключилась депрессия, какое-то отчаяние, меланхолия, я потерял здравый взгляд на мир или же вовсе потерял рассудок. Конечно, они помогли мне. Нашлось время обо всем потолковать на прощанье. К прежней жизни я уже решил не возвращаться, только монастырь. Если бы ты видел, как смотрели на меня мои друзья! Как на человека, которому осталось жить считанные дни. Или даже как на приговоренного к смертной казни.

Мы искренно жалели друг друга: они меня, я – их. Они жалели, что безвозвратно теряли своего закадычного друга, с кем прослужили столько лет, вместе ели, пили, веселились, обмывали очередные звездочки на погонах и награды. А я жалел их. У меня было сильное, ясное чувство, что я наконец-то обрел настоящую свободу, как мой истребитель, когда я с разгону вгонял его свечкой в бескрайнее небо или же падал с высоты, паря над землей.

Им казалось, что я еду в камеру смертников, ложусь живьем в могилу, а мне, наоборот, казалось, что я вырвался из этих удушливых камер на волю, где можно дышать полной грудью, наслаждаться ароматом цветущих деревьев. Как я мог объяснить им свое состояние? Как мы могли понять друг друга?..

Он вздохнул и снова пригубил горячий чай.

– Да, вкусив монастырской жизни, я уже не представлял себе ничего иного, кроме монашества. А мои друзья-однополчане… Они были мне очень дорогими людьми – очень преданными, искренними в дружбе, надежными боевыми друзьями, но… Я видел, что отныне они не понимали меня. Они возвращались в тот коридор, из которого вышли, чтобы проститься со мной. В том коридоре всегда полно народа, который куда-то спешит, суетится, все толкают друг друга, ругаются, торопятся поскорее уйти с головой в свой мирок, напоминающий больше большую свалку или мусорную яму, где полно разных ярких оберток, безделушек, фантиков, жестянок. Там все

прокурено, пропитано дымом табака, запахами хот-догов, вина, разных лекарств, дезодорантов, но им это нравится. Там все вокруг ревет, скрежещет, сверкает, пляшет, беснуется, а им это нравится. Там все смотрят на тебя, но не видят: по-настоящему ты никому не нужен, а если и нужен, то ненадолго и не за просто так. И вот мои лучшие друзья возвращались в тот страшный мир. Кто кого должен был жалеть?..

Мишке не хотелось перебивать отца Лаврентия. Он слушал и примерял его слова к собственной судьбе, собственной жизни.

– Какие только доводы они не приводили, чтобы отговорить, удержать меня в своем мире. «Куда ты собрался, безумец? – говорили они. – Там все по расписанию, как в солдатской казарме: есть, пить, спать, вставать ни свет, ни заря. Во всем дикие ограничения, какие-то уставы, все под строжайшим контролем, нет даже выходных, чтобы хоть не на долго побыть самим собой и повольничать. На все запрет: посидеть с друзьями за кружкой пива – нельзя, посмотреть новый фильм – нельзя, полазить в интернете – нельзя, послушать новый диск – нельзя, почитать интересную книжку – нельзя, познакомиться с девушкой – нельзя. И кругом – нельзя, нельзя, нельзя… Во всем нужно перед кем-то отчитываться, в чем-то каяться. Даже то, о чем ты думаешь, надо строго контролировать и кому-то давать отчет. И это не тюрьма? И это не рабство? Да в тысячу раз хуже и страшнее любой тюрьмы и любого рабства! О, бедный, бедный наш друг!..».

Вот так смотрели на меня не только близкие друзья, но и все дорогие мне люди, узнав о том, что я решил порвать с многообещающей офицерской карьерой и стать монахом. С таким ужасом и сожалением смотрят и сейчас на идущих в монастырь, особенно таких молодых, как ты.

Отец Лаврентий ласково взглянул на Мишку.

– Смотрят, небось, на такого парнягу-красавца и думают: «Зачем он себя живьем хоронит? Зачем эта средневековая дикость? Ведь мы современные люди, а не дикари какие-то дремучие. В каждом из нас столько необычного, нового, неповторимого, столько красоты и гармонии. Зачем же это подгонять под какой-то примитивный серый шаблон, ограничивать или вовсе подавлять? Зачем человека превращать в подобие жалкого холопа, раба, который только и способен падать на колена, молиться, стенать, в чем-то беспрестанно

каяться, просить прощения, быть в прямой зависимости от настоятеля и его воли? Одинаковые черные одежды, одинаковые длинные волосы, бороды, монотонная однообразная жизнь, повторение днем и ночью, изо дня в день, из года в год одних и тех же молитв, чтение одних и тех же книг… Ведь при таком образе жизни человек превращается в некоего робота, машину, покорного раба, не имеющего права ни на собственное суждение, ни на собственное слово, лишь повторяющего и повторяющего чьи-то чужие слова и мысли. Чем тогда монастырь отличается от казармы, всяких там тайных обществ и сект, где человека напрочь лишают его индивидуальности? Неужели такая жертва и впрямь угодна Богу?».

Впрочем, так думают не только о тех, кто решил порвать с миром и уйти в монастырь. Эти мысли частенько посещают и незрелых духом монахов. Пришли в монастырь – и терзаются, мучаются, потому как не знают, с чем и зачем пришли сюда.

Мишка боялся перебить отца Лаврентия. Его мысли прямо отвечали на те вопросы, сомнения, с которыми Мишка пришел сюда.

– Если бы человек не отпал от Бога и не заявил: «Я сам!», он получал бы от своего Творца все необходимое и был по-настоящему свободен как личность. Его личность тогда б раскрывалась не в дисках, не в сериалах, а действительно Божественном, прекрасном, бесконечном. Но человек сам ограничил себя, сузил свой мир, в котором сам же мечется, мечется, создает каких-то кумиров, то стонет, плачет, то хохочет, куда-то рвется – то ввысь, за облака, то в океанскую бездну, разглядывает некий смысл в звездах и снова мечется, стонет… А люди смотрят на все это и с восторгом говорят: «Какая удивительная личность! Какая судьба! ».

Не понимают, не ведают, где и в чем обретается истинная свобода. Потому-то и смотрят на идущих в монастырь как на сумасшедших или самоубийц. Не понимают они, что тут все как раз для того и создано, чтобы человек меньше всего заботился о земном, а стремился ввысь и ввысь, как наш «мигарь».

Отец Лаврентий с улыбкой взглянул на самолет.

– Конечно, монашеская жизнь тоже разная бывает, – он снова стал сосредоточенным. – Есть монахи чисто внешние, а есть истинные. Если правильно себя настроить, правильно вести, то жизнь в монастыре в любом случае гораздо удобнее для того, чтобы оторваться

от лишних, совершенно ненужных суетных земных пристрастий и возвышаться к подлинно духовному.

Он вздохнул и стал еще более сосредоточенным.

– Да, многим хочется чем-то прославиться, отметиться, оставить память, след на земле. Но ведь след-то этот на песке, а волны времени смывают его. И ничего не остается. Только сам песок, на котором другие стремятся увековечить себя. А ведь душа для того и приходит в сей мир, чтобы спеть одну-единственную песнь, и в нее-то вложить всю свою неповторимость, уникальность, единственность. Чтобы всем было слышно, понятно, кого она славит, о ком поет, о какой любви говорит… К сожалению, человек часто превращает эту дивную песнь в скотское завывание, некое жалкое мычание, блеяние. Так и кричит куда-то в пустоту, воет, кривляется и называет все это своей свободой. Нет, я считаю, бежать надо от такой свободы. Без оглядки бежать!..

Отец Лаврентий замолчал и ласково посмотрел на своего гостя.

– Разговорился я что-то, – он плеснул в оба стакана кипятка. – Совсем забыл поинтересоваться, с чем пришел мой гость. Иль какие вопросы недоуменные есть?..

– Вы мне на них уже ответили, – смущенно улыбнулся Мишка и встал под благословение отца Лаврентия.

6. «КОНЕЦ СВЕТА»

Весна пришла рано и очень дружно. Южный ветер нагнал тепло, за несколько недель растопив промерзшие болота и превратив их в настолько непроходимые, непролазные топи, что найти тут брод мог лишь старожил. Даже Мишка с его здешним опытом и чутьем не рисковал брести по колено в холодной воде, боясь угодить в опасные места на болотистом дне, откуда без посторонней помощи уж не выбраться ни одному смельчаку. Разлившаяся речка вместе с ожившими болотами окончательно отрезали «погорельцев» от внешнего мира, а добраться сюда теперь можно было или со стороны леса, что было крайне неудобно и утомительно, или на лодках, имевшихся почти в каждом деревенском дворе.

Была еще причина, по которой он не хотел лишний раз нарушать затворническую жизнь хуторян: он чувствовал, что странные, таинственные «погорельцы» становились еще более таинственными,

замкнутыми, что-то тщательно скрывая, маскируя. Они все так же ходили в ближний храм, даже еще ревностнее, вызывая не просто радость, а восхищение настоятеля, который не переставал ставить их в пример всем остальным прихожанам и жителям окрестных деревень. Но, возвращаясь к себе, они снова ставали внутренне неприступными, закрытыми. Все так же, всей общиной, они закрывались в молельной комнате, где истово молили ведомых лишь им «пещерников», стараясь подражать им в строгой, аскетической жизни, непрестанной молитве, строжайших запретах на все, что могло хоть как-то поколебать их устав и вызвать гнев Кормчего. Сам Кормчий требовал от общины неукоснительного подчинения, выведывая у каждого его помыслы, тайные желания, недоумения. Такая исповедь в общине была ежевечерней и совершалась после совместной молитвы у таинственного образа древних «пещерников»: Кормчий облачался в одежды схимника и, затворившись за образом, там до глубокой ночи принимал исповедь, приносимую ему хуторянами в горючих слезах, стонах, рыданиях и раскаянии.

Кто-то видел «погорельцев» в лесу: они шли цепочкой, в глубоком молчании к провалам, через которые открывались лазы в пещеры. Что их влекло туда – никто не знал.

Единственный человек, тосковавший на хуторе за Мишкой, был Андрейка: ему так не хватало мужского общения, мужского тепла, которые он ощущал, бывая со своим старшим другом. Теперь, когда болота раскисли и разлились, он был лишен возможности бегать в деревню и по нескольку дней гостить у Мишки, а тот не спешил на хутор, чтобы не вызывать лишних подозрений и ропота.

После встречи с отцом Лаврентием он почувствовал, что мысли, доселе беспорядочно, хаотично роившиеся в его голове, неожиданно обрели некую стройность, порядок. Ему казалось, что, бродя в некоем лабиринте, он вдруг увидел, как впереди забрезжил свет, и теперь он шел к нему, а все, что его окружало непроглядным мраком, холодом, пугало своею неизвестностью, становилось яснее и яснее. Мишке не хотелось разрушать начавшуюся в нем работу мысли в совершенно новом направлении, которое ему открылось в разговоре с отцом Лаврентием, а посещение «погорельцев», он чувствовал, могло этому помешать.

И еще ему не давал покоя разговор с Андрейкой, когда тот незадолго до весенних паводков и распутицы прибежал к нему в гости.

– Дядя Миша, я вам одну тайну открою, – заговорщически зашептал он, прижавшись к Мишкиному плечу, – только ж вы меня не…

– Запомни: Спецназ своих не сдает и в бою не бросает, – он обнял мальчонку, – валяй свою тайну.

Андрейка сложил свои ладошки трубочкой и зашептал Мишке на ухо:

– Скоро конец света. Очень скоро. На днях…

Мишка обнял мальца и рассмеялся:

– Это кто – грачи, что ли, на крыльях вместе с весной такую новость вам принесли? Или по телеку передали вместе с прогнозом погоды на завтра?

Но Андрейка испуганно зажал Мишке рот:

– Не надо смеяться… Будет. Кормчий объявил…

Мишка рассмеялся еще громче.

– Кормчий? Объявил?

Мальчонка снова закрыл Мишке рот, посмотрев на него умоляющим детским взглядом:

– Дядя Миша, вы ж обещали… Вдруг услышат…

Мишка обнял своего друга, стараясь успокоить его:

– Вот и пусть слышат. Конец света ведь, а не конец фильма по телеку. Пусть все люди подготовятся к этому событию. Зачем молчать?

Андрейка всхлипнул:

– Этого всем людям нельзя знать. Я только вам, по большому секрету… Чтобы вы тоже… Вместе с нами…

– Что я тоже вместе с вами? Кормчему вашему поверил?

– Не надо смеяться.., – снова всхлипнул Андрейка. – Я хочу, чтобы вы тоже спаслись вместе с нами…

– И где я спасусь вместе с вами? – стараясь сдержать смех, чтобы еще больше не расстроить мальчишку, осторожно спросил Мишка. – На вашем хуторе?

– Нет, не там… Но это такая тайна… Такая, что…

-– Что даже мне, твоему лучшему другу-десантнику, нельзя открыть?

Андрейка обнял Мишку.

– Моя мама вас любит…

Мишка перестал смеяться и серьезно посмотрел на своего маленького друга.

– Это и есть твоя тайна? В таком случае я открою тебе свою тайну: я тоже люблю твою маму. И тебя люблю. Вы мне очень дороги. И запомни: я никому не дам вас в обиду.

Мальчонка взглянул на Мишку полными слез глазами:

– Тогда почему вы не хотите стать моим папой?.. Почему нам не жить вместе? Там… Или здесь… Я на все согласен, лишь бы вместе: вы, мама и я…

– И ваш Кормчий, – хохотнул Мишка, но тут же перешел на серьезный тон:

– Видишь ли… Вы мне очень дороги и я люблю твою маму. Но люблю… Как тебе все объяснить? Любить можно по-разному… Ты еще слишком мал, чтобы понять это. Но знай, что я вас очень люблю: тебя и твою маму.

Они оба замолчали.

– Так что там насчет конца света? – решил перебить молчание Мишка, почувствовав в голосе мальчишки неподдельную тревогу. – Пора сухари сушить?

– Не надо смеяться… Я ж серьезно… Только вам. Если наши узнают, что я… То мне Кормчий…

– Что вы все со своим Корчим, как с писаной торбой? – не сдержался Мишка. - Нашли себе авторитет.

– Он не авторитет, – прошептал Андрейка.

– Тогда кто? И зачем вы его за пахана держите?

– Он – святой.., – выдохнул мальчонка.

Мишка снова расхохотался, на что Андрейка обиженно посмотрел на него и отодвинулся.

– Ладно, ладно, – Мишка обнял мальчонку. – Святой так святой. Что он там еще о конце света напророчил? Когда ждать-то этого конца? Говоришь, скоро?

– То не я говорю, а Кормчий. Он все знает. Ему все открыто. Совсем скоро будет конец всему… Мы уже готовы, а другим знать необязательно. Они и так погибли давно. Кормчий сказал…

Мишка не стал переубеждать упрямого друга.

– А чего тогда врешь? – пробурчал он.

– Я не вру, – всхлипнул Андрейка. – Честное слово, не вру. Кормчий сказал, что совсем скоро… Надо быть готовыми.

– Да не о том я, – улыбнулся Мишка, глядя на доверчивость мальца. – Разве не врешь, когда говоришь, что хочешь, чтобы мы были вместе: ты, я, твоя мама?

– Конечно, не вру. Не вру! Вместе конец света не так страшно ждать.

– Опять двадцать пять, – махнул рукой Мишка. – Я ему про Фому, а он про Ерёму. Ладно, давай дальше. Говоришь, ваши уже готовы к светопреставлению, то есть концу света?

– Готовы, – успокоившись, прошептал Андрейка. – Уже все снесли: и крупы, и хлеб, и бензин в канистрах…

Мишке снова захотелось расхохотаться, но он вдруг вскочил с кровати и стал трясти Андрейка за плечи:

– Бензин? В канистрах?! Куда они снесли?! Говори! Признавайся!

Мальчонка от неожиданности испугался и захныкал:

– Я же сказал: туда, куда и все остальное – одежду, хлеб, крупы разные, свечки…

Мишка вовсе обомлел от осенившей его догадки:

– Ты хочешь сказать – в пещеры?..

Андрейка стал белее стенки:

– Я ничего не сказал… Если они узнают… Если Кормчий… Если…

Он весь затрясся и заплакал. Мишка обнял его и ласково поцеловал в голову.

– Успокойся, солдатик! Никаких «если». Я тебя с мамой никому не дам в обиду. Никому! Даже Кормчему вашему. Успокойся…

То, о чем рассказал Андрейка, не давало покоя Мишке. Со своими сомнениями и предчувствием какой-то неотвратимо надвигавшейся со стороны «погорельцев» беды он пришел к отцу Виталию, но его рассказ не впечатлил батюшку.

– Ну-ка, праведник, читай, что тут написано, – подал он Мишке развернутый молитвослов.

– «Даждь ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего», – вслух прочитал тот.

– Уразумел или нет? На себя смотреть надо. На себя! А те, на кого ты так косо смотришь, – святой жизни.

– Особенно один, самый главный среди них, – пробурчал Мишка и пошел от отца Виталия, не переставая думать о том, что так взволновало Андрейку.

В милицию он и не думал обращаться: там хорошо знали, каким драчуном и задирой Мишка был в прошлом, а теперь, узнав о неожиданной для всех перемене в его жизни, смотрели на него без всякого интереса.

… Было далеко за полночь, когда Мишка проснулся от стука в окно комнатки, где он спал. Одернув занавеску, сразу увидел перепуганное заплаканное лицо Андрейки: тот отчаянно махал ему рукой, зовя на улицу. Ничего не понимая спросонья, Мишка механически надел брюки, накинул куртку и выскочил в сени, отпирая двери. Следом выскочила испуганная мать.

– Что случилось? – в испуге шептала она, помогая сыну со старым ржавым замком.

Открыв дверь, Мишка впустил мальчонку и сразу провел к себе в комнату. Тот по-прежнему не мог проронить ни слова, а лишь задыхался от долгого бега и махал рукой, снова зовя на улицу. Дав ему несколько секунд отдышаться, Мишка по-мужски взял его за плечи и посмотрел прямо в глаза:

– Теперь отвечай: что случилось?

– Случилось… дядя Миша… Ой, случилось…

Он никак не мог прийти в себя.

– Что? Что случилось?!

– А… вы мне… не верили… Говорили… что… Кормчий

Мишка увидел, что мальчонка был на грани потери сознания. Он набрал из остывшего воды в рот и прыснул прямо в лицо перепуганного друга. Тот встрепенулся и на одном дыхании выпалил:

– Конец света!.. Конец… А вы… А вы…

И рухнул прямо на Мишкины руки.

7. БЕГЛЕЦЫ

Выбежав на двор, Мишка взглянул в сторону хутора: оттуда поднималось зловещее багровое зарево.

– Что там? Что случилось? Говори! – он снова стал трясти перепуганного мальчугана, пытаясь выбить из него хоть что-то вразумительное.

– Конец… света… А вы… А я вам…

– Это я уже слышал, – Мишка не сводил глаз с зарева, узнавая в нем отблески полыхавшего в «Погорельцах» пожара. – Там пожар? Да?

– Там… конец… света… Кормчий сказал…

– Что? Что вам Кормчий сказал? Сжечь все?

Андрейка вдруг пришел в себя и стал говорить вполне осмысленно:

– Да, Кормчий велел сжечь. Все. Потому что… Потому что туда не пустят.

– Куда это «туда»? – нетерпеливо переспросил Мишка, начиная догадываться о том, что произошло с хуторянами. – В пещеры? Да?

Мальчугана снова начало трясти, и он стал заговариваться:

– Пещеры… Если Кормчий… Он меня… А вы…

Мишка укрыл Андрейку своей теплой курткой и, оставив под присмотр матери, забежал в дом. Там он быстро достал из-под кровати свой армейский рюкзак десантника и проверил его содержимое. Там лежал моток крепкой веревки, мощный электрический фонарик, свечи.

«Как сердце чувствовало, – подумал он, набрасывая рюкзак на плечо, – не зря к ним собирался наведаться, не зря».

Оглянув комнату, чтобы ничего не забыть, он кинул в карман брюк мобильный телефон, подаренный Джабаром и, перекрестившись на образа над кроватью, стремглав выбежал наружу, где его ждали мать и немного успокоившийся Андрейка.

– Боец, ты со мной или тут посидишь?

– Дядя Миша, – шмыгнул носом малец, – вы же говорили, что мы друзья. А разве друзья бросают в беде друг друга?..

– Ах, да, – рассмеялся Мишка, несмотря на внутреннее нервное напряжение, - как же я забыл?.. Конечно, ты уж не бросай меня в беде. Пожалуйста. Не то совсем пропаду. Ты мне лучше вот что скажи: люди где? Мама твоя, соседи, друзья, Кормчий… Где они все? Куда они все исчезли?

– Ушли ждать конца света…

– Куда? Знаешь?

Мальчонка кивнул головой, не проронив ни слова.

– В пещеры, да? В подземелье?

Андрейка снова кивнул, боясь повторить страшную догадку своего старшего друга.

– А бензин зачем взяли? В канистрах.

– Чтобы светлее было, – потупив взгляд, сдавленным голосом ответил Андрейка.

– Ну да, как я, дурак, не догадался, – Мишка лихорадочно просчитывал все варианты своих действий в сложившейся ситуации. – «Чтобы светлее было». И теплее. И веселее. Чирк спичкой – и все удовольствия сразу: светло, тепло и весело. Всем сразу. Как я не догадался?.. Бензин в канистрах… Как не догадался?..

Мишка обратил внимание, что резиновые сапожки, в которые был обут Андрейка, были почти сухими.

– Ты сюда не через болота шел? По лесу? – спросил он.

Тот опять молча кивнул головой.

– Надо же, и не побоялся шастать ночью по лесу.

– Испугался.., – тихо возразил мальчуган.

– Как же испугался, раз прибежал?

– Я не леса а испугался, а…

Он умолк.

– Пещеры? – мгновенно догадался Мишка.

Он кивнул.

– Они все туда, а я убежал. Хотел вам сказать… Страшно там…

«Страшно, – мысленно согласился Мишка. – Фанатики с канистрами бензина – это ой как страшно, согласен».

«Так, – он продолжал лихорадочно думать над тем, что делать дальше. – Бежать на хутор бесполезно. Раз все сожгли и сами ушли, то спасать там уже нечего. Огонь, поди, спалил все дотла. Пожарные машины через болота не пройдут, через лес тем более. Тогда что? К пещерам! Напрямик! Часа за полтора доберусь».

– Ты дорогу к тем норам хорошо помнишь? Не заблидишься? – обнял он своего маленького друга.

– Как вы и учили, – сразу ободрился тот.

– Молодец! Сразу видно школу спецназа! Вперед!

Он взял мальца за руку и, включив фонарик, быстро пошел в сторону черной стены леса. Но, быстро поняв, что в таком темпе долго тот за ним не успеет, посадил Андрейку на плечи и, еще ускорив шаг, подмигнул ему. Почувствовав себя в полной безопасности, Андрейка одной рукой обхватил Мишкину шею, а другой держал фонарь, освещая дорогу между деревьями.

К удивлению Мишки, он достиг пещер намного быстрее, чем предполагал. Возле жуткого провала в овраге, через который «погорельцы» спустились в само подземелье, в сильном волнении стояло уже несколько человек. Это были несколько молодых монахинь вместе с Ольгой, отец Лаврентий в наброшенной поверх подрясника кожаной куртке военного летчика и незнакомец, похожий на кавказца – примерно Мишкин ровесник, рослый, подтянутый, крепкого телосложения, с туго затянутым рюкзаком за плечами.

– Горе, какое горе.., – запричитали монахини, увидев своего старого знакомого – Мишку. И едва он опустил Андрейку на землю, тот мгновенно бросился в темноту с радостным криком:

– Мама! Мамочка!..

Только сейчас Мишка смог разглядеть Ирину: она стояла чуть поодаль монахинь и неутешно плакала. Обняв сынишку, немного успокоилась и подошла ближе.

– Я думала, что он побежал в монастырь, а он…

Ирина не переставала гладить его по головке, ласково приговаривая:

– Сыночек мой… Золотце мое…

Потом с благодарностью взглянула на Мишку, не в силах сказать уже ни слова больше, и снова горько заплакала.

– Плакать после будем, – Мишка не знал, что делать теперь. – Где остальные?

Ирина молча кивнула в сторону черной, как казалось, бездонной ямы.

– Все? – изумился Мишка.

– Все до одного: и взрослые, и старики, и дети. Так велел Кормчий.

– Почему он велел вам это?

– Потому что он.., – Ирина запнулась. – Потому что он Кормчий. Он знает конец времени. Ему все открыто. Ему велено…

– Кем?! – закричал Мишка. – Кем велено?! Такими же сумасшедшими, как он сам?

Кто-то тронул Мишку за плечо. Он обернулся: рядом стоял встревоженный отец Лаврентий.

– Это секта, – тихо, чтобы слышал только Мишка, сказал он. – Опасная секта. Я давно подозревал.

– Я тоже, – так же тихо ответил тот, – да никто не верил. Почитали их чуть не за святых угодников.

– Ах, беда, беда какая.., – тяжело вздохнул отец Лаврентий, больше ничего не сказав.

– Это еще не все, – Ольга подошла к ним с клочком бумаги. – Их самый главный – как его, Корчмарь или Кормчий – оставил письмо. Предупреждает, что если кто-нибудь помешает им, вздумает вернуть из пещер, он всем устроит суд. Сожжет всех… И этот псих не шутит. У них там припасено несколько канистр с бензином.

– Чтобы светлее было, – мрачно сострил Мишка.

Ольга в ужасе взглянула на Мишку. Тот потрепал Андрейку, все так же жавшегося к Ирине:

– Это мы так вначале думали. Правда? Как же мы ошибались…

Он помолчал, обдумывая дальнейший план. Неожиданно его осенило. Он достал мобильный телефон и начал искать нужный номер.

– Я уже позвонила, кому нужно, – Ольга остановила его. – Помощь есть. На месте и готова.

Мишка удивленно посмотрел на нее. Та достала из кармана своей куртки точно такой же телефон, что держал Мишка.

– С господином Джабаром мы тоже немного знакомы, – улыбнулась она, – он друг нашей обители. И уже прислал поддержку. Знакомьтесь.

Она пригласила ближе подтянутого незнакомца. Тот протянул руку Мишке:

– Руслан. Капитан спецназа.

Назвавшись, Мишка в ответ пожал руку:

– А я хоть и не капитан, но тоже из спецназа.

К ним подошел отец Лаврентий.

– Раз вы военные, то, как старший по званию и сану, я беру командование на себя. Давайте быстро думать и решать. Милиция и спелеологи прибудут в лучшем случае к утру. До этого времени этот фанатик может и в самом деле натворить больших и непоправимых бед. Допустить этого нельзя. Поэтому…

– Поэтому, раз вы старший не только по званию и сану, но и возрасту, – учтиво включился Руслан, – в пещеру пойдем мы вдвоем.

Он кивнул на Мишку.

– А я? – раздался недовольный голос Андрейки.

– А вы, воин, вместе с остальными будете встречать подкрепление и обеспечивать порядок снаружи, – серьезным тоном ответил ему Руслан. – Считайте это своей боевой задачей. Вопросы есть?

– Никак нет, – по-военному ответил мальчонка.

Отец Лаврентий обнял обоих – Мишку и Руслана.

– Храни вас Господь, сынки. Все намного серьезней, чем я думал вначале. Время дорого, а сил мало. В такой ситуации решать все не силой надо, а умом. Это слепцы, которых ведет такой же слепец, к тому же безумец, фанатик. Такой не остановится ни перед чем. Связи с вами не будет никакой, стены все глушат, поэтому действуйте по обстановке. Как только прибудут спелеологи и милиция, они сразу пойдут по вашему следу. Не забывайте ставить отметины по ходу движения. Так спасатели быстрее найдут и вас, и… Храни Господь…

Он перекрестил обоих. Ольга подошла к Мишке и тоже перекрестила:

– Я за вас буду молиться. Мы все за вас молиться будем. Чтобы спасли людей и сами возвратились живыми. Храни Господь.

Руслан с Мишкой еще раз проверили амуницию: веревки, фонари, крепления. И, махнув всем рукой, начали спускаться в подземелье.

8. УСЫПАЛЬНИЦА

Спускались они по длинной лестнице, предусмотрительно захваченной монахинями с собой из монастыря. Та лестница, по которой сюда спускались «погорельцы», валялась разбитая: беглецы специально убрали ее и поломали, чтобы создать трудности тем, кто

вздумал бы организовать погоню за ними. Включив фонари, Мишка и Руслан осмотрелись.

Отовсюду их окружали мрачные своды подземелья. Они нависали низко, заставив сразу склонить головы, чтобы не удариться о выступающие острые камни. Со сводов и по стенам стекала талая вода, сбегая тонкими ручейками куда-то вниз.

В каком направлении нужно было начинать поиск – не вызывало сомнений: с одной стороны коридор лабиринта был наглухо завален природным оползнем земных пластов, густо заросшим влажной плесенью и мхом.

– Капитан, – обратился Мишка к Руслану, не переставая светить фонариком в черный мрак открывавшегося перед ними прохода, – ты хоть и старший по званию, но я пойду первым.

– Почему? – тот поправил висевшую за плечами амуницию. – Раньше бывал тут?

– Нет, я, как и ты, тут впервой.

– Тогда почему?

– По законам кавказского гостеприимства, – отчеканил Мишка, взглянув на Руслана. – Вдруг там опасность какая поджидает? А поджидает ведь… Нутром своим чую.

– Гостеприимный ты парень, оказывается, – Руслан встретился с Мишкиным взглядом.

– На Кавказе научили. В спецназе…

– Понятно, – усмехнулся Руслан. – Вижу, наука пошла на пользу. У нас ведь так: кто с миром к нам и добром – тот для нас и гость. А кто… Короче, Сусанин, если идем, то вперед. Каждая минута дорога.

Мишка тоже поправил свой рюкзак, и, светя фонариком под ноги, двинулся по узкому коридору, ставя по ходу метки. Метров через пятьдесят остановились: перед ними открывались сразу несколько новых проходов.

– Ну что, Сусанин, монетку кинем? В какую сторону теперь?

– Я, капитан, такой же Сусанин, как ты Гагарин, – отреагировал Мишка, сосредоточенно думая о чем-то. – Пойдем по правому коридору.

– А почему не налево?

– «Налево» пойдешь сам. Когда выберемся отсюда. Или если выберемся. А сейчас только вправо.

Он вдруг вспомнил таинственный образ, который «погорельцы» пуще собственного ока берегли не только от постороннего взгляда, но и своих хуторян, еще не посвященных в тайны их миссии. Сейчас Мишке четко представился этот образ: закрученная спираль, по которой шла вереница отшельников. Там было много разных деталей, которые выпали из памяти, как Мишка ни напрягался все вспомнить, но главный сюжет, основную его динамику – тройная спираль, закрученная вправо – он хорошо запомнил. И теперь интуиция настойчиво подсказывала ему, что идти нужно было только вправо.

Правый коридор, как и все остальные, были еще теснее того, по которому они прошли: двигаться тут стало очень неудобно, потому что приходилось нагибаться почти до самой земли, а местами вообще вприсядку. Но как раз в этом проходе было много заметных следов, свидетельствовавших о том, что недавно здесь прошло много людей: огарки погасших свечек, поломанные спички, обгоревшие жгуты скрученной бумаги, служивших кому-то примитивными факелами, кусочки ткани и шерсти, оставшиеся на торчащих отовсюду острых камнях.

«Верной дорогой идете, товарищи», – ободрившись, подумал Мишка, присматриваясь к этим следам.

Так они прошли еще метров пятьдесят, когда перед ними снова вдруг открылся широкий коридор, похожий на зал: равный по ширине и длине, а до сводов уже нельзя было дотянуться и рукой. По обе стороны коридора тянулись узкие ходы, больше напоминавшие штольни в шахтах: по три с каждой стороны. Было заметно, что это уже не природное образование, а творение древних обитателей подземелья. Возле каждого прохода виднелись следы горевших когда-то свечей, а местами оплавленный воск было трудно отличить от торчащих нетесаных камней.

«Да, припоминаю, – подумал Мишка, снова восстанавливая в памяти фрагменты виденной им таинственной иконы, – именно тут было по три ответвления, перед которыми молились отшельники».

– Интересно, что там может быть? – Руслан с любопытством заглянул вовнутрь одной из штолен, осветив фонариком. И в ужасе отпрянул назад.

– Точно как в «Вольфенштайне»…

– Где-где? – не понял Мишка, взглянув на испуганного напарника.

– Ты что, «стрелялками»[76] никогда не увлекался?

– У меня этих «стрелялок» в жизни хватало.

– Игрушка есть такая веселая – «Возвращение в замок Вольфенштайн». Там боец один тоже спускается в подземелье – ну, как мы с тобой, только без автоматов, и…

Он замолчал.

– Спускается. И что дальше? – заинтересовался Мишка.

В ответ Руслан молча кивнул в сторону штольни, куда только что заглянул. Мишка тоже нагнулся пониже и, щелкнув фонариком, посветил вовнутрь. То, что он увидел там, тоже дохнуло на него ужасом: в середине лежали скелеты древних обитателей этих безлюдных мест. Одни из них были совершенно истлевшие, другие не совсем, кое на ком сохранились даже остатки одежды – грубого рубища, которым были покрыты. Все лежали без гробов, просто на каменном полу, рядком один возле другого. Заглянув в штольню, что находилась рядом, Мишка увидел то же самое. Он понял, что это была усыпальница отшельников – святое место, где они обретали вечный покой.

Перекрестившись, Мишка достал из рюкзака свечку, зажег и поставил ее на окаменевший воск.

– Там ты тоже так делал? – иронично спросил Руслан, глядя на Мишку.

– Где это «там»? – тот снова не понял напарника.

– В горах, где тоже лежат наши предки. В склепах, из которых вы кости их выбрасывали… Смеялись… Играли в футбол черепами… Там ты тоже свечку ставил?

– Капитан, я такой же солдат, как и ты, – стараясь сдержать себя, ответил Мишка. – Я с покойниками не воевал. И костей их не выбрасывал. Нам хватало собирать кости тех пацанов, кто погибал рядом: с гусениц танков, сгоревших БТРов, из-под завалов. А потом эти кости в «цинк» – и тоже к могилам их предков. Так что, капитан, не лепи мне того, что я не делал.

– Зато делали такие же, как ты, кто пришел хозяйничать на нашей земле! – Руслан вплотную подошел к Мишке.

– А такие, как ты.., – в ответ Мишка схватил его за грудь.

Несколько мгновений они молчали, злобно глядя друг на друга.

– Как ты думаешь, кому будет легче, если мы сейчас убьем друг друга и ляжем рядом? – первым начал успокаиваться Руслан. – Нас послали сюда не для этого. Я знаю, что ты спас нашу девочку. Мы все в большом долгу перед тобой. А все остальное – дело совести. Твоей и моей… Каждого из нас, кто воевал там.

Успокаивался и Мишка.

– Капитан, мы с тобой не политики. Не мы начинали эту войну. Не мы! Нам с тобой она не нужна. Ни тогда, ни тем более сейчас. Давай двигаться дальше.

Он хлопнул Руслана по плечу и, снова согнувшись, они вошли в узкий проем, который вел из усыпальницы в неизвестном направлении.

9. ПРЕГРАДА

Они прошли еще немного, когда каменная тропка начала забирать круто вправо и вниз. Высветились грубые каменные ступеньки: древние обитатели этих таинственных мест позаботились не только о себе, но и тех, кто придет сюда века спустя.

«Верной, верной дорогой идете, товарищи», – снова удовлетворенно подумал Мишка, вспоминая детали виденного им образа. В памяти всплывала некая преграда, стоявшая на пути изображенных там пещерников. А что это была за преграда и как они ее преодолевали – оставалось загадкой.

Коридор, по которому они шли сейчас, то суживался до такой степени, что приходилось почти ползти, то расширялся, снова разбегаясь в обе стороны рукотворными штольнями, где лежали высохшие или вовсе истлевшие тела неведомых отшельников. И когда Мишка и Руслан собрались немного передохнуть, чтобы набраться сил для дальнейшего пути, коридор расширился еще больше, и перед ними открылась та самая преграда, о которой не переставал думать Мишка. Это было широкое подводное озеро – широкое настолько, что, убегая куда-то под низкие своды, оно скрывало тот берег, который нужно было достичь, чтобы двигаться дальше. От неожиданности Руслан присвистнул и тихо пропел:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек…

А потом укоризненно взглянул на Мишку:

– Ну и куда ты завел нас, Сусанин-герой?

– Иди ты… Я сам тут впервой, – незлобно отмахнулся Мишка. – Что же будем делать, а?

– Что-то будем, – Руслан скинул свой рюкзак и вытащил оттуда телескопическую удочку.

– Что ж ты не предупредил? – от неожиданности Мишка рассмеялся. – Кабы я знал, что мы рыбу удить будем, прихватил бы котелок с собой и все остальное для наваристой ушицы.

Руслан никак не отреагировал на веселое настроение своего напарника. Он расчехлил удочку и, выпустив ее на всю длину, осторожно стал погружать в воду.

– Смотри, капитан, там такие чудовища обитать могут! Слопают тебя вместе с твоей удочкой, и оком не успеешь моргнуть.

– Ты моргни лучше сюда своим оком, – тем же спокойным тоном ответил Руслан.

Мишка взглянул и увидел, что удочка погрузилась на всю длину, без остатка. Руслан достал моток веревки и, привязав к концу валявшийся камень, стал тоже опускать в воду, намереваясь определить глубину озера. Но веревка разматывалась и разматывалась, а дна так и не было.

– Такие вот пироги.., – задумчиво сказал Руслан, сматывая веревку назад. – А надувную лодку как-то не догадался взять. Кто ж знал, что тут такие моря-океаны…

Ничего не сказав, Мишка начал раздеваться.

– Парень, ты что, с ума спятил? – остановил его намерение Руслан. – Наверное, забыл, что бывает с теми, кто лезет в воду, не зная броду?

– Я еще вчера хотел в баньку, да не получилось, – он продолжал раздеваться. – Не беда, окунусь в эту купель. Говорят, купаться в талой воде полезно. А заодно гляну, как на тот берег «погорельцы» переправились.

– Это очень опасно! – Руслан схватил Мишку за руку.

– Капитан, ты, говоришь, где служил? В спецназе? – Мишка легко освободился и подошел к кромке.

– В спецназе, – отчеканил тот. – Поэтому знаю цену любому риску.

– А я думал, где-нибудь в стройбате, – Мишка снова отстранил руку Руслана и, взяв конец прочного каната, сразу нырнул в ледяную воду.

Вода была настолько холодной, что перехватило дыхание. Кроме того, ощущалось сильное подводное течение, которое напоминало вращение невидимой воронки, затягивающей на глубину.

«Как же они переправились?», – недоумевал Мишка, осматриваясь по сторонам.

Он решил проплыть за скалу, нависавшую над водой и закрывавшую видимость. Не выпуская веревки и ориентируясь по лучу фонаря, которым светил Руслан, Мишка в несколько рывков достиг скалы и за ней сразу увидел сбитый плот, привязанный к камням, за которыми виднелся новый проход в лабиринт.

«А ларчик просто открывался», – усмехнулся он и решил плыть к плоту, чтобы на нем возвратиться назад и уже переправиться вместе. Но в эту секунду Мишка почувствовал, как нестерпимая судорожная боль мгновенно сковала ему обе ноги. Он застонал от боли, механически выпустил канат и ухватился за нависавшую над его головой скалу. Но руки не удержались за скользкий, покрытый мхом камень, и Мишка, не видя уже никакой опоры и не чувствуя ее под ногами, начал тонуть.

– Что случилось? – раздался голос Руслана. – Ты где?

Он шарил лучом фонарика в кромешной темноте, стараясь найти напарника. В ответ Мишка лишь застонал, понимая, что не сможет продержаться в ледяной воде больше нескольких секунд. Почувствовал беду и Руслан. Он лишь скинул обувь и в одежде бросился в воду, оставив на берегу включенный фонарик для подсветки.

Мишка шел под воду, когда к нему подплыл Руслан и схватил за руку.

– Держись! Плывем к плоту.

Теперь он тоже видел, на чем переправлялись хуторяне.

Подгребая одной рукой, Мишка пришел в себя.

– Капитан, а чего ты меня не бросил?

– А чего ты не бросил в лесу нашу девочку? – вопросом на вопрос ответил Руслан.

– Так я же не девочка, – нашел в себе силы пошутить Мишка, – и уж тем более не ваша.

Руслан еще крепче обхватил Мишку, чтобы тому легче было плыть.

– Ты, говоришь, где служил? – сплюнув воду, спросил Руслан. – В спецназе? Или где?

– В самом что ни на есть, – сплевывая воду, ответил Мишка. – Диверсионная разведка.

–- А я думал, где-нибудь в стройбате. Раз в спецназе, то должен знать, что мы своих не бросаем.

– Капитан, с каких это пор я стал тебе своим?

– С тех самых пор, как мы вместе. А не по разные стороны. Неужели ты этого еще не понял?

Они выбрались на противоположный каменный берег и никак не могли отдышаться. Мишка тронул Руслана:

– Спасибо, капитан…

Отдышавшись немного, они вновь возвратились к началу переправы, где остались их вещи – только уже на плоту, сбитом из прочных бревен. Не вызывало сомнений, что «погорельцы» переправлялись через озеро именно на нем: были видны следы рассыпанного зерна, муки, а сам плот был сильно затоптан.

С помощью каната Мишка и Руслан закрепили плот и связали оба берега, устроив подобие паромной переправы, чтобы тем, кто пойдет следом, было легче. Выжав свою мокрую одежду, Руслан снова оделся, набросил рюкзак и, освещая путь, они вместе двинулись дальше по подземелью.

10. КОРМЧИЙ

Не пройдя и пару десятков метров, Мишка, по-прежнему шедший впереди, вдруг обо что-то споткнулся и едва не упал на камни. Он посветил вниз и вдруг увидел почти оголенные женские ноги, выглядывавшие с одной из боковых штолен, где лежали мумифицированные останки прежних обитателей этого подземелья.

Ноги тут же слабо зашевелились, а из темноты, скрывавшей остальное тело, раздался слабый стон:

– Помогите… Христа… ради…

Мишка с Русланом кинулись на помощь, мгновенно поняв, что это одна из тех, кто последовал вслед за своим вожаком Кормчим. Осветив штольню, они увидели лежавшую на ледяном каменном полу женщину лет сорока. В глаза бросилась смертельная бледность ее изможденного лица. Она лежала навзничь на спине, не в силах встать, тяжело и прерывисто дыша и лишь чуть слышно зовя на помощь.

Когда ей помогли приподняться, подложив под спину ее же куртку, которая валялась рядом, женщина, с трудом переводя дыхание, указала рукой вглубь лабиринта:

– Туда… Скорее…Уже недалеко… Там дети… Маленькие… Их должны первыми… Моя дочь тоже там… Зинка… Зиночка, девочка… Я думала… А Кормчий уже здесь… что первыми дети…

Мишка ужаснулся от догадки.

– Что?! Куда детей первыми?

Он хотел схватить женщину за плечи и трясти ее, выбивая правду, но, заметив, что та теряет сознание, сдержал себя. Между тем женщина продолжала шептать:

– Меня тут… помирать… Сердце не выдержало… когда Кормчий… Деток спасть надо… Их первыми…

– Ты хоть что-нибудь понял? – Руслан недоуменно посмотрел на Мишку. – Я лично ни фига.

– Зато я, кажется, понял слишком хорошо. Если не ошибаюсь, этот безумец решил совершить жертвоприношение или еще что-то в этом роде. А первыми жертвами станут дети. Дела не просто плохи, а отвратительны.

Он снова нагнулся к женщине, которая сейчас уже не могла вымолвить ни слова, а лишь смотрела на обоих умоляющим материнским взглядом.

– За нами идет отряд спасателей, – Мишка старался успокоить ее, – они обязательно выйдут по нашим следам на вас. Час-полтора. Не больше. Обязательно выйдут. Они уже идут и скоро будут здесь. А мы будем идти вперед, чтобы спасти ваших детей и всех остальных.

И, не дожидаясь ее реакции, двинули дальше по узкому извилистому коридору. Вскоре до их слуха донеслось гулкое эхо, в

котором слышались глухие человеческие стоны и громкий плач. Прикрыв ладонью фонари, чтобы можно было видеть лишь каменистую тропу под ногами, Мишка и Руслан перешли на язык жестов, понятный лишь бойцам спецназа. Они боялись выдать свое присутствие. Оба понимали, что обезумевшая толпа, ведомая фанатиком, способна на все. И чем дальше они шли, тем громче и отчетливей слышали эти душераздирающие крики, несшиеся не менее страшными призраками по лабиринту мрачного подземелья. Пройдя еще несколько десятков метров, они, наконец, услышали голос самого поводыря «погорельцев» – Кормчего.

– Я, ваш учитель и Кормчий, привел вас в это святое место не для того, чтобы видеть ваши слезы и слышать рыдания, – его резкий, визгливый голос выделялся среди всех других голосов, разносившихся в подземелье. – Я хочу видеть вашу радость, а не слезы маловеров. Я хочу видеть такую же радость, какая была на лицах святых мучеников, которые отдавали своих детей на мучения, видя, как их терзали, резали, насиловали, скармливали диким зверям, рвали на части. Кто, я спрашиваю вас: кто из них плакал, рыдал, стонал подобно вам? Никто! Они сами вели своих детей на смерть, отдавая их в руки палачей и изуверов! Сами!

В ответ глухие рыдания лишь усилились. Остолбеневший от ужаса Руслан покрутил у виска пальцем, указывая взглядом в ту сторону, откуда слышался все тот же визгливый голос. В знак согласия Мишка кивнул головой и приложил палец к губам.

– Вы – маловеры! – кричал он. – Лукавые маловеры! Вы недостойны счастливой участи быть рядом с нашими великими пещерниками. Если вы оплакиваете своих детей, словно они идут на смерть, что скажете, когда сами предстанете пред взором праведников? Что скажете пред взором Авраама, который с радостью вел на заклание своего возлюбленного сына Исаака? Я спрашиваю вас, что вы скажете в оправдание своего лукавства?! Ведь представьте, какая будет радость, ликование, когда наши дети встретят нас в том царстве, куда идут первыми, чтобы уготовать путь, которым вслед пойдем и мы. Взгляните на этих детей: они уже ангелы небесные, они не плачут, не рыдают, подобно маловерам, а вкушают радость, которая их ждет впереди…

Осторожно пробираясь вперед, они вдруг почувствовали со стороны одной из штолен ощутимое движение воздуха, похожее на сквозняк. Оба поняли, что эта штольня имеет выход в другом месте. Посветив фонариком, они убедились, что в глубине действительно виднелись каменные ступеньки, ведущие куда-то вверх. Спасатели жестами определились, что делать дальше: Руслан двинулся вглубь штольни, к ступенькам, а Мишка пошел дальше по коридору, откуда все громче и отчетливее слышались крики Кормчего.

Наконец, впереди показались отблески света. Затаив дыхание, Мишка прошел еще немного – и за каменным выступом ему открылось все, что там происходило.

Он увидел просторный подземный зал, освещенный факелами, горевшими по углам. Огонь пылал и в центре зала – в приспособленной для этого большой каменной чаше. Со всех стен смотрели неведомые каменные изваяния и звери: они извивались, бились между собою, впивались один в другого острыми клыками, изрыгали пламя из оскалившихся пастей. Отблески факелов метались по этим изваяниям, отчего казалось, что они оживали, обретали живую плоть, а их глаза наливались кровью и дикой злобой. Все это совершенно не было похоже на то благолепие, перед которыми «погорельцы» молились у себя и хранили дома. Тем более зал не напоминал храм Божий, где могли молиться здешние отшельники. Скорее, это было древнее языческое капище, где совершались чудовищные жертвоприношения и ритуалы.

Поверх зала шла галерея, похожая на высокий карниз, а прямо под ним, в нескольких метрах от того места, где в каменной чаше полыхало пламя, открывался черный зев глубокой ямы, на краю которой Мишка увидел семеро детей – насмерть перепуганных, сжавшихся в одну стайку, в белых длиннополых рубахах до самых пят. Возле них, размахивая руками и заходясь в истерическом крике, расхаживал Кормчий, а напротив него, вдоль стены, опустившись на колени, виднелись сами хуторяне. Кто-то из них распростерся на холодном каменном полу, кто-то истово молился, воздев руки к небу, кто-то рыдал, рвал на себе одежды.

«Эх, жалко нет с нами отца Виталия, – мелькнуло в голове Мишки. – Пусть бы он все сам увидел. А так расскажу ему – наверное, снова не поверит. Скажет, что оговариваю святых людей. Впрочем…».

Он вспомнил о подарке Джабара – мобильном телефоне последней модели – и, включив режим встроенной в него видеокамеры, закрепил на высоком каменном выступе так, чтобы все происходящее в зале было хорошо видно и записано.

– Не будем жалеть ни плоти, ни того, что от плоти! – продолжал кричать Кормчий, приблизившись к детям. – Уподобимся великим предкам-«пещерникам», которые пришли сюда и оставили нам тайну нашего спасения. Страшный суд уже начался, и от него никому не скрыться! Слышите? Никому!! Смотрите, маловеры и слабые духом, как дети покажут вам пример мужества. Они сами войдут в огонь, как некогда дети Израиля, и оросит их ангел, и перейдут они из огня прямо в бессмертие!! Смотрите!! Не смейте опускать своих глаз!!!

Он открыл одну из канистр с бензином и, отвинтив крышку, разлил его прямо под ноги детям, а потом плеснул и на их длинные сорочки. Мишка понял, что миг – и трагедии не остановить. Надеясь, что Руслан тоже внимательно следит за происходящим и готов действовать, Мишка шагнул вперед – и сразу очутился в свете пылающих факелов.

– Еще шаг – и ты труп, – негромко, но внятно произнес он, глядя в глаза Кормчему.

Воцарилась гробовая тишина. Стало даже слышно, как на зажженных факелах и в каменной чаше потрескивает горящая смола. Те из «погорельцев», кто лежал распростертыми ниц на полу, поднялись и вместе с остальными в полном безмолвии уставились на неизвестно откуда взявшегося здесь Мишку. Молчал и Кормчий, тоже впившись немигающим взглядом в ненавистного ему гостя. Он сделал движение в сторону чаши, где уже стояли приготовленные факелы, но Мишка снова повторил твердым голосом:

– Шаг – и ты труп!

Не решившись сдвинуться с места, Кормчий вдруг повернулся к «погорельцам» и громко рассмеялся:

– Вот они, – он указал жестом на Мишку, – убивающее наше тело, но не могущие убить душу. Вот они, волки в овечьей шкуре, что подбирались к нашим святым тайнам. Не я ли говорил вам об этом, не я ли предупреждал вас? Теперь вы сами видите, что там, где Христос, там всегда будет свой Иуда, там…

– Это ты, что ли, Христос? – оборвал его Мишка. – Не слишком ли много на себя взял?

Кормчий, снова громко рассмеявшись, вдруг утих и таким же металлическим голосом отчеканил:

– Да, я – бог!!! И сейчас ты будешь стоять передо мной на коленях!

Он вдруг резко выхватил из кармана зажигалку и чиркнул ею, намереваясь зажечь заплясавшим огоньком разлитый возле детишек бензин.

– На колени!! – не закричал, а по-звериному заревел Кормчий. – На колени перед богом!!!

Толпа «погорельцев», по-прежнему сохраняя полное безмолвие, шагнула в сторону Кормчего, выражая ему свою поддержку. Мишка чувствовал, что Руслан следит за ситуацией, но тоже не знает, что лучше предпринять и как действовать, чтобы не допустить самого страшного – массового суицида или пожара, который мгновенно уничтожит всех.

– Послушай.., – Мишка попробовал перейти на мирный тон, но теперь Кормчий резко оборвал его:

– Нет, слушай ты! Думаешь, я не знаю, кто ты таков, герой? Знаю намного больше, чем ты думаешь. Вот такие, как ты, испортили мне всю жизнь. Такие, как ты, издевались надо мной, когда я пришел в армию, заставляли меня по очереди…

Он вдруг всхлипнул.

– Я вам никогда не прощу этого… Не забуду и не прощу…

Потом его голос опять обрел твердость:

– А для этих несчастных людей я стал богом. Потому что мне – слышишь ты? Мне открыта тайна пещерников! Мне велено привести их сюда и отправить в блаженное царство, недоступное для таких, как ты и тебе подобных. И я исполню это святое повеление! Исполню… Исполню… Ис…

Он не успел договорить, входя в состояние совершенного исступления, как в воздухе что-то просвистело. И тут же, к изумлению Мишки и всех «погорельцев», вокруг Кормчего обвилась петля из прочного каната, намертво стянув его руки и погасив огонек

зажигалки. Взглянув наверх, Мишка увидел улыбающееся лицо Руслана, держащего другой конец каната.

– В горах я не таких баранов умею ловить, а уж эту овцу – без особых трудов и усилий, – засмеялся он.

Мишка вплотную подошел к Кормчему и заглянул ему в глаза.

– Значит, говоришь, ты – бог?

Он сейчас был готов сделать с ним то, что сам Кормчий чуть не сделал с детьми. Детишки ж, увидев, что хотевший сжечь их вожак оказался связан, быстро убежали к своим родителям, стоявшим все так же в полном безмолвии, шокированные происшедшим.

Мишка подошел к краю зиявшей перед ними черной ямы и посветил туда фонариком. Дна не было видно. Тогда носком ботинка столкнул туда небольшой камень, валявшийся неподалеку. Прошло несколько секунд, прежде чем все услышали, как он упал на дно.

– Глубина с хорошую многоэтажку, – присвистнул он от удивления. – Не хотел бы я очутиться в этой бездне…

А как раз этого и хотел Кормчий. Он рванулся, что было сил, к Мишке, чтобы столкнуть его в эту преисподнюю, но канат не пустил его. Тогда он попытался ударить Мишку, стоявшего к нему спиной, ногой, но и это не получилось. Зато сам Кормчий не удержал равновесия и, пронзительно завизжав от страха, повис над черным зевом пропасти.

– Предупреждать надо, – крикнул ему сверху Руслан, – а то ведь я от страха могу отпустить веревку. Знаешь, что тогда будет?

Он немного отпустил свой конец каната. Кормчий дернулся вниз и от этого завизжал еще пронзительнее и громче.

Глядя на жалкого и беспомощного Кормчего, еще минуту назад называвшего себя богом, а теперь трепыхавшегося на канате, Мишка рассмеялся. Рассмеялись и стоявшие неподалеку дети. Кто-то из них хохотнул:

– Головастик!

Но получил подзатыльник от матери.

– Слышишь, Кормчий? – Мишка не спешил возвращать его на место, оставляя висеть над пропастью. – Оказывается, ты не только не бог, а даже не божок. Головастик ты, оказывается!

Из толпы «погорельцев» уже послышался не только детский, но и взрослый смех.

– Что же с тобой делать? – Мишка взялся за канат, став раскачивать Кормчего над бездной. – Казнить нельзя помиловать? Или как?

– Никак, – злобно сверкнув глазами, прошипел Кормчий. – Прекрати издевательство. Мне страшно... Это настоящий самосуд!

– Правда? – Мишка притянул его ближе к себе. – А то, что ты хотел сделать с этими детьми, с остальными – это что? Обещанный тобою конец света и страшный суд? А ты в нем верховный жрец и судья, так?

Кормчий ничего не ответил, а лишь злобно сопел, глядя на Мишку. Наконец, тот поставил его на каменный пол и, схватив второй конец каната, еще надежнее связал им обезумевшего от страха и гнева вожака.

– Не знаю, доживешь ли ты до настоящего Страшного суда, но скоро тебя будет судить наш суд – земной. Судить будет по справедливости и по всей строгости.

– Пусть твой суд попробует что-нибудь доказать, – злобно засмеялся Кормчий, – а мои люди язык за зубами держать умеют. Ты, надеюсь, это уже понял…

– Ошибаешься. Доказательств у меня хватит предостаточно, чтобы такого психа, как ты, упечь за решетку всерьез и надолго.

Он возвратился к тому месту, где оставил мобильный телефон с включенной видеокамерой и, повернув дисплей к глазам Кормчего, включил запись. Увидев первые же кадры, тот побледнел и, если бы не сильные руки и быстрая реакция Мишки, наверняка полетел в ту пропасть, над которой только что беспомощно кричал и трепыхался.

11. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Когда показался первый отряд спасателей, с которыми пришли сотрудники милиции, «погорельцы» начали приходить в себя от пережитого шока. Одни радовались, другие ж, наоборот, плакали, но от этих слез на душе становилось светлее и легче. Родители ласкали детишек, а те, в свою очередь, игрались вокруг каменной чаши, где так же полыхало пламя: от него теперь веяло не прежним ужасом, а тоже теплом и радостью.

Все двинулись назад. Мишка с Русланом шли, замыкая колону, чтобы никого не потерять и не оставить. Фонарики почти разрядились, поэтому они освещали путь смолистыми факелами.

– Ты представляешь, какая мы вместе сила! – Руслан взглянул на счастливого, радостного Мишку.

Тот, ничего не ответив, лишь улыбнулся.

– Чего улыбаешься?

– Да так, мысли мои читаешь. Я как раз о том же подумал. Вернее, я подумал, что не хотел бы сойтись с тобой в какой-нибудь «горячей точке». Чтобы воевать друг против друга. Ведь как ни крути, а теперь мы с тобой побратимы, капитан.

– Факт! – Руслан подошел ближе к Мишке и обнял его. – Весь наш род в неоплатном долгу перед тобой, а после всего, что было сегодня…

– Ладно тебе, капитан, умалять свои заслуги, – Мишка тоже обнял его. – Если бы не ты, искать меня сейчас водолазам на дне того «лебединого» озера. Долго искать...

Оба рассмеялись. Руслан вдруг стал серьезным.

– Как думаешь, зачем нас натравили друг на друга?

Мишка пожал плечами:

– Наверное, кому-то очень не хочется, чтобы мы были вместе. Сам ведь сказал: тогда мы сила. Не просто сила, а силища! Видать, не всем этого хочется. Потому что боятся.

– Вокруг столько зла, – задумчиво сказал Руслан, – и на нашей земле, и везде… Даже тут, где, казалось бы, собрались верующие люди.

– Это секта, – остановил его мысль Мишка. – Вера истинная никогда не толкнет людей на безумие. Жизнь – бесценный дар Божий. А этот «бог» уравнял ее с ценой канистры бензина. Даже меньше.

Они прошли еще немного – каждый наедине со своими мыслями.

– Что думаешь дальше делать? – прервал молчание Руслан. – Есть какие-то планы?

– А ты можешь что-то предложить? – усмехнулся Мишка.

– Могу, – спокойно ответил Руслан. – Для такого настоящего мужчины дело всегда найдется.

– Опять на передовую?

– Нет, хватит войны… Хватит материнских слез – и с той, и с другой стороны. Я тоже не хочу, чтобы судьба свела нас в бою по разные стороны. Мы теперь навеки вместе! Или не так?

Руслан протянул Мишке свою ладонь.

– Конечно, капитан, так, – Мишка ответил ему крепким мужским рукопожатием. – Спасибо тебе. Но я уже нашел для себя дело.

Руслан вопросительно посмотрел на Мишку.

– Сам говоришь: вокруг нас много зла. А зло ведь не всегда кулаками побеждается. Особенно такое зло, – Мишка кивнул в ту сторону, откуда они ушли, покидая мрачное подземелье.

Руслан, мало что понимая в этих словах, не спускал с Мишки вопросительного взгляда.

– Поэтому, капитан, я так считаю, что наша спецназовская выучка еще пригодится.

– Так что? На передовую все-таки? – решил уточнить Руслан.

– На передовую, – твердо ответил Мишка. – Только не ту, где льется кровь. На духовную передовую. Понимаешь?

Руслан отрицательно покрутил головой, действительно не понимая Мишкиных слов.

– Я и сам долго не мог этого понять. А теперь понимаю. И ты поймешь, – он обнял Руслана. – Сам ведь говоришь, что теперь мы побратимы навек. А брат всегда поймет брата. Или не так?..

Когда все вышли наверх, Руслана и Мишку готовы были встретить как настоящих героев. Возле провала, откуда виднелся лаз в подземелье, собралась большая группа журналистов, узнавших о чрезвычайном происшествии в жизни «погорельцев», которых до этого всем ставили в пример. Милиция уже брала свидетельства живых очевидцев, а самого Кормчего в наручниках охраняли несколько офицеров спецподразделения.

– Мне это совсем ни к чему, служба такая, – увидев журналистов и видеокамеры, Руслан поспешил незаметно раствориться среди толпы и пробраться к ожидавшей его невдалеке машине.

Мишке тоже не хотелось оказаться в центре внимания всюду снующих корреспондентов. Он также незаметно пробрался к группе работавших следователей и, узнав, кто из них был старший, передал ему мобильный телефон с видеозаписью, пообещав забрать позже.

Но совершенно незамеченным Мишке не удалось остаться. В шумной толпе, собравшейся у оврага, его разыскал неотлучно ожидавший Андрейка и с разбегу кинулся на шею:

– Ура! Конца света не будет!

Он стал расцеловывать своего друга, радуясь тому, что тот возвратился живым и невредимым. А в сторонке тем временем стояла Ирина. Глядя на радость сына и живого Мишку, она плакала, тихонько вытирая слезы. Мишка подошел ближе к ней.

– Что теперь будет с нами? – Ирина первый раз склонила голову на богатырскую грудь Мишки. – Что будет со мной?.. Куда теперь? Снова на улицу, на вокзал?

– Нет, – Мишка еще крепче прижал их к себе. – Только в церковь. Она не обманет. Не предаст. И не заведет вас в очередное подземелье. Тебе нужно устраивать новую жизнь. У тебя еще все впереди. И все получится. Только не дай себя обмануть очередному Кормчему.

– Ирина идет к нам, – Мишка услышал голос подошедшей к ним Ольги. – Мы уже говорили об этом. Матушка игуменья согласна. Поживет у нас, осмотрится. А там, если будет на то Божья воля, с нами останется.

Ирина ласково посмотрела на Мишку.

– Сам-то куда теперь?

– Я, как видишь, тоже выбрался из подземелья. Из своего подземелья. И нашел то, что искал. Другого мне теперь не надо.

Андрейка, сидевший все это время на Мишкиных руках, вдруг уткнулся ему в плечо и тихо заплакал:

– Говорили, что любите… Говорили, что друзей не бросают. А сами…

– Это правда, Андрейка без тебя не сможет, – прошептала Ирина, прослезившись, глядя на друзей. – Без тебя ему будет больно и трудно.

Он потрепал мальчонку за кудрявые волосы. Тот в ответ заплакал еще сильнее и прижался к Мишкиной руке.

– А знаете что? – Мишка улыбнулся и ладонью вытер детские слезы. – Андрейка приедет ко мне. Пока в гости, а там жить и учиться. Приедешь? Нет, лучше я приеду летом сам и заберу его. Годится?

– Вот это по-нашему, по-спецназовски! – Андрейка мгновенно успокоился, перестал плакать и тоже обнял Мишку. – Мам, отпустишь ведь?..

– Куда ж мне против двух таких бойцов? – она обняла обоих. – Конечно, отпущу. Но при условии, что будешь во всем слушаться дядю Мишу и прилежно учиться.

Мишка уже отошел от них, как кто-то тронул его за руку. Рядом стоял отец Виталий. Он был сильно смущен и растерян.

– За деревьями не увидеть леса.., – сокрушенно прошептал он. – Это про меня сказано. Не увидел… Будет мне горький урок. Слава Богу, «погорельцы» пришли ко мне с раскаяньем. А я каюсь перед ними. Перед ними и перед тобой. И перед Богом… Горько каюсь.

– Мне тоже есть в чем каяться: и перед вами, отче, и перед этими людьми, и перед Богом. И не только за то, что недосмотрел, поверил. Мне есть в чем каяться и просить прощения. Лишь бы Господь дал нам время на покаяние. И принял его…

Мишка спешил домой. Ему хотелось первому рассказать матери о том, что произошло, пока эта история не обрастет деревенскими небылицами.

– Я ведь тоже недалеко ушла от тех несчастных людей, – вздохнула мать, выслушав его рассказ. – Встреться мне такой Кормчий – и, глядишь, тоже поверила бы. И пошла бы за ним в преисподнюю. Спасибо тебе, родной. Спасибо...

– Что ж, сынок, я вижу, что твое сердце осталось там, рядом с твоими новыми друзьями. А тут оно ни к чему не прилепилось, – мать обняла Мишку, гладя его по голове. – Наверное, так должно быть. Может, это даже к лучшему… Поезжай, сыночек родной, поезжай. Я благословляю тебя в этот путь. Ты ведь не забудешь свою мать?

– Что ты мама, – пряча навернувшиеся слезы, Мишка тоже обнял мать. – Я обязательно буду приезжать к тебе, да и ты приедешь не раз. Я познакомлю тебя со своими друзьями. Увидишь, они очень добрые люди. Глядишь, и сама останешься. Найдешь свой путь к Богу.

В мыслях Мишка уже был там, где его ждали: в скиту, рядом со старцами, отцом Платоном, Варфоломеем, его лесными питомцами. Ничего другого он больше не желал. Он понял состояние души отца Лаврентия – в прошлом кадрового офицера ВВС, летчика-аса,

нашедшего свой путь в монашестве. Мишка верил, что поймут и его выбор. Рано или поздно, но обязательно поймут. И не осудят…

[1] Надзирательницы (лагерный жаргон)

[2] Штрафной изолятор

[3] Камера предварительного заключения для временного содержания арестованных и задержанных подозрительных лиц

[4] Проститутка

[5] То же, что и «кепезе» (жарг.)

[6] Сотрудники милиции (жарг.)

[7] Наркотики (жарг.)

[8] Голова (жарг.)

[9] Самолет

[10] Кличка (жарг.)

[11] Боевая машина пехоты, БМП (арм. сленг)

[12] Деньги (жарг.)

[13] Чифирь, крепко заваренный чай

[14] Лагерные нары

[15] Первый раз попавшие в места лишения свободы

[16] Одежда (жарг.)

[17] Покровители на воле (жарг.)

[18] Тайно переданная записка (лаг. жаргон)

[19] Штрафной изолятор (лаг. жаргон)

[20] Доносчик, осведомитель (лаг. жаргон)

[21] Подло, недостойно (лаг. жаргон)

[22] Места заключения для взрослых преступников (лаг. жаргон)

[23] Дисциплинарный батальон

[24] Условное обозначение убитых в ходе боевых действий. Название пришло из Афганистана во время присутствия там контингента советских войск.

[25] Принимал наркотики (жарг.)

[26] Вертолет (арм. сленг)

[27] Общая касса (жарг.)

[28] Паспорт (жарг.)

[29] Монашеский головной убор

[30] Доллары США (сленг)

[31] Обманывать, говорить неправду (жарг.)

[32] Обычно – три соединенные между собой иконы из металла или дерева, которые можно складывать

[33] Высшая мера наказания

[34] Легендарный советский танк «Т-34» времен Великой Отечественной войны

[35] «Борзик» можно перевести буквально как «волчонок» – от чеченского слова «борз», т.е. волк (*прим. автора*)

[36] Деньги (*жарг.*)

[37] Волк (*чеч.*)

[38] Специальная команда, которая в Афганистане занималась отправкой тел погибших советских воинов

[39] Цинковые гробы

[40] Доллары США (*жаргон*)

[41] БМП, боевая машина пехоты (*арм. сленг*)

[42] Мы находимся на горе. Где остальные? (*чеч.*)

[43] Не осталось ни одного! А сколько вас? (*чеч.*)

[44] Я нахожусь в 5-м секторе. Очень плохо тебя слышу. Перейди на другой канал! (*чеч.*)

[45] Морской пехотинец (*армейский сленг*)

[46] Район боевых действий в горной Чечне

[47] Названия чеченских населенных пунктов

[48] Как фамилия твоего командира? (*чеч.*)

[49] Три тысячи долларов (*сленг*)

[50] Две с половиной тысячи долларов (*сленг*)

[51] Установка залпового огня, многоствольный миномет

[52] Обобщенное обозначение боевиков (*армейский сленг*)

[53] Человек, уверенно выдающий себя за знатока принятых на зоне воровских законов и обычаев (*лагерный жаргон*)

[54] Совершили побег (*лагерный жаргон*)

[55] Место, где осужденные пьют чифирь (*лаг. жаргон*)

[56] Убивал (жаргон преступного мира)

[57] Групповое изнасилование (*лагерный жаргон*)

[58] Надежно, чисто, проверено (*лагерный жаргон*)

[59] Выгодное дело (*лагерный жаргон*)

[60] Уличная, вокзальная проститутка (*лагерный жаргон*)

[61] Кричать, ругаться (*лагерный жаргон*)

[62] Совершили побег (*лагерный жаргон*)

[63] Перестрелка с жертвами

[64] Священник (лагерный жаргон)

[65] Тяжелое физическое состояние, требующее новой дозы наркотика

[66] Принять таблетки, содержащие наркотик (*лагерный жаргон*)

[67] Огневая точка

[68] Вор с большим сроком заключения (*лагерный жаргон*)

[69] То же, что и БМП, боевая машина пехоты

[70] Отбывать срок наказания в тюрьме (*лагерный жаргон*)

[71] В гроб (лагерный жаргон)

[72] Вор, пользующийся непререкаемым авторитетом в преступной среде (*лагерный жаргон*)

[73] Удачливым (лагерный жаргон)

[74] Компьютеры (*сленг*)

[75] От названия боевых самолетов серии МиГ (*арм. сленг*)

[76] Разновидность популярных компьютерных игр, связанных с виртуальной стрельбой и погонями